Давид Голинков

ПРАВДА О ВРАГАХ НАРОДА

Всероссийская чрезвычайная комиссия создавалась как аппарат, опирающийся на помощь и содействие широких масс народа, кровно заинтересованных в безопасности советского строя. В первые месяцы работы ВЧК в Москве в ее аппарате насчитывалось всего 40 сотрудников, включая и шоферов, и курьеров. Если все же ВЧК осуществляла сравнительно большую работу, то главным образом благодаря содействию населения.

Неоклеветанная РУСЬ

Сканировал и создал книгу - vmakhankov

Давид Голинков

ПРАВДА О ВРАГАХ НАРОДА

Москва
«Алгоритм»
2006

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Г 60

Голинков Д.Л.

Г 60 Правда о врагах народа / Д.Л. Голинков. — М.: Алгоритм, 2006. — 448 с. — (Оклеветанная Русь).

ISBN 5-9265-0275-6

В книге Д.Л. Голинкова на основе уникального архивного материала показана борьба органов государственной безопасности с врагами Советского государства с 1917-го по конец 1920-х гг. Автор убедительно доказывает, что победа органов государственной безопасности в этой тяжелейшей битве стала возможной лишь за счет массовой поддержки народа, сумевшего за всеми перегибами карательной политики Советов разглядеть созидательную сущность новой власти, ее стремление учесть интересы большинства населения и построить великую державу. Большое внимание уделяется национальному составу карателей и караемых, теме, активно обсуждаемой в различных современных источниках.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 5-9265-0275-6

© Д.Л. Голинков, 2006
© ООО «Алгоритм-Книга», 2006

РАССТАНОВКА ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ В РОССИИ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

После победы Октябрьской революции 1917 года в России образовалось Советское правительство во главе с В. И. Лениным, которое немедленно приступило к осуществлению обширной программы политических, экономических и социальных преобразований.

Одним из главных вопросов был выход России из Первой мировой войны, в которой она понесла огромные людские и материальные потери. В принятом 26 октября 1917 г.[1] II Всероссийским съездом Советов Декрете о мире Советское правительство предложило народам и правительствам всех воюющих стран начать переговоры о справедливом, демократическом мире и выразило готовность со своей стороны без малейшей оттяжки, тотчас же заключить перемирие.

Утвержденный в тот же день Декрет о земле объявлял, что помещичья собственность на землю отменяется навсегда; вся земля обращается во всенародное достояние, переходит в безвозмездное пользование всех трудящихся и распределяется между лицами, работавшими на земле. Советское правительство призвало крестьян немедленно, без всяких проволочек создавать земельные комитеты на местах и взять землю в свое распоряжение.

2 ноября 1917 г. Совет Народных Комиссаров принял «Декларацию прав народов России», в которой говори-

[1] До 1 (14) февраля 1918 г. даты приведены по старому стилю. В особых случаях в скобках указаны и даты нового стиля.

лось: «В эпоху царизма народы России систематически натравливались друг на друга. Результаты такой политики известны: резня и погромы, с одной стороны, рабство народов — с другой.

Этой позорной политике натравливания нет и не должно быть возврата. Отныне она должна быть заменена политикой добровольного и честного союза народов России»[1].

Идеи, провозглашенные Советским правительством, претворение их в жизнь глубоко воздействовали на сознание самых широких народных масс. В результате вокруг Советов сплотились многомиллионные массы трудящихся всех национальностей страны. Они составили прочный, незыблемый оплот новой власти.

В течение первых месяцев после Октябрьской революции власть Советов с исключительной быстротой распространилась по территории бывшей Российской империи. Сопротивление советскому государству в этот период носило характер безнадежных авантюр: антисоветские силы не могли сколько-нибудь успешно бороться с превосходящими силами государства, поддерживаемого большой частью народа.

Что же собой представлял антисоветский лагерь внутри России?

Наиболее реакционную часть его составляли монархистские элементы из бывших помещиков и той части крупных промышленников и торговцев, которая была связана с монархией определенными привилегиями. Сюда же входили высшее чиновничество и генералитет, не принявшие советскую власть. Обладая значительными материальными средствами, опытом государственной работы и связями в армии, они готовы были оказывать помощь и поддержку любому антисоветскому движению.

Особую роль в монархистском лагере играл генералитет старой армии. Из этой среды выходили самые опас-

---

[1] Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 40.

ные враги нового государства. Они формировали вооруженное ядро антисоветских сил, которое состояло из многочисленного офицерства бывшей царской армии военного времени, — обученную, организованную, знающую военное дело массу.

Помимо монархистов в антисоветский лагерь входили те представители торгово-промышленных кругов и интеллигенции, чьи политические взгляды находили наиболее полное выражение в программе конституционно-демократической (кадетской) партии. До революции кадеты добивались реформ в рамках конституционно-монархического строя, затем объявили себя республиканцами, главенствовали в первом Временном правительстве, а потом входили в состав коалиционных правительств, занимая в них крайне реакционную позицию.

После Октябрьской революции кадеты сразу же выступили против советского государства. Они организовали саботаж мероприятий новой власти, поддерживали все вооруженные антисоветские выступления. В обращении Совета Народных Комиссаров к населению 25 ноября 1917 г. указывалась; «Враги народа империалисты, помещики, банкиры... предприняли последнюю отчаянную попытку сорвать дело мира, вырвать власть из рук Советов, землю из рук крестьян и заставить солдат, матросов и казаков истекать кровью за барыши русских и союзных империалистов... Политическим штабом этого восстания является Центральный комитет кадетской партии»[1].

Исходя из этого, 28 ноября 1917 г. Советское правительство приняло декрет, согласно которому «члены руководящих учреждений партии кадетов, как партии врагов народа», подлежали аресту и преданию суду революционных трибуналов. На местные Советы возлагался особый надзор за партией кадетов ввиду ее бесспорной

---

[1] Декреты Советской власти. Т. 1. С. 154, 155.

связи с гражданской войной внутри страны[1]. Партия кадетов была единственной партией, объявленной тогда враждебной народу.

Деятели правых социалистических партий также оказались в лагере противников советской власти. Их общим идеалом было создание в России так называемого демократического строя по западноевропейскому образцу. От других врагов советского государства представители этих партий отличались тем, что, действуя под лозунгами защиты «чистой демократии» и стремясь сохранить хоть какое-то влияние в народе, они пытались использовать социалистическую фразеологию. Поэтому именно эти партии явились удобным прикрытием для самых реакционных правых кругов. В первые же дни после Октября и монархисты, и кадеты использовали правосоциалистические партии для борьбы с Советской властью, выдвигая их на первый план и действуя за их спиной.

На окраинах страны и в национальных районах в антисоветский лагерь входили еще и националистические партии и организации. Спекулируя на национальных чувствах, они боролись за свои особые местные интересы.

Еще во времена Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. в национальных районах страны образовались всевозможные местные, так называемые национальные «парламенты» и «правительства». Это были: Центральная рада на Украине, Белорусская рада в Белоруссии, курултаи в Крыму и Башкирии, «национальные советы» в Эстонии, Латвии, Литве, Грузии, Армении, Азербайджане, «Алаш-орда» в Казахстане, «Шуро-и-Исламия» в Туркестане, «Союз объединенных горцев Кавказа» и др.

Первые же антисоветские выступления показали, что враги советского государства не располагали в России

---

[1] Декреты Советской власти. Т. 1. С. 162.

достаточными силами, чтобы самостоятельно пойти на свержение Советской власти. В связи с этим антисоветские силы должны были искать поддержку за рубежом для продолжения своей деятельности. Без вмешательства влиятельных внешних противников советского государства антисоветский лагерь вряд ли смог бы просуществовать хоть сколь-нибудь долго.

Глава 1

ОБРАЗОВАНИЕ И МЕТОДЫ ДЕЙСТВИЙ СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В 1917—1924 гг.

Создание советских судебных и следственных учреждений

Первым советским органом борьбы с врагами государства стал Военно-революционный комитет, образованный Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов еще накануне Октябрьской революции. Уже 24 октября 1917 г. Военно-революционный комитет призвал всех трудящихся Петрограда «задерживать хулиганов... и доставлять их комиссарам Совета в ближайшую войсковую часть». Комитет предупреждал: «При первой попытке темных элементов вызвать на улицах Петрограда смуту, грабежи, поножовщину или стрельбу преступники будут стерты с лица земли»[1].

Первая советская следственная комиссия образовалась при Петроградском военно-революционном комитете в те дни, когда на улицах столицы еще шли революционные бои. В ее работе принимали участие рабочие, солдаты, матросы. Они задерживали врагов революции, уголовников, спекулянтов, приводили их в Смольный, где другие рабочие, солдаты и матросы — члены следственной комиссии, выделенные общественными организациями, — разбирали их дела. Наиболее опасных преступников заключали в тюрьму, менее опасных освобождали.

---

[1] Известия ВЦИК, 1917, 27 октября.

В эту комиссию большевистская партия направила своих активных работников — П. А. Красикова, М. Ю. Козловского и других. М. Ю. Козловский впоследствии рассказывал, что комиссии пришлось начинать свою работу «во время революции, когда события разыгрывались на улицах, перед Зимним дворцом... В комиссии был матрос Алексеевский... Это было единственное лицо, изображавшее и председателя, и члена комиссии, и чуть ли не весь секретариат. Работала комиссия в одной комнатке в Смольном, наверху в 3-м этаже, в ужасных условиях... В нашем распоряжении был стол и несколько стульев, писали на коленях. Бесконечное количество людей, постоянный приток солдат... Следственная комиссия работала днем и ночью без перерыва...»[1]

И действительно, надо было расследовать дела участников заговоров против только что рожденной Советской республики, вести борьбу с чиновниками, начавшими саботаж; с банкирами, финансировавшими антисоветские выступления; с антисоветской и желтой прессой, злобно клеветавшей на революцию; со спекулянтами, которые пользовались продовольственными трудностями; с разгулявшимися бандитами, хулиганами, уголовниками.

В те первые дни Советской власти, когда не было еще судов, эта комиссия выполняла не только судебные и следственные, но и административные функции: закрывала старые судебные учреждения, разбирала их дела и архивы, штрафовала спекулянтов, реквизировала обнаруженные у них товары и т. д. Так, например, председатель правления Русско-Азиатского банка А. И. Путилов обвинялся в финансировании антисоветской деятельности. Следственная комиссия вызывала его несколько раз, но он не являлся. В газетах было напечатано такое объявление:

«Следственная комиссия предписывает Алексею Ивановичу Путилову немедленно явиться для допроса... В слу-

---

[1] Пролетарская революция, 1922, № 10. С. 64.

чае уклонения Путилова от явки в течение недельного срока со дня напечатания сего имущество Путилова будет подвергнуто конфискации»[1]. Однако и после этого Путилов не явился в следственную комиссию и бежал из Петрограда за границу. И тогда 30 декабря 1917 г. Совет Народных Комиссаров постановил все его движимое и недвижимое имущество конфисковать[2].

Через несколько дней после победы Октября, 4 ноября 1917 г., в Петрограде, на Выборгской стороне, в доме № 33 по Большому Самсониевскому проспекту начал работать суд, образованный районным Советом рабочих и солдатских депутатов. Это был первый в России советский суд.

Места за судейским столом заняли пять судей, раздельно избранных Советом рабочих и солдатских депутатов, районным бюро профессиональных союзов, советом фабрично-заводских комитетов, районной думой и советом домовых комитетов. Один из судей — рабочий А. Шашлов — рассказал о задачах нового суда и призвал всех собравшихся активно участвовать в рассмотрении судебных дел. Председатель суда И. В. Чакин разъяснил, что все присутствующие имеют право задавать вопросы подсудимым и свидетелям, высказывать мнение по существу дела. Суд предоставит слово двум гражданам из публики, желающим выступить в качестве обвинителей, и двум гражданам, желающим выступить в качестве защитников.

Первым рассматривалось дело некоего Беляева, задержанного и доставленного в суд красногвардейцами. Беляев, будучи членом отряда рабочей милиции, напился пьяным, дебоширил, стрелял из винтовки. Теперь он горько раскаивался.

По приглашению председательствующего обвинителями выступили двое рабочих. Они заклеймили позорное

---

[1] Известия ВЦИК, 1917, 16 декабря.

[2] См.: Декреты Советской власти. Т. 1. С. 308.

поведение своего товарища и потребовали его строгого осуждения.

Судьи удалились на совещание и вскоре, вернувшись в зал, объявили приговор — исключить Беляева из состава рабочей милиции как не оправдавшего народного доверия и предупредить, что в случае повторения подобных поступков он будет наказан более строго[1].

В первые дни Октября в Нарвском районе Петрограда действовал другой, подобный Выборгскому, народно-революционный суд, в составе которого были избранные рабочими-путиловцами Иван Генслер, Василий Алексеев, Григорий Самодед, Федор Лемешев.

А в зале Горчаковского дворца заседал несколько иной по форме суд в составе представителей профессиональных союзов и Совета рабочих и солдатских депутатов под председательством механика Куликова. Этот суд совмещал следственные и судебные функции; был и следственной комиссией и судом. Действовал он в публичных заседаниях, причем судьи составляли на заседании как бы президиум, выносили же решение все присутствующие граждане.

Вот как рассматривалось в этом суде первое дело — Егора Комлева, обвиняемого в пьянстве, сопротивлении красногвардейцам и в торговле денатуратом (которым пользовались тогда вместо водки).

Заседание началось с оглашения материалов предварительных опросов, произведенных судьями — членами следственной комиссии. Затем председательствующий пригласил желающих из публики выступить обвинителем. Вызвался рабочий Демидов. Он призвал судить подсудимого «судом народным, справедливым».

— Мы живем в революционное время, со всех сторон окруженные врагами,— говорил он.— Враги следят за

---

[1] См.: Известия Совета рабочих и солдатских депутатов, 1917, 8 ноября.

каждым нашим шагом и за поступок одного клеймят позором всех. Поэтому мы должны показать им, что умеем с честью носить имя свободного гражданина и имеем право вражеские обвинения назвать ложью. Вот такие, как Комлев, мешают и всячески вредят нам в этом деле. В дни великих событий он пьянствует и скандалит на улице... Я прошу народный суд признать его виновным. Он должен понять, что народ в лице своего суда осудил его за вину перед народом...

В качестве защитника выступил садовод Керре. Получили слово и два красногвардейца, задержавшие Комлева. Один из красногвардейцев говорил о том, как был задержан подсудимый, и призвал «судить не по форме, а с пониманием», помочь Красной гвардии «очищать» народ от его «позорящих членов».

Член комиссии по охране города А.Н. Сергеев, обращаясь к суду, сказал:

— Я не сторонник наказания. Сам был судим неоднократно по политическим делам старой властью, но вам я на него (Комлева) и ему подобных указываю и говорю: вот они мелкие враги революции, те, кто спекулирует и спаивает. Осуждение его — вот единственный ответ на его поступок.

Председательствующий Куликов счел нужным разъяснить присутствующим, что несомненных доказательств виновности Комлева в торговле денатуратом нет.

— Сомнение всегда толкуется в пользу обвиняемого. Лучше оправдать виновного, чем осудить невинного. Помните, что вы судите человека, — сказал он.

По окончании судебных прений председатель сформулировал и поставил на открытое голосование всех присутствующих три вопроса: 1) виновен ли подсудимый Комлев в пьянстве и буйстве; 2) виновен ли он в сопротивлении красногвардейцам и оскорблении их; 3) виновен ли он в торговле денатуратом.

Суд-собрание единогласно признал Егора Комлева виновным в пьянстве, оскорблении и сопротивлении красногвардейцам. Кроме того, большинством голосов (37 против 24) — виновным в торговле денатуратом. Из разных предложений, внесенных присутствующими, открытым голосованием принято было одно — осудить Комлева к двум месяцам общественных принудительных работ[1].

В городе Кронштадте рабочие, солдаты и матросы образовали «суд общественной совести», в который вошли: три представителя Совета рабочих и солдатских депутатов; по одному представителю от городского самоуправления, комитетов разных политических партий, входящих в Совет, и Совета крестьянских депутатов, а также трое местных судей, избранных еще до Октября, но утвержденных Советом рабочих и солдатских депутатов. При этом наметилась определенная тенденция — «построить новый суд на основе политической группировки местного Совдепа»[2].

Яркое представление о том, как создавались органы борьбы с контрреволюцией на периферии, дают воспоминания члена партии большевиков с 1904 г. И. Л. Толстикова, участника Октябрьского переворота в городе Богородске Нижегородской губернии.

«Будучи комиссаром юстиции Совета депутатов, — рассказывал автор, — я видел, что судебный аппарат царского режима разрушен окончательно, а нового пока не создано. Потребность же у населения в этом аппарате чувствовалась огромная. Я широко поставил в известность население района, а также рабочих кожевенных заводов, что каждый гражданин или гражданка, имеющие надобность в обращении к судебным органам как в гражданском, так и в уголовном порядке, могут с ходатайством обращаться ко мне, как к комиссару юстиции, и

---

[1] См.: Известия ВЦИК, 1917, 30 ноября.

[2] Материалы НКЮ. М., 1918. Вып. 1, С. 56—57.

мною таковые будут рассматриваться публично в Народном доме. В день назначенного заседания набивалось обычно большое количество народа. Я всегда ровно в 7 часов вечера объявлял судебное заседание открытым и предлагал собравшимся избрать на данное заседание председателя и секретаря. Всегда неизменно избирали меня и моего технического секретаря, и такие заседания часто затягивались до 4 или 5 часов утра, и публика терпеливо дожидалась конца. В прениях по тому или иному процессу участвовали, кроме сторон, и все присутствующие в Народном доме, причем собравшиеся путем голосования решали судьбу того или иного процесса и определяли меру наказания или удовлетворения гражданского иска»[1].

Трудящиеся, участвовавшие в работе первых советских судов и следственных комиссий, расследовали дела и судили не по писаным законам, которых еще не было, а руководствуясь своим революционным правосознанием. Каждый участвовавший в процессе чувствовал себя ответственным следователем, судьей. Приговоры народно-революционных судов пользовались огромным авторитетом у трудящихся.

В первое время после Октября кое-где сохранились и дореволюционные суды, особенно мировые. Жизнь требовала внести единообразие в систему советских судебных и следственных учреждений.

22 ноября 1917 г. Советское правительство приняло первый декрет о суде. Он прежде всего определил, что все дореволюционные окружные суды, судебные палаты, правительствующий Сенат, военные и морские суды, институты судебных следователей, прокурорского надзора, присяжной и частной адвокатуры упраздняются, а действие института мировых судей приостанавливается. Взамен прежних образовывались новые выборные советские

---

[1] От Февраля к Октябрю (Из анкет участников Великой Октябрьской социалистической революции). М., 1957. С. 349–351.

судебно-следственные учреждения, организуемые на широких демократических основах. Предусматривалось создание и специальных судебно-следственных учреждений для борьбы с контрреволюцией. В ст. 8 декрета указывалось: «Для борьбы против контрреволюционных сил и видах принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний, а равно для решения дел о борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и прочих лиц учреждаются рабочие и крестьянские революционные трибуналы в составе одного председателя и шести очередных заседателей, избираемых губернскими или городскими Советами, рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Для производства же по этим делам предварительного следствия при тех же Советах образуются особые следственные комиссии»[1].

Этот декрет и последующие инструкции юридически закрепили важнейшие демократические принципы и нормы судоустройства и судопроизводства, выработанные самодеятельными народно-революционными судами и следственными комиссиями еще до опубликования декрета. Основными принципами работы революционных трибуналов и народных судов стали:

1) избираемость судей и членов следственных комиссий Советами, широкое участие в работе судов и следственных комиссий народных представителей;

2) гласность и публичность судопроизводства; публичность распространялась и на деятельность следственных комиссий, важнейшие решения которых принимались в открытых заседаниях;

3) полное равноправие сторон в судебном процессе, достигавшееся отменой особых прав, которые имело

[1] Декреты Советской власти. Т. 1. С. 125–126. Позже следственные комиссии состояли при революционных трибуналах.

раньше обвинение (прокуратура) в процессе дознания, следствия и суда; общественными обвинителями и общественными защитниками мог быть каждый из присутствующих на суде неопороченных граждан; 4) допущение защиты со стадии предварительного следствия; 5) коллегиальность в решении вопросов предварительного следствия и судебного процесса; 6) в виде наказаний суды могли применять: денежный штраф, общественное порицание, лишение общественного доверия, принудительные общественные работы, лишение свободы, высылку за границу и т. п.

Смертная казнь не входила в число предусмотренных законом наказаний.

Рождение ВЧК

Но система судебно-следственных учреждений, сложившаяся в первое время после Октябрьской революции, не обеспечивала достаточно эффективной борьбы с наиболее опасными преступлениями. Следственные комиссии и революционные трибуналы занимались рассмотрением дел об уже известных, совершенных преступлениях. Между тем враги советского государства тайно устраивали заговоры, готовили восстания, не брезгуя никакими средствами борьбы против Республики Советов. Политическая обстановка настоятельно требовала создания такого аппарата, который мог бы выявлять, своевременно пресекать, предупреждать зреющие преступления, действовать оперативно, решительно, опираясь на содействие и поддержку народа. С этой целью были образованы специальные комиссии и комитеты по борьбе с отдельными видами особо опасных для советского государства преступлений. Среди них наибольшее значение приобрели Комитет по борьбе с погромами и Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

Вскоре после победы Октябрьской революции мародеры в Петрограде стали громить винные погреба и склады. Они напивались, открывали стрельбу, совершали грабежи и убийства. В. А. Антонов-Овсеенко, командовавший в то время войсками Петроградского военного округа, впоследствии писал: «Никогда не виданное бесчинство разлилось в Петрограде. То там, то сям появлялись толпы громил, большей частью солдат, разбивавших винные склады, а иногда громивших и магазины... Никакие увещания не помогали. Особенно остро встал вопрос с погребами Зимнего дворца... Как только наступал вечер, разливалась бешеная вакханалия. «Допьем романовские остатки!» — этот веселый лозунг владел толпой. Пробовали замуровать входы — толпа проникала сквозь окна, высадив решетки, и грабила запасы. Пробовали заливать погреба водой — пожарные во время этой работы напивались сами».

Однако «когда за борьбу с пьяницами взялись гельсингфорсские моряки,— писал В. А. Антонов-Овсеенко,— погреба Зимнего были обезврежены. Это была своеобразная титаническая борьба. Моряки держались стойко, связанные свирепым товарищеским обетом — «смерть тому, кто не выполнит зарока», и, сами в другое время великолепные «питухи», они победили николаевское зелье... На Васильевском острове борьба была проведена твердо. Финляндский полк... объявил остров на осадном положении и заявил, что будет расстреливать грабителей на месте, а винные погреба взрывать»[1].

Возникла необходимость образовать специальный комитет, который решительными мерами покончил бы с погромами и бандитизмом в Петрограде. Инициатором создания такого комитета и его председателем стал управляющий делами СНК В. Д. Бонч-Бруевич. Впоследствии

---

[1] *Антонов-Овсеенко В. А.* Записки о гражданской войне. М., 1924. Т. 1. С. 18—20.

он рассказывал: «Подбор сотрудников у нас был таков, что принимали только рабочих, непременно партийных, и левых эсеров. Фабрика избирала, район утверждал, и потом мы входили в Петербургский комитет. Было несколько отводов, но они объяснялись молодостью, или, как, например, был отведен один товарищ за то, что он заснул»[1].

6 декабря 1917 г. Комитет по борьбе с погромами выяснил, что мародерство поддерживалось антисоветскими элементами. В. Д. Бонч-Бруевич на заседании Петроградского Совета докладывал: «Петроград затоплен шквалом пьяных разгромов... Разгромы начинались с мелких фруктовых, а за ними следовали склады Келера и Петрова, крупный магазин готового платья. В одни полчаса мы получили 11 извещений о погромах и едва успевали отправлять на места воинские части... При опросе задержанных отдельных воинских чинов выяснилось, что их спаивали и организовывали из них особый институт подстрекателей братьев к выпивке, за что платили по 15 рублей в день...»

Вскоре члены Комитета по борьбе с погромами задержали двух лиц, раздававших прокламации. Прокламации внешне походили на большевистские: на них имелись заголовки: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Заканчивались они лозунгами: «Долой империализм и его лакеев!», «Да здравствует рабочая революция и всемирный пролетариат!» Но по содержанию это были явно провокационные листовки: они проповедовали погромно-черносотенные идеи, подстрекали солдат, матросов, рабочих громить винные склады и всячески дезорганизовывать нормальную жизнь столицы. Задержанные с прокламациями оказались: один — сотрудником реакционной газеты «Новая Русь», а другой — его племянником. «Под угрозой расстрела, — продолжал на заседании Петроградского Совета В. Д. Бонч-Бруевич, — они сообщили, что

---

[1] Пролетарская революция, 1922, № 10. С. 71.

посланы организацией, и указали нам адреса. Когда мы пошли по первому же адресу, мы наткнулись на 20 тыс. экземпляров этого воззвания... Мы двинулись дальше и арестовали многих лиц... Ясно, что мы имеем дело с заговором контрреволюции во всероссийском масштабе, организованном чрезвычайно широко при больших денежных средствах, задавшимся целью удушить... революцию»[1].

Склад прокламаций был обнаружен у приват-доцента Петроградского университета А. А. Громова. При допросе его выяснилось, что инициатором распространения провокационных прокламаций был князь К. В. Кекуатов. «Он показал мне, — говорил Громов, — текст этой прокламации, написанной на пишущей машинке, и предложил мне организовать распространение этих прокламаций среди населения... Свидание наше закончилось определенным соглашением, по которому я обещал постараться найти людей, могущих организовать распространение этих прокламаций... При беседе с князем Кекуатовьм присутствовала его жена, княгиня Кекуатова... Княгиня Кекуатова во время этого свидания передала мне на расходы по исполнении принятого поручения две тысячи рублей»[2].

6 декабря Комитет по борьбе с погромами ввел в Петрограде осадное положение и предупредил: «Попытки разгромов винных погребов, складов, лавок, магазинов, частных квартир и проч. и т. п. будут прекращаемы пулеметным огнем без всякого предупреждения»[3].

Представление о деятельности комитета дает такое сообщение:

«В Комитет по борьбе с погромами позвонили о начавшемся погроме винного погреба на Екатерининском канале, причем сообщили, что преступники громят не

---

[1] Известия ВЦИК, 1917, 8 декабря.
[2] Там же.
[3] Там же.

только погреб, но и частные квартиры прилегающих домов. Комиссар по борьбе с погромами тов. Олехно, получив это сообщение, немедленно с отрядом в 10 красногвардейцев выехал на место происшествия. Здесь он застал почти двухтысячную толпу. К тов. Олехно обратились местные рабочие и обыватели с просьбой принять самые решительные меры против погромщиков. После предупреждения, которое ни на кого не подействовало, был открыт огонь, и район моментально очищен от погромщиков. Местное население горячо благодарило тов. Олехно за твердые революционные действия. В большинстве убитых, одетых в солдатские шинели, опознали местных хулиганов и громил»[1].

Почти одновременно с учреждением этого комитета был создан и специальный орган по борьбе с контрреволюцией. 6 декабря 1917 г. Совет Народных Комиссаров, обсудив вопрос о возможности забастовки служащих в правительственных учреждениях, принял постановление о создании Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией. А в декрете, принятом Совнаркомом 21 декабря, говорилось, что ВЧК находится под ближайшим наблюдением Народного комиссариата юстиции, Народного комиссариата внутренних дел и президиума Петроградского Совета. Устанавливалось, что ВЧК действует на основе инструкции, вырабатываемой ею, НКЮ и НКВД, результаты же своей работы передает в Следственную комиссию при революционном трибунале или прекращает дело.

Далее подчеркивалось, что неурегулированные конфликты между ВЧК, НКЮ, НКВД и президиумом Петроградского Совета «восходят на окончательное разрешение Совета Народных Комиссаров, не останавливая обычной деятельности [и оспоренных мер...].... соотв[етствующих] К[омиссий»[2].

---

[1] Известия ВЦИК, 1918, 26 января.

[2] Там же. С. 114.

31 января 1918 г., рассмотрев вопрос «О точном разграничении функций существующих учреждений розыска и пресечения, следствия и суда», Совнарком постановил: «В Чрезвычайной комиссии концентрируется вся работа розыска, пресечения и предупреждения преступлений, все же дальнейшее ведение следствий и постановка дела на суд предоставляется Следственной комиссии при трибунале»[1].

Таким образом, ВЧК была учреждена как орган розыска, пресечения и предупреждения государственных преступлений. Первоначально ей предоставлялось право применять в отношении преступников лишь административные меры (конфискация, выдворение, лишение карточек, опубликование списков врагов народа и т. п.). В области судебной ВЧК должна была выполнять функции органа дознания: она могла вести предварительное расследование, «поскольку это нужно для пресечения», после этого вскрытые ею дела поступали в следственную комиссию и уже затем передавались в суд.

Всероссийская чрезвычайная комиссия создавалась как аппарат, опирающийся на помощь и содействие широких масс трудящихся, кровно заинтересованных в безопасности советского строя. Чекисты пошли на фабрики, заводы, в воинские части, широко оповестили рабочих, солдат, матросов о своих задачах, просили их сообщать сведения о контрреволюционерах и приглашали принять активное участие в работе ВЧК. Объявления об этом публиковались и в газетах[2].

ВЧК нередко выдавала ордера для производства арестов и обысков наиболее сознательным рабочим, солдатам и матросам. Популярность ВЧК росла; имея многих добровольных помощников, она могла немногочисленным аппаратом выполнять большие задачи. Видный чекист

---

[1] ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 1, л. 111—112.

[2] См.: Известия ВЦИК, 1917, 15, 19 декабря.

М. Я. Лацис впоследствии писал: «В первые месяцы работы ВЧК в Москве в ее аппарате насчитывалось всего 40 сотрудников, включая сюда и шоферов и курьеров. Даже к моменту восстания левых эсеров в ВЧК число сотрудников доходило только до 120 человек. Если все же ВЧК осуществляла сравнительно, большую работу, то главным образом благодаря содействию населения. Почти все крупные заговоры были раскрыты указанием населения. Первая нить бралась от них, этих добровольных и бесплатных сотрудников от населения и потом уже разматывалась аппаратом ВЧК»[1].

Сложность и специфичность работы ВЧК, большие права, предоставленные ее сотрудникам, требовали от чекистов идейности, преданности советскому государству, высокой сознательности, честности и самоотверженности. Кроме того, необходимыми качествами чекистов председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский считал сдержанность и вежливость. В одной из инструкций в 1918 т. он писал: «Вторжение вооруженных людей на частную квартиру и лишение свободы повинных людей есть зло, к которому и в настоящее время необходимо еще прибегать, чтобы восторжествовала добро и правда. Но всегда нужно помнить, что это зло, что наша задача — пользуясь злом, искоренить необходимость прибегать к этому средству в будущем. А потому пусть все те, которым поручено произвести обыск, лишить человека свободы и держать их в тюрьме, относятся бережно к людям, арестуемым и обыскиваемым, пусть будут с ними гораздо вежливее, чем даже с близким человеком, помня, что лишенный свободы не может защищаться и что он в нашей власти. Каждый должен помнить, что он представитель Советской власти — рабочих и крестьян и что всякий его окрик, грубость, нескромность, невежливость — пятно, которое

---

[1] Пролетарская революция, 1926, № 9. С. 90.

ложится на эту власть». А в «Инструкции для производящих обыск и дознание» Ф. Э. Дзержинский писал:

«1. Оружие вынимается только в случае, если угрожает опасность.

2. Обращение с арестованными и семьями их должно быть самое *вежливое,* никакие нравоучения и окрики недопустимы.

3. Ответственность за обыск и поведение падает на всех из наряда.

4. Угрозы револьвером и вообще каким бы то ни было оружием недопустимы.

Виновные в нарушении данной инструкции подвергаются аресту до трех месяцев, удалению из комиссии и высылке из Москвы»[1].

Методы действий советских учреждений в борьбе с врагами государства в первые месяцы после Октября

В период победного шествия советской власти по территории России советское государство проявляло великодушие по отношению к поверженному врагу. Революционные трибуналы применяли минимальные наказания, чрезвычайные комиссии производили аресты контрреволюционеров лишь в целях пресечения вредной деятельности и изоляции их от общества на время острой политической борьбы. Такие арестованные освобождались, как только заявляли об отказе от дальнейшей активной борьбы с советским государством.

Выступая 4 ноября 1917 г. на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, на котором присутствовали фронтовые представители, В. И. Ленин говорил: «Нас упрекают, что мы арестовываем. Да, мы

[1] Исторический архив, 1958, № 1. С. 5—6.

арестовываем... Нас упрекают, что мы применяем террор, но террор, какой применяли французские революционеры, которые гильотинировали безоружных людей, мы не применяем и, надеюсь, не будем применять. И, надеюсь, не будем применять, так как за нами сила. Когда мы арестовывали, мы говорили, что мы вас отпустим, если вы дадите подписку в том, что вы не будете саботировать. И такая подписка дается»[1].

Под честное слово не выступать более против народа были отпущены на свободу генерал П. Н. Краснов, пытавшийся в октябре 1917 года организовать поход на Петроград, и комиссар Временного правительства при Северном фронте, один из организаторов похода Краснова В.С. Войтинский. Были освобождены и арестованные в Зимнем дворце во время Октябрьского штурма министры-социалисты Временного правительства (А. М. Никитин, К. А. Гвоздев, С. Л. Маслов и другие).

Среди арестованных во время штурма Зимнего дворца находился управляющий военным министерством генерал А. А. Маниковский. 28 октября 1917 г. народный комиссар по военным делам Н. В. Крыленко явился в Петропавловскую крепость, где содержался Маниковский, и от имени Советского правительства предложил ему продолжать работу в военном министерстве. Маниковский согласился и был освобожден из заключения. Однако вскоре выяснилось, что он, работая в министерстве, пытался активно выступать за ограничение прав новой власти по смещению командного состава армии. В связи с этим 20 ноября по приказу ВРК Маниковский был вновь арестован.

В тот же день Совет Народных Комиссаров вынес постановление об аресте и другого генерала — начальника генерального штаба В. В. Марушевского, обвинявшегося в саботаже[2].

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 63.

[2] ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 232, л. 4.

Маниковский и Марушевский предстали перед следственной Комиссией. Член комиссии П. А. Красиков, допросив арестованных, пришел к выводу, что «данных относительно активного противодействия политике народных комиссаров в деле не усматривается», и высказался за их освобождение. Однако председатель комиссии М. Ю. Козловский не согласился с этим предложением и написал такую весьма характерную для того времени резолюцию: «Разделяя оценку (П. А. Красикова) фактической стороны... полагаю, что, поскольку задержание генералов продиктовано было соображениями политической стратегии, арест их следует продолжить (хотя бы в интересах авторитета «твердой» власти демократии)»[1]. Между тем генералы дали заверения, что не будут выступать против Советской власти. В. Марушевский собственноручно писал: «Современной власти считаю нужным подчиниться и исполнять ее приказания»[2].

1 декабря 1917 г. Маниковский был освобожден. За него поручилась специальная депутация служащих военных учреждений, давших подписку в том, что он «не будет принимать участия в политических выступлениях, направленных против власти Совета Народных Комиссаров», — тогда же был освобожден и Марушевский[3].

17 ноября 1917 г. большевистский Военно-революционный комитет в г. Пскове арестовал генерал-квартирмейстера штаба Северного фронта В. Л. Барановского — зятя Керенского — и направил его а Петроград, в Петропавловскую крепость, как противника революции.

Главковерх Н. В. Крыленко при расследовании показывал, что Барановский, пользуясь своим положением в

---

[1] ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 229, л. 2 об.

[2] Там же, д. 232, л. 10.

[3] Там же, д. 229, л. 4. Впоследствии Маниковскйй работал в Красной Армии, умер в 1920 г. Марушевский, нарушив свое «честное слово», участвовал в борьбе против Советской власти.

штабе, посылал телеграммы, «в которых он подробно информировал штабы армий и контрреволюционную Ставку Духонина о происходящем, освещая все в определенном (антисоветском) свете».

В. Л. Барановского нужно было изолировать для пресечения его вредной деятельности, и он содержался под стражей около полутора месяцев. 30 декабря 1917 г. комиссар Северного фронта Б. П. Позера направил следственной комиссии такую телеграмму: «Случае отсутствия обвинения против Барановского прошу его освободить на честное слово»[1]. Барановский дал 4 января 1918 г. Петроградской Следственной комиссии такую подписку: «Я даю честное слово, что 1) не буду противодействовать Советской власти, не буду выступать против нее в 2) являюсь по первому требованию следственной комиссии. Владимир Львович Барановский». В тот же день его освободили[2].

В октябре 1917 г. (еще до Октябрьского вооруженного восстания) в Петрограде был сформирован добровольческий 151-й Пятигорский «батальон смерти», составленный преимущественно из студентов и гимназистов. Командовал батальоном прапорщик В. Н. Синебрюхов.

12 декабря 1917 г. несколько солдат явились в полевой штаб Петроградского военного округа и сообщили, что ударники из батальона Синебрюхова вербуют солдат в отряды атамана Каледина, возглавлявшего антисоветские силы на Дону, и производят сбор средств в пользу «батальона смерти».

15 декабря комиссар «Полевого штаба» с нарядом солдат прибыл в кафе Филиппова и задержал там бывшего юнкера, младшего офицера «батальона смерти» 17-летнего Ф.Г. Малахова.

---

[1] ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 65, л. 14.
[2] ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 65, л. 15.

Материалы о задержанном Малахове «Полевой штаб» направил в следственную комиссию революционного трибунала. Через несколько дней Малахова освободили. Он дал такую подписку:

«Я, нижеподписавшийся, обязуюсь под честным словом явиться к петроградскому воинскому начальнику не позже 12 января 1918 г., причем заявляю, что отныне никакой контрреволюционной деятельностью заниматься не буду»[1].

5 января 1918 г. Комитет по борьбе с погромами и ВЧК получили сведения о том, что у прапорщика В.Н. Синебрюхова собираются ударники его батальона. Сотрудники комитета явились, на 5-ю Рождественскую, дом 10, и в квартире Синебрюхова арестовали группу ударников. Они признались, что явились к Синебрюхову по его приказу, чтобы участвовать в выступлении «в защиту Учредительного собрания». Хозяина квартиры, прапорщика Синебрюхова, в квартире не оказалось: он скрылся. Вскоре ударники «батальона смерти» были окружены красногвардейцами в помещении курсов Лесгафта, разоружены и распущены.

Когда в Петрограде наступило относительное спокойствие, ВЧК освободила всех арестованных ударников, а дело о них передала в следственную комиссию революционного трибунала. 30 апреля 1918 г. туда явился с повинной и сам В. Н. Синебрюхов. Он показал: «Я принадлежал к организации ударников, которые должны были принять участие в охране Учредительного собрания, когда оно соберется. Вся эта организация находилась в ведении «Союза защиты Учредительного собрания». Я исполнял ответственную функцию в организации ударников — получал деньги от Анатолия Сомова, вольноопределяющегося, который пригласил меня в эту организацию, для раздачи остальным членам организации

[1] Там же, д. 227, п. 5.

ударников. Сомов говорил, что предстоит выступление против большевистской власти и против тех, кто посягает на Учредительное собрание». Далее Синебрюхов рассказал, что все время после ареста его подчиненных он скрывался вне Петрограда. «За время моих скитании я пережил очень много, со мной произошел полный душевный перелом, взгляды мои совершенно изменились. Мне 21 год, и взгляды мои еще не сложились прочно и окончательно. Я решил добровольно явиться в Следственную комиссию и предоставить себя в ее распоряжение»[1]. И тогда Следственная комиссия революционного трибунала постановила освободить Синебрюхова, обязав его явиться по первому требованию, и так как у него не было документов, выдать ему по его просьбе удостоверение на право проживания в Петрограде. 15 июня 1918 г. дело о Синебрюхове и членах его отряда было прекращено на основании декрета Совнаркома Петроградской коммуны от 1 мая 1918 г. о смягчении участи лиц, совершивших преступные деяния[2].

Аналогичных примеров мягкой репрессивной деятельности органов Советской власти можно привести немало. Такова была общая линия карательной политики Советской власти. В телеграмме Народного комиссариата юстиции всем Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от 31 января 1918 г. указывалось: «Подавление или пресечение активных контрреволюционных выступлений должно войти в русло революционного правопорядка. Политические аресты, обыски и выемки должны производиться только одной Следственной комиссией, состав которой должен публиковаться. Целью ее должно явиться только предание суду революционного трибунала... Пусть возмездие будет быстро и решительно, но пусть оно исходит от революционного суда; пусть

---

[1] ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 296, л. 72.
[2] Там же, л. 75.

никто не посмеет сказать, что на территории Советской республики нет социалистической справедливости. Революция сурова к своим активным врагам и великодушна к поверженным и побежденным»[1].

Начало иностранной военной интервенции и резкая активизация антисоветских политических центров

В конце 1917 — начале 1918 г. важнейшим жизненным вопросом для Советской Республики был вопрос о мире с Германией. Советское правительство во главе с В. И. Лениным считало необходимым заключить с Германией мирный договор и, получив передышку, использовать ее для укрепления государства рабочих и крестьян. Эта ленинская политика встретила яростное противодействие внутренней и внешней контрреволюции.

Переговоры о мире с Германией начались еще в декабре 1917 г. Свои грабительские требования немцы подкрепляли силой. 18 февраля, нарушив условия перемирия, заключенного с Советским правительством 21 декабря 1917 г., они начали наступление, оккупировали значительную часть западных районов страны и создали непосредственную угрозу Петрограду.

Героическое сопротивление защитников Советской власти, в том числе отрядов молодой Красной Армии, заставило кайзеровских генералов согласиться на возобновление мирных переговоров. Чтобы сохранить завоевания Октябрьской революции, Советское правительство вынуждено было согласиться на тяжелые условия мира, продиктованные немцами.

3 марта 1918 г. советская делегация подписала в Брест-Литовске мирный договор со странами австро-

[1] Известия ВЦИК, 1918, 31 января.

германского блока — Германией, Австро-Венгрией, Бол гарией и Турцией. Советская Россия, по выражению Ле нина, получила время для собирания сил[1].

Страны Антанты пытались сорвать мирную передышку завоеванную Страной Советов. С этой целью они начал открытую военную интервенцию против Советской России.

9 марта английский десант занял Мурманский порт, 18 марта туда вошел французский крейсер «Адмира Об». 5 апреля во Владивостоке высадились японские английские войска, а также американские и французски воинские части.

25 мая началось антисоветское выступление чехосло вацкого корпуса, состоявшего из 50 тысяч военнопленны австро-венгерской армии. Советское правительство раз решило этим войскам по их просьбе отправиться чере Владивосток из России. Эшелоны с чехословаками растя нулись от Пензы до Владивостока. Но державы Антант спровоцировали чехословаков на антисоветский мятеж. К короткое время чехословацкие войска захватили важны центры Сибири, Урала, Среднего Поволжья и поддержа ли местные антисоветские силы.

14 июня Советское правительство выразило протес представителям США, Англии и Франции в связи с неза конным пребыванием в советских территориальных вода военных кораблей Антанты. Но интервенция усиливала с каждым днем.

2 августа англичане захватили Архангельск, 3 августа высадили новый десант во Владивостоке, а 4 августа анг лийские войска вступили в Баку.

Внешние враги советского государства поддерживал всех, кто готов был выступить против Советской власти и в широких масштабах организовали подрывную работу внутри страны. Без такой помощи интервентов антисовет

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 81. 104

ские силы не могли бы продолжать гражданскую войну против народа.

Положение осложнялось еще и тем, что весной 1918 г. в России разразился тяжелый продовольственный и хозяйственный кризис. Население городов голодало. Из-за отсутствия сырья я топлива промышленные предприятия закрывались. Не хватало продовольствия для армии. ВЦИК и Совнарком издали декрет о продовольственной диктатуре. Весь хлеб в стране был взят на учет. Крестьяне должны были продавать его государству по твердым ценам для централизованного снабжения населения и армии. Однако основные держатели товарного хлеба — кулаки — отказывались делать это, укрывали запасы хлеба, выступали против хлебной монополии.

В декрете ВЦИК и СНК от 13 мая говорилось: «Остается единственный выход: на насилия владельцев хлеба над голодающей беднотой ответить насилием над владельцами хлеба»[1]. В соответствии с декретом Советского правительства от 11 июня в деревне стали создаваться комитеты бедноты (комбеды), которые должны были содействовать изъятию хлебных излишков у кулаков. В деревне развернулась острейшая борьба. По данным ВЧК, в 1918 г. кулаки организовали 245 антисоветских восстаний, имевших кровавые последствия[2].

В этой трудной обстановке резко активизировали подрывную деятельность все антисоветские силы. Возникали политические объединения и контрреволюционные центры, ставившие своей целью захват государственной власти. Они различались главным образом своей ориентацией на тот или другой лагерь внешних врагов советского государства.

---

[1] Декреты Советской власти, М., 1959, т. 2, с. 262.

[2] См.: *Лацис (Судрабс) М. Я.* Два года борьбы на внутреннем фронте. С. 75.

Первым политическим объединением, направлявшим антисоветские движения в стране, был созданный в Москве в марте 1918 г. нелегальный «Правый центр». В его образовании участвовали представители ЦК кадетской партии и существовавших еще со времен керенщины «Совета общественных деятелей» (объединявшего самые реакционные круги буржуазии и интеллигенции), Торгово-промышленного комитета (объединения крупных промышленников, финансистов, торговцев) и «Союза земельных собственников» (объединения помещиков и крупных кулаков). На организационных совещаниях по созданию «Правого центра» присутствовали: от «Совета общественных деятелей» — бывший товарищ царского министра внутренних дел Д. М. Щепкин, бывший товарищ министра внутренних дел С. М. Леонтьев, буржуазный публицист А. С. Белоруссов (Белевский); от кадетской партии — профессор П. И. Новгородцев, Н. И. Астров, В. А. Степанов, А. А. Червен-Водали; от Торгово-промышленного комитета — известные промышленники, фабриканты С. А. Морозов, И. А. Бурышкин, А. М. Невядомский, М. М. Федоров; от «Союза земельных собственников» — бывший царский министр А. В. Кривошеин, член царского государственного совета В. И. Гурко, помещик И. Б. Мейснер; от монархистских групп — Л. Л. Кисловский и А. П. Рогович (бывший товарищ обер-прокурора Святейшего синода). Кроме того, в образовании «Правого центра» участвовали профессор П. Б. Струве, князья Г. Н. и Е. Н. Трубецкие. Руководителями объединения стали Новгородцев, Кривошеин, Гурко и Леонтьев.

Большинство деятелей этого объединения придерживалось германской ориентации. Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией впоследствии отмечала: «Германофильский «Правый центр», считавший возможным, в случае вступления в переговоры с немцами, добиться пересмотра Брест-Литовского

договора, вступил летом 1918 г. в переговоры с представителями германского посольства в Москве о возможности путем оккупации Центральной России свержения Советской власти и образования дружественного Германии правительства. Переговоры эти не правели к определенным результатам исключительно под влиянием колебании немецкой политики, так как наряду с уклончивыми ответами на поставленные немцам вопросы о возможности и условиях пересмотра Брест-Литовского договора германский представитель высказался против оккупации Центральной России и обмолвился крылатой фразой:

«Этого спектакля мы русской буржуазии не дадим...» Представители «Правого центра» вели тогда переговоры и с представителями Антанты в Москве и Петербурге, причем с представителями Франции от имени «Правого центра» говорили В. И. Гурко и Е.Н. Трубецкой, и представитель французского правительства предложил «Правому центру» через Е.Н. Трубецкого известную сумму денег за согласование политики «Правого центра» с политикой Антанты»[1].

Вскоре в «Правом центре» начались разногласия. Эти разногласия закончились выходом многих его деятелей из организации и образованием в мае — июне 1918 г. объединения под названием «Национальный центр», ориентировавшегося на страны англо-французского блока и США. Деятельность «Правого центра» стала замирать, и вскоре он вовсе прекратил существование.

В создании «Национального центра» участвовали кадеты Н. И. Астров, В. А. Степанов, Н. Н. Щепкин, впо-

---

[1] Обвинительное заключение по делу о раскрытых в Москве контрреволюционных организациях и их деятельности в 1918—1949 гг. («Тактический центр» и объединенные в нем организации — «Союз общественных деятелей», «Национальный центр», «Союз возрождения», Торгово-промышленный комитет, Кусковский клуб, так называемый «Союз русской молодежи» и Центральный комитет кадетской партии). М, 1920. С. 8—9.

следствии к ним присоединились А. А. Червен-Водали, видный церковный деятель А. В. Карташев, бывший товарищ министра просвещения Временного правительства О. П. Герасимов, представитель Торгово-промышленного комитета М. М. Федоров. Первым председателем «Национального центра» был земский деятель октябрист Д. Н. Шипов, а после его ареста в начале 1919 г. председателем стал бывший член Государственной думы кадет Н. Н. Щепкин. По замыслу учредителей «Национального центра» он должен был стать штабом, направляющим деятельность всех правых групп, борющихся с Советской властью. Этот центр поддерживал сношения с белыми генералами, воевавшими против Советской Республики, и с подпольными военными группами, имевшимися в тылу.

Одновременно с объединением правых группировок происходил и процесс консолидации так называемых демократических антисоветских групп. Этот процесс закончился образованием в Москве «Союза возрождения России», в который вошли представители партий народных социалистов, некоторые меньшевики-оборонцы, правые эсеры и часть кадетов. Основателями его были: народные социалисты Н. В. Чайковский, В. А. Мякотин, А. В. Пешехонов, правые эсеры Н. Д. Авксентьев, И. И. Бунаков-Фундаминский, несколько меньшевиков-оборонцев, кадеты Н. И. Астров, Н. М. Кишкин и Д. И. Шаховской, а также профессор С. П. Мельгунов.

Помимо «Национального центра» и «Союза возрождения России» в масштабе всей страны действовали тогда и другие нелегальные антисоветские организации (например, савинковский «Союз защиты родины и свободы»). Активизировались также буржуазно-националистические и кулацкие организации на окраинах страны. Все эти силы, в том числе и внешние враги государства, действуя в союзе с «демократами», «учредиловцами», использовали их как удобное прикрытие своих целей.

Усиление карательных мер Советского государства

Вмешательство иностранных государств во внутренние дела Советской страны, всесторонняя поддержка, оказываемая им антисоветскому движению, резко активизировали весною и летом 1918 г. все группы антисоветского лагеря. Образовавшиеся фронты гражданской войны оказывали непосредственное влияние на советский тыл, где действовали тайные подрывные организации. На самих фронтах молодая Рабоче-Крестьянская Красная Армия героически отражала атаки врагов Советского государства. Обстановка требовала усиления карательных мер по отношению к поднявшей голову антисоветчине в тылу.

Начиная с января 1918 г. Владимир Ильич Ленин неоднократно отмечал слабость карательной линии трибуналов против контрреволюционеров и уголовников и требовал ее усиления. Наши революционные и народные суды чрезвычайно слабы, указывал он в «Очередных задачах Советской власти». «Диктатура есть железная власть, революционно-смелая и быстрая, беспощадная в подавлении как эксплуататоров, так и хулиганов; А наша власть — непомерно мягкая, сплошь и рядом больше похожая на кисель, чем на железо»[1].

Ленин требовал: «Никакой пощады этим врагам народа, врагам социализма, врагам трудящихся. Война не на жизнь, а на смерть богатым и их прихлебателям, война жуликам, тунеядцам и хулиганам... Богатые и жулики, это — две стороны одной медали, это — два главные разряда *паразитов,* вскормленных капитализмом, это — главные враги социализма, этих врагов надо взять под особый надзор всего населения, с ними надо расправляться, при малейшем нарушении ими правил и законов

[1] Там же, т. 36, с. 196.

социалистического общества, беспощадно. Всякая слабость, всякие колебания, всякое сентиментальничанье в этом отношении было бы величайшим преступлением перед социализмом»[1].

В выступлении от 14 января на совещании президиума Петроградского Совета по вопросу о борьбе с голодом В.И. Ленин прямо говорил: «Петроградские рабочие и солдаты должны понять, что им никто не поможет, кроме их самих. Факты злоупотребления очевидны, спекуляция чудовищна, но что сделали солдаты и рабочие в массах, чтобы бороться с нею? Если не поднять массы на самодеятельность, ничего не выйдет... Пока мы не применим террора — расстрел на месте — к спекулянтам, ничего не выйдет... Кроме того, с грабителями надо также поступать решительно — расстреливать на месте»[2]. При этом В. И. Ленин считал, что террор могли бы применять специально организованные рабочие отряды по борьбе со спекуляцией или Советы на основании своих решений.

В критический для революции момент, когда немцы, прервав мирные переговоры, начали наступление на Советскую Россию, Совет Народных Комиссаров принял 24 февраля 1918 г. декрет «Социалистическое Отечество в опасности!», в котором подчеркивалось, что для обеспечения обороноспособности и революционного порядка в стране должны приниматься самые решительные меры. Статья 8-я декрета устанавливала: «Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления»[3].

На основе декрета Совнаркома Всероссийская чрезвычайная комиссия объявила: «До сих пор Комиссия была великодушна в борьбе с врагами народа, но в данный

---

[1] *Ленин В. И.* ПСС. С. 200, 201.

[2] Там же, с. 311.

[3] Декреты Советской власти, т. 1, с. 491,

момент, когда гидра контрреволюции наглеет с каждым днем, вдохновляемая предательским нападением германских контрреволюционеров, когда всемирная буржуазия пытается задушить авангард революционного интернационала — российский пролетариат, Всероссийская Чрезвычайная комиссия, основываясь на постановлении Совета Народных Комиссаров, не видит других мер борьбы с контрреволюционерами, шпионами, спекулянтами, громилами, хулиганами, саботажниками и прочими паразитами, кроме беспощадного уничтожения на месте преступления, а потому объявляет, что все неприятельские агенты и шпионы, контрреволюционные агитаторы, спекулянты, организаторы восстаний и участники в подготовке восстаний для свержения Советской власти, — все бегущие на Дон для поступления в контрреволюционные войска калединской и корниловской банд и польские контрреволюционные легионы, продавцы и скупщики оружия для отправки финляндской белой гвардии, калединско-корниловским и довбор-мусницким войскам, для вооружения контрреволюционной буржуазии Петрограда — будут беспощадно расстреливаться отрядами Комиссии на месте преступления»[1]. Так в момент грозной опасности, нависшей над республикой, советское правительство в ответ на действия врагов революции вынуждено было прибегнуть к крайней мере социальной защиты — расстрелу опаснейших преступников на месте преступления. Исполнение этой исключительной меры взяла на себя ВЧК.

На Украине, где создалось угрожающее положение, также были приняты чрезвычайные меры. В связи с вторжением австро-германских войск Центральный Исполнительный Комитет Советов Украины 22 февраля образовал в Киеве Комитет Народного Секретариата для «руководства всеми мероприятиями по обороне революции от западных империалистов» и предоставил ему

[1] Известия ВЦИК, 1918, 23 февраля.

чрезвычайные полномочия. В Комитет вошли: Юрий Коцюбинский (сын классика украинской литературы М. М. Коцюбинского), Николай Скрыпник, Сергей Бакинский, Яков Мартьянов и Виталий Примаков. Комитет стал называться Чрезвычайной комиссией Народного Секретариата для защиты страны и революции. Один из членов Комитета — командир червонного казачества В. М. Примаков — был назначен комиссаром Народного Секретариата по борьбе с контрреволюцией. Ему были предоставлены широкие полномочия по производству обысков, арестов и тому подобных действий для подавления контрреволюции. В день своего образования Комиссия объявила Киев и его окрестности на осадном положении и предупредила, что «все виновные в контрреволюционных действиях будут беспощадно караться». В одном из обращений ко всем Советам, революционным штабам и комендантам Чрезвычайная комиссия предписывала: «Будьте решительны, не останавливайтесь перед мерами воздействия на буржуазию, с которой рабочие и крестьяне Украины и всей России ведут последнюю решительную борьбу, знайте, что буржуазия беспощадна по отношению к рабочим и крестьянам»[1].

В Харькове, где в феврале 1918 г. образовалась Донецко-Криворожская Советская Республика со своим Совнаркомом, был создан «Главный штаб Донецкой республики по борьбе с контрреволюцией», которому были подчинены «все вооруженные силы... борющиеся с контрреволюцией на территории Донецкой республики»[2]. Он занимался как военными делами; так и борьбой с контрреволюцией в тылу.

В ночь на 4 марта на общем собрании всех военно-революционных организаций в Харькове был образован

---

[1] Гражданская война на Украине. Сборник документов и материалов. Киев, 1967. Т. 1. Кн. 1. С. 12.

[2] Борьба за власть Советов в Донбассе. Сборник документов и материалов. Сталино, 1957. С. 316—317.

Чрезвычайный штаб для руководства военно-оперативными действиями против надвигавшейся извне контрреволюции и для поддержания революционного порядка в Донецком и Криворожском бассейнах. При штабе состоял отдел по борьбе с контрреволюцией, заменивший Главный штаб. С 6 часов вечера 5 марта Чрезвычайный штаб объявил Харьков на военном положении и назначил комендантом города П. А. Кина. В обращении. Донецкого Совнаркома к рабочим Донбасса от 5 марта говорилось: «Пользуйтесь самым широким правом реквизиции, организовав для местной охраны отряды... Контрреволюционеров арестовывайте, при сопротивлении расстреливайте»[1].

Чрезвычайные органы борьбы с контрреволюцией создавались и в других городах Украины. В Одессе была образована «Высшая автономная коллегия по борьбе с румынской и украинской контрреволюцией». В Полтаве при Военно-революционном комитете действовала Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. В Екатеринославе 23 марта был создан Чрезвычайный штаб для «организации обороны Екатеринослава против наступающих белогвардейцев, борьбы с контрреволюцией и всякого рода грабителями и хулиганами».

2 марта 1918 г. народный комиссариат юстиции Донецко-Криворожской республики потребовал от всех комиссаров юстиции и революционных трибуналов усилить санкции в отношении контрреволюционеров. «Общероссийские условия, вызывающие необходимость беспощадной и неуклонной борьбы с контрреволюционерами и саботажниками, в пределах Донецкой республики осложняются... — говорилось в этом документе. — Революционными трибуналами, созданными для борьбы с контрреволюцией и саботажем, мародерством, спекуляцией и прочим, ведется недостаточно решительная борьба. Члены

[1] Гражданская война на Украине. Сборник документов и материалов. Т. 1. Кн. 1. С. 19.

революционных трибуналов, следователи и другие проявляют излишнюю жалость по отношению к контрреволюционерам; иногда вследствие недостаточной революционной чуткости и беспощадности, неумения отличить волков от овец, поддельных чувств и слов от искренних, поддаются проливающимся слезам безусловнейших контрреволюционеров... Предписываю революционным трибуналам ни на минуту не забывать о том, что мы живем сейчас в эпоху ожесточенной классовой борьбы... Никакой пощады, никакого послабления не должно быть по отношению к контрреволюционерам... Всякое попустительство и послабление... равносильно величайшему преступлению перед рабочим классом всего мира...»[1]

* * *

В первое время статья 8-я декрета Совнаркома РСФСР «Социалистическое Отечество в опасности!», предусматривавшая расстрел на месте преступления, применялась ВЧК крайне редко.

26 февраля 1918 г. ВЧК расстреляла известного авантюриста-бандита, самозваного князя Эболи (он же де Гриколи, Найди, Маковский, Далматов) и его сообщницу Бритт за ряд грабежей, совершенных ими под видом обысков от имени советских органов. Этот первый расстрел был произведен по специальному постановлению Коллегии ВЧК. Заместитель председателя ВЧК Я. Х. Петерс так объяснял причины применения расстрела: «Вопрос о смертной казни с самого начала нашей деятельности поднимался в нашей среде, и в течение нескольких месяцев после долгого обсуждения этого вопроса смертную казнь мы отклоняли как средство борьбы с врагами. Но бандитизм развивался с ужасающей быстротой и принимал слишком

[1] Борьба за власть Советов в Донбассе... С. 326–327, 328.

угрожающие размеры. К тому же, как мы убедились, около 70% наиболее серьезных нападений и грабежей совершались интеллигентными лицами, в большинстве бывшими офицерами. Эти обстоятельства заставили нас в конце концов решить, что применение смертной казни неизбежно, и расстрел князя Эболи был произведен по единогласному решению»[1].

28 февраля по постановлению Коллегии ВЧК были расстреляны бандиты В. Смирнов и И.Заноза (он же Строгов), которые, назвавшись комиссарами Чрезвычайной комиссии, с шайкой вооруженных лиц явились в гостиницу «Медведь» и ограбили находившихся там посетителей. Преступников задержали с поличным — награбленными деньгами.

Определенную политическую подоплеку имело дело бывших офицеров лейб-гвардии Семеновского полка братьев А. А. и В. А. Череп-Спиридовичей. Согласно Брестскому мирному договору, Советское правительство должно было оплачивать все русские ценные бумаги, предъявляемые Германией. Используя это положение договора, немецкие агенты по указанию германского посла Мирбаха скупали за бесценок акции национализированных Советской властью предприятий, с тем чтобы предъявлять их к оплате. Братья Череп-Спиридовичи, являвшиеся крупными акционерами и членами правления Веселянских рудников, были задержаны при попытке продать германскому представительству акции национализированных рудников на сумму 5 миллионов рублей. За это преступление, расцененное как государственная измена, братья Череп-Спиридовичи и их комиссионер, биржевой маклер Б.П. Бейлинсон, 31 мая 1918 г. были расстреляны.

Исключительные обстоятельства военного времени вынудили Советское правительство принять решение о более широком применении расстрелов для борьбы с

[1] Известия ВЦИК, 1918, 6 ноября.

контрреволюцией. В обращении СНК от 10 июня, 1918 г. ко всем трудящимся в связи с мятежом чехословацкого корпуса говорилось: «Главная цель заговорщиков состоит в том, чтобы отрезать Сибирскую дорогу, приостановить подвоз сибирского хлеба и взять голодом Советскую Республику... Уральский бандит Дутов, степной полковник Иванов[1], чехословаки, беглые русские офицеры, агенты англо-французского империализма, бывшие помещики и сибирские кулаки объединились в один священный союз против рабочих и крестьян. Если бы этот союз победил, пролились бы реки народной крови и на русской земле снова восстановилась бы власть монархии и буржуазии... Для того чтобы... смести с лица земли буржуазную измену и обеспечить Великую сибирскую дорогу от дальнейших... покушений, Совет Народных Комиссаров считает необходимым принять исключительные меры». Среди них предлагалось: «Всем Совдепам вменяется в обязанность бдительный надзор над местной буржуазией и суровая расправа с заговорщиками... Офицеры-заговорщики, предатели, сообщники Скоропадского, Краснова, сибирского полковника Иванова, должны беспощадно истребляться... Долой изменников-насильников! Смерть врагам народа!»[2]

Применение расстрела в качестве меры борьбы с врагами народа изменило характер деятельности Чрезвычайной комиссии. В беседе с сотрудником газеты «Новая жизнь» председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский, сказал: «Наша задача — борьба с врагами Советской власти и нового строя жизни. Такими врагами являются как политические наши противники, так и все бандиты, жулики, спекулянты и другие преступники, подрывающие основы социалистической власти. По отношению к ним мы не

---

[1] Речь идет о командире так называемого Степного корпуса П. П. Иванове-Ринове — командующем войсками антисоветского «Временного Сибирского правительства».

[2] Декреты Советской власти, т. 2, с. 410—411.

знаем пощады. Комиссия состоит из 18 испытанных революционеров, представителей ЦК партий и представителей ЦИК. Казнь возможна лишь по единогласным постановлениям всех членов Комиссии в полном составе... Все дела о преступлениях, которые представляются нам не особенно опасными для Советской власти, мы передаем в военно-революционный трибунал и оставляем за собой непосредственных врагов, с которыми и боремся предоставленными нам СНК средствами»[1].

26 июня ВЧК выступила с официальным разъяснением, в котором говорилось: «В большинстве газет Комиссия трактуется как следственная, в то время как Комиссия является Всероссийской Чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией. Подобное «недоразумение» ведет к тому, что в значительной степени извращает задачи и цели работы Комиссии и представляет в совершенно ложном свете как функции, так и способы и образ действий Комиссии»[2].

Таким образом, после того как ВЧК начала применять меру внесудебной репрессии — расстрел на месте, она стала органом не только розыска и дознания, но и непосредственной расправы с наиболее опасными преступниками.

– Усилили свою карательную функцию и революционные трибуналы. Новый декрет об их деятельности был принят на заседании Совета Народных Комиссаров 4 мая 1918 г. По декрету, в частности, при революционных трибуналах учреждались постоянные коллегии обвинителей, которые должны были участвовать в работе следственных комиссий, давать заключения о полноте расследования, формулировать обвинительные тезисы по расследованным делам и публично поддерживать обвинение в судебных заседаниях революционных трибуналов. Дек-

---

[1] Новая жизнь, 1918, 8 июня.

[2] Известия ВЦИК, 1918, 26 июня.

рет определил также, что следственные комиссии трибуналов должны разрешать все вопросы следствия в закрытых заседаниях. Это повышало роль обвинения, как стороны в судебном процессе[1].

Затем был образован революционный трибунал при ВЦИК. Согласно положению, принятому ВЦИК и СНК 29 мая 1918 г., его задачей было «суждение по делам, которые будут изъяты из подсудности местных революционных трибуналов». При этом трибунале учреждалась Центральная коллегия обвинителей, на которую помимо обычных обязанностей возлагалось еще и «объединение и руководство деятельностью коллегии обвинителей местных революционных трибуналов»[2]. Докладчики Д. И. Курский и Н.В.Крыленко на заседании ВЦИК отмечали, что эти меры принимаются ввиду необходимости усилить карательную политику против контрреволюционеров[3].

Наконец, 16 июня 1918 г. народный комиссар юстиции П. И. Стучка, сменивший на этом посту левого эсера И. З. Штейнберга, опубликовал постановление, в котором было сказано, что «революционные трибуналы в выборе мер борьбы с контрреволюцией, саботажем и проч. не связаны никакими ограничениями»[4]. Тем самым революционным трибуналам предоставлялось право выносить в судебном порядке приговоры о смертной казни.

21 июня 1918 г. революционный трибунал при ВЦИК в публичном открытом заседании вынес первый смертный приговор, осудив за антисоветскую деятельность бывшего начальника морских сил Балтийского флота контр-адмирала А. М. Щастного.

В приговоре по этому делу говорилось: «Именем Российской Социалистической Федеративной Советской

---

[1] См. Декреты Советской власти. Т. 2. С. 231—234.
[2] Декреты Советской власти. Т. 2. С. 335, 336.
[3] Известия ВЦИК, 1918, 30 мая.
[4] СУ, 1918, № 44, ст. 533.

Республики Революционный трибунал при ВЦИК Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов, заслушав в открытых заседаниях своих от 20 и 21 июня 1918 г. и рассмотрев дело по обвинению бывшего начальника морских сил Балтийского флота гр. Алексея Михайловича Щастного, 37 лет, признал доказанным, что он, Щастный, сознательно и явно подготовлял условия для контрреволюционного государственного переворота, стремясь своею деятельностью восстановить матросов флота и их организации против постановлений и распоряжений, утвержденных Советом Народных Комиссаров и Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом. С этой целью, воспользовавшись тяжким и тревожным состоянием флота, в связи с возможной необходимостью, в интересах революции, уничтожения его и кронштадтских крепостей, вел контрреволюционную агитацию в Совете комиссаров флота и в Совете флагманов: то предъявлением в их среде провокационных документов, явно подложных, о якобы имеющемся у Советской власти секретном соглашении с немецким командованием об уничтожении флота или о сдаче его немцам, каковые подложные документы отобраны у него при обыске; то лживо внушал, что Советская власть безучастно относится к спасению флота и жертвам контрреволюционного террора; то разглашая секретные документы относительно подготовки на случай необходимости взрыва Кронштадта и флота; то ссылаясь на якобы антидемократичность утвержденного СНК и ЦИК Положения об управлении флотом, внося, вопреки этому Положению, в Совет комиссаров флота на разрешение вопросы военно-оперативного характера, стремясь этим путем снять с себя ответственность за разрешение таких вопросов; то попустительствовал своему подчиненному Зеленому в неисполнении распоряжений Советской власти, направленных к облегчению положения флота, и замедлил установление демаркационной линии в Финском заливе, не исполняя

своей прямой обязанности отстранения таких подчиненных от должности; то под различными предлогами на случай намеченного им, Щастным, переворота задерживал минную дивизию в Петрограде; и всей этой деятельностью своей питал и поддерживал во флоте тревожное состояние и возможность противосоветских выступлений. Принимая во внимание, что вся эта деятельность Щастного проявлялась им в то время, когда он занимал высокий военный пост и располагал широкими правами во флоте Республики, Трибунал постановил: считая его виновным во всем изложенном, расстрелять. Приговор привести в исполнение в течение 24 часов»[1].

Введение смертной казни вызвало озлобленные крики врагов народа. Вопрос о ее применении на основе судебных решений стал предметом дискуссии на V Всероссийском съезде Советов. На нем выступил В. И. Ленин.. «Ужасное бедствие — голод — надвинулось на нас, — говорил Владимир Ильич, — и чем труднее наше положение, чем острее продовольственный кризис, тем более усиливается борьба капиталистов против Советской власти. Вы знаете, что чехословацкий мятеж — это мятеж людей, купленных англо-французскими империалистами. Постоянно приходится слышать, что то там, то здесь восстают против Советов. Восстания кулаков захватывают все новые области. На Дону Краснов, которого русские рабочие великодушно отпустили в Петрограде, когда он явился и отдал свою шпагу... А теперь я посмотрел бы народный суд, тот рабочий, крестьянский суд, который не расстрелял бы Краснова, как он расстреливает рабочих и крестьян. Нам говорят, что, когда в комиссии Дзержинского расстреливают — это хорошо, а если открыто перед лицом всего народа суд скажет: он контрреволюционер и достоин расстрела, то это плохо. Люди, которые дошли до такого лицемерия, политически мерт-

[1] Известия ВЦИК, 1918, 22 июня.

вы. Нет, революционер, который не хочет лицемерить, не может отказаться от смертной казни. Не было ни одной революции и эпохи гражданской войны, в которых не было бы расстрелов»[1].

Таким образом, расстрел на месте и смертная казнь по суду рассматривались большевиками и Советским правительством как исключительные меры, вызванные резкой активизацией враждебной деятельности антисоветчины. Широта их применения зависела от политической обстановки в стране. Известный деятель, член коллегии ВЧК М. Я. Лацис указывал, что за первую половину 1918 г. было расстреляно 22 преступника, в дальнейшем же широкая волна заговоров и самый необузданный антисоветский террор потребовали усиления карательных мер по отношению к контрреволюционной буржуазии[2].

Красный террор как ответ на террор антисоветчины

Гражданская война принимала все более ожесточенный, кровавый характер. Мятежные белогвардейские генералы, офицеры, кулаки и иностранные агрессоры применяли массовый террор против советских активистов и представителей рабочего класса. Повсюду — на Украине, в Прибалтике, в Поволжье и Сибири, в Туркестанском крае, где временно побеждали внутренняя антисоветчина и интервенты, — рекою лилась кровь рабочих и крестьян.

В советском тылу действовали заговорщики-террористы. Антисоветчина задумала обезглавить Советское государство, устранив Владимира Ильича Ленина, главу правительства.

---

[1] *Ленин В. И.* ПСС. Т. 36. С. 503.

[2] См.: *Лацис М. (Судрабс).* Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. М., 1921. С. 9.

1 января 1918 г., около 19 часов 30 минут, автомобиль, в котором В. И. Ленин, М. И. Ульянова и секретарь Швейцарской социал-демократической партии Ф. Платтен возвращались с митинга в Михайловском манеже, был обстрелян на Симеоновском мосту (ныне мост Белинского) через Фонтанку террористами.

Весть о покушении на главу советского правительства вызвала гнев и возмущение трудящихся. Рабочие на собраниях принимали негодующие резолюции. «Пролетариат... борется за освобождение всего человечества, — писала в передовой статье 3 января 1918 г. «Правда». — И когда в этой отчаянной борьбе (ибо для него тоже сейчас стоит вопрос о жизни и смерти) негодяи буржуазии пытаются казнить вождей пролетариата, пусть не пеняют, что пролетариат расправится с ними так, как они того заслужили. Если они будут пытаться истребить рабочих вождей, они будут беспощадно истреблены сами. Все рабочие, все солдаты, все сознательные крестьяне скажут тогда: да здравствует красный террор против наймитов буржуазии».

Виновников покушения на жизнь В. И. Ленина обнаружить не удалось[1].

---

[1] По одним данным, это покушение было совершено контрреволюционной группой, возглавляемой упоминавшимися выше Орлом и Ланским. А. П. Орел показывал на следствии в ВЧК: «Стреляли в Ленина наемные люди, нанятые князем Ш. (речь идет об известном финансисте Д.И. Шаховском. — *Д. Г.*), нанял их сам князь за полмиллиона рублей... Часть из них служит в городской милиции. Покушение было сделано... через подосланных лиц. Часть из этих 12 человек (офицеров) уехала в Новочеркасск» (Известия ВЦИК, 1918, 7 марта). По другим данным, покушение совершила правоэсеровская террористическая группа. На процессе правых эсеров в 1922 г. один из подсудимых, член ЦК партии эсеров Н. Н. Иванов, показывал: «В Сибири в 1919 г. я слышал от одного из офицеров, бывших в 1918 г. в Петрограде (он сочувствовал с.-р.), что в январе 1918 г. действительно было произведено в Петрограде покушение на Ленина при его проезде на автомашине с Платтеном, причем это покушение было совершено какой-то военной группой при участии Тагунова» (ЦГАОР, ф. 1005, он. 1-а, д. 347, л. 6).

В том же январе 1918 г. в Чрезвычайную комиссию по охране города Петрограда, которую возглавлял К. Е. Ворошилов, поступили сведения о готовящемся новом покушении на жизнь В. И. Ленина. Латышские стрелки, несшие караульную службу в Смольном, обратили внимание на то, что какие-то личности следят за выездами Ленина из Смольного и записывают номера автомобилей народных комиссаров. Было замечено также, что за некоторыми квартирами ответственных работников (в частности, за квартирой управляющего делами СНК В. Д. Бонч-Бруевича) также ведется наблюдение.

В середине января к В. Д. Бонч-Бруевичу явился солдат, георгиевский кавалер Я. Н. Спиридонов, и рассказал, что ему поручили выследить и взять живым (или убить) В. И. Ленина и обещали за это 20 тысяч рублей.

Выяснилось, что во главе заговора стояли деятели «Петроградского союза георгиевских кавалеров»: председатель «Союза» старший унтер-офицер А. Ф. Осьминин, подпоручик Г. Г. Ушаков (в прошлом адъютант командующего Московским военным округом полковника А. Е. Грузинова), капитан А. М. Зинкевич, военный врач М. В. Некрасов (брат бывшего министра Временного правительства Н. В. Некрасова), вольноопределяющийся Н. И. Мартьянов и другие.

По словам Я. Н. Спиридонова, заговорщики имели сведения о том, что В.И. Ленин часто приезжает на квартиру В.Д. Бонч-Бруевича, в дом № 57 по Херсонской улице, неподалеку от Перекупного переулка, где проживала и содержала небольшую лавку знакомая Осьминина — некая О.В. Салова. Осьминин предложил Саловой принять в ее лавку приказчиком солдата Спиридонова, который мог бы, находясь поблизости от квартиры Бонч-Бруевича, проследить за появлением там В.И. Ленина. Салова отказалась. Тогда Осьминин попросил ее познакомиться с домашней работницей Бонч-Бруевича и выяснить через нее, когда у них бывает В. И. Ленин, но опять получил отказ. Спиридонов попытался устроиться двор-

ником в доме, где жил Бонч-Бруевич, и некоторое время сам следил за ним. В конце концов, у него заговорила совесть, и он решил рассказать обо всем Бонч-Бруевичу.

В связи с показаниями Спиридонова в ночь на 22 января Чрезвычайная комиссия по охране города Петрограда произвела одновременно аресты Саловой, Ушакова, Некрасова, Зинкевича и Мартьянова. Осьминин был арестован на следующий день в помещении «Союза георгиевских кавалеров» по Захарьевской улице, 14. Здесь же были найдены бомбы, гранаты и несколько винтовок.

Задержанные Ушаков, Осьминин, Некрасов и другие заговорщики сознались в том, что разрабатывали план нападения на В. И. Ленина, с тем чтобы захватить его в качестве заложника (или, как показал Спиридонов, убить). На вопрос, с какой целью они замышляли это злодеяние, подпоручик Ушаков ответил, что они хотели таким путем заставить большевиков прекратить борьбу с контрреволюцией.

Заговорщики принадлежали к группе военной молодежи, связанной в прошлом с «Комитетом спасения родины и революции» и «Союзом защиты Учредительного собрания». Арестованные раскаивались в своей деятельности, а Ушаков заявил, что теперь он осознал свое заблуждение и что «все те ложные сведения, которые в изобилии он получал на фронте против большевиков из буржуазной прессы, теперь совершенно выветрились из его души». Официальное сообщение об аресте этой антисоветской группы заканчивалось так: «Являются ли эти слова (слова Ушакова. — *Д. Г.*) только отводом или искренним заявлением, судить пока трудно, но несомненно, что этот молодой человек, бывший адъютант главнокомандующего Московским округом полковника Грузинова, отличавшийся большой храбростью и решительностью во время Февральской революции, переживает большую душевную тревогу»[1].

---

[1] Известия ВЦИК, 1918, 26 января.

В. Д. Бонч-Бруевич впоследствии рассказывал: «По логике вещей все главные виновники покушения, конечно, должны были быть немедленно расстреляны, но в революционное время действительность и логика вещей делают огромные, совершенно неожиданные зигзаги, казалось бы, ничем не предусмотренные. Когда следствие уже было закончено, вдруг была получена депеша из Пскова, что немцы двинулись в наступление... Все дела отпали в сторону. Принялись за мобилизацию вооруженного пролетариата для отпора немцам.

Как только было распубликовано ленинское воззвание «Социалистическое отечество в опасности!», из арестных комнат Смольного пришли письма покушавшихся на жизнь Владимира Ильича, просивших отправить их на фронт на броневиках для авангардных боев с наседавшим противником.

Я доложил об этих письмах Владимиру Ильичу, и он, всегда забывавший о себе, в мгновение ока сделал резолюцию: «Дело прекратить. Освободить. Послать на фронт».

И вот те, которые еще вчера были у нас на следствии и сидели под строгим арестом, ожидая неминуемого расстрела, спешили броситься в головной ударной группе в атаку на немцев.

Громадное благородство было проявлено здесь Владимиром Ильичом...

Что может быть более возвышенным, чем этот поступок действительно революционного бойца и глубоко проникновенного социалиста, каким всегда был Владимир Ильич?»[1]

* * *

Между тем в недрах вражеского подполья готовились новые террористические акты.

---

[1] *Бонч-Бруевич В. Д.* Избранные сочинения. М., 1963. Т. 3. С. 274.

20 июня 1918 г. в Петрограде проходили рабочие собрания в связи с кампанией перевыборов в Советы. На этих собраниях выступали виднейшие деятели большевистской партии, в том числе член президиума Петроградского Совета, комиссар по делам печати, пропаганды и агитации В. Володарский. Во время поездки Володарского по городу автомобиль из-за нехватки горючего, остановился на одной из пустынных улиц, недалеко от фарфорового завода. В. Володарский и сопровождавшие его сотрудницы Смольного, Н.А. Богословская и Е.Я. Зорина, выйдя из автомобиля, направились к находившемуся поблизости зданию районного Совета. В это время на улице появился неизвестный, который, по-видимому узнав Володарского, быстро направился к нему и, приблизившись, сделал в него несколько выстрелов в упор, а затем бросился бежать. За убийцей погнались люди, находившиеся недалеко от места происшествия, но он, бросив бомбу, скрылся. Володарский, смертельно раненный в сердце, скончался на месте[1].

Убийство В. Володарского вызвало волну негодования. Рабочие готовы были ответить врагам революции их же оружием — террором, но петроградские партийные и советские органы сдерживали рабочих. Узнав об этом, В. И. Ленин писал 26 июня Зиновьеву, Лашевичу и другим петроградским работникам: «Только сегодня мы услыхали в ЦК, что в Питере *рабочие* хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что вы (не Вы лично, а питерские цекисты или чекисты) удержали.

Протестую решительно!

Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором, а когда доходит до дела, *тормозим* революционную инициативу масс, *вполне* правильную.

Это не-воз-мож-но!

---

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1-а, д. 359, л. 51–53, 55–60.

Террористы будут считать нас тряпками. Время архивоенное. Надо поощрять энергию и массовость террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример коего *решает»*[1].

Обнаружить убийц Володарского тогда не удалось. Расследование, продолжавшееся до 28 февраля 1919 г., не дало результатов[2].

В пятницу 30 августа 1918 года в десятом часу утра на Дворцовой площади в Петрограде появился велосипедист. Он остановился у дома № 5, где в то время помещались Комиссариат внутренних дел Петроградской коммуны и Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией. Велосипедист — молодой человек в кожаной куртке и фуражке офицерского образца — поставил велосипед у подъезда и вошел в здание. В комиссариате был приемный день. В вестибюле ожидали посетители, и никто не обратил внимания на молодого человека, который уселся в кресло неподалеку от входной двери.

Около десяти часов утра к зданию комиссариата подъехал в автомобиле народный комиссар внутренних дел Петроградской коммуны и председатель Петроградской чрезвычайной комиссии М. С. Урицкий. Он прошел через вестибюль, направляясь к лифту. Швейцар открыл дверь лифта — и вдруг раздались выстрелы... Стрелял неизвестный в кожаной куртке, который, увидев М. С. Урицкого, подошел к нему вплотную и сделал несколько выстрелов из револьвера. М. С. Урицкий, смертельно раненный в голову, упал и на месте скончался. Убийца выбежал на улицу, схватил свой велосипед и пытался скрыться. Но вызванная дежурным швейцаром охрана погналась за ним на автомобиле по Миллионной улице. Бросив велосипед, покушавшийся вбежал в подъезд дома № 17, в котором помещалось Английское собрание. Через не-

---

[1] *Ленин В. И.* ПСС. Т. 50. С. 106.

[2] ЦГАОР, ф. 1005, оп, 1-а, д. 359, л. 39, 41—42.

сколько минут переодетый убийца (поверх кожаной куртки на нем было пальто) пытался выйти на улицу, но, увидев красноармейцев, открыл по ним стрельбу и был схвачен.

В Чрезвычайной комиссии убийца назвался Леонидом Каннегисером, студентом 4-го курса Политехнического института, 22 лет. Он заявил, что является социалистом, но назвать партию, к которой принадлежит, отказался. Свое преступление объяснил политическими мотивами, утверждал, что действовал один, по собственной инициативе, вне связи с какой-либо организацией или партией.

Выяснилось, что Каннегисер происходит из богатой семьи, при Временном правительстве был юнкером Михайловского артиллерийского училища, состоял в партии народных социалистов и являлся председателем секции юнкеров — «социалистов».

В день, когда был убит М. С. Урицкий, 30 августа 1918 г., в Москве было совершено злодейское покушение на жизнь В. И. Ленина. Приблизительно в 7 часов вечера в Замоскворецком районе Москвы на заводе бывш. Михельсона (ныне завод имени Владимира Ильича) состоялся митинг, на котором В. И. Ленин выступил с докладом «Две власти (диктатура пролетариата и диктатура буржуазии)». Когда собрание закончилось, Ленин направился к выходу во двор завода, где его ждал автомобиль. Уже во дворе, около автомобиля, он остановился, продолжая беседу с рабочими. В это время один за другим раздались три выстрела. У автомобиля упал тяжело раненный двумя пулями Владимир Ильич. Третьей пулей была ранена беседовавшая с ним участница собрания М. Г. Попова — кастелянша Петропавловской больницы.

Шофер Ленина С. К. Гиль, находившийся в автомобиле, заметил какую-то женщину с пистолетом в руке. Он рванулся к этой женщине, но та бросила оружие и скрылась в толпе. (Впоследствии оружие нашли. Это был пистолет системы браунинг).

Раненого Ленина поместили в автомобиль и повезли в Кремль. А в это время случайно находившийся на собрании помощник военного комиссара 5-й Московской пехотной дивизии С. Н. Батулин вместе с группой рабочих бросился разыскивать убийцу. Вот что он потом рассказал: «Я... закричал: «Держите убийцу товарища Ленина». И с этими криками выбежал на Серпуховку... Добежавши до так называемой «стрелки» (трамвайной линии.— *Д. Г.)* на Серпуховке, я увидел... позади себя, около дерева... с портфелем и зонтиком в руках женщину, которая своим странным видом остановила мое внимание. Она имела вид человека, спасающегося от преследования... Я спросил эту женщину, зачем она сюда попала. На эти слова она ответила: «А зачем вам это нужно?» Тогда я, обыскав ее карманы и взяв портфель и зонтик, предложил ей идти за мной. В дороге я ее спросил, чуя в ней лицо, покушавшееся на товарища Ленина: «Зачем вы стреляли в товарища Ленина?», на что она ответила: «А зачем вам это нужно знать?»... В это время ко мне подошли еще человека три-четыре, которые помогли мне сопровождать ее. На Серпуховке кто-то из толпы в этой женщине узнал человека, стрелявшего в товарища Ленина. После этого я еще раз спросил: «Вы стреляли в товарища Ленина?» — на что она утвердительно ответила... Боясь, как бы ее не отбили из наших рук лица, ей сочувствующие и ее единомышленники, как бы над ней не было произведено толпой самосуда, я предложил находившимся в толпе и имевшим оружие милиционерам и красноармейцам сопровождать нас. А товарищи рабочие, по большей части рабочая молодежь, образовали цепь, которой сдерживали толпу народа, требовавшего смерти преступнице»[1].

Террористку привели обратно на завод. Здесь ее опознал и председатель заводского комитета Н. Я. Иванов,

[1] Пролетарская революция, 1923, № 6—7. С. 280.

приметивший ее еще до начала собрания, когда она подслушивала разговоры рабочих о скором приезде В. И. Ленина. Настроение рабочих было гневным: они готовы были растерзать преступницу, посягнувшую на жизнь вождя.

С. Н. Батулин и заводские рабочие-активисты доставили преступницу в военный комиссариат Замоскворецкого района, куда вскоре прибыли работники органов следствия. В расследовании приняли участие заместитель председателя ВЧК Я. Х. Петерс, народный комиссар юстиции Д. И. Курский, член коллегии НКЮ М. Ю. Козловский, председатель Московского революционного трибунала А. М. Дьяконов, член ВЦИК В. Э. Кингисепп, заведующий отделом ВЧК по борьбе с контрреволюцией Н. А. Скрыпник и другие.

Террористка назвалась Фаней Ефимовной Каплан, 28 лет. На первом допросе, 30 августа, в 11 часов 30 минут вечера, она заявила, что стреляла в В. И. Ленина по политическим мотивам, но отказалась давать подробные объяснения. Она сказала: «Я сегодня стреляла в Ленина. Я стреляла по собственному побуждению... Решение стрелять в Ленина у меня созрело давно... Я считаю себя социалисткой». Преступница упорно скрывала соучастников злодеяния и изображала его «индивидуальным» политическим актом. Она упрямо твердила: «Ни к какой партии не принадлежу... Я совершила покушение лично от себя... Революцией я была недовольна — встретила ее отрицательно. Я стояла за Учредительное собрание и сейчас стою за это. По течению эсеровской партии я больше примыкаю к Чернову... Самарское правительство принимаю всецело и стою за союз с союзниками против Германии». На вопросы об оружии, которым она стреляла, о найденных у нее деньгах и железнодорожном билете Томилино — Москва она отвечала: «Из какого револьвера я стреляла, не скажу... Кто мне дал револьвер, не скажу... Когда я приобрела железнодорожный билет То-

милино-Москва, я не помню... В Томилино я не была... Откуда у меня деньги, я отвечать не буду»[1].

Весть об убийстве М. С. Урицкого и злодейском покушении на жизнь Владимира Ильича Ленина мгновенно облетела страну. Эти террористические акты, а также зверства белогвардейцев против рабочих и крестьян в местностях, где им удавалось свергнуть Советскую власть, вызвали бурю негодования рабочего класса. Теперь уже советские и партийные органы не могли сдержать народной ярости и гнева. Повсюду, еще до опубликования решений правительства, народ по своей инициативе начал ответный массовый красный террор против врагов советской власти.

31 августа в газетах было опубликовано сообщение ВЦИК о покушении на В. И. Ленина. ВЦИК призвал трудящихся усилить борьбу с антисоветскими элементами и объявил, что «на покушения, направленные против его вождей, рабочий класс ответит еще большим сплочением своих сил, ответит беспощадным массовым террором против всех врагов Революции»[2].

1 сентября 1918 г. ВЧК заявила о том, что «обнаглевшая контрреволюция поднимает голову, делая попытки вырвать из наших рядов вождей рабоче-крестьянского дела». Предательский выстрел в Ленина ВЧК с полным основанием расценила как преступление против рабочего класса в целом. Призывая трудящихся сплотить ряды и дружным напором раздавить гидру контрреволюции, ВЧК указывала: «Преступная авантюра с.-р., белогвардейцев и всех других лжесоциалистов заставляет нас на преступные замыслы врагов рабочего класса отвечать массовым террором»[3].

---

[1] Пролетарская революция, 1923, № 6—7. С. 282—285.
[2] Декреты Советской власти. Т. 3. С. 266.
[3] Известия ВЦИК, 1918, 1 сентября.

2 сентября Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, заслушав сообщение Я. М. Свердлова о покушении на жизнь В. И. Ленина, принял резолюцию, в которой предупредил прислужников российской и союзнической буржуазии, что за каждое покушение на деятелей Советской власти будут отвечать все контрреволюционеры и их вдохновители. «На белый террор врагов рабоче-крестьянской власти, — говорилось в резолюции, — рабочие и крестьяне ответят массовым красным террором против буржуазии и ее агентов»[1].

Народный комиссар внутренних дел Г. И. Петровский подписал постановление, в котором потребовал от местных властей положить конец расхлябанности и миндальничанью с врагами революции, применяющими массовый белый террор против рабочих и крестьян. В приказе предлагалось взять из буржуазии и офицерства заложников и при дальнейших попытках контрреволюционных выступлений в белогвардейской среде применять в отношении заложников репрессии. Совет Народных Комиссаров объявил 5 сентября 1918 г., что все лица, причастные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам, подлежат расстрелу[2].

Среди репрессированных тогда были крупные деятели монархической реакции (директор департамента полиции С. П. Белецкий, министр внутренних дел А. Р. Хвостов, министр юстиции И. Г. Щегловитов, ряд деятелей жандармерии и охранных отделений), известные своей жестокостью при подавлении революционных выступлений во времена царизма, а также другие изобличенные враги рабоче-крестьянской власти.

Резкое обострение социально-политической обстановки в стране вынудило пересмотреть карательную линию органов борьбы с антисоветчиной даже в тех местах, где

---

[1] Декреты Советской власти. Т. 3. С. 267.

[2] См.: Декреты Советской власти. Т. 3. С. 291—292

раньше местные организации не создали учреждений, подобных Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией. Так, например, после злодейского покушения на жизнь В. И. Ленина объединенное заседание Совнаркома, ЦИК, Ташкентского Совета и других общественных организаций Туркестанской республики приняло резолюцию, в которой говорилось: «На предательское убийство из-за угла и непрекращающееся противодействие Советской власти мы ответим беспощадным террором над всеми врагами революции». 5 сентября 1918 г. ЦИК и Совнарком республики учредили в Туркестане Чрезвычайную следственную комиссию (по типу ВЧК) с «самыми широкими полномочиями»[1].

Советское правительство рассматривало красный террор как временную исключительную акцию рабочего класса в ответ на антисоветский террор в обстановке острой борьбы против озверевших врагов народа. Массовый красный террор, осуществлявшийся главным образом в начале сентября 1918 г., в дальнейшем, несмотря на подчас весьма тяжелую обстановку в стране, никогда больше в таком виде не применялся.

В напряженных условиях того времени ВЧК расследовала обстоятельства убийства М. С. Урицкого и покушения на жизнь В. И. Ленина. Это было трудное дело. Непосредственные исполнители террористических актов Каннегисер и Каплан отказались назвать сообщников и раскрыть связи с какими-либо политическими организациями. ВЧК вынесла решение о расстреле их. 3 сентября 1918 г. было выполнено постановление о расстреле Каплан, расстреляли в Петрограде и убийцу М. С. Урицкого — Каннегисера.

---

[1] См.: *Арипов Р., Мильштейн Н.* Из истории органов госбезопасности Узбекистана (Документальные очерки истории 1917—1920 гг.). Ташкент, 1967. С.53.

Методы борьбы с антисоветскими силами на заключительном этапе гражданской войны

Как только положение на фронтах гражданской войны улучшилось, Советское правительство и ВЧК вновь рассмотрели вопрос о методах борьбы с антисоветчиной.

В январе 1920 г. Ф. Э. Дзержинский внес в ЦК РКП(б) предложение о том, чтобы от имени ВЧК дать местным органам Чрезвычайной комиссии директиву о прекращении с 1 февраля применения высшей меры наказания (расстрела) и о передаче дел, по которым могло бы грозить такое наказание, в революционный трибунал. 13 января 1920 г. Политбюро ЦК РКП (б) постановило принять это предложение «с тем, чтобы приостановка расстрела была тем же приказом распространена и на ВЧК». Была избрана комиссия «для разработки формального приказа и подтверждения этого приказа от имени правительства в целом»[1].

В изданном ВЧК приказе указывалось, что разгром Юденича, Колчака и Деникина, занятие Ростова, Новочеркасска и Красноярска создают новые условия борьбы с антисоветскими силами и в корне подрывают надежды отдельных групп контрреволюционеров свергнуть Советскую власть путем заговоров, мятежей и террористической деятельности. Теперь можно было отказаться от применения к врагам Советской власти высшей меры наказания — расстрела, «отложить в сторону оружие террора».

Исходя из этих соображений, ВЧК постановила немедленно прекратить применение расстрела по решениям ее органов и войти в Совет Народных Комиссаров с предложением об отмене высшей меры наказания и по приговорам революционных трибуналов. Вместе с тем ВЧК предупреждала, что возобновление прямых нападе-

---

[1] В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917—1922 гг.). С. 324.

ний Антанты на нашу страну «неизбежно может выдвинуть возвращение к методам террора». ВЧК предложила всем чрезвычайным комиссиям обратить усиленное внимание на борьбу со спекуляцией и должностными преступлениями, содействовать налаживанию хозяйственной жизни, устранять препятствия, создаваемые саботажем и недисциплинированностью.

17 января 1920 г. постановлением ВЦИК и СНК применение высшей меры наказания (расстрела) было отменено как по решениям ВЧК и ее местных органов, так и по приговорам революционных трибуналов (за исключением военных трибуналов)[1]. Это постановление утвердила первая сессия ВЦИК VII созыва. В докладе на ней В. И. Ленин говорил:

«Террор был нам навязан терроризмом Антанты, когда всемирно-могущественные державы обрушились на нас своими полчищами, не останавливаясь ни перед чем. Мы не могли бы продержаться и двух дней, если бы на эти попытки офицеров и белогвардейцев не ответили беспощадным образом, и это означало террор, но это было навязано нам террористическими приемами Антанты. И как только мы одержали решительную победу, еще до окончания войны, тотчас же после взятия Ростова, мы отказались от применения смертной казни... И я думаю, надеюсь и уверен, что ВЦИК единогласно подтвердит это мероприятие Совнаркома и разрешит его таким образом, чтобы применение смертной казни в России стало невозможным. Само собой понятно, что всякая попытка Антанты возобновить приемы войны заставит нас возобновить прежний террор...»[2]

На IV конференции губернских чрезвычайных комиссий (3—6 февраля 1920 г.) Ф. Э. Дзержинский поставил вопрос о перестройке работы ЧК и призвал

---

[1] См.: Декреты Советской власти. М., 1975. Т. 7. С. 104—105.

[2] *Ленин В. И.* ПСС. Т. 40. С. 101.

«изыскать такие методы, при помощи которых нам не нужно было бы производить массовых обысков, не пользоваться террором, однако все время вести наблюдение и пресекать корни козней и злонамерений врагов»[1]. Выступивший на конференции В. И. Ленин обратил внимание чекистов на то, что «...первый острый момент борьбы с контрреволюцией, с белогвардейской вооруженной силой как скрытой, так и явной, этот первый острый период, по-видимому, проходит. Но более чем вероятно, что попытки тех или иных контрреволюционных движений и восстаний будут повторяться...» Владимир Ильич призвал чекистов сохранять полную боевую готовность к отражению врага. «Сохраняя эту боевую готовность,— говорил он,— не ослабляя аппарата для подавления сопротивления эксплуататоров, мы должны учитывать новый переход от войны к миру, понемногу изменяя тактику, изменяя характер репрессий»[2]. В изданном 18 марта 1920 г. новом Положении «О революционных трибуналах» последние признавались единственными органами, имеющими право вынесения приговоров (даже в местностях, объявленных на военном положении). В примечании к статье 1 «Положения» было допущено лишь одно изъятие из этого правила: «В целях борьбы с нарушителями трудовой дисциплины, охранения революционного порядка и борьбы с паразитическими элементами населения, в случае, если дознанием не установлено достаточных данных для направления дел о них в порядке уголовного преследования, за Всероссийской Чрезвычайной комиссией и губернскими чрезвычайными комиссиями с утверждения Всероссийской Чрезвычайной комиссии сохраняется право заключения таких лиц в лагерь принудительных работ на срок не свыше 5 лет»[3].

---

[1] Исторический архив, 1957, № 5. С. 184.

[2] *Ленин В. И.* ПСС. Т. 40. С. 113—114, 115.

[3] «Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства» (далее — СУ), 1920, № 22—23, ст. 115.

В приказе ВЧК № 48 от 17 апреля 1920 г. давалось разъяснение местным чрезвычайным комиссиям по поводу этого изъятия. Необходимость его вызывалась тем, что борьба буржуазии и преступного мира против трудящихся еще не вошла в такое русло, когда каждое преступление могло бы караться только судом. Поэтому закон оставил за ВЧК право в административном порядке изолировать антиобщественные элементы и лиц, заподозренных в контрреволюционных деяниях. В таком порядке могли подвергаться заключению бывшие помещики, капиталисты, царские чиновники, члены враждебных Советской власти партий, лица, подозреваемые в спекуляции или уличенные в связи с явными контрреволюционерами, хранившие их переписку или деньги, а также лица, нарушающие трудовую дисциплину или саботирующие хозяйственную жизнь республики[1].

Особенности борьбы с антисоветчиной в условиях нэпа. Образование ГПУ

Разгром основных организованных сил антисоветчины в России и новая экономическая политика усилили процесс расслоения в белоэмигрантских кругах. Наряду с крайними «активистскими» элементами, жаждавшими продолжать борьбу с советским государством прежними авантюристическими методами, появились группы, пересмотревшие способы борьбы с советской властью. Образовалось «сменовеховское течение», получившее свое название от сборника «Смена вех». Его издала группа кадетских профессоров-белоэмигрантов (Ю. В. Ключников, Н. В. Устрялов, Г. Л. Кирдецов, С. С. Лукьянов, П. В. Дюшен, Ю. Н. Потехин), многие из которых принимали

[1] См.: Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917—1921 гг. Сборник документов. М., 1958. С. 386.

раньше прямое участие в антисоветской деятельности. «Сменовеховцы» поняли, что насильственное свержение советской власти в России — дело несбыточное, и свои надежды связывали с новыми явлениями в экономической жизни Советской республики. «Сменовеховцы» полагали, что нэп неизбежно должен привести к восстановлению капитализма, и решили «примириться» с Советской властью. Профессор Ю. В. Ключников, объясняя причины поворота настроений «сменовеховских» кадетов, писал: «Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что решающим моментом перехода нас на новую позицию был момент крушения общего антисоветского фронта в лице Колчака, Деникина, Юденича и Миллера, когда они совместно окружили Советскую Россию и давили на нее. После их поражения всякие мечты об уничтожении Советской власти не только становились безнадежными, но уже и политически вредными и гибельными для России... Мы все следим за усилиями Советской власти наладить экономическую жизнь, обеспечить в России правовой порядок и поддержать в ней культурное творчество. Нам кажется, что «смена вех» есть выражение глубокого органического процесса, переживаемого всей Россией, а именно: сближаются полюсы, открываются возможности людям, стоящим на разных точках зрения, делать одно общее дело. Мы протянули руку большевикам»[1].

Меньшевики и эсеры, так же как и «сменовеховские» кадеты, полагали, что нэп переводит Россию на капиталистические рельсы развития. В политической области они вновь заговорили о создании «демократической республики». Л. Мартов в эмигрантском центральном органе меньшевистской партии «Социалистическом вестнике» в октябре 1922 г. определял политическую задачу своей партии в условиях нэпа: «Таким образом, основная политическая задача может быть формулирована в нашей про-

[1] Известия ВЦИК, 1922, 28 марта.

грамме как борьба всеми средствами организованного массового движения за переход к нормальному режиму демократической республики»[1].

Советское правительство учло поворот в настроениях буржуазной интеллигенции и мелкобуржуазных слоев. Представители этих слоев населения, выразившие готовность работать в советских учреждениях и на советских предприятиях, привлекались к работе по восстановлению народного хозяйства. В. И. Ленин говорил: «Построить коммунистическое общество руками коммунистов, это — ребячья, совершенно ребячья идея. Коммунисты — это капля в море, капля в народном море...

Управлять хозяйством мы сможем, если коммунисты сумеют построить это хозяйство чужими руками, а сами будут учиться у этой буржуазии и направлять ее по тому пути, по которому они хотят»[2].

Через год после введения новой экономической политики XII Всероссийская конференция РКП (б), состоявшаяся в августе 1922 г., констатировала: «В общем и целом за последний год в антисоветском лагере обнаруживается начало серьезного расслоения. Раскол кадетской партии на правых и левых кадетов и образование, в связи с этим, двух отдельных кадетских центров за границей, появление сменовеховского течения среди определенной части буржуазии, начавшийся глубокий раскол церкви, чреватый серьезнейшими последствиями, разделение меньшевиков и эсеров на ряд новых групп и подгрупп... усиление дифференциации среди студенчества в России и даже среди эмигрантской части студенчества, усиливающаяся дифференциация среди верхов бывшего белогвардейского генералитета — все это, вместе взятое, является симптомом ослабления антисоветского лагеря и косвенным подтверждением упрочения наших позиций»[3].

---

[1] Правда, 1922, 10 октября

[2] *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 98.

[3] КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 390.

Но первый же год существования Советской власти в условиях новой экономической политики принес с собой и новые опасные явления, которые необходимо было учесть. Антисоветские партии и течения пытались использовать советскую легальность в своих интересах, взяв курс на «врастание» в советский режим, который они надеялись постепенно изменить в духе буржуазной демократии.

* * *

Новая экономическая политика должна была привести к серьезным изменениям в формах и методах карательной политики диктатуры пролетариата. Как только страна стала переходить на мирное положение, ВЧК поставила вопрос об изменении карательной линии органов борьбы с контрреволюцией.

Важным документом, отразившим изменения карательной линии ВЧК, является приказ ВЧК всем ее местным органам от 8 января 1921 г. Ф. Э. Дзержинский дал в нем указания о коренном изменении методов работы чрезвычайных комиссий. Он писал, что бороться с антисоветчиной старыми методами сейчас нельзя. «Всех подозрительных, которые могут принять участие в активной борьбе... нужно держать на учете, выяснить, проверить. Это гигантская информационная работа, которая должна выступить на первый план...

Грубые признаки различения на своего или не своего по классовому признаку — кулак, бывший офицер, дворянин и прочее — можно было применять, когда Советская власть была слаба, когда Деникин подходил к Орлу...» Теперь, указывал Ф. Э. Дзержинский, буржуазия и ее техническая интеллигенция в значительной части превратились в советских служащих, вошли в советские предприятия и учреждения и «могут погубить все попытки

коммунистов восстановить производство». Определяя этот новый вид подрывной деятельности как «техническую контрреволюцию», Ф. Э. Дзержинский писал: «...опасность технической контрреволюции, руководимой иностранным капиталом, нельзя предотвратить грубыми, случайными ударами чекистского молота. Надо, чтобы он пришелся по руке злодея, а не по самой машине... Здесь нужно иметь в руках точные улики, конкретные данные, которые опять-таки можно получить лишь хорошей информацией... но если нам удастся поставить борьбу с техническими контрреволюционерами на новые рельсы, то само собой понятно, что расправа с пойманными, уличенными саботажниками должна быть беспощадна. Для таких буржуазных преступников должен быть установлен особый, суровый тюремный режим так, чтобы другим неповадно было»[1].

В мае 1921 г. по инициативе газеты «Известия» в печати началось обсуждение вопросов революционной законности. Все выступавшие высказывались за то, чтобы роль обычных судебных учреждений в борьбе с антисоветчиной и уголовной преступностью была повышена, и, в частности, за прекращение практики внесудебного разрешения дел чрезвычайными комиссиями. Однако обстановка 1921 г., когда в стране бушевал политический бандитизм, не давала пока возможности радикально решить все вопросы революционной законности.

23 июня 1921 г. ВЦИК издал декрет об объединении всех революционных трибуналов республики. 11-й пункт декрета устанавливал: «Срок лишения свободы по приговорам чрезвычайных комиссий, без направления дела для судебного разбирательства в народные суды или трибуналы, понизить до двух лет, ограничив присуждение к таковому только в отношении лиц, уличенных в принад-

[1] Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии 1917—1921. Сборник документов. С. 418, 420, 419.

лежности к антисоветским политическим партиям или явно белогвардейским элементам. Все остальные дела, находящиеся в производстве чрезвычайных комиссий, поскольку таковые дела не направляются в трибуналы, обязательно направляются чрезвычайными комиссиями в особые камеры народного суда, подлежащие образованию при каждой чрезвычайной комиссии. В местах, объявленных на военном положении, предоставленные чрезвычайным комиссиям права по применению всех мер наказания, вплоть до расстрела, ограничить исключительно тремя категориями преступлений: а) по делам о шпионаже, б) по делам о бандитских преступлениях, в) по делам об участии в открытом вооруженном восстании. Все чрезвычайные комиссии обязать отчетностью о постановленных ими в несудебном порядке приговорах в Верховный трибунал...»[1].

К осени 1921 г. Красная Армия и Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией в основном закончили ликвидацию политического бандитизма в стране. И тогда Коммунистическая партия и Советское правительство приступили к решению коренных проблем революционной законности и перестройке работы органов борьбы с внутренней контрреволюцией.

15 ноября 1921 г. Совет Народных Комиссаров при рассмотрении одного из вопросов решил образовать комиссию в составе Дзержинского, Курского и Каменева для разработки «норм, регулирующих взаимоотношения ВЧК и НКюста... в частности, нормы об установлении надзора НКюста за следственным аппаратом ВЧК»[2].

В. И. Ленин внимательно следил за работой этой комиссии. Сохранился его собственноручный набросок проекта постановления Политбюро ЦК РКП (б) о ВЧК. Он содержал такие предложения:

---

[1] СУ, 1921, № 51, ст. 294.

[2] В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов. (1917—1922 гг.). С. 528—529.

«1: компетенцию сузить
2: право ареста сузить
3: срок < 1 месяца
4: суды усилить или только в суды
5: название
6е: через *ВЦИК* провести > серьезные умягчения»[1].

1 декабря 1921 г. Политбюро ЦК РКП (б), согласно этим ленинским предложениям, дало комиссии в составе Курского, Дзержинского и Каменева следующую директиву для руководства при разработке нового положения о ВЧК: «а) сузить компетенцию ВЧК, б) сузить право ареста, в) назначить месячный срок для общего проведения дел, г) суды усилить, д) обсудить вопрос об изменении названия, е) подготовить и провести через ВЦИК общее положение об изменении в смысле серьезных умягчении»[2].

Существо и значение этих предложений раскрывается в выступлениях В. И. Ленина и принятых Советским правительством решениях. На заседании IX Всероссийского съезда Советов 23 декабря 1921 г. В. И. Ленин говорил о ВЧК: «...это то учреждение, которое было нашим разящим орудием против бесчисленных заговоров, бесчисленных покушений на Советскую власть со стороны людей, которые были бесконечно сильнее нас...

Без такого учреждения власть трудящихся существовать не может, пока будут существовать на свете эксплуататоры, не имеющие желания преподнести рабочим и крестьянам на блюде свои права помещиков, свои права капиталистов. Это мы очень хорошо знаем...»[3] Но вместе с тем, указывал В. И. Ленин в условиях новой экономической политики, необходимо подвергнуть ВЧК реформе, определить ее функции и компетенцию и ограничить ее

---

[1] *Ленин В. И.* ПСС. Т. 44. С. 261.
[2] В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов. (1917–1922 гг.). С. 539.
[3] *Ленин В. И.* ПСС. Т. 44. С. 327, 328.

работу задачами политическими. «Чем больше мы входим в условия, которые являются условиями прочной и твердой власти, чем дальше идет развитие гражданского оборота, — говорил В. И. Ленин, — тем настоятельнее необходимо выдвинуть твердый лозунг осуществления большей революционной законности, и тем уже становится сфера учреждения, которое ответным ударом отвечает на всякий удар заговорщиков. Таков результат опыта, наблюдений и размышлений, который правительство за отчетный год вынесло»[1].

IX Всероссийский съезд Советов отметил, что в условиях мирного строительства «очередной задачей является водворение во всех областях жизни строгих начал революционной законности».

Съезд указал на необходимость строгой ответственности органов власти, а также граждан за нарушения советских законов, и в то же время потребовал усиления «гарантий личности и имущества граждан». «Судебные учреждения Советской Республики должны быть подняты на соответствующую высоту. Компетенция и круг деятельности Всероссийской Чрезвычайной комиссии и ее органов должны быть соответственно сужены и сама она реорганизована»[2]. Съезд Советов поручил Президиуму ВЦИК в кратчайший срок пересмотреть положение о ВЧК и ее органах в направлении их реорганизации, сужения компетенции и усиления начал революционной законности.

23 января 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) поручило Д. И. Курскому и заместителю председателя ВЧК И. С. Уншлихту, разработать проект постановления об упразднении ВЧК и дало им соответствующие директивы. 2 февраля разработанный проект был рассмотрен Политбюро, а затем

---

[1] Там же. С. 327, 328, 329.
[2] СУ, 1922, № 4, ст. 43.

внесен на рассмотрение Президиума ВЦИК[1]. 6 февраля 1922 г. ВЦИК, исполняя постановление IX Всероссийского съезда Советов, издал декрет, по которому ВЧК и ее местные органы упразднялись. Задачи, которые ранее выполняла ВЧК, — подавление открытых контрреволюционных выступлений и бандитизма, борьба со шпионажем, охрана железнодорожных и водных путей сообщений, охрана границ РСФСР, борьба с контрабандой, выполнение специальных поручений Президиума ВЦИК или СНК по охране революционного порядка и расследование дел о контрреволюции — возлагались на Народный комиссариат внутренних дел, для чего в его составе создавалось Государственное политическое управление (ГПУ) под председательством народного комиссара внутренних дел или назначаемого Совнаркомом его заместителя. На местах вместо чрезвычайных комиссий создавались политические отделы в автономных республиках и областях при ЦИК и в губерниях — при губисполкомах. Все местные политические отделы должны были находиться в непосредственном подчинении НКВД через Государственное политическое управление. В составе ГПУ учреждались особые отделы и транспортные отделы для борьбы с преступлениями в армии и на железной дороге. Декрет строго регулировал порядок арестов, обысков и иных следственных действий, производимых органами ГПУ: устанавливалось, что не позднее двух недель со дня ареста обвиняемому должно быть предъявлено конкретное обвинение, а все расследование должно быть закончено в двухмесячный срок. Лишь в исключительных случаях срок содержания под стражей мог быть продлен Президиумом ВЦИК. Декрет устанавливал следующее важнейшее положение: «Впредь все дела о преступлениях, направленных против советского строя или представ-

[1] См.: В. И. Ленин и ВЧК. С. 549, 551.

ляющие нарушения законов РСФСР, подлежат разрешению исключительно в судебном порядке революционными трибуналами или народными судами по принадлежности». Общий надзор за расследованием дел ГПУ возлагался на Народный комиссариат юстиции[1].

Советское правительство приняло меры к укреплению судебных органов и к разработке твердых законов — кодексов пролетарского государства.

На третьей сессии ВЦИК девятого созыва (12—20 мая 1922 г.) обсуждался представленный Наркомюстом проект Уголовного кодекса. Некоторые участники сессии выступили за исключение из кодекса такой меры наказания, как расстрел. Расстрел, говорили они, может применяться лишь в качестве внесудебной меры революционной борьбы с врагами, а не по суду. Народный комиссар юстиции Д. И. Курский разъяснял, что подобные предложения возвращают нас «к тому моменту, от которого мы отошли». А Советская республика на новом этапе считает необходимым с контрреволюционными преступлениями бороться путем закона[2].

В. И. Ленин следил за подготовкой судебной реформы и изданием кодексов. Ему принадлежала формулировка статьи Уголовного кодекса, в которой давалось определение контрреволюционного преступления и мер наказания за него. Ленин рассматривал пропаганду, агитацию, участие в организации или содействие ей «в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к насильственному ее свержению, путем ли интервенции, или блокады, или шпионажа, или финансирования прессы и

---

[1] СУ, 1922, № 16, ст. 160.

[2] См.: III сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета IX созыва (12—27 мая 1922 г.). Бюллетень. М., 1922, с. 4—5, 13—14.

тому подобными средствами», как контрреволюционные преступления и предложил карать такие преступления «высшей мерой наказания, с заменой, в случае смягчающих вину обстоятельств, лишением свободы или высылкой за границу». Предлагая эту формулировку, В. И. Ленин писал Д. И. Курскому: «Основная мысль, надеюсь, ясна, несмотря на все недостатки черняка: открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически-узкое) положение, мотивирующее *суть* и *оправдание* террора, его необходимость, его пределы.

Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас. Формулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле, более или менее широкого»[1].

Эти ленинские мысли являлись результатом тщательного анализа уроков истории не только гражданской войны в Советской стране, но и истории классовой борьбы в международном масштабе. Еще в апреле 1921 г. в работе «О продовольственном налоге» В. И. Ленин отмечал: «...Мы будем говорить тяжелую, но несомненную правду: в странах, переживающих неслыханный кризис, распад старых связей, обострение классовой борьбы... без террора обойтись нельзя, вопреки лицемерам и фразерам. Либо белогвардейский, буржуазный террор американского, английского (Ирландия), итальянского (фашисты), германского, венгерского и других фасонов, либо красный, пролетарский террор. Середины нет, «третьего» нет и быть не может»[2].

Сессия ВЦИК приняла Уголовный кодекс с учетом указаний В. И. Ленина. Она признала, что рассмотрение дел о контрреволюции должно производиться судебным

---

[1] *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 190.
[2] *Ленин В. И.* ПСС. Т. 43. С. 234–235.

порядком на основе точно определенных законом положений, и допустила расстрел в качестве высшей меры наказания. Сессия ВЦИК приняла также Уголовно-процессуальный кодекс и Положение о прокурорском надзоре. По этим законодательным актам ГПУ становилось органом дознания (а по делам о контрреволюции — органом предварительного следствия), поднадзорным прокурору. Прокурор давал санкции на арест обвиняемых, обязательные для ГПУ указания по расследованию, решал вопросы предания суду и прекращения дела, возникшего в ГПУ. В дальнейшем (согласно Положению о судоустройстве, принятому в октябре 1922 г.) территориальные революционные трибуналы были ликвидированы, и все дела, в том числе и дела о контрреволюционных преступлениях, подлежали рассмотрению в общих судебных учреждениях (губернском суде, Верховном суде). В качестве специальных судов сохранялись лишь военные и военно-транспортные революционные трибуналы.

Органы пролетарской диктатуры получили достаточные средства, чтобы и в условиях новой экономической политики в случае необходимости наносить удары по антисоветчине. Когда различные антисоветские элементы попытались использовать условия нэпа для подрывной деятельности, ГПУ решило применить административную высылку антисоветчиков. Эта операция тщательно подготовлялась. В. И. Ленин еще 19 мая 1922 г. писал Ф. Э. Дзержинскому: «Надо это подготовить тщательнее. Без подготовки мы наглупим». Рассматривая присланные ему издания журнала «Новая Россия», закрытого Петроградским исполкомом за протаскивание враждебных советскому народу идей, В. И. Ленин высказался против закрытия этого «сменовеховского» журнала и поставил вопрос об отмене постановления исполкома; не усмотрел Владимир Ильич и оснований для высылки редактора этого журнала.

Вместе с тем, одновременно рассматривая журнал «Экономист», В. И. Ленин нашел, что этот журнал является явным центром антисоветчины, а его сотрудники *«почти все* — законнейшие кандидаты на высылку за границу». Владимир Ильич предложил более тщательно просматривать некоммунистические издания, «собрать *систематические* сведения о политическом стаже, работе и литературной деятельности профессоров и писателей», вылавливать и высылать за границу явных контрреволюционеров, пособников Антанты, ее слуг и шпионов и растлителей учащейся молодежи[1].

В августе — сентябре 1922 г. по постановлению Государственного политического управления из Петрограда, Москвы, Киева и других крупных центров страны в административном порядке были высланы наиболее активные антисоветские элементы. «Правда» по этому поводу разъясняла: «Высылка активных контрреволюционных элементов из буржуазной интеллигенции является первым предостережением Советской власти по отношению к этим слоям. Советская власть по-прежнему будет высоко ценить и всячески поддерживать тех представителей старой интеллигенции и специалистов, которые будут лояльно работать с Советской властью, как работает сейчас с ней лучшая часть специалистов. Но она по-прежнему в корне будет пресекать всякую попытку использовать советские возможности для открытой или тайной борьбы с рабоче-крестьянской властью за реставрацию буржуазно-помещичьего режима»[2].

Примерно в то же время ГПУ произвело в Москве аресты спекулянтов-валютчиков. Как высылка представителей антисоветской интеллигенции, так и аресты «черных биржевиков» вызвали ложные толки, будто Советское правительство отказывается от провозглашенной

---

[1] См.: *Ленин В. И.* ПСС. Т. 54. С. 265, 266.

[2] Правда, 1922, 31 августа.

им новой экономической политики. В.И. Ленин в интервью с корреспондентом английских газет, разъясняя причины ареста валютчиков, заявил: «...арестованы исключительно деятели так называемой черной биржи, и в руках наших властей имеются данные, устанавливающие связь этих биржевиков-валютчиков с некоторыми сотрудниками иностранных миссий в Москве, причем эти данные устанавливают не только продажу платины, золота (слитков), но и организацию контрабандной переправы этих ценностей за границу.

Из этого Вы можете видеть, как абсолютно лишены содержания слухи о том, будто бы мы кладем конец «новой экономической политике», и как до последней степени фальшивы обвинения антирусской печати в Англии, которая старается самым неслыханным извращением дела и обманом представить нашу политику в ложном свете. На самом деле абсолютно не было и речи в каких бы то ни было правительственных кругах о том, чтобы положить конец «новой экономической политике» и вернуться к старой. Вся работа правительства, между прочим, в происходящей сейчас сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, направлена к тому, чтобы то, что называется новой экономической политикой, закрепить законодательно в наибольшей степени для устранения всякой возможности отклонения от нее»[1].

Советские органы государственной безопасности и в дальнейшем применяли административную высылку преступных и антисоветских элементов. К такого рода мерам следует отнести, например, очищение в 1923 г. Москвы и других крупных центров РСФСР от паразитических и социально опасных элементов. Предлагая осуществить эту меру, председатель ОГПУ Ф. Э. Дзержинский в докладе ЦК РКП (б) 22 октября 1923 г. писал: «Одним из немаловажных факторов, вздувающих цены на фабрика-

---

[1] *Ленин В. И.* ПСС. Т. 45. С. 243–244.

ты, являются злостные спекулянты, которые своей профессией избрали вздувание цен (особенно валюты) и опутывание своими махинациями трестов, кооперации и их работников. Особенно Москва, местонахождение главнейших трестов, Центросоюза и банков, их привлекает к себе. Съезжаются сюда со всех концов СССР. Они овладевают рынками, черной биржей. Метод их действия — подкуп и развращение; Если спросите их, чем они живут, они вам этого не смогут рассказать, но живут они с полным шиком... Это тунеядцы, растлители, пиявки, злостные спекулянты. Они-то развращают, втягивая постепенно и незаметно, наших хозяйственников».

В декабре 1923 г. за подписью Ф. Э. Дзержинского появилось такое сообщение «Ко всем гражданам города Москвы: жестокий жилищный кризис в Москве и продолжающееся заполнение Москвы социально опасными элементами поставили перед ОГПУ задачу очищения города Москвы и крупнейших центров РСФСР от той накипи нэпа, которая взамен участия в нормальном товарообороте и производстве взяла на себя паразитическое использование новой экономической политики. Во исполнение указаний правительства и наказа вновь избранному Моссовету об освобождении Москвы от элементов, не занятых никакой общественно полезной работой, ОГПУ в последнее время произведены аресты и высылка социально опасных элементов. Всего по сей день арестовано 916 человек, из коих 532 высланы за пределы Москвы в различные места, а остальные будут высланы в ближайшие дни. По категориям высылаемые делятся: 1) торговцев спиртом — 110 человек; 2) шулеров и аферистов — 156 человек; 3) контрабандистов ценностей, валютчиков и пр. — 120 человек; 4) лиц без определенных занятий, занимающихся ростовщичеством и пр., — 453 человека; 5) торговцев кокаином — 24 человека; 6) содержателей притонов — 53 человека. Итого — 916 человек. ОГПУ предупреждает, что в отношении лиц, не имеющих определенных за-

нятий и прибывших в Москву в целях паразитического существования, будет и впредь применяться высылка в отдаленные места республики... Вместе с тем ОГПУ указывает, что те, кто участвует в нормальном товарообороте и производстве, уплачивая соответствующие налоги и ведя соответствующие законам СССР торговые и производственные дела, могут совершенно спокойно продолжать их, не опасаясь никаких преследований и высылок»[1].

* * *

В течение 1922—1925 гг. советский народ добился огромных успехов.

На повестку дня был поставлен вопрос об образовании единого государства — Союза Советских Социалистических Республик. Съезд Советов УССР — 13 декабря, Белорусской ССР — 18 декабря, ЗСФСР — 13 декабря и РСФСР — 26 декабря 1922 г. раздельно постановили образовать СССР;

30 декабря 1922 г. созванный в Москве съезд Советов СССР принял Декларацию об образовании СССР. II съезд Советов СССР 31 января 1924 г. утвердил окончательный текст Основного Закона (Конституции) СССР.

Союз Советских Социалистических Республик становился великой державой, с которой должны были считаться все государства мира. В течение 1921—1924 гг. Советское правительство заключило сперва торговые соглашения, а затем (главным образом в 1924 г.) установило нормальные дипломатические отношения с 22 государствами мира, в том числе со всеми, за исключением США, великими державами, заявившими о юридическом признании СССР.

В связи с образованием Союза ССР Советское правительство 15 ноября 1923 г. приняло новое положение,

[1] Правда, 1923, 25 декабря.

регулирующее работу органов государственной безопасности. Было учреждено единое для всего Советского Союза самостоятельное ведомство охраны государственной безопасности — Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при Совете Народных Комиссаров СССР. ОГПУ должно было руководить работой ГПУ союзных республик, особых отделов военных округов, органов ГПУ на железнодорожных и водных путях сообщений и их местных органов. В новом Положении об ОГПУ закреплялись правила расследования и рассмотрения дел о контрреволюции, разработанные Советским правительством при переходе к новой экономической политике.

В 1922—1925 гг. антисоветский лагерь в стране стремительно сокращался. Кадетская партия в Советской стране окончательно распалась. За время с 1918 г. до конца 1922 г. развалилась и меньшевистская партия, из которой вышли такие ее представители, как О. А. Ерманский, И. М. Майский, А. А. Трояновский, А. С. Мартынов, Б. И. Горев, Феликс Кон, Л. М. Хинчук, Н. А. Рожков, М. Г. Рафес, С. Семковский. Член ЦК меньшевистской партии О. А. Ерманский писал: «Мы видели, что находим поддержку главным образом в среде мещанства... Это действовало удручающим образом»[1].

Успехи советской власти заставили в эти годы некоторых даже наиболее активных представителей антисоветчины отказаться от продолжения борьбы с государством.

Один из лидеров антисоветского «Союза возрождения России», бывший член Уфимской директории и ее главнокомандующий генерал В. Г. Болдырев, боровшийся с Советской властью с первых дней Октября, в июне 1923 г., будучи арестованным, обратился во ВЦИК с таким заявлением: «Внимательный анализ пережитых пяти лет революции привел меня к убеждению:

---

[1] *Ерманский О. А.* Из пережитого. (1887—1921 гг.). М.—Л., 1927. С. 200.

1) что за весь этот период только Советская власть оказалась способной к организационной работе и государственному строительству среди хаоса и анархии, созданных разорительной европейской, а затем внутренней гражданской войнами, и в то же время, оказалась властью твердой и устойчивой, опирающейся на рабоче-крестьянское большинство страны;

2) что всякая борьба против Советской власти является безусловно вредной, ведущей лишь к новым испытаниям, дальнейшему экономическому разорению, возможному вмешательству иностранцев и потере всех революционных достижений трудового населения;

3) что всякое вооруженное посягновение извне на Советскую власть, как единственную власть, представляющую современную Россию и выражающую интересы рабочих и крестьян, является посягновением на права и достояние граждан Республики, почему защиту Советской России считаю своей обязанностью.

В связи с изложенным, не считая себя врагом Советской России и желая принять посильное участие в новом ее строительстве, я ходатайствую (в порядке применения амнистии) о прекращении моего дела и об освобождении меня из заключения»[1].

Советское правительство амнистировало Болдырева, и он впоследствии добросовестно служил в советских учреждениях.

С 1922 г. в разных странах Европы стали возникать «Союзы возвращения на Родину» («Совнарод»), деятели которых призывали всех честных людей русской эмиграции, коим были дороги интересы родной страны, возвращаться в Советский Союз и искупить честной работой те преступления, которые они совершили в рядах белогвардейских армий.

---

[1] *Болдырев В. Г.* Директория. Колчак. Интервенты. С. 12—13. 171.

Движение за возвращение на родину принесло свои плоды. Советское правительство способствовало этому движению, осуществив ряд амнистий (1921—1924 гг.), которые предоставляли возможность бывшим солдатам и офицерам белых армий вернуться в СССР на правах возвращающихся на родину военнопленных. Тысячи солдат и казаков воспользовались этим правом.

Лидер кронштадтского мятежа 1921 года С. М. Петриченко тоже разочаровался в «прелестях» эмиграции и пожелал вернуться в СССР. В письме от 17 ноября 1923 г. он писал: «Скажу вам, что... стихийно на поверхность был выброшен я. Ну, а дальше, уже подхлестываемый стихией и по инерции, я вынужден был продолжать начатое... Не могу сказать, что в то время... я был убежденный в каком-либо направлении и сильной воли человек, а скорее был похож на обывателя с мещанской душой. Поэтому и неудивительно, что я не устоял перед стихией... Очень во многом себя теперь обвиняю, ибо горький опыт заставил меня понять, научиться многому... Жить здесь, слушать эмигрантские сплетни, грызню и т. п. противно стало... И все эти люди присваивают себе право на звания «мозг России», «носители российского общественного идеала», «цвет и гордость русской нации», «поборники свободы» и т. д. Полюбуйтесь, как Вам нравится! Чем не крепкие слова. Одно время и я всем этим интересовался и увлекался, но давно уже разочаровался и бросил всех и все»[1].

И в заключение этой главы приведем одно из опубликованных заявлений, подписанное рядом видных генералов и офицеров белогвардейских армий, находившихся в эмиграции на Балканах:

«К войскам белых армий. Боевые наши соратники! Настоящим обращением мы оповещаем всех вас, что отныне мы признаем в качестве Российского правительства

---

[1] Ленинградская правда, 1927, 17 марта.

нынешнее Правительство Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и готовы перейти на службу в Российскую Рабоче-Крестьянскую Красную Армию. Мы все даем обещание быть лояльными гражданами Советской Республики и честными солдатами ее революционной армии.

Гражданская война и годы эмиграции наглядно показали, что идеология белого движения потерпела полное крушение, потому что по существу своему являлась глубоко антигосударственной и противонародной. Выброшенное в эмиграцию белое движение выродилось в ряд авантюр, лишенных какого бы то ни было идейного содержания. Зародившееся под лозунгом спасения отечества белое движение уже давно является ярко выраженным движением против России.

Особенно показательной и требующей сурового осуждения является деятельность барона Врангеля, для которого несчастное положение беженских масс и бывшей армии является источником власти и который не оставляет попыток возобновить вооруженное нападение на Россию. Врангель не только являет собою угрозу мирной жизни в России, но и торгует русским оружием, носить которое мы почитали своей гордостью. Мы наблюдаем русские войсковые части на службе у государств, не состоящих с Россией ни в союзе, ни в дружественных отношениях. Несомненным преступлением против России является удар по тылу Российской Красной Армии в период наступления ее на поляков, преступным является и постоянная готовность Врангеля к борьбе с Новой Россией на стороне ее врагов. Мы не можем ни сочувствовать, ни нести ответственность за этот авантюризм.

С другой стороны, нужно признать, что пятилетнее существование Советской власти свидетельствует о том, что эта власть признана русским народом и пользуется его всемерной поддержкой. Доходящие до нас из России сведения определенно говорят о том, что наша родина

вышла из полосы первоначального революционного хаоса и вступила на путь творческой созидательной работы.

На международной политической арене Советское правительство является единственным защитником интересов России и ее государственного суверенитета...

Мы уверены, что наш пример увлечет за собою всех наших честных боевых соратников. Да здравствует же Революционная Советская Россия, великая наша Родина!

Александр Секретов, генерал-лейтенант, бывший командир Донского конного корпуса. Юрий Гравицкий, генерал-майор, бывший начальник Марковской дивизии Добровольческой армии. Иван Клочков, генерал-майор, бывший командир 2-й бригады 1-й Донской казачьей дивизии. Евгений Зеленин, генерал-майор, помощник начальника Алексеевской пехотной дивизии. Дмитрий Житкевич, полковник, бывший командир Самурского пехотного полка. Вячеслав Оржановский, полковник, причисленный к Генеральному штабу, старший адъютант штаба Корниловской дивизии. Николай Климович, полковник, бывший командир 1-го Сунженско-Владикавказского пластунского батальона. Михаил Лялин, полковник, бывший командир бронепоезда «Единая Россия».

Глава 2

БОРЬБА С ВНЕШНИМИ ВРАГАМИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Подрывная деятельность агентов иностранных держав против Советского государства

Иностранные державы не ограничивались созданием военных фронтов против Страны Советов. Они всячески насаждали и укрепляли свою агентуру в советском тылу. Зарубежная агентура явилась ядром антисоветского подполья. Ее существование было серьезной угрозой для Советского государства.

Сразу после победы Октября активную подрывную и шпионскую деятельность развязала агентура кайзеровской Германии.

В конце 1917 — начале 1918 г. в Петрограде действовала антисоветская организация, возглавляемая бывшим присяжным поверенным и биржевым дельцом Н. Н. Ивановым, сторонником германской ориентации. Иванов был связан с генералом Н. Н. Юденичем, находившимся тогда в Петрограде. Организация пыталась достигнуть соглашения с германским генеральным штабом, который должен был двинуть несколько немецких корпусов на Петроград, чтобы свергнуть Советскую власть. Через начальника Северного германского фронта, с которым он был связан непосредственно, Иванов, тайно ездивший в Германию, вед переговоры с начальником генерального штаба германской армии Людендорфом и получал средства из немецких источников. Участники этой антисоветской организации подкупали темных, малосознательных

людей, авантюристов, создавали в Петрограде шпионские группы. Им удалось проникнуть в минный дивизион Балтийского флота и вызвать там волнения. Иванов пытался установить связи и с правоэсеровскими группами[1]. Однако организация не нашла поддержки в народе и вскоре была разоблачена и ликвидирована.

В феврале 1918 г. германская экспансия представляла собой главную угрозу для Советской республики. Всероссийская чрезвычайная комиссия 23 февраля радиодиограммой предупреждала все Советы, что навстречу и в помощь наступавшим германским войскам устремилась польская, белорусская и украинская буржуазия. «Всероссийская буржуазия с нетерпением ожидает и радуется пришествию Вильгельма,— говорилось в радиограмме ВЧК.— Она с каждым днем льет ушаты грязи, клеветы и подлости на российскую революцию... Вильгельм — извне, российская контрреволюция — изнутри, [собираются ударить] в лицо и в спину Советской Социалистической Республике, помочь взять Петроград, Москву и другие российские города. Штабы этого вооруженного восстания раскрыты. Центральные штабы находятся в Петрограде и в Москве, а остальные почти по всем городам России. Названия они носят: «Организация борьбы с большевиками и отправка войск к Каледину», «Все для родины», «Белый крест», «Черная точка». Многие из штабов вооруженного восстания ютятся в различных благотворительных организациях, как-то: помощь пострадавшим от войны офицерам и т. п.»[2].

* * *

Подрывную антисоветскую работу вело официальное дипломатическое представительство Германии и после Брестского договора.

---

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1-а, д. 346, л. 31—33, 183—189, 197—199.
[2] Известия ВЦИК, 1918, 23 февраля.

Опубликованные документы немецких дипломатических архивов, в том числе донесения посла в России Мирбаха рейхсканцлеру Германии Г. Гертлингу и министру иностранных дел Р. Кюльману за апрель—июнь 1918 г., раскрывают подробности антисоветской деятельности германского посла в Советской стране.

Уже с первых дней пребывания в Москве Мирбах беспокоился, как бы его не опередили в установлении тайных связей с русскими антисоветскими группами. Он видел свою задачу в «предотвращении объединения под руководством Антанты противников находящейся в агонии большевистской системы». Он писал: «Длительный развал экономики и постоянное тяжелейшее ущемление всех наших интересов могут в любое время и в удобный для нас момент быть использованы как предлог для военного выступления. Любое крупное наше выступление — при этом вовсе нет необходимости занимать с самого начала обе столицы — сразу же автоматически приедет к падению большевизма, и так же автоматически заранее подготовленные нами и всецело преданные нам новые органы управления займут освободившиеся места».

Соответственно этим «планам», т.е. с ведома и согласия своего правительства, Мирбах и его сотрудники — советники К. Рицлер и Р. Басевиц — приняли меры к установлению связей с различными реакционными антисоветскими группами.

«Из многочисленных групп, с которыми были попытки установления связей, — доносил Мирбах, — политическое значение имеют три: ... группа правого центра, финансовый магнат из Петербурга Ярошинский и Временное правительство в Харбине — Омске». Наибольшее же значение Мирбах придавал отношениям с «Правым центром», так как «благодаря этому, — цинично писал Мирбах, — мы прежде всего сумеем использовать большой процент влиятельных представителей промышленных и финансово-банковских кругов для наших безбрежных

экономических интересов». Вот почему Мирбах и его советники вступили в переговоры с одним из руководителей «Правого центра», бывшим царским министром земледелия А. В. Кривошеиным.

Мирбах информировал германское правительство о ходе переговоров с «Правым центром». В последнем донесении, от 28 июня 1918 г., он писал: «Во время последней беседы с представителями группы «Правого центра» ... князь Урусов и бывший помощник министра Леонтьев сообщили, как они представляют себе выступление этой группы против большевиков. Надежда на удачу путча, организованного собственными силами, по их мнению, за последнее время возросла. Не исключается возможность, что его удастся осуществить через несколько недель... Если путч удастся, то группа будет вынуждена, чтобы заставить многочисленные... группы, в особенности в Сибири, присоединиться и подчиниться ей, заключить с ними договор, в котором будет оформлено их право выступать от имени монарха. Затем они собираются опубликовать против большевиков манифест, в котором объявят программу нового правительства, а также о созыве всеобщего Земского (Учредительного) собрания и о заключении мира с другими державами. При этом группа считает нужным выразить пожелание о смягчении Брестского договора, которое вернуло бы России жизнеспособность. Группа все еще обеспокоена возможностью, что царь или другой член царской фамилии попадет в руки Антанты и будет использован ею для своих комбинаций. Группа пытается установить контакты с сибирскими генералами и, как я уже сообщал ранее, удержать генералов с Дона от перехода на сторону держав Антанты и от участия в их комбинациях»[1].

---

[1] Документы — донесения Мирбаха — опубликованы С. М. Драбкиной в журнале «Вопросы истории», 1971, № 9. С. 120—129.

Приведенные выше документы не нуждаются в комментариях. Но планам деятелей русского антисоветского движения и их германских вдохновителей не суждено было осуществиться.

* * *

Продолжали вести подрывную антисоветскую работу миссии и посольства держав Антанты и США. Французской агентурой в России руководили посол Франции Жозеф Нуланс и глава военной миссии генерал Альфонс Лаверн. От имени правительств «союзных» стран Нуланс распространил среди так называемых русских общественных деятелей заявление, в котором выражалось «соболезнование» по поводу заключения Брестского мира и готовность «помочь» русскому народу. Лицемерно заверяя, что «союзники» будто бы не намерены вмешиваться во внутренние дела России, французский посол рекомендовал «общественным деятелям» образовать собственное русское правительство, которое стало бы «правительством директивного типа, опирающимся на национальный фронт... и имело бы своей задачей созвать Учредительное собрание»[1].

Французский журналист Рене Маршан, находившийся при французском генеральном консульстве в Москве, рассказывал впоследствии советским следственным органам: «Французская миссия и консульство в Москве по поручению Нуланса имели и поддерживали в 1918 г. связь отдельно и специально с каждой из политических группировок в России. Связь с Савинковым поддерживалась через Готье, связь с монархическими организациями — через графа де Шавиньи, связь с меньшевиками —

---

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1-а, д. 363, л. 75—76.

через бывшего депутата-социалиста Шарля Дюма, связь же с партией с.-р. поддерживалась миссией через Эрлиха... Я знаю, что французский консул Гренар придавал большое значение связям с эсерами и Савинковым... Партия эсеров получала довольно значительные субсидии от французского консульства через Эрлиха для работы своих боевых дружин... Под именем «мосье Анри» в Москве в 1918 г. работал агент миссии для разрушений. Его фамилия Вертимон. Это — морской капитан, он занимался тогда работами по разрушению железных дорог и железнодорожных мостов... В работе Вертимона принимал участие представитель английской военной миссии Рейли»[1]. Далее Рене Маршан уточнил: «Деятельность генерального консульства все время, даже в тот период, когда велись переговоры с Советской властью... в действительности была исключительно направлена к свержению Советской власти, для каковой цели велись переговоры с политическими русскими группами... Презрение Нуланса к России было чем-то поразительным... Я помню одну фразу, весьма характерную, когда на докладе Эрлиха о переговорах с Черновым Нуланс сказал: «Передайте им, что нам довольно этих социалистических экспериментов в России и что мы больше никаких социалистических экспериментов не намерены допускать...» Помимо связи консульства с партией социалистов-революционеров для политических действий, была с нею связь для так называемых активных действий у французской военной миссии. Члены ЦК партии эсеров встречались на тайной, квартире с капитаном Лораном, который был раньше членом французской миссии в Петрограде и, официально уехав во Францию, затем совершенно секретно вернулся в Россию»[2].

---

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1-а, д. 346, л. 176—177

[2] Там же, д. 362, л. 33, 35, 37.

Правительство Англии также интенсивно вело враждебную деятельность против Советской страны. Сразу же после Октября английский кабинет министров, обсуждая политику в отношении Советской власти, высказался за финансовую и иную поддержку любых антисоветских сил при условии, если последние «дадут гарантию следовать в фарватере политики союзников». Английскому послу в России Джорджу Бьюкенену было разрешено истратить около 10 миллионов рублей на развитие антисоветского движения в России. А 7 декабря 1917 г. английский кабинет министров в своем решении формально записал, что правительство Англии «взяло на себя риск поддержки мятежного генерала Каледина и антисоветских сил на Украине».

В официальной справке английского Форин Оффис указано, что Англия израсходовала на антисоветскую деятельность с 1 января 1918 по 31 марта 1921 г. 89,7 миллиона фунтов стерлингов[1]. Даже эта явно заниженная сумма достаточно красноречиво говорит об огромных ассигнованиях английской разведки на подрывную деятельность против Советской России.

Для проведения тайной подрывной работы против Советской республики английское правительство систематически посылало на советскую территорию лучших агентов своей разведки.

Вскоре после Октября в знак непризнания рабоче-крестьянского правительства английский посол Дж. Бьюкенен покинул Россию. Впрочем, он оставил в Петрограде своих сотрудников, продолжавших военную и разведывательную работу; среди них был опытный разведчик — капитан морской службы Френсис Аллен Кроми.

В январе 1918 г. английское правительство командировало в Россию миссию во главе с Робертом Гамильто-

---

[1] См.: Вопросы истории, 1968, № 12. С. 74, 75.

ном Брюсом Локкартом, в прошлом работавшим несколько лет в английском генеральном консульстве в Москве, Локкарт слыл в Англии, как он сам выражался, «особенно искусной ищейкой» и оказывал услуги военному министерству, выведывая военные тайны России. Он имел широкие знакомства в аристократических и бюрократических кругах Москвы. Эти качества Локкарта и были учтены при назначении его руководителем британской миссии в Советской стране.

Прибыв в Россию, Локкарт прикинулся другом, доброжелателем, стоящим за признание Советского правительства, и, прикрываясь этой маской, вел разведывательную и подрывную работу, В опубликованной много лет спустя книге-«исповеди» Локкарт писал:

«Хикс (помощник Локкарта по разведке.— *Д. Г.)* служил посредником между мной и врагами большевиков. Они были представлены в Москве так называемым Центром, имевшим левое и правое крыло, а кроме того, Лигой спасения России, созданной Савинковым. Между этими двумя организациями происходили постоянно распри... Оба контрреволюционных органа были единодушны лишь в одном отношении — оба желали получить от союзников помощь деньгами и оружием... На протяжении многих недель финансирование их было предоставлено всецело французам. Политические агенты Алексеева и Деникина ставили мне в укор, что я отстраняюсь на задний план... Я принял часть финансирования на себя. Раздобыть наличные деньги было не очень трудно, хотя банки и были закрыты... Многие русские обладали крупными запасами наличных рублей, которые они охотно обменивали на переводы на Лондон. Для большей безопасности мы поручили сбор этих денег одной английской фирме в Москве, которая вела торговлю с русскими. Она устанавливала курс и выдавала переводы на Лондон. В некоторых случаях мы принимали на себя гарантии за эту фирму. Рубли доставлялись в американское генеральное консуль-

ство и вручались Хиксу, который заботился об их дальнейшем направлении»[1].

Когда английское правительство окончательно приняло решение об интервенции в России, в Москву был командирован помимо Локкарта еще и специальный агент английской военной разведки лейтенант Сидней Джордж Рейли. Это был один из искуснейших представителей английской разведки, занимавшийся шпионажем во время Первой мировой войны. Как пишет Локкарт, под именем Сиднея Рейли скрывался некий Розенблюм, родившийся в Одессе. Он занимался коммерцией и жил главным образом в Петербурге, а во время войны оказался в Англии, принял тамошнее гражданство, женился на ирландке и в честь тестя (Келлэгрена Рейли) принял его фамилию и назвался Сиднеем Рейли[2]. Перед Рейли была поставлена задача — проводить подрывные действия для свержения Советской власти. В апреле 1918 г. он появился в России, установил контакты с другими агентами английской разведки и многими деятелями русского антисоветского движения. Прекрасно зная русский язык и выдавая себя то за русского, то за «турецкого и восточных дел негоцианта», пользуясь поддельными документами (жил в Петрограде под фамилией Массиве, в Москве — Константинова), Сидней Рейли активно занялся вербовкой агентуры среда антисоветских элементов и повел энергичную подрывную и разведывательную работу против Советской страны.

---

[1] *Локкарт Р.* Буря над Россией. Исповедь английского дипломата. Рига, 1933, с. 282, 307. Впоследствии сын Локкарта, Робин Брюс Локкарт, в книге «The ace of spies» (London, 1967, p. 74) писал, что Локкарт собрал у русских капиталистов через английскую фирму около 8 400 000 рублей, которые были обращены на финансирование подрывной деятельности против Советской России.

[2] См.: *Локкарт Р.* Буря над Россией. Исповедь английского дипломата. С. 267, 319.

Летом 1918 г. англичане послали в Россию еще одну миссию, состоявшую из бывшего английского консула в Кашгаре Джорджа Маккартни, полковника Ф. Бейли, майора Блэккера и переводчика Хана Сахиба Ифтихар Ахмеда (клерка кашгарского генерального консула). Прибыв 14 августа 1918 г. из Индии в Ташкент, англичане заявили, что желают установить контакт с местными советскими властями. Фактически же это была шпионская миссия.

Активную работу против молодой Советской республики вели и агенты Соединенных Штатов Америки, возглавляемые послом Давидом Роулендом Френсисом.

Представители держав Антанты на первых порах делали ставку на так называемые демократические группировки внутри антисоветского лагеря.

«Союз возрождения России», о котором уже говорилось, имел военную организацию, готовившую кадры для антисоветских вооруженных выступлений и для участия в военных действиях против Германии. Эта организация финансировалась «союзниками». Один из ее руководителей в Петрограде, генерал А. И. Верховский, в прошлом военный министр Временного правительства, спустя несколько лет рассказывал: «Я был в марте 1918 г. персонально приглашен «Союзом возрождения России» в состав военного штаба «Союза». Военный штаб являлся организацией, имевшей целью организацию восстания против Советской власти... Военный штаб имел связи с союзническими миссиями в Петрограде. Сношениями с союзническими миссиями ведал генерал Суворов... Представители союзнических миссий интересовались моей оценкой положения с точки зрения возможности восстановления... фронта против Германии. Я имел по этому поводу беседы с генералом Нисселем — представителем французской миссии. Военный штаб через кассира штаба

Суворова получал денежные средства от союзнических миссий»[1].

Другой деятель штаба «Союза возрождения России» — член ЦК партии народных социалистов В. И. Игнатьев — впоследствии также подтверждал, что источник средств организации был «исключительно союзнический». Первую сумму из иностранных источников Игнатьев получил от генерала А. В. Геруа, к которому его направил генерал М. Н. Суворов. Из беседы с Геруа он узнал, что генералу поручено отправлять офицеров в Мурманский район в распоряжение английского генерала Ф. Пуля и что на это дело ему отпущены средства. Игнатьев получил некоторую сумму от Геруа, затем получал деньги от одного агента французской миссии — 30 тысяч рублей[2].

В Петрограде действовала и другая шпионско-подрывная антисоветская группа, возглавляемая доктором Ковалевским. Она также направляла офицеров, преимущественно гвардейских, английскому генералу Пулю в Архангельск через Вологду. Группа высказывалась за установление в России военной диктатуры и содержалась на английские средства. Представитель этой группы, уже известный нам английский агент капитан Г. Е. Чаплин, работал в Архангельске под фамилией Томсон[3].

Интересные детали о связях дипломатических представителей стран англо-французской коалиции и США с «Союзом возрождения России» сообщил один из деятелей этого «Союза», В. А. Мякотин, в воспоминаниях, опубликованных за рубежом. Он писал о том, что все сношения с дипломатическими представителями союзников ве-

---

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1-а, д. 346, л. 195. А. И. Верховский был арестован в мае 1918 г. и вскоре освобожден. После этого он отошел от антисоветской деятельности и служил в Красной Армии.

[2] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1-а, д. 362, л. 123—126.

[3] См.: *Игнатьев В. И.* Некоторые факты и итоги четырех лет гражданской войны. М., 1922. Ч. I (1917—1921 гг.). С. 17—18. Ковалевский был впоследствии разоблачен и расстрелян.

ли несколько членов центральной организации «Союза». Пока послы союзников находились в Москве, эти связи осуществлялись через французского посла Нуланса, позже, когда послы уехали в Вологду, — через французского консула Гренара. При первой встрече с членами «Союза возрождения России» представители союзников заверили их, «что они продолжают видеть в России союзницу, временно попавшую в бедственное положение, и хотели бы всячески прийти ей на помощь... При одном из следующих свиданий представители держав Согласия поставили «Союзу» вопрос, как отнеслось бы население России к высадке союзников в русских пределах для борьбы с Германией...»

Мякотин подтвердил также, что французы финансировали «Союз возрождения России». Он, между прочим, отметил бесцеремонное поведение французского посла Нуланса во время переговоров с членами «Союза». Был случай, когда в беседе с Нулансом они указали «на некоторые неправильные действия представителей союзников в России». В ответ он заявил, что «союзники собственно, и не нуждаются в содействии русских политических организации и, если высадят свои войска в России, смогут удовольствоваться непосредственными сношениями с русскими железнодорожниками, кооператорами и т. д.»[1].

Средства, полученные от представителей стран англо-французской коалиции и США «Союзом возрождения России» в целом и отдельными антисоветскими организациями, использовались на подготовку антисоветских переворотов.

Были связаны с «союзными» разведчиками и правоэсеровские заговорщики. Так, например, диверсионно-подрывная эсеровская группа, во главе которой стоял бывший офицер М. А. Давыдов, поддерживала в Москве

---

[1] *Мякотин В.* Из недалекого прошлого // На чужой стороне, 1923, № 2 (Прага). С. 188–190.

связь с «подрывником», уже упоминавшимся выше французским разведчиком «мосье Анри» (морским капитаном Вертимоном), от которого получала взрывчатые вещества для диверсий в тылу Красной Армии. В обвинительном заключении по делу правых эсеров отмечалось: «Давыдов встречался вместе с Глебом (другим участником диверсионной группы. — *Д. Г.*) *с* двумя французами, с Мартеном, среднего роста, бритым, темным блондином, и с Анри, худощавым брюнетом, на Страстном бульваре, где и был разговор с Мартеном о снабжении группы оружием. С Анри встреча была у Красных ворот. Явочная квартира у французов была у Мясницких ворот, в каком-то французском убежище «Азиль». От французов было получено два револьвера и три коробки с взрывчатыми веществами... Согласно показаниям гр. Рене Маршана... Вертимон является как раз тем лицом из французской миссии, которое фигурирует, по показаниям Давыдова, под именем Анри. Эта компания работала по разрушению железных дорог». В том же обвинительном заключении отмечалось, что французский гражданин Паскаль (молодой офицер, работавший во Французской военной миссии) рассказал на предварительном следствии, что «в Москве заготовкой гранат и бомб ведал Лоран, а Вертимон имел запас взрывчатых веществ»[1].

Против шпионов с дипломатическими паспортами

В январе 1918 г. Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем выяснила, что существовавшие в Петрограде некоторые «благотвори-

---

[1] Обвинительное заключение по делу Центрального комитета и отдельных членов иных организаций партии социалистов-революционеров... с. 113.

тельные общества», официальной целью которых было оказание помощи нуждающимся офицерам, вербовали их для борьбы с Советской властью. Установив наблюдение за такими «обществами», ВЧК убедилась, что они связаны с представителями бывшей российской аристократии и с иностранцами, в особенности с прибывшими в Петроград немецкими военнопленными, занимавшимися шпионажем. Одно из таких «благотворительных обществ» вербовало офицеров и юнкеров и направляло их на Дон — к Каледину, который готовил армию для борьбы против Советов.

ВЧК удалось раскрыть одну из таких групп, которую возглавляли бывший полковник Н. Н. Ланской и поручик А. П. Орел. «В одну из партий офицеров и юнкеров, — сообщала ВЧК, — которая должна была отправиться на Дон к Каледину, в двадцатых числах января удалось записаться одному из агентов Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией. Это обстоятельство дало возможность более близко подойти к раскрытию всей шайки... Агент Комиссии в эту партию попал под видом бывшего офицера, оставившего полк ввиду враждебного отношения к нему солдат и приехавшего в Петроград как-нибудь устроиться»[1]. При подготовке к отправке этой группы на Дон поручик А. П. Орел был арестован.

Расследование показало, что целью антисоветской группы, называвшей себя «Обществом помощи нуждающимся офицерам», в действительности было свержение Советского правительства и установление военной диктатуры во главе с генералом Калединым. Группа ставила перед собой и террористические цели (убийство руководителей Советской власти), являлась частью широкой организации (центр ее находился в Москве и возглавлялся генералом Дерновым) и располагала значительными средствами: ее финансировали Каледин (дал около 6 миллионов рублей), известный финансист князь Д. И. Ша-

[1] Известия ВЦИК, 1918, 7 марта.

ховской (дал 2 миллиона рублей), крупный фабрикант С. Морозов (дал 800 тысяч рублей) и другие капиталисты. Каждый завербованный в организацию получал ежемесячно 360 рублей.

Организация намечала начать восстание в момент, когда немецкие войска приблизятся к Петрограду. В выступлении должны были участвовать военнопленные немцы и австрийцы. В официальном сообщении ВЧК по этому делу отмечалось, что «раскрытая контрреволюционная организация насчитывает около трех с половиной тысяч человек, которые вербовались как здесь, среди несознательных солдат и представителей разных классов, до подонков и преступников включительно, так и в Финляндии и на Дону. Число вооруженных немцев и австрийцев из числа военнопленных и военнообязанных, с которыми должны были слиться русские контрреволюционеры, дошло до 13 тысяч человек. Для последних вооружение было своевременно приготовлено путем покупки при содействии видных иностранцев в Финляндии, в Петрограде и в разных местах в провинции, преимущественно в прифронтовой полосе, во время самовольной демобилизации»[1]. Заговорщическая деятельность антисоветской организации была своевременно пресечена.

После заключения Брестского мира германское командование продолжало тайную подрывную деятельность против социалистического государства рабочих и крестьян. На оккупированных немцами советских территориях формировались монархистские и буржуазно-националистические организации и воинские подразделения, которые при содействии и помощи германского военного командования забрасывались в советский тыл, вели там подрывную работу, нападая на красноармейские части.

В мае — июне 1918 г. чекисты Западной области задержали на станции Смоленск подозрительного человека,

---

[1] Известия ВЦИК, 1918, 7 марта.

оказавшегося бывшим офицером, связанным с помещиками Поречского уезда. При нем нашли письма, свидетельствующие о том, что он имел задание вербовать в Западной области людей для контрреволюционной армии. В процессе расследования чекисты произвели обыск в имении помещика Поречского уезда Тарновского и нашли важный документ, озаглавленный «Список лиц, стоящих на платформе защиты Временного правительства». В списке значились имена крупнейших помещиков и капиталистов области, а также смоленского нотариуса Ильинского. Когда некоторых упомянутых в списке лиц арестовали и допросили, выяснилось, что они вносили крупные суммы денег на вербовку кадров антисоветчины, а также сами занимались вербовкой в антисоветские отряды. Чекисты ликвидировали эту группу.

Следствие установило, что она связана с какой-то военной организацией, однако понадобилось еще несколько месяцев напряженной работы, чтобы стала ясной общая картина.

Однажды чекисты арестовали бывшего офицера, который сообщил, что в прошлом был знаком с нотариусом Ильинским. Проверяя связи задержанного, Чрезвычайной комиссии удалось установить, что в Смоленске существует штаб антисоветской организации, которая возглавляется бывшим генерал-майором Михаилом Дорманом. В сентябре 1918 г. чекисты обнаружили принадлежавшие организации Дормана склады оружия, патронов и бомб, пулеметные ленты, взрывчатые вещества и задержали многих ее участников. Среди них были: главарь организации Михаил Дорман, бывшие офицеры Михаил Кап, Виктор Фенраевский, Александр Захаров, Стефан Антонович, а также Григорий Лядковский, Борис Урядов, присяжный поверенный Станислав Жданович и другие. В связи с делом группы Дормана были арестованы также помещики Смоленской губернии, финансировавшие заговор,— Реутт, Энгельгардт и Василий Сорокин, в свое время возглавлявший виленскую охранку. Раскрытая ор-

ганизация занималась вербовкой в Смоленской и Витебской губерниях белогвардейцев и направляла их на Украину, в так называемую «Южную армию».

Антисоветская группа Дормана являлась западным отделением обширного монархистского союза «Наша родина», действовавшего на юге и юго-западе России, Центр этой организации находился в Киеве. Она была создана с ведома и не без содействия германского военного командования. Ее возглавляли крупный помещик и сахарозаводчик, бывший член Государственной думы и царский министр граф А. А. Бобринский, герцог Н. Лейхтенбергский и присяжный поверенный М. Е. Акацатов. В программном документе, найденном при ликвидации западного отделения союза, говорилось: «Цель и назначение организации «Наша родина»— борьба с большевиками, восстановление в России монархии... Ориентация — сперва выгнать большевиков, восстановить монархию, а потом уже разбирать наши внутренние дела... Образ правления —монархия с народным представительством при двухпалатной системе, министерство ответственное, но не парламентарное». Программа предусматривала сохранение частного землевладения. Лишь в крайних случаях допускались «отчуждения (земли.— *Д.* Г.), которые должны были производиться путем выкупа». Особо подчеркивалось, что землей могут наделяться прежде всего пострадавшие на войне, георгиевские кавалеры и те, которые «не запятнали себя грабежами и насилиями во время революции». При такой формулировке надела землей лишались все крестьяне, получившие землю во время революции, их-то и называли помещики грабителями! В национальном вопросе и в области идеологии и культуры программа предусматривала «воспитание в религиозном и национально-русском духе... первенствующее положение русского народа и русского языка»[1].

---

[1] Еженедельник ВЧК, № 5, 1918, 20 октября. С. 6—8.

Непосредственной задачей союза «Наша родина» было создание «Южной армии», во главе которой стояли герцог Н. Лейхтенбергский и начальник штаба генерал-лейтенант Литовцев. Агенты союза — хорошо оплачиваемые офицеры, заведующие этапными пунктами — вербовали личный состав «Южной армии» и направляли людей в главные пункты сбора: в Житомир (начальник пункта — генерал Пальчинский), в Псков (полковник Тучинский), в Могилев (полковник Зубржицкнй), в Харьков, Полтаву, в Екатеринослав (во главе этих пунктов стоял полковник Домашнев), в Минск, Бердичев, Елисаветград. Начальником главного бюро по набору добровольцев приказом генерал-майора Шульгина от 13 августа 1918 г. был назначен полковник Чесноков. В обязанности начальников этапных пунктов, находившихся при вокзалах, на пристанях Днепра, в конторах дежурных по станциям, входило обеспечение добровольцев деньгами и направление их в центральный пункт. Сформированные воинские части вооружались и снабжались германским военным командованием. Одна из таких частей — 1-я дивизия под начальством генерала Семенова — была направлена на Дон в помощь германскому ставленнику генералу Краснову и сражалась там против Красной Армии.

В сентябре 1918 г. наиболее активные участники формирования «Южной армии», в том числе генерал Дорман, помещики Реутт и Энгельгардт, были расстреляны. В январе 1922 г. был задержан и привлечен к судебной ответственности бывший начальник штаба «Южной армии» генерал-лейтенант Литовцев. Военная коллегия Верховного революционного трибунала приговорила его к расстрелу, но, учитывая раскаяние подсудимого, а также разгром к тому времени всех белогвардейских армий, применила и нему амнистию и заменила расстрел пятью годами лишения свободы.

* * *

В 1918 г. ВЧК раскрыла несколько дел, связанных с подрывной работой агентуры иностранных держав.

В марте в Москве была выявлена подпольная организация, занимавшаяся вербовкой людей (главным образом офицеров старой армии), снабжением их и отправкой на Дон — к Каледину и Корнилову. Графиня Ланская содержала в доме на Новинском бульваре (ныне ул. Чайковского) штаб-квартиру этой организации и распоряжалась крупными денежными средствами: приобретала обмундирование для белогвардейцев, снабжала их продовольствием на дорогу и т. п. Большую роль в этих делах играл известный в Москве заводчик — американский подданный В.А. Бари. 14 апреля у него был произведен обыск. Найденные переписка и счета показали, что Бари финансировал работу графини Ланской, посылал курьеров с поручениями расплатиться с завербованными в белогвардейскую армию людьми. Консульство США в Москве выступило в защиту арестованного Бари и представило официальное поручительство, настаивая на освобождении его до суда. В.А. Бари освободили, и он скрылся.

Через несколько месяцев Московский революционный трибунал вынужден был рассматривать дело Бари и нескольких русских участников заговора заочно. В приговоре по этому делу указывалось: «Московский революционный трибунал считает вполне установленным, что американский гражданин В. А. Бари, пользуясь покровительством консульства Соединенных Штатов Америки и его содействием, с 29 октября 1917 г. и по 26 марта 1918 г. принимал активное участие в помощи врагам Советской социалистической России... Это участие выразилось в том, что Бари по соглашению с Харлафовым, Кривошеиным (бывшими офицерами. — *Д. Г.*) и другими представителями буржуазии и бывшим командным составом ор-

ганизовывал банды из контрреволюционно настроенных офицеров и студентов, снабжая последних деньгами, продовольствием, обмундированием и отправляя их на Дон к генералам Корнилову и Каледину, заклятым врагам рабоче-крестьянской власти. Виновность Бари усиливается и тем, что он, пользуясь правами американского гражданина и защитою правительства США и помогая скрытым врагам революционного пролетариата, злоупотреблял именем трудящихся масс Соединенных Штатов. Ввиду изложенного Московский революционный трибунал заочно приговорил: ...скрывшегося от суда американского гражданина Бари объявить врагом всего трудящегося человечества, лишенным защиты рабоче-крестьянской власти, и в случае выдачи или поимки его по удостоверении личности расстрелять».

В приговоре далее имелось частное определение, относящееся к консульству США: «Московский революционный трибунал, обсудив неисполнение высокоавторитетным учреждением США, его московским консульством, поручительства в том, что Бари от суда никуда не скроется, и принимая во внимание, что поручительство это было уважено только из доверия к представителю правительства США, постановил: Московское североамериканское консульство, представляемое Пулем и Лерсом, считать укрывателем преступника, содействовавшим побегу Бари, обманувшим доверие рабоче-крестьянской власти в России, привлечь которого к ответственности сможет один только американский народ»[1].

ВЧК неоднократно разоблачала членов военных миссий «союзников», в частности французской военной миссии, которые под предлогом наблюдения за эвакуацией военнопленных эльзасцев, чехов, поляков, сербов разъезжали по городам России, формировали польские и чешские легионы белогвардейских банд, финансировали их и занимались шпионажем.

---

[1] Известия ВЦИК, 1919, 3 января.

В августе 1918 г. один из сотрудников Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией недалеко от станции Плесецкая Архангельской железной дороги заметил подозрительного человека, который стоял у телеграфного столба и, по-видимому, кого-то ожидал. Неизвестного задержали. Чекисты обратили внимание на то, что на пальто у неизвестного била пришита одна большая латунная желтая пуговица, резко отличавшаяся от других.

Задержанный сознался, что он хотел пробраться в район расположения английского десанта в Архангельске для того, чтобы поступить на службу в белогвардейские войска. Как он показал, его завербовал в Петрограде доктор Ковалевский, который поручил ему доставить в Архангельск шпионское донесение и поступить там в белогвардейскую армию. На станции Плесецкая задержанный ожидал человека, который должен был проводить его до следующего пункта, а оттуда новые люди должны были переправить его через линию фронта. Желтая пуговица, пришитая к пальто задержанного, служила условным знаком: такая же пуговица должна была быть и на пальто тех членов антисоветской группы, которые встретят его в дороге и проведут через линию фронта.

Чекисты перешили желтую пуговицу на одежду одного из своих сотрудников и поручили ему встречать лиц с такой же пуговицей, направляющихся в Архангельск. Вскоре на желтую пуговицу поймался бывший полковник Михаил Куроченков, а затем, 16 августа, на станции Дикая была задержана уже целая группа белогвардейцев. Так была раскрыта антисоветская группа, руководимая английской агентурой.

Советскому правительству, конечно, было известно о происках разведчиков, шпионов иностранных государств. Нити многих раскрытых заговоров вели к дверям посольств и миссий этих держав. Но посольства и миссии пользовались дипломатической неприкосновенностью.

Летом 1918 г. в Петрограде в Латышском клубе появились два молодых командира-латыша. Они быстро сошлись с завсегдатаями клуба, среди которых были и члены антисоветской группы, связанной с морским атташе английского посольства Френсисом Алленом Кроми. В беседах с новыми знакомыми молодые командиры, внешне напоминавшие бывших офицеров, не скрывали своего отрицательного отношения к советским порядкам.

Вскоре заговорщики решили познакомить молодых командиров с английским разведчиком. Первая такая встреча состоялась в гостинице «Французская». Кроми решил, что один из командиров, назвавшийся бывшим офицером Шмидхеном, заслуживает доверия. Через некоторое время Кроми предложил Шмидхену выехать в Москву, связаться там с начальником британской миссии Р. Локкартом и под его руководством начать подрывную работу в советских латышских воинских частях. Он дал Шмидхену рекомендательное письмо к Локкарту.

На следующий день Шмидхен и его товарищ выехали в Москву. Там они, соблюдая осторожность, немедленно направились... в ВЧК. Молодые командиры были чекистами. Их послал в Петроград Ф. Э. Дзержинский для раскрытия антисоветского подполья. Чекист, назвавшийся Шмидхеном, в действительности был Ян Буйкис[1], а его товарищ — Ян Спрогис.

ВЧК решила продолжить начатую «игру», проникнуть в лагерь дипломатических заговорщиков, выяснить их замыслы и разоблачить их. Для этого в «игру» подключили командира 1-го дивизиона латышских стрелков

---

[1] Обстоятельства участия Я. Я. Буйкиса в разоблачении Локкарта были освещены в печати лишь в 1966 г. (см.: Неделя, 1966, № 11, 13). Вл. Кравченко написал об этом и документальную повесть «Под именем Шмидхена». М., 1970.

Эдуарда Берзиня, который должен был разыграть роль «разочаровавшегося» красного командира, готового к измене.

14 августа Шмидхен с Эдуардом Берзинем явились на частную квартиру Р. Локкарта в Хлебном переулке, 19.

Появление Шмидхена и Берзиня насторожило опытного разведчика. Но вскоре сомнения у него исчезли. Много лет спустя в книге-«исповеди» Локкарт писал: «Шмидхен принес мне письмо от Кроми, которое я тщательно проверил. Я держался постоянно начеку, опасаясь провокаторов, но убедился в том, что письмо это, несомненно, писано рукою Кроми. В тексте письма имелась ссылка на сообщения, переданные мною Кроми через посредство шведского генерального консула. Типичной для такого бравого офицера, как Кроми, была также фраза о том, что он приготовляется покинуть Россию и собирается при этом сильно хлопнуть за собой дверью. Характерным было также правописание... Орфографию Кроми никто не сумел бы подделать... В заключительной части письма Шмидхен рекомендовался мне как человек, услуги коего могут мне быть полезны»[1].

Убедившись, что письмо подлинное, Локкарт начал беседу. Э. П. Берзинь и Шмидхен представились ему как латышские офицеры, разочаровавшиеся в Советской власти. Они, в частности, заявили, что не хотят воевать с архангельским английским десантом, куда их собираются направить большевики, и не прочь бы договориться с командующим десантом, английским генералом Ф. Пулем. Локкарт был осторожен. Поддержав намерение Берзиня и Шмидхена порвать с большевиками, он предложил им явиться на следующий день. Прежде чем связываться с Берзинем и Шмидхеном, Локкарт решил посоветоваться со своими коллегами-союзниками. В своей книге Локкарт так рассказал об этом: «Вечером я подробно переговорил

---

[1] *Локкарт Р.* Буря над Россией. Исповедь английского дипломата. С. 309–310.

о происшедшем с генералом Лавернем и французским генеральным консулом Гренаром. Мы пришли к тому заключению, что предложение латышей является, по всей вероятности, искренним, и что если мы будем действовать с необходимой осторожностью, то особого вреда оттого, что мы направим этих людей к Пулю, получиться не может... Мы решили свести обоих латышей с Сиднеем Рейли, который сможет наблюдать за ними и помочь им в осуществлении их благих намерений»[1].

На следующий день состоялась вторая встреча Локкарта с Берзинем и Шмидхеном. Теперь уже Локкарт не был так осторожен, как прежде. Он всячески поддерживал их намерение порвать с большевиками, говорил, что союзники помогут латышам добиться независимости Латвии, советовал создать «национальный латышский комитет» и обещал финансировать заговор. Чтобы связать Берзиня и Шмидхена с генералом Пулем, Локкарт заготовил три удостоверения, с которыми «заговорщики» должны были отправиться в расположение английских войск для переговоров. Эти документы с официальным гербом и печатью британской миссии были подписаны Локкартом. Они гласили: «Британская миссия, Москва, 17 августа, 1918 г. Всем британским военным властям в России.

Предъявитель сего... латышский стрелок направляется с ответственным поручением в Британскую штаб-квартиру в России. Обеспечивайте ему свободный проезд и оказывайте всемерное содействие. Р. Локкарт. Британский представитель в Москве».

Один экземпляр удостоверения был заполнен на имя Яна Яновича Буйкиса (на подлинную фамилию, имя и отчество Шмидхена), второй — на имя капитана Кранкаля[2].

---

[1] *Локкарт Р.* Буря над Россией. С. 311.

[2] См.: Известия ВЦИК, 1918, 3 сентября; Пролетарская революция, 1924, № 10, с. 23; Неделя, 1966, № 11; *Кравченко Вл.* Под именем Шмидхена. С. 129. Фотокопия удостоверения помещена среди иллюстраций настоящей книги.

Вручив эти документы Берзиню, Локкарт в заключение беседы направил его к лейтенанту Сиднею Рейли, с которым предложил в дальнейшем держать связь.

Конечно, документы, собственноручно подписанные Локкартом, были тотчас же переданы в ВЧК. Они служили несомненным доказательством подрывной деятельности главы британской миссии.

Первая встреча Э. Берзиня с Сиднеем Рейли состоялась на Цветном бульваре. Английский разведчик стал обсуждать с ним вопрос об участии латышских стрелков в военных действиях союзнического десанта в Архангельске. Потом он перевел беседу на другую тему. Сидней Рейли в то время вынашивал план организации вооруженного антисоветского выступления в Москве и Петрограде. Главным элементом «плана» был захват большевистских лидеров в Москве во время заседания Совета Народных Комиссаров, которое должно было состояться 28 августа. Зная о том, что Берзинь командует латышскими стрелками, охраняющими Кремль и членов Советского правительства, Сидней Рейли предложил Берзиню организовать захват во время заседания всех членов Совета Народных Комиссаров, а также занять Государственный банк, Центральный телеграф, телефон и другие важные учреждения. На расходы по организации этого заговора он тут же вручил Э. Берзиню 700 тысяч рублей.

22 августа состоялось новое свидание Берзиня с английским разведчиком. Теперь они детально обсуждали план захвата Совета Народных Комиссаров. Разведчик особенно интересовался Председателем Совета Народных Комиссаров В. И. Лениным. По первоначальному плану предполагалось направить захваченных членов Совнаркома под конвоем в Архангельск, но Рейли изменил план. Он сказал Эдуарду Берзиню: «Ленин обладает удивительной способностью подходить к простому человеку. Можно быть уверенным, что за время поездки в Архангельск он сумеет склонить на свою сторону кон-

войных и те освободят его. Поэтому было бы наиболее верным Ленина немедленно после ареста расстрелять...»[1]

Во время этой встречи Сидней Рейли передал Э. Берзиню 200 тысяч рублей.

28 августа 1918 г., встретившись в третий раз с английским разведчиком, Берзинь получил задание выехать в Петроград и установить связь с петроградской группой заговорщиков. И снова он дал Берзиню «на содержание организации» 300 тысяч рублей. (Все полученные деньги, 1 млн. 200 тыс. рублей, Э. Берзинь сдал в ВЧК).

29 августа, выполняя «задание» Рейли, Берзинь прибыл в Петроград, явился на квартиру некой Е. М. Боюжовской (там он, между прочим, случайно обнаружил визитную карточку Сиднея Рейли, в которой был указан адрес одной из его московских явок - конспиративной квартиры в Шереметьевском переулке, 3 (ныне ул. Грановского). Через Боюжовскую Берзинь связался с петроградскими заговорщиками. Между тем ВЧК располагала и другими данными, подтверждавшими подрывную деятельность дипломатов-заговорщиков. Среди них было письмо французского журналиста Рене Маршана на имя президента Французской Республики Пуанкаре. В письме говорилось: «Мне довелось присутствовать недавно на официозном собрании, вскрывшем самым неожиданным для меня образом огромную, тайную и в высшей степени опасную, на мой взгляд, работу... Я говорю, о закрытом собрании, имевшем место в генеральном консульстве Соединенных Штатов... Присутствовали генеральный консул Соединенных Штатов и наш генеральный консул. Присутствовали союзные агенты... Случайно я был поставлен в курс замысла тем, что высказывали присутствующие агенты. Так, я узнал, что один английский агент подготовлял разрушение железнодорожного моста через реку Волхов, недалеко от Званки. Достаточно бросить взор на геогра-

[1] Известия ВЦИК, 1918, 3 сентября.

фическую карту, чтобы убедиться, что разрушение этого моста равносильно обречению на полный голод Петрограда, в таком случае город фактически оказался бы отрезанным от всяких сообщений с востоком, откуда прибывает весь хлеб, и без того крайне недостаточный для существования... Один французский агент присовокупил, что им уже сделаны попытки взорвать Череповецкий мост, что привело бы продовольствование Петрограда к таким же гибельным последствиям, как и разрушение моста у Званки, так как Череповец расположен на линии, соединяющей Петроград с восточными областями. Затем речь шла о разрушении рельсов на разных линиях... Я не распространяюсь, полагая, что уже достаточно сказал, чтобы на основании недвусмысленных фактов выяснить сформулированные мною выше тяжелые опасения. Я глубоко убежден, что дело идет не об изолированных починах отдельных агентов. Но даже подобные частные инициативы могут иметь единственный гибельный результат: бросить Россию во все более кровавую политическую и бесконечную борьбу, обрекая ее на нечеловеческие страдания от голода...»[1]

Впоследствии Рене Маршан разъяснил: «В августе месяце 1918 г. генеральный консул (Гренар, который собирался тогда уезжать из России.— *Д. Г.)* сказал мне, что меня предполагают оставить в России в качестве политического информатора, чтобы я мог посылать доклады о политическом положении в стране, и при этом заявил, чтобы я зашел в пять часов вечера в здание американского консульства, где он познакомит меня до своего отъезда с некоторыми людьми, которые тоже будут оставлены в России. Я туда явился. Здесь американский генеральный консул представил мне как агента по экономическим вопросам гр. Каламатиано... Потом здесь же были англий-

[1] Это письмо было опубликовано в «Известиях ВЦИК» 24 сентября 1918 г.

ский лейтенант Рейли и Вертимон, которые мне были представлены несколько дней тому назад во французском консульстве как агенты по разрушению на Украине, которая еще тогда была оккупирована немцами. На этом собрании, к моему большому удивлению, пришлось мне услышать совершенно для меня неожиданный план взятия Петрограда измором, путем взрыва мостов... на большой магистрали Москва — Петроград. Это на меня произвело колоссальное впечатление... И несмотря на то, что для меня тогда было очень тяжело, потому что это значило вступление в открытую борьбу с режимом, с которым я был тогда всецело связан... я счел необходимым принять все меры, чтобы положить конец подобному лицемерию и подобной гадости. Я это сделал. С тех пор я открыто перешел в противоположный лагерь для борьбы против французского правительства, изменившего одновременно не только русскому, но и французскому народу, который никогда ему не давал и не мог дать подобных злодейских поручений»[1].

В самый разгар распутывания нитей заговора послов, 30 августа, произошли чрезвычайные события— покушение на жизнь В.И. Ленина и убийстве М. С. Урицкого. Надо было принять энергичные меры против тех иностранных дипломатов, которые фактически вели войну с Советской Россией. Имелось немало оснований считать их причастными к покушению на жизнь В. И. Ленина. Поэтому решено было ликвидировать заговор, даже если бы пришлось нарушить дипломатическую неприкосновенность иностранных разведчиков и заговорщиков. Заместитель председателя ВЧК Я.Х. Петерс впоследствии писал: «...Предварительная работа по раскрытию этого заговора еще далеко не была доведена до конца. При продолжении работ... открылись бы все новые и новые данные, проле-

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1-а, д. 362, л. 41—43.

тариат увидел бы, как Локкарт, пользуясь правом экстерриториальности, организовывал поджоги, восстания, готовил взрывы... Но после петроградских событий... необходимо было немедленно производить аресты»[1]. В Петроград выехал Ф. Э. Дзержинский, в Москве руководство операцией поручалось Я. Х. Петерсу.

В 6 часов вечера 31 августа группа чекистов во главе с Гиллером оцепила здание английского посольства на Дворцовой набережной в Петрограде и заняла его нижний этаж. Когда чекисты поднимались на второй этаж, раздались выстрелы. Помощник комиссара Шейнкман был ранен в грудь, разведчик Янсон убит, следователь ЧК Бортновский ранен. Чекисты открыли ответный огонь (в результате оказался убитым морской атташе посольства) и затем заняли помещение посольства.

В тот же день чекисты произвели обыски и аресты среди сотрудников английской и французской дипломатических служб в Москве. Ночью 31 августа комендант Московского Кремля П. Д. Мальков по поручению ВЧК явился на квартиру Локкарта, произвел обыск и доставил английского дипломата и его помощника В. Л. Хикса в ВЧК. Я. Х. Петерс спросил Локкарта, знает ли он Ф. Каплан, а затем предложил дать объяснения по поводу попытки подкупить командира советской воинской части Э. Берзиня, предъявив выданное британской миссией удостоверение на имя латышского «заговорщика», командированного в распоряжение английских войск. Локкарт, ссылаясь на правила дипломатической неприкосновенности, отказался давать объяснения. Много лет спустя в своей книге «Буря над Россией» Р. Локкарт, желая изобразить себя ловким разведчиком, «обманувшим» во время ареста чекистов, рассказывал: «В боковом кармане моего пиджака я внезапно нащупал свою записную книжку, в которую я вносил тайным шрифтом пометки о вы-

[1] Пролетарская революция, 1924, № 10, с. 25.

плаченных мною суммах. Чекисты обыскали мою квартиру... но позабыли осмотреть то платье, которое мы надели на себя во время нашего ареста. Содержание этих записей было понятно только мне, но цифры могли в руках большевиков оказаться компрометирующим меня материалом... Мысль о записной книжке мучила меня. Как мне от нее избавиться?.. Я попросил у наших четырех караульных разрешения сходить в уборную. Разрешение мне было дано»[1]. Там незадачливый дипломат и избавился от компрометирующего его материала.

По указаниям Я. М. Свердлова и Г. В. Чичерина Локкарта отпустили из ВЧК.

Несмотря на принятые в ту ночь меры, иностранные шпионы Сидней Рейли, Анри Вертимон и Ксенофонт Каламатиано скрылись. В комнате Анри Вертимона, жившего в помещении католической гимназии при церкви Петра и Павла, нашли 18 фунтов 48 золотников пироксилина, 39 капсул от динамитных шашек, шпионские шифры и карту Генерального штаба.

Чекисты устроили засаду на конспиративной квартире Сиднея Рейли в Шереметьевском переулке, где проживала актриса Елизавета Оттен. Здесь они задержали бывшую надзирательницу гимназии Марию Фриде, принесшую какой-то пакет, в котором оказался документ, подписанный: «№ 12». В нем говорилось о формировании дивизий Красной Армии в Воронеже, о графике работ Тульского оружейного завода, о количестве выпускаемой патронным заводом продукции, о том, что из-за нехватки хлопка производство боеприпасов сократилось в два раза... Выяснилось, что Мария Фриде служит в американском консульстве в Москве сестрой милосердия отряда Красного Креста и одновременно выполняет секретные поручения дипломатов-шпионов. Пакет, который она

---

[1] *Локкарт Р.* Буря над Россией. Исповедь английского дипломата. С. 315.

должна была вручить Сиднею Рейли через Елизавету Оттен, был получен ею от брата, Александра Фриде. В годы царизма он служил военным следователем Московского военно-окружного суда, а в послеоктябрьский период работал в управлении начальника военных сообщений.

Чекисты направились на квартиру Марии Фриде. Но как только мать Фриде увидела комиссара ВЧК, она выбежала с каким-то свертком, пытаясь скрыться. Сверток у нее отобрали и нашли в нем также шпионские материалы, принадлежавшие ее сыну, Александру Фриде. В донесении агента «№ 26» говорилось: «В Тамбове формирование частей Красной Армии протекает крайне медленно. Из 700 красноармейцев, готовых к отправке на фронт, 400 человек разбежались. В Липецке вообще отказались ехать на формирование, сказав, что будут защищать интересы Советов только в своем уезде. Здесь также полное отсутствие патронов, оружия и снарядов». В квартире Фриде нашли 50 тысяч рублей. Засада, оставленная в квартире сотрудниками ВЧК, вскоре задержала участника шпионской группы, бывшего чиновника московской таможни П. М. Солюса. Как оказалось впоследствии, это и был агент «№26».

Пойманный с поличным Фриде сознался в том, что он состоит на службе у американского разведчика Каламатиано и по его поручению собирает сведения об экономическом, политическом и военном положении Советской республики.

Среди знакомых Сиднея Рейли оказалась сотрудница ЦИК Ольга Старжевская, которой он дал 20 тысяч рублей на покупку обстановки и содержание квартиры, где намеревался устроить конспиративную явку. Через Старжевскую он рассчитывал получать сведения о работе советских учреждений. Рейди поддерживал близкое знакомство с заведующим автомобильным складом Московского военного округа Трестаром, который предоставлял ему в пользование автомобили.

Таковы были результаты первых дней расследования. Я. Х, Петерс отмечает: «Было арестовáно около 30 человек, но, за исключением брата и сестры Фриде и еще нескольких лиц, против которых были все данные, обвиняющие их в шпионаже, против остальных арестованных прямых улик не было»[1].

Французское и английское правительства, западная буржуазная печать подняли шумную кампанию протеста против нарушений Советским правительством правил дипломатической неприкосновенности. В отместку англичане без всяких оснований арестовали в Лондоне представителя РСФСР М. М. Литвинова и его сотрудников. Совет Народных Комиссаров Петрограда в обращении «Ко всему цивилизованному миру» заклеймил позорную деятельность иностранных «дипломатов». «Неслыханные, чудовищные преступления совершаются на нашей земле, — говорилось в обращении. — Английская и французская буржуазия, кичащиеся своим мнимым демократизмом, взяли на себя задачу восстановления монархии в России... Англо-французскими шпионами кишмя кишат наши родные города. Мешки англо-французского золота употребляются на подкуп различных негодяев... Мы получили совершенно точные данные, что официальные английские представители подготовляют взрыв железнодорожных мостов около Званки и Череповца для того, чтобы отрезать нас от Перми и Вятки и тем оставить нас совсем без хлеба. Они готовят ряд взрывов наших фабрик и заводов, подготовляют крушения поездов, подготовили ряд террористических покушений... Мы не можем молчать, когда посольство превращается в конспиративную квартиру заговорщиков и убийц; когда официальные лица, живя на нашей территории, плетут сеть кровавых интриг и чудовищных преступлений против нашей страны»[2].

---

[1] Пролетарская революция, 1924, № 10. С. 26.

[2] Известия ВЦИК, 1918, 5 сентября.

Арест в Англии М. М. Литвинова и его сотрудников заставил Советское правительство вновь задержать Р. Локкарта в Москве. Народный комиссар по иностранным делам Г. В. Чичерин 7 сентября 1918 г. заявил иностранцам: «Дипломатические и военные представители Англии и Франции пользуются своим званием для организации на территории РСФСР заговоров, направленных к захвату Совета Народных Комиссаров с помощью подкупа, и агитации среди войсковых частей, к взрыву мостов, продовольственных складов и поездов. Данные... устанавливают с несомненностью тот факт, что нити заговора сходились в руках главы английской миссии Локкарта и его агентов. Равным образом установлено, что здание английского посольства в Петрограде фактически было превращено в конспиративную квартиру заговорщиков... Поэтому правительство РСФСР поставлено в необходимость создать для лиц, уличенных в заговорах, такие условия, при которых они были бы лишены возможности продолжать... свою преступную, с точки зрения международного права, деятельность». Далее народный комиссар от имени Советского правительства заявил: «Все интернированные представители английской и французской буржуазии, среди которых нет ни одного рабочего, будут немедленно освобождены, как только русские граждане в Англии и во Франции и в районах оккупации союзных войск и чехословаков не будут больше подвергаться репрессиям и преследованиям. Английские и французские граждане будут иметь возможность немедленно покинуть территорию России, когда эту же возможность получат российские граждане в Англии и во Франции. Дипломатические представители той и другой страны, и в том числе глава заговорщиков Локкарт, одновременно будут пользоваться возможностью возвращения на родину...»[1]

---

[1] Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1926, ч. II, с. 170, 171.

Пока шла дипломатическая переписка, многие из заговорщиков-дипломатов (в том числе французский генеральный консул Гренар, генерал Лаверн и другие) укрылись в помещении нейтрального норвежского посольства и отсиживались там. За ними было установлено наблюдение.

Однажды сотрудники ВЧК задержали гражданина, который пытался проникнуть в норвежское посольство. Задержанный предъявил паспорт на имя студента С. Н. Серповского. В действительности это был разыскиваемый американский агент Ксенофонт Каламатиано. Его доставили в ВЧК. Петерс и Кингисепп во время допроса Каламатиано обратили внимание на его массивную трость и решили ее осмотреть. Внутри ее они обнаружили массу записок, шифровок и расписок в получении денег. В трости Каламатиано оказалась тайная шпионская канцелярия. Необходимо было лишь выяснить, какие фамилии скрываются под номерами, которые находились на расписках в получении денег. Таких номеров было до тридцати[1]. Каламатиано, убедившись в том, что он окончательно провалился, вынужден был давать объяснения, и расшифровывать фамилии, скрывавшиеся под номерами. Оказалось, что и сам Каламатиано имел шпионский номер. Его агенты адресовали свои донесения на имя «№ 15», под которым и значился Каламатиано. Этот опытный разведчик разработал инструкцию для агентов, в которой, между прочим, говорилось: «В сообщениях следует зашифровывать особо важные данные следующим образом; номера войск обозначаются как количество пудов сахара и патоки, а также цена на них. Дух войск — положение в сахарной промышленности. Номера артиллерийских частей — мануфактура и цены на нее. Дезертирство из рядов Красной Армии — эмиграция на Украину».

После ареста Каламатиано на квартире, где он проживал под именем Серповского, чекисты устроили засаду.

---

[1] См.: Пролетарская революция, 1924, № 10. С. 26—27

Вскоре сюда явился какой-то неизвестный. Дежуривший в квартире чекист «приветливо» встретил его. Тот спрашивал Каламатиано. Как оказалось, это был чех Йозеф Пшеничка, доставивший для Каламатиано письмо от командования Чехословацкого корпуса, содержавшее важную информацию.

Действуя заодно с союзными разведчиками — Сиднеем Рейли и Вертимоном и прикрываясь вывеской американских коммерческих фирм, а когда нужно, и поддельными документами, Каламатиано вербовал для службы в американской разведке людей, которые за плату поставляли сведения об экономическом, политическом и военном-положении Советской республики. В эту шпионскую сеть входили: его ближайший помощник А.В. Фриде, бывший генерал-майор А.А. Загряжский, бывший чиновник московской таможни П.М. Солюс, бывший полковник Генерального штаба Е. М. Голицын, студент университета А.К. Хвалынский, журналист Д.А. Ишевский, служащий Центропленбежа[1] Л.А. Иванов, бывший офицер А.В. Потемкин л другие.

Представление о характере сотрудничества Каламатиано со своими осведомителями и о моральном облике последних дает, между прочим, найденное при обыске у Каламатиано письмо агента Ишевского, адресованное Каламатиано. «С первых же ваших слов я заключил, — писал Ишевский, — что «фирма» и «условия транспорта» есть не что иное, как маска, прикрывающая политическую и военную разведку. В этом направлении я стал вести наблюдения во время моей командировки. Но каково было мое удивление, когда я, по возвращении в Москву, узнаю от вас, что в моих услугах не нуждаются. Получили то, что было нужно, и дали гроши, которые получают курьеры теперешних министерств... Человек в

[1] Центральная коллегия по делам пленных и беженцев при Народном комиссариате внутренних дел.

надежде на будущие перспективы рисковал многим, сидел под арестом, работал... И за все — 600 рублей и «уходи вон!». Нет, к своим секретным агентам другие государства так не относятся, и в полном сознании своей моральной правоты... я требую восстановления справедливости. Я свое требование — получить 4500 рублей — готов поддержать имеющимися в моем распоряжении средствами»[1].

Полученные при расследовании дела о заговоре Локкарта данные не давали все же полного представления о подрывной деятельности «союзных» послов против Советской России. Впоследствии стали известны и другие факты.

Благодаря мерам, принятым Советским правительством, преступная деятельность иностранных шпионов, скрывавшихся под маской дипломатов, в значительной степени была пресечена.

Судебный процесс по делу Локкарта

В конце ноября — начале декабря 1918 г., когда политическая обстановка в стране в значительной мере смягчилась, состоялся судебный процесс по делу о раскрытом ранее заговоре Локкарта.

Перед судом Верховного революционного трибунала предстали 24 обвиняемых, из них четырех — Локкарта, Гренара, Сиднея Рейли и Генриха (Анри) Вертимона — судили заочно, так как Рейли и Вертимону удалось скрыться, а Локкарту и Гренару Советское правительство разрешило выехать на родину.

Бывший глава английской миссии при Советском правительстве Локкарт и бывший французский генеральный консул Гренар обвинялись в том, что они, вопреки

[1] Правда, 1918, 20 октября.

международному праву и обычаю, использовали свое положение для создания в России контрреволюционной организации, в задачу которой входило разрушение железнодорожных мостов и путей сообщения, чтобы вызвать в стране волнения на почве голода, а затем, пользуясь недовольством масс, при помощи подкупленного командования некоторых латышских частей свергнуть правительство Советской республики и реставрировать в стране буржуазно-капиталистический строй.

Лейтенант английской службы Сидней Рейли, французский гражданин Генрих Вертимон, американский гражданин Ксенофонт Дмитриевич Каламатиано, проживавший по подложному паспорту на имя Сергея Серповского, обвинялись в том, что, зная о планах Локкарта и Гренара, принимали непосредственное участие в их осуществлении.

Остальные участники процесса обвинялись в том, что собирали шпионские сведения, передавали их, укрывали агентов-шпионов и помогали им[1].

Дело рассматривалось в Москве с 28 ноября по 3 декабря 1918 г. в открытом судебном заседании, в условиях полной гласности, под председательством заместителя председателя Верховного революционного трибунала О. Я. Карклина, с участием обвинителя Н. В. Крыленко и 14 защитников, в числе которых были деятели дореволюционной адвокатуры Н. К. Муравьев, А. С. Тагер и С. Ф. Плевако. На суде присутствовали представители дипломатических миссий нейтральных государств (норвежской, шведской, датской).

Центральной фигурой судебного процесса был американский шпион Ксенофонт Каламатиано. Вынужденный признать, что он собирал шпионские сведения через агентуру, состоявшую из завербованных русских граждан, Каламатиано утверждал, что он не был связан с Локкартом, а действовал в интересах американских ком-

[1] См.: Известия ВЦИК, 1918, 26 ноября.

мерческих фирм, которые нуждались в выяснении экономического и политического положения России.

«Какое же отношение к торговым делам имеет сообщение агента № 12 (подполковника Голицына. — *Д. Г.)* о количестве винтовок и пулеметов, вырабатываемых на тульских заводах, а также сведения о формировании Красной Армии?» — спросил на суде Н. В. Крыленко.

Подсудимый не пожелал дать вразумительного ответа на поставленные вопросы, не объяснил, почему конспирировал свою «легальную коммерческую работу», храня шпионскую канцелярию в толстой полой трости, зачем зашифровывал своих агентов номерами и т. д. В то же время он признал на суде, что делился добытыми через свою агентуру сведениями с сотрудниками английской и французской разведок — Сиднеем Рейли и Анри Вертимоном.

Главный помощник Каламатиано — А. В. Фриде — вовлек в шпионаж ряд лиц (Загряжского, Солюса, Потемкина, Голицына); он же обрабатывал агентурные донесения, составлял из них сводки для Каламатиано и Сиднея Рейли и получал за свою «работу» сначала 500 рублей, затем 750 и, наконец, 1000 рублей в месяц. Конечно, такой компетентный человек, как Фриде (царский военный следователь), не мог отрицать, что собираемые им сведения носят шпионский характер, но пытался оправдаться тем, что эти сведения, якобы «общеизвестны».

Остальные агенты американского разведчика также признали на суде, что за вознаграждение собирали для Каламатиано различные сведения о положении Советской России.

В обвинительной речи Н. В. Крыленко привел факты одновременной и согласованной деятельности Каламатиано и дипломатических заговорщиков (Локкарта, Гренара), раскрыл его связь с разведчиками Рейли и Вертимоном, обрисовал характер его деятельности (конспирация, типичные шпионские приемы) и неопровержимо доказал,

что он был одним из участников международного заговора против Советской России. «Каламатиано,— говорил Крыленко,— требовал от своих агентов сведений о количестве военных сил в той или иной местности прифронтовой полосы, о быстроте продвижения войск, о деятельности оружейных заводов, о состоянии транспорта, железнодорожных путей и мостов, о настроении населения — вовсе не... для будущих сношений Америки и России. Ему важно было выяснить, насколько сильна враждебная капиталу Советская власть и насколько способны к сопротивлению советские области... Будучи тесно связан с американскими фирмами, Каламатиано пытался подготовить экономическое и торговое завоевание России американским капиталом. Коммерческая деятельность идет рука об руку с политической — и этим объясняется связь Каламатиано с представителями дипломатических миссий капиталистических стран... Стремясь при посредстве Каламатиано к экономическому подчинению и завоеванию Российской республики, американские капиталисты старались подготовить момент для наложения своей руки и на политическое управление страной. Каламатиано являлся проводником этих тенденций»[1]

Н. В. Крыленко потребовал применения высшей меры наказания в отношении заочно судимых Локкарта, Гренара, Вертимона и Рейли, а также главы шпионской резидентуры Каламатиано, его ближайших помощников и агентов — А. Фриде, Загряжского, Солюса, Голицына. Для остальных подсудимых он требовал иных наказаний. Вместе с тем обвинитель отказался за недоказанностью вины от обвинения Жанны Мореис, Кембер-Хиггса, Иелиннека, Шмейца, Лингарта и Трестара.

3 декабря Верховный революционный трибунал вынес приговор, в котором признал установленной «преступную деятельность дипломатических агентов пра-

[1] Известия ВЦИК, 1918, 4 декабря.

вительств англо-франко-американской коалиции, пытавшихся при пособничестве представителей русских буржуазных контрреволюционных сил, путем организации тайной агентуры для получения сведений политического и военного характера, подкупа и дезорганизации частей Красной Армии, взрывов железнодорожных мостов, поджогов продовольственных складов и, наконец, свержения рабоче-крестьянской власти и убийств — из-за угла вождей трудовых масс — нанести смертельный удар не только русской, но и международной социалистической революции»[1].

Решая судьбу каждого из подсудимых, трибунал строго определял степень его виновности. Восьмерых подсудимых, среди которых были Трестар, Политковский, Оттен, английский подданный Кембер-Хиггс, француженка Жанна Морене и чехи Лингарт, Шмейц и Иелиннек, трибунал оправдал, считая недоказанной их преступную связь со шпионами. Сотрудницу ЦИК Старжевскую, находившуюся в близких отношениях с разведчиком Сиднеем Рейли, трибунал приговорил к трем месяцам лишения свободы и запретил ей службу в советских государственных учреждениях. Агентов, поставлявших Каламатиано шпионские сведения,— Загряжского, Потемкина, Солюса, Хвалынского, Голицына, Иванова, Ишевского и Марию Фриде — к тюремному заключению сроком на пять лет каждого. Ксенофонта Каламатиано и Александра Фриде — к расстрелу. Впоследствии расстрел для Каламатиано был заменен другим наказанием. Локкарт, Гренар, Сидней Рейли и Вертимон были объявлены вне закона как враги трудящихся и подлежали расстрелу «при первом же обнаружении их в пределах территории России». Пшеничку трибунал приговорил к тюремному заключению до прекращения чехословаками активных вооруженных действий против Советской России.

---

[1] Известия ВЦИК, 1918, 5 декабря.

Народный комиссар юстиции Д. И. Курский, разъясняя приговор, заявил: «Советская власть настолько окрепла, что ей не приходится прибегать к суровым карам в целях устрашения. Трибунал отбросил в этом деле привходящие соображения и подошел к процессу Локкарта с чисто деловой точки зрения. Не довольствуясь данными предварительного следствия, трибунал сам произвел тщательную проверку всего следственного материала, детально расследовав степень участия в заговоре каждого из подсудимых. Поэтому приговор не мог быть огульным, одинаковым для всех. Трибунал строго распределил подсудимых на категории и покарал действительных виновников и участников заговора, освободив остальных».

Этим судебным процессом закончился первый важный этап борьбы с подрывной деятельностью шпионов и заговорщиков, действующих в интересах внешних врагов советского государства.

Конец супермена Сиднея Рейли

В Англии его считали «вторым Лоуренсом», «асом среди шпионов». Заочно приговоренный к расстрелу Верховным революционным трибуналом по делу о заговоре трех послов, Сидней Рейли (Розенблюм) осенью 1918 г. бежал из Москвы, добрался до Англии, где был сразу же награжден орденом. Он стал доверенным лицом Уинстона Черчилля, советником по русским вопросам английской делегации на Парижской мирной конференции. С тех пор и вплоть до конца 1925 г., перейдя из военной разведки в Сикрет интеллидженс сервис, Сидней Рейли ни на день не прекращал своей шпионской и подрывной деятельности против Советской страны. Для него, как он писал, «это дело... есть самое важное в жизни: я готов служить ему всем, чем только могу».

ОГПУ приняло меры, чтобы обезвредить этого опасного врага. Командированные за границу в 1924—1925 гг. сотрудники ОГПУ под видом деятелей якобы существующей в Советской стране подпольной организации проникли к Сиднею Рейли, вошли в его доверие и предложили ему участвовать в работе «антисоветской организации». Падкий на авантюры Рейли подхватил это предложение и вскоре пожелал познакомиться в России, на месте, с деятелями антисоветского подполья.

25 сентября 1925 г. Сидней Рейли вместе с деятелями «контрреволюционной организации» — а на самом деле сотрудниками ОГПУ — перешел финскую границу и оказался на советской территории. Здесь его переправили в Ленинград, а затем в Москву.

На одной из подмосковных дач 27 сентября было устроено совещание Рейли с «руководящими деятелями политического совета «контрреволюционной организации». Рейли изложил новым знакомым свои проекты активизации деятельности антисоветского подполья и пути финансирования его. Для изыскания финансовых средств он рекомендовал похитить из русских музеев часть художественных ценностей и продать их за границей. Другой способ добыть деньги — осуществлять сотрудничество с английской разведкой.

В тот же день чекисты арестовали Рейли. А для того чтобы скрыть факт поимки этого известного разведчика, в ночь на 29 сентября (в эту ночь соучастники Рейли должны были ждать его возвращения на финской стороне) на границе чекисты инсценировали перестрелку и создали видимость, будто Рейли и его сопровождающие наткнулись на советскую заставу и убиты. Инсценировка удалась.

А между тем Сидней Рейли, пойманный в ловушку, давал показания в ОГПУ. Вот некоторые выдержки из его показаний.

Из протокола допроса Рейли от 7 октября 1925 г. о его деятельности после побега из Москвы:

«В 1919 и 1920 годах у меня были тесные отношения с представителями русской эмиграции разных партий... В то же время я проводил у английского правительства очень обширный финансовый план поддержки русских торгово-промышленных кругов во главе с Ярошинским, Барком и т. д. Все это время нахожусь на секретной службе, и моя главная задача состояла в освещении русского вопроса руководящим сферам Англии».

Теперь мы можем дополнить показания Сиднея Рейли, рассказав кое-что о его антисоветских похождениях в 1922 – 1925 гг.

В 1922 г. белоэмигрантский «Торгово-промышленный комитет» («Торгпром») образовал в Париже секретный совет для организации активной борьбы с Советской властью. В его состав вошли такие киты дореволюционной русской промышленности и финансов, как Густав Нобель, владевший нефтяными предприятиями, миллионеры братья Гукасовы, С. Г. Лионозов, С. Н. Третьяков и другие. Совет располагал значительными денежными средствами и создал подрывную антисоветскую группу. Одним из деятелей этой группы стал проживавший в то время в Финляндии белоэмигрант, бывший штабс-ротмистр лейб-гвардии кирасирского (синего) полка, активный участник многих антисоветских предприятий Эльвенгрен. Несколько лет спустя, весною 1926 г., будучи пойманным чекистами при нелегальном переходе границы, Эльвенгрен дал подробные показания и, между прочим, рассказал о связях с «Торгпромом». По словам Эльвенгрена, в 1922 г. представитель «Торгпрома» Павел Тикстон предложил ему на средства «Торгпрома» создать группу для ведения антисоветской деятельности. Согласившись с предложением, Эльвенгрен рекомендовал привлечь к этому «предприятию» своего давнего «шефа» — Бориса Савинкова, переживавшего в то время «кризисное состояние» вследствие почти полного разгрома его организаций и потери источников финансирования.

Вскоре в Париже состоялось свидание представителя «Торгпрома» Густава Нобеля с Эльвенгреном и Савинковым. Нобель сказал им: «Мы люди коммерческие, нас интересует только активная борьба с большевизмом, и мы видим ее сейчас только в том, чтобы уничтожить всех главных руководителей этого движения. Внутри России мы бессильны что-либо совершить, но здесь мы можем при желании это сделать... Сделайте хоть одно дело, наш кредит к вам сразу вырастет и для дальнейшего... Сейчас, в связи с Генуэзской конференцией, нужно торопиться. Мы ассигновали на это дело пока 70—80 тысяч франков... Только непосредственно на террористическую деятельность. Нас не интересуют мелкие служащие... Нас интересуют такие имена, как Красин, Чичерин»[1]. (Последние входили в состав советской делегации на Генуэзскую конференцию.)

Сделка состоялась. Эльвенгрен и Савинков получили от Нобеля деньги. И тут появился в Париже представитель Интеллидженс сервис Рейли, тесно связанный с Савинковым. Он поддержал план покушения на советскую делегацию и обещал свое содействие в Берлине, где делегация должна была остановиться по пути в Геную. Рейли поручил резиденту Интеллидженс сервис в Берлине русскому эмигранту В. Орлову оказать содействие террористической группе. Орлов достал для приехавших в Берлин Эльвенгрена и Савинкова пять револьверов, фотографические карточки членов советской делегации, два фиктивных паспорта и другие принадлежности для террористической работы.

Недели через две в Берлин явились вызванные Савинковым из Варшавы три савинковца, а из Гельсингфорса прибыл вызванный Эльвенгреном бывший полковник Озолин. Все они включились в «работу», им было выдано оружие.

---

[1] Эти показания Г. Е. Эльвенгрена приведены в изданной литературным отделом НКИД в 1928 г. книге «Белогвардейский террор против СССР». М., 1928. С. 13.

Вскоре в Берлин прибыл и Рейли. Эльвенгрен характеризует его приезд как «инспекторский». «Как-то мне позвонил по телефону Орлов, — показал он при расследовании, — и сказал мне, чтобы я передал Савинкову, что хозяин приехал... Я очень удивился и не мог понять, кто это может быть. На мой вопрос Орлов ответил, что Савинков поймет... [Потом] Савинков сказал, что это приехал Рейли и что Орлов его так называет. Савинков быстро собрался для встречи с ним». Рассказывая о встречах с Рейли, Эльвенгрен продолжал: «Первая встреча была на квартире Орлова, Савинков рассказал Рейли о положении, о том, что до сих пор ничего не удается, о затруднениях с приездом сотрудников и т. д. Рейли спрашивал, доволен ли он помощью Орлова, надеется ли он все же что-нибудь сделать, в чем главное затруднение и т. п. Савинков сказал, что будет пытаться, но не особенно рассчитывает, так как средств совершенно недостаточно... что не знает, как с оставшимися деньгами дотянуть до конца»[1].

---

[1] Показания Г. Е. Эльвенгрена приведены в работе «Белогвардейский террор против СССР», с. 18. Между прочим, Эльвенгрен в тех же показаниях рассказал и о другом «безуспешном» случае подготовки покушения на жизнь наркома по иностранным делам Г. В. Чичерина. На этот раз инициатором покушения был бывший великий князь Андрей Владимирович, проживавший на юге Франции, в Ривьере. Осенью 1925 г. «августейший князь», узнав о предстоящем прибытии Чичерина во Францию и предполагаемом посещении им Ривьеры, дал задание своему приближенному, бывшему генералу белоэмигранту Ю. Ф. Волошинову, организовать убийство советского наркома. В это «предприятие» в качестве исполнителей были вовлечены князь Владимир Вяземский и специалист по подобного рода «делам» Эльвенгрен, проживавший тогда в Монте-Карло. Они получили от великого князя Андрея Владимировича на расходы по подготовке убийства 2 тысячи франков. Эльвенгрен вместе с князем Вяземским и генералом Волошиновым готовились к убийству, вели слежку за Чичериным. Наконец они встретили его в одном из отелей. Покушение не состоялось, так как поведение великосветских террористов вызвало подозрение французской полиции. Террористы решили отказаться от покушения. Деньги же, полученные от Андрея Владимировича, они прокутили.

Таким образом, подготовка террористического акта проходила под общим руководством и при помощи сотрудников Сикрет интеллидженс сервис Сиднея Рейли и других. Савинков и его друзья были лишь исполнителями воли своих «хозяев».

Террористы сделали все приготовления к покушению на членов советской делегации, вели слежку за прибывшим в Берлин наркомом по иностранным делам Г. В. Чичериным, но им все же не удалось осуществить свои преступные замыслы. Средства, отпущенные террористам, иссякли, и они разъехались по домам.

Книга сына английского разведчика дипломата Локкарта также восполняет сведения об отношениях между представителем английской разведки Рейли и Борисом Савинковым. Автор рассказывает, что Рейли, как представитель Сикрет интеллидженс сервис, был теснейшим образом связан с Савинковым, в котором он видел «сильную личность», лидера, который способен объединить все течения русской антисоветчины и направить их против советского государства. Он финансировал Савинкова и его организации не только из средств английской разведки, но часто и из личных средств, добываемых разными коммерческими и спекулятивными операциями. В поисках средств на финансирование антисоветских «предприятий» Рейли разъезжал (иногда вместе с Савинковым) по европейским столицам и добивался субсидий от французского, польского, чехословацкого правительств.

Как пишет Локкарт, Рейли был движущей силой, и его влияние испытывали все антисоветчики, которые вели конспиративные переговоры за закрытыми дверями в Париже, Праге, Варшаве и Лондоне.

В 1924 г., когда перед Савинковым открылась перспектива поездки в Советскую Россию (в связи с ловушкой, устроенной чекистами), он известил об этом Рейли, и последний приехал к нему в Париж. Рейли, так же как и Савинков, уверовал в солидность «московской органи-

зации», которая в действительности была создана лишь в их воображении искусной работой чекистов.

Незадолго до выезда в Россию, 23 марта 1925 г., Рейли писал в Гельсингфорс своему сообщнику Н. Н. Бунакову: «Итак, вот три способа (борьбы против Советской власти. — *Д. Г.*): организация, пропаганда и террор... Террор, направленный из центра, но осуществляемый маленькими независимыми группами или личностями против отдельных выдающихся представителей власти. Цель террора... самая важная, всколыхнуть болото, прекратить спячку, разрушить легенду о неуязвимости власти, бросить искру... Я уверен, что крупный террористический акт произвел бы потрясающее впечатление и всколыхнул бы по всему миру надежду на близкое падение большевиков, а вместе с тем — деятельный интерес к русским делам»[1].

Таковы были планы «шпионского аса», когда он выезжал в Советскую страну. Эти планы расстроили чекисты.

К концу расследования дела о поимке Сиднея Рейли чекисты объявили ему, что на основании приговора Верховного революционного трибунала от 3 декабря 1918 г. он подлежит расстрелу. И тогда, чтобы спасти жизнь, Рейли предложил свои услуги советской разведке.

Вот его заявление в ОГПУ от 30 октября 1925 г.:

«Председателю ОГПУ Ф. Э. Дзержинскому. После происшедших с В. А. Стырне разговоров, я выражаю свое согласие дать Вам вполне откровенные показания и сведения по вопросам, интересующим ОГПУ, относительно организации и состава великобританских разведок и, поскольку мне известно, такие же сведения относительно американской разведки, а также тех лиц в русской эмиграции, с которыми мне пришлось иметь дело... Сидней Рейли»[2].

---

[1] Белогвардейский террор против СССР, с. 29—30.

[2] Фотокопия документа опубликована в «Литературной газете» от 20 декабря 1967 г. В. А. Стырне — сотрудник контрразведывательного отдела ОГПУ.

Рейли поведал чекистам немало секретов. Вот что он, например, рассказал о работе Интеллидженс сервис:

Интеллидженс сервис ведет свою работу только под углом общегосударственной политической точки зрения... Его главное назначение — собирание сведений, касающихся общегосударственной политической безопасности и могущих лечь в основу направления высшей политики. Это учреждение — абсолютно тайное. Ни фамилии его начальника, ни фамилии тайных сотрудников никому не известны... Резиденты имеются во всех странах. Резиденты в соответствующих странах никогда не имеют своего явного и самостоятельного существования, а всегда находятся под прикрытием вице-консула, паспортного бюро и даже торговой фирмы...

В каждой стране, где есть значительное количество русских эмигрантов или советское представительство, резиденты данной страны выполняют работу также по русскому отделу... Соответствующие штабы лимитрофных государств работают в полном контакте с соответствующим резидентом... Работа в СССР лимитрофных агентов — эстонцев, латышей, поляков и других — значительно упрощается тем, что им легче слиться со средой. Здесь масса их соотечественников, и, наконец, надзор за ними значительно слабее. Ведь для наблюдения за всеми поляками потребовалось бы десять ГПУ. Я считаю, что лимитрофных дипломатов и резидентов всех без исключения можно купить. Вопрос только в цене... Интеллидженс сервис... получает в определенных случаях задания и чисто военного характера по организации восстаний, террора и прочих актов там, где правительство считает это нужным. По традиционной тактике все такого рода действия лишь руководятся через резидента, но выполняются же местными силами» (показания от 31 октября 1925 г.)[1].

---

[1] Белогвардейский террор против СССР. С. 30—32.

3 ноября 1925 г. приговор Верховного революционного трибунала в отношении Сиднея Рейли от 3 декабря 1918 г. был приведен в исполнение.

Фабриканты антисоветских фальшивок

В 1923—1927 гг. страны капиталистического мира были наводнены антисоветскими фальшивками. «Документы о подрывной деятельности» Советского правительства и Коммунистического Интернационала должны были «свидетельствовать» о том, что коммунисты и Советское правительство руководят «заговорами» в капиталистических странах.

В 1924 г. произошел скандальный случай использования таких фальшивок в Англии. В октябре лейбористское правительство назначило выборы в парламент. Во время избирательной кампании соперничающая с лейбористами консервативная партия опубликовала сенсационное «Письмо Коминтерна от 15 сентября 1924 г.», в котором «Коминтерн» будто бы предлагал Центральному Комитету Британской Коммунистической партии готовиться к вооруженному восстанию в Англии, создавать «ячейки во всех войсковых частях... и на военных складах».

Шумно оглашенное в печати сенсационное «Письмо Коминтерна» сыграло свою роль в избирательной кампании. Оно «доказывало ошибочность» политики лейбористов, установивших дипломатические отношения с Советским правительством. Поднятая шумная кампания напугала английского обывателя, и консерваторам удалось получить на выборах большинство голосов, свалить лейбористов и прийти к власти.

Советское правительство категорически опровергло так называемое «Письмо Коминтерна» и ноту английского правительства по этому поводу, указало, что фальшивки, которыми пользовались в капиталистических странах

против СССР, — дело рук антисоветчиков и иностранных разведок, заинтересованных в срыве мирного сосуществования между СССР и капиталистическими государствами; потребовало расследования обстоятельств происхождения фальшивого «документа» третейским судом. Но английское правительство, пришедшее к власти при помощи этого «документа», отказалось от расследования и передачи вопроса на разрешение третейского суда. В дальнейших же отношениях с СССР консерваторы постоянно ссылались на эту фальшивку как на «подлинный документ».

Все это вынудило советскую контрразведку пристально следить за деятельностью антисоветских групп за границей и разведчиков западных стран. Вскоре чекисты выявили за границей ряд «контор» по фабрикации антисоветских документов.

Одной из таких «контор» в Берлине ведал эмигрант Г. И. Зиверт, бывший офицер 12-й русской армии, перешедший на сторону немцев во время их наступления в 1918 г. Зиверт работал под руководством заведующего «отделом русской агентуры» германской разведывательной службы доктора Рота. Он был весьма ловким разведчиком, его называли «гением политической проституции». Разведывательную «контору» он скрывал под названием «Дейче ост прессбюро» и официально рекламировал, что ее задачей является «изучение и систематизация материалов мировой политики». Впрочем, Зиверт был связан не только с немецкой, но и с другими разведками.

Подручный Зиверта эмигрант Александр Гаврилов занимался фабрикацией антисоветских «документов» в Вене. Однажды он явился в одну из венских типографий и, назвавшись «представителем советского посольства», заказал изготовить большое количество чистых бланков советских учреждений и Коминтерна по представленным им образцам. Гаврилов уплатил авансом некоторую сумму, а затем по изготовлении бланков получил их. Не дождавшись полной оплаты заказа Гавриловым, администра-

ция типографии представила счет за изготовленные бланки... советскому посольству. Так была раскрыта афера.

Венская полиция по требованию советского посольства произвела расследование и обнаружила шайку изготовителей антисоветских политических фальшивок, в которую входили русские эмигранты Александр Гаврилов, Алексей Якубович и другие. Гаврилов был арестован. Даже буржуазная печать отмечала, что бланки заготовлялись для фальшивок, которые в то время публиковались во многих странах западного мира. И все же авантюристы ускользнули от ответственности. Гаврилов вскоре был освобожден и бежал к своему шефу Зиверту в Берлин. Алексей Якубович продолжал грязную «работу» в Вене.

В том же Берлине действовала и разведывательная контора русского эмигранта Владимира Орлова. Это был сильный конкурент Зиверта. В свое время он служил царским следователем по особо важным делам, в годы гражданской войны подвизался во врангелевской контрразведке и был весьма опытным шпионом. В отличие от Зиверта, Владимир Орлов обслуживал главным образом английскую разведку и поддерживал связи с известным «асом среди шпионов» Сиднеем Рейли. В «конторе» Орлова работали русские эмигранты — сын бывшего царского сенатора Алексей Бельгардт, белогвардейские офицеры Жемчужников, Гуманский.

В январе 1923 г. в Берлине открыл «контору» под названием «Руссина» и белоэмигрант Сергей Дружиловский. В кадетской газете «Русь» он поместил такое объявление: «Русское информационное агентство «Руссина» принимает заказы на сведения о деятельности Коминтерна в мировом масштабе. Корреспонденции и сведения о положении дел в России. Требуются корреспонденты. Вознаграждение по соглашению. Прием от 5.30 до 7.30 вечером. Директор С. М. Дружиловский, секретарь Д. Типп».

С. М. Дружиловский — сын полицейского исправника, подпоручик царской армии — был авантюристом по

натуре. В 1918 г. за какую-то темную уголовную проделку он был арестован ЧК и отсидел 6 месяцев в тюрьме. В 1919 г. он бежал из Советской России. При переходе границы финские пограничники задержали его. Тогда он выдал себя за «политического беженца», «участника заговора Локкарта», горящего желанием «отомстить большевикам». Его освободили, и он поехал в Ревель, где генерал Юденич собирал белогвардейское воинство для похода на Петроград. В Ревеле Дружиловский продал в белоэмигрантскую газету свои рассказы «об ужасах в застенках ЧК» и устроился в контрразведку Юденича. После разгрома Юденича он занялся «литературной деятельностью». Вместе с агентом польской разведки Ляхницким на польские средства в 1920 г. он организовал издание «Экстренного бюллетеня местных и иностранных телеграфных сообщений», потом «Вечерней почты», выходивших на русском языке. В этих изданиях Дружиловский помещал клеветнические измышления о жизни в Советской стране. Когда «издания» прогорели, шефы из польской разведки направили Дружиловского в Ригу, но здесь он проворовался, растратив деньги, полученные на разведывательную работу. Его вызвали в Польшу, арестовали, а затем выслали в Данциг (тогда вольный город). Теперь Дружиловский «переориентировался» и стал работать на германскую разведку. После этого при покровительстве своих новых шефов — Зиверта и доктора Рота — он открыл в Берлине «контору Руссина». Впрочем, польская разведывательная служба не оставила его в покое, и он продолжал «работать» и на нее. Вообще в Берлине Дружиловский вращался в кругу шпионов и разведчиков всех мастей и был в курсе дел антисоветских групп.

В 1924 г. польские шефы предложили Дружиловскому добыть «советский документ, затрагивающий интересы Америки».

Дружиловский рассказал о задании поляков немецким разведчикам, и Зиверт помог ему выполнить «заказ»:

он связал его с Александром Гавриловым, имевшим «венский опыт» изготовления антисоветских фальшивок. За 50 марок Гаврилов продал Дружиловскому несколько чистых бланков, оставшихся у него из венских запасов, и научил его, как нужно делать фальшивки.

Первым «документом», изготовленным Дружиловским, была «Инструкция по подготовке выборов в Исполком Профинтерна». Эта «инструкция» была адресована «Исполнительному Комитету Северо-Американских Соединенных Штатов». «Документ» был изготовлен на бланке с эмблемой СССР, полученном от Гаврилова, и содержал «директивы», данные будто бы Коминтерном Коммунистической партии США по вопросам выборов в Исполком Профинтерна.

Польским шефам, которым Дружиловский представил свою «работу», «документ» понравился, и они предложили отнести его в американское консульство и передать там некоему П. А. Гамму (русскому по национальности). Когда последний осмотрел «документ», он велел Дружиловскому отдать его корреспонденту американской газеты «Чикаго трибюн» Солдесу.

Солдес сразу же обнаружил в «документе» ошибку: в нем руководителем Коммунистической партии США был назван «Рудберг», в то время как действительная фамилия одного из руководящих деятелей партии в Америке была Ч. Э. Рутенберг. Дружиловский, поддерживая свой престиж, стал утверждать, что фамилия этого руководителя двойная — «Рудберг-Рутенберг». Тогда корреспондент предложил представить еще один документ, в котором была бы обозначена фамилия «Рудберг-Рутенберг».

Дружиловский заметался. Как изготовить еще один «документ»? И он вспомнил, что как-то один из его «друзей», эмигрант Бенстед (бывший чиновник русского министерства иностранных дел), работавший в польской и немецкой разведках, рассказывал ему, что имеет бланк

берлинского представительства газеты «Известия». Дружиловский бросился к Бенстеду и выпросил этот бланк.

В руках авантюриста бланк берлинского представительства газеты «Известия» превратился в бланк «замаскированного берлинского представительства Коминтерна» — «Отдела Исполкома Коминтерна». На этом бланке Дружиловский составил «Письмо в Америку», в котором сообщалось, что «Рудберг-Рутенбергу» от Коминтерна переведены деньги через «Нью-Йорк сити банк».

Теперь корреспондент Солдес был удовлетворен и заплатил Дружиловскому за фальшивки 50 долларов.

Изготовив копии этих же «документов», Дружиловский продал их еще и... майору Лорану из французской разведки (он был связан и с этой разведкой).

Фальшивки были опубликованы 15 февраля 1925 г. в американских газетах «Чикаго трибюн» и «Нью-Йорк таймс».

После этих первых «опытов» Дружиловский поставил работу «конторы Руссина» на более высокий уровень. Теперь он приобрел уже целую сотню бланков «Исполкома Коминтерна», заказав их в типографии по составленному им образцу. Он пригласил в «контору» опытного помощника — подделывателя документов Алексея Бельгардта, нанял машинистку-секретаря.

По заказу польской разведки Дружиловский изготовил два фальшивых «Письма Коминтерна». В одном из них — «Секретной инструкции Исполкома Коминтерна» — предлагалось «Полпредству Коминтерна в Польше», изобретенному Дружиловским, активно выступить против правительства в день конституции (3 мая). В другом была «Инструкция Коминтерна», как проникать коммунистам в важнейшие учреждения, особенно в военные.

Для Франции по заказу майора Лорана «контора» Дружиловского изготовила «Директивное письмо Московской ЧК» какому-то таинственному «Подотделу во

Франции» об организации «перманентных общественных конвульсий и дезавуации популярных государственных деятелей».

Самым крупным делом «конторы Руссина» было изготовление фальшивок для болгарского посла. От Зиверта глава «Руссины» узнал, что болгарский посол в Берлине нуждается в его «услугах». Дружиловский явился в посольство, произвел хорошее впечатление на болгарского посла и получил заказ. Срочно нужны были «документы», которые могли бы оправдать кровавый террор фашистских правительственных органов Болгарии против коммунистов и одновременно служить основанием для требования перед странами-победителями в империалистической войне 1914— 1918 гг. об увеличении болгарской армии.

Вначале болгарский посол дал заказ сфабриковать «Письмо Коминтерна» к Коммунистической партии Болгарии об усилении партийной работы. Дружиловский выполнил этот заказ и получил в болгарском посольстве 100 марок. При этом в ведомости на получение денег он должен был подписаться фамилией «Шидловский», который будто бы получил деньги «за исследовательскую работу по заданию болгарского посольства».

Затем болгарский посол заказал Дружиловскому второй «документ». Его содержание он лично продиктовал. В «документе» сообщалось из Москвы о переводе Коминтерном 10 тысяч долларов на расходы по усилению подпольной коммунистической деятельности в болгарских военных частях. И этот «документ» «контора» Дружиловского сфабриковала.

Но самым важным был третий заказ, на котором Дружиловский «заработал» 500 марок. Вот как выглядела фальшивка, продиктованная болгарским послом, после ее изготовления в «конторе Руссина»:

Совершенно секретно.
После выполнения уничтожить.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИККИ Центральная секция отдела внешних сношений № 2960 Москва

Настоящим согласно постановлению балканской коммунистической федерации при ИККИ от 12 марта с. г. сообщаем, что сейчас же после получения сего должны войти в связь непосредственно с тов. председателем контроля нашей секции при македонском «оуена оюка тауеб», сообщив, что вышеупомянутым постановлением балканская коммунистическая федерация утвердила постановление македонского «оуена оюка тауеб», относительно приведения в исполнение приговора над Русиновым и Гаржичем, и соглашается предоставить приведение в исполнение постановления тт. Матко и Кашемирову, как испытанным работникам в оперативно-террористическом отделе.

Кроме того, согласно тому же постановлению мы должны посвятить всех находящихся в нашем непосредственном распоряжении товарищей из контроля балканского центра в следующее:

1. С 15 апреля с. г. все работники контроля балканского центра объявляются мобилизованными.

2. Те из них, которые организованы в тройках, пятерках и десятках, должны к 12 часам дня 15 апреля с. г. сообщить товарищам, находящимся под их руководством, по списку о мобилизации и передать им приказ о распределении работ, предвиденных в инструкции ИККИ от 10 мая 1924 года за № 47001.

3. Заведующие распределительными оружейными пунктами должны к 1 часу дня 15 апреля с. г. подготовить выдачу амуниции в необходимом для каждого района количестве согласно требованиям руководителей района.

4. Оружие выдается ночью с 15 на 16 апреля и должно храниться у каждого десятника под его личной ответственностью, и т. д. и т. п.

Эти распоряжения нужно немедленно сообщить непосредственно местам, пользуясь кодом АЛЗ, предписывая после изучения уничтожить.

По постановлению исполкома Коминтерна генеральный секретарь отдела внешних сношений

А. Дорот».

На этом документе сделана следующая надпись:

«Тов. Зотову.

Немедленно сообщите тов. Янчеву о приговоре, переведите инструкцию на код АЛЗ в нужном количестве отд. секр. экспорта.

Сохранить в личном моем архиве.

С. Бужанский

19.III 925 Вх.№346/а

1925 Отд. общ. КОНТ. Отдел внешних сношений»[1].

Эта чудовищная фальшивка обошла всю европейскую и американскую прессу как «подлинный документ»; она рассматривалась в международных органах Антанты, послужила «основанием» для жесточайшего террора в Болгарии против коммунистов, якобы готовивших 16 апреля 1925 г. «вооруженное выступление».

Советская контрразведка не могла оставаться безучастной в этой обстановке. Тогда-то и было установлено, что «болгарские фальшивки» были изготовлены в «конторе» Дружиловского. Необходимо было принять меры к разоблачению аферы, приведшей к кровавым последствиям.

24 апреля 1925 г. центральный орган Коммунистической партии Германии «Роте фане» выступил с кратким, но очень емким по содержанию сообщением: «Аферист

---

[1] Документ приведен в книге Вас. Ардаматского «Две дороги». М., 1973. С. 238–239.

Дружиловский и его провокации!!! В Болгарии льется кровь!» Редакция объявила, что она располагает неопровержимыми данными, разоблачающими чудовищную провокацию против болгарских коммунистов. «Письмо Коминтерна» Болгарской коммунистической партии, которое рассматривалось Советом послов держав-победительниц, является фальшивкой, изготовленной в Берлине аферистом Дружиловским по заказу официальных лиц, представляющих в Германии болгарское правительство.

Болгарский посол поспешил с опровержением, но оно выглядело беспомощным. Немецкая и польская разведка, принимавшие участие в афере Дружиловского, заметались. Разоблаченный Дружиловский представлял для них большую опасность, такую же опасность он представлял для правящих кругов Болгарии. Болгарский премьер-министр — кровавый диктатор Цанков, использовавший заведомо фальшивые «документы» Дружиловского, дал задание своим разведчикам ликвидировать Дружиловского, как опасного свидетеля.

Немецкая и польская разведки упрятали Дружиловского в тюрьму. Когда же шум прошел, его освободили, обязав покинуть Германию. Аферист пробрался в Гамбург, а оттуда в Эстонию. Там его задержали за нелегальный переход границы. В конце концов эстонские разведчики завербовали его и перебросили для работы в Ригу. Его «похождения» продолжались и в Риге, пока он не попал в поле зрения советской контрразведки. Решено было перебросить Дружиловского на советскую сторону, где и предать суду за все его преступления.

Советским разведчикам в Риге Воробьеву (Сумарокову) и Дальнему (Башкирцеву) удалось убедить Дружиловского, что ему будет полезно связаться с советской контрразведкой. Дружиловский, которому грозили крупные неприятности от польской, немецкой и болгарской разведок, в конце, концов решил попытаться связаться с советской контрразведкой. Немалую роль в этом его ре-

шении сыграли корыстные побуждения — он теперь надеялся «заработать» на сообщениях для советской контрразведки.

В одном из сообщений разведчик Воробьев писал в Москву:

«За все время нам еще не приходилось иметь дела с такой законченной в своей гнусности продажной личностью, воображающей себя политической фигурой. Если бы Вы только знали, как нам невероятно трудно выслушивать, да еще одобрительно, рассказы этого негодяя о его прежних заслугах. Цинизм неисповедимый. Например, в отношении Болгарии он выразился так: «От моей работы тамошние красные захлебнулись в собственной крови». И тут же начинает рассуждать (правда, еще не очень уверенно) о том, как должны обрадоваться в Кремле, если он предложит ему свои услуги. В общем, нет меры подлости, применимой к этому, с позволения сказать, человеку».

Наконец операция перехода Дружиловского на советскую территорию была подготовлена. 28 июня 1926 г. он вместе с Дальним (Башкирцевым) перешел границу из Латвии в СССР. Дружиловский хотел лично «продать» советской контрразведке свои «сведения». Его встретил заместитель начальника КРО ОГПУ С. В. Пузицкий. Преступная карьера Дружиловского закончилась. Он должен был рассказывать теперь следственным органам о своих «похождениях».

Дружиловский изготовил так много антисоветских фальшивок, что уже и сам не помнил всех их. Во время расследования пришлось предъявить ему сборник фальшивых документов, собранный и изданный Наркоматом иностранных дел СССР. Осматривая множество «документов» сборника, Дружиловский опознавал среди них изготовленные им фальшивки и писал на таких «документах»: «Этот документ — моей фабрикации», а иногда добавлял — «такого-то периода».

С 8 по 13 июля 1927 г. Военная коллегия Верховного суда СССР рассматривала дело Дружиловского. Председательствующий на суде обратился к подсудимому:

— Вам предъявлены два обвинения. Первое обвинение заключается в том, что после окончания гражданской войны вы, состоя на службе во 2-м отделе польского генштаба, участвовали в шпионской работе против СССР до 1926 г. По этому пункту вы признаете себя виновным?

— Да, признаю, — ответил он.

— Второе обвинение заключается в том, что в 1924—1926 гг. вы по заданиям разведывательных органов иностранных государств составляли подложные документы, исходящие якобы от Советского правительства и от Коминтерна, которые могли быть и были использованы для враждебных действий против СССР. В этом вы признаете себя виновным?

— Да, признаю[1].

В качестве свидетеля на суде был допрошен один из руководителей Коммунистической партии Болгарии — Васил Коларов. Он рассказал, что фальшивки Дружиловского (как и фальшивки, изготовленные в Вене Алексеем Якубовичем) были использованы правительством диктатора Цанкова для развертывания жесточайшего террора против прогрессивных сил страны. Палачи Цанкова за короткое время без суда и следствия убили несколько тысяч человек, «подозреваемых в подготовке восстания». На основании этих фальшивок, предъявленных на конференции послов Антанты в Париже, конференция в апреле 1925 г. разрешила правительству Болгарии увеличить армию на 10 тысяч человек для подавления «волнений и бунтов».

Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Дружиловского к расстрелу.

---

[1] Известия ЦИК СССР, 1927, 9 июля.

* * *

Дело Дружиловского пролило свет и на тайну происхождения известного «Письма Коминтерна», использованного консерваторами в Англии во время избирательной кампании 1924 г.

Органы ОГПУ еще в 1925 г. получили сообщение Н. Н. Крошко (Кейта) о том, что это «Письмо» было изготовлено берлинской «конторой» В. Орлова. Последний сам рассказывал, что в фабрикации «Письма Коминтерна» участвовали Бельгардт, Жемчужников и Гуманский, а «завершающей инстанцией» в «работе» был Сидней Рейли.

Советское правительство отмечало эти факты в переписке и в отношениях с английским правительством[1], но английские официальные лица долгие годы скрывали действительное происхождение «Письма Коминтерна». Между тем даже в буржуазной печати публиковались материалы о подложности этого «документа». Английская газета «Манчестер Гардиан» в номере от 23 мая 1927 г. с достаточной прозрачностью указывала, что «Письмо Коминтерна», подобно другим антисоветским фальшивкам, было сфабриковано в Берлине. Жена Бельгардта Ирина Бельгардт опубликовала воспоминания, в которых подтверждала, что «Письмо» создавалось с участием ее мужа. Буржуазная печать приходила к выводу, что фальшивку изготовила русская антисоветская группа, находящаяся под покровительством польской разведки в Берлине, а затем передала английской разведке.

Сын Локкарта прямо указал, что «Письмо Коминтерна» было изготовлено по инициативе Сиднея Рейли. Он сфабриковал этот «документ» с помощью русских эмигрантов в Берлине (В. Орлова и других). Автор подчер-

---

[1] Например, на это указывал нарком иностранных дел СССР Г. В. Чичерин в интервью от 22 марта 1928 г. (см.: Известия ЦИК СССР, 1928, 22 марта).

кивает, что Рейли не скрывал от друзей своей причастности к подделке «Письма Коминтерна». Напротив, по признанию майора Элли, указание на такую причастность было ему «приятно»[1].

8 февраля 1968 г. в английской газете «Санди тайме» на первой полосе появилась статья, в которой редакция сообщала о новой возможности найти ключ «к одной из наиболее зловещих политических загадок Британии в нашем веке» — тайне происхождения «Письма Коминтерна», сыгравшего такую большую роль в Англии.

Научный сотрудник юридического факультета Гарвардского университета Уильям Батлер неожиданно нашел в подвалах университета оригинал «Письма Коминтерна» — четыре страницы русского текста, заснятые на фотографических пластинках, и еще две страницы какого-то другого документа, явно поддельного. Исследования Батлера, опубликованные в «Бюллетене Гарвардской библиотеки», привели его к заключению, что «Письмо Коминтерна» — подделка.

Редакция «Санди таймс» воспроизвела на своих страницах русский оригинал «Письма Коминтерна», найденный Батлером, и высказала предположение, что, если кто-либо опознает почерк, которым написано «Письмо», то это, возможно, поможет выяснить, почему фальшивка была принята за подлинное «Письмо Коминтерна» и использована в предвыборной кампании 1924 г. против «красной опасности». Редакция предложила всем читателям помочь в решении этой исторической загадки.

Статья газеты «Санди таймс» вызвала интерес английской общественности. Некий Майкл Кетти, историк, представил в редакцию образец почерка Сиднея Рейли, взятый из книги «Приключения Сиднея Рейли», отредактированной женой шпиона и опубликованной в 1931 г., и сообщил, что ему бросилось в глаза сходство между по-

---

[1] *Lockart R.B.* Ace of spies. London, 1967, p. 127.

черком Сиднея Рейли и оригиналом русского текста «Письма Коминтерна».

Тогда редакция «Санди таймс» пригласила известного в Англии эксперта по исследованию спорных документов, члена Британской академии криминалистики Джона Конвея для экспертизы. Ему были предоставлены фотокопии несомненного письма Сиднея Рейли и полный текст оригинала «Письма Коминтерна» на фотопластинках, найденных Батлером.

Изучив эти документы, Джон Конвей дал следующее заключение: «Я сравнил эти два текста и, исходя из характера почерков, то есть нажима, расстояния между буквами, написания букв, их размера и других характерных признаков, убедился, что они были написаны одним и тем же человеком. В особенности бросается в глаза сходство в манере написания прописного «Д» и строчного «д». Характерно также написание других букв... То, что тексты написаны на языках с различным алфавитом, несколько затрудняет сравнение, однако внешний вид и манера написания букв одинаковы. Ни один из этих признаков в отдельности не мог бы быть сочтен исчерпывающим доказательством, однако совокупность их заставляет полагать, что они характерны для почерка одного и того нее человека».

Газета «Санди таймс» отметила, что, по данным исследователя Батлера, обнаружившего в Гарвардском архиве русский текст «Письма Коминтерна», первоначально этот текст появился в Париже: английский консул Уэсткотт осенью 1924 г. писал в памятной записке, что этот документ был получен им от английского агента. По-видимому, этим агентом был Сидней Рейли.

Таким образом, данные советской разведки о причастности Сиднея Рейли к «Письму Коминтерна», об обстоятельствах его изготовления получили дополнительное подтверждение.

БОРЬБА С ВНУТРЕННИМИ ВРАГАМИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Саботаж — орудие антисоветских сил

1. Организация саботажа.

Сразу же после победы Октября антисоветчики организовали саботаж мероприятий Советской власти во всех государственных учреждениях. Чиновники и служащие министерств, банков, казначейства, почты и телеграфа, городских управ, больниц, учебных заведений, театров, военачальники в армии отказывались признать Советскую власть и работать под руководством назначенных ею лиц. Одновременно владельцы промышленных предприятий останавливали производство, задерживали выдачу заработной платы рабочим, создавали помехи в хозяйственной жизни страны.

Саботаж носил политический характер и поддерживался всем антисоветским лагерем — от монархистов до «социалистов». В ноябре 1917 г. чиновники-саботажники образовали в Петрограде центральный стачечный комитет при «Союзе союзов служащих государственных учреждений» для руководства забастовкой в учреждениях города. В специальном воззвании организаторы «Союза» заявляли, что решили «приостановить занятия во всех государственных учреждениях»[1].

Саботаж вносил дезорганизацию в работу учреждений, причинял вред народу. Поэтому 19 ноября 1917 года

[1] *Владимирова Вера.* Год службы «социалистов» капиталистам. Очерки по истории контрреволюции в 1918 году. М.— Л., 1927, с. 76

Совет Народных Комиссаров рекомендовал, не останавливаясь перед арестами и преданием саботажников революционному суду, предложить им «или 1) работать, подчиняясь власти правительства, или 2) вернуть деньги (полученное ими жалованье. — *Д. Г.*). В случае отказа судить их, как за воровство народного имущества»[1]. 26 ноября Военно-революционный комитет опубликовал заявление, в котором объявил чиновников государственных и общественных учреждений, саботирующих работу в важнейших отраслях народной жизни, врагами народа и призвал к общественному бойкоту их[2]. Борьбу с саботажниками повели все советские организации, следственные учреждения и революционные трибуналы.

И все же саботаж продолжался.

Чиновники министерства государственного призрения (социального обеспечения) отказались сдать дела и ключи А. М. Коллонтай, назначенной Советским правительством народным комиссаром. А. М. Коллонтай писала в Военно-революционный комитет: «Прошу немедленно выдать ордер на арест членов стачечного комитета чиновников министерства государственного призрения, а также назначить наряд для приведения в исполнение этого ареста. Подлежат аресту следующие лица: Колумбовский, Волков, Афанасьева, Ордин, Зарин, Чернявский, Маркузе. Одновременно прошу прислать наряд в Министерство государственного призрения (Казанская, 7) для усиления охраны на сегодняшнюю ночь и в ближайшие дни».

14 ноября 1917 г. следственная комиссия революционного трибунала «ввиду упорного саботажа» арестовала чиновников министерства. После того как забастовщики сдали ключи и документы министерства, Военно-револю-

---

[1] Из истории борьбы за установление Советской власти (ноябрь 1917 г.— февраль 1918 г.). Сборник исторических документов и материалов, М., 1943, с. 73.

[2] См.: Известия ВЦИК, 1917, 26 ноября.

ционный комитет 16 ноября отдал распоряжение (за подписью Ф. Э. Дзержинского) об их освобождении[1].

Народный комиссариат просвещения 19 декабря 1917 г. писал в ВЧК: «До сведения Народного комиссариата по просвещению дошло, что параллельно с Комиссариатом по просвещению образовались заново некоторые отделы министерства народного просвещения, куда будто бы и направляется вся корреспонденция, адресованная на имя Комиссариата по просвещению, а также и обратно. Это «министерство» отправляет свою корреспонденцию в адрес попечителей округов и других учреждений по народному просвещению. Нам известно, что в 6-й гимназии было собрание около 400 саботирующих чиновников в министерстве просвещения, и, возможно, что именно на этом собрании и сконструировались отделы «министерства». Доводя об этом до сведения Комиссии по борьбе с контрреволюцией, прошу выяснить, соответствуют ли циркулирующие слухи действительности, и если окажется, что бумаги обращаются, минуя комиссариат, то принять самые энергичные меры к ликвидации самозваного «министерства», вплоть до ареста членов его. Товарищ комиссара по просвещению Гр. Закс. Секретарь Е. Адамович»[2].

Особенно опасным был саботаж чиновников в учреждениях, ведавших связью, здравоохранением, продовольственным снабжением.

В первые же дни революции саботажники и чиновники объявили о прекращении работы телефонной станций в Петрограде. В связи с этим 3 ноября 1917 г. декретом Совета Народных Комиссаров за подписью В. И. Ленина заведование телефонной сетью было поручено народному комиссару почт и телеграфов[3].

Работники министерства внутренних дел, в функции которых входил контроль за эпидемиологической обста-

---

[1] ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 9, л, 1, 7 и др.

[2] Там же, д. 12, л. 4.

[3] См.: Декреты Советской власти. Т. 1. С. 42–43.

новкой в стране, отказались выполнять свои обязанности, связанные с охраной народного здоровья. В приказе народного комиссара внутренних дел Г. И. Петровского отмечалось, что «следствием забастовки этих врачей было, между прочим, то, что три телеграммы, уведомляющие о появлении эпидемии чумы в Астраханской губернии и холеры в Бакинской губернии, оставались без рассмотрения»[1].

Чиновники министерства продовольствия и деятели общественных учреждений, занимавшиеся продовольственным снабжением, также отказались сотрудничать с Советской властью.

18 ноября 1917 г. созванный саботажниками Всероссийский продовольственный съезд постановил прекратить доставку продовольствия в революционные центры, а заготовленный хлеб передать в распоряжение Учредительного собрания, когда оно соберется. Съезд избрал так называемый «Всероссийский продовольственный совет» во главе с В. Г. Гросманом (председателем Петроградской продовольственной управы).

27 ноября самозваный «Продовольственный совет» созвал в Петрограде в помещении бывшего министерства продовольствия совещание руководителей продовольственных учреждений. Во время заседания в зал вошел Ф. Э. Дзержинский с нарядом красногвардейцев. Феликс Эдмундович объявил, что, по решению Совета Народных Комиссаров, все присутствующие подлежат аресту. Председатель совещания Д. С. Коробов потребовал предъявить ордер на арест. Ф. Э. Дзержинский ответил, что он является товарищем народного комиссара по внутренним делам, и тут же выписал такой ордер[2].

В составленном затем протоколе, подписанном всеми присутствовавшими, отмечалось: «Товарищ министра (продовольствия. — *Д. Г.)* Н. Д. Кондратьев задал Дзер-

---

[1] Известия ВЦИК, 1917, 6 декабря.

[2] ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 6, л. 2.

жинскому вопрос, арестован ли он, а также другой товарищ министра С. А. Ершов. Дзержинский ответил: «Да»... Представитель служащих, в свою очередь, спросил, арестованы ли и они. Дзержинский ответил, что вопрос об этом будет выяснен потом. После того как представители служащих заявили, что они не подчиняются Совету Народных Комиссаров и не сдадут дел без распоряжения непосредственного начальства, они также были объявлены арестованными... Дзержинский предъявил требование о сдаче ему всех находящихся у присутствующих бумаг, что было исполнено».

Решительные меры против саботажников способствовали прекращению саботажа. Через некоторое время задержанные по решению СНК были освобождены[1].

Забастовки чиновников и служащих государственных и общественных учреждений вызывали возмущение народа, страдавшего от действий, вызванных контрреволюционными саботажниками.

В декабре 1917 г. в Народный комиссариат внутренних дел поступило такое заявление: «Настоящим довожу до вашего сведения: 1-е. Во всех частных банках сего числа производится сбор денег на формирование юнкеров по постановлению якобы профессионального союза служащих кредитных учреждений. 2-е. 15 декабря подготовляется всеобщая забастовка всех служащих как кредитных учреждений, так равно разных предприятий. Примите строгие меры. Для этого необходимо арестовать в каждом банке главарей: директоров, доверенных, а в особенности учетчиков. Мы, служащие разных банков, умоляем вас — спасите завоеванную нашу народную революцию. Снимите с учетов всех предателей, они хуже директоров тормозят все дело. Председатель собрания мелких служащих (подпись неразборчива)»[2]. Это заявле-

[1] ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 6, л. 9, 3 и др.
[2] ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 5, л. 102

ние 19 декабря было передано в ВЧК Ф. Э. Дзержинскому и послужило материалом при расследовании дела о саботаже чиновников бывшего министерства финансов и кредитных учреждений.

28 ноября 1917 г. после «демонстрации в защиту Учредительного собрания» участвовавшие в ней чиновники-саботажники собрались в помещении бывшего Святейшего синода. Здесь они были арестованы сотрудниками Следственной комиссии революционного трибунала. Саботажники скрывали своих активистов, заявляли, что они собрались «случайно» и обсуждали вопросы, не связанные с забастовкой. Некий чиновник Н. К. Васильев, например, так отвечал на вопросы Следственной комиссии: «...Власти народных комиссаров подчинюсь, если ее признает Учредительное собрание...

Забастовка чиновников возникла стихийно... Мое отношение к забастовке было пассивное... В отношении приступа к работе считаю себя обязанным подчиняться решению профессиональной организации» (то есть саботировать.— *Д. Г.*)[1]. Следственной комиссии так и не удалось тогда выявить главарей саботажа. Арестованных чиновников 4 декабря освободили, однако 14 декабря была официально объявлена всеобщая забастовка служащих государственных учреждений Петрограда.

2. Революционный трибунал против саботажников.

Слушанием дела о преступном саботаже начал свою работу только что учрежденный в Петрограде революционный трибунал.

10 декабря 1917 г. в бывший дворец великого князя Николая Николаевича пришли представители различных слоев населения. Были здесь и бастующие адвокаты, старые судебные чиновники, друзья и близкие подсудимой — известной общественной деятельницы, члена ЦК кадетской партии графини С. В. Паниной. По залу шмыгали

[1] ЦГАОР, ф. 338, оп, 1, д. 369, л. 8

бойкие корреспонденты антисоветских газет, все еще выходивших в городе; они заранее распространяли слухи о «жестокости» нового суда. Зал бурлил, клокотал, кипели политические страсти.

В час дня в зал вошел председатель Петроградского революционного трибунала Иван Павлович Жуков с шестью заседателями и, заняв место за столом, обратился к публике. «69 лет тому назад, — сказал он, — во время революции 1848 г. во Франции возникли революционные суды, которые назывались революционными трибуналами. И как те первые революционные суды, так и ныне начавший жить русский революционный трибунал, я надеюсь, будет строгим оценщиком, самым ярым защитником прав и обычаев русской революции. Он будет строго судить всех тех, кто пойдет против воли народа, кто будет мешать ему на пути. И я уверен, что невиновные перед волей революционного народа найдут в революционном трибунале наиболее надежного защитника. Объявляю заседание революционного трибунала открытым»[1].

Графиня С. В. Панина — товарищ (заместитель) министра просвещения свергнутого Временного правительства — обвинялась в саботаже. На вопрос председательствующего, признает ли она себя виновной, Панина ответила, что не признает. Председатель предложил секретарю суда огласить доклад Следственной комиссии. Суть дела заключалась в следующем. Не признавая власти рабочих и крестьян и назначенных ею руководителей Народного комиссариата просвещения, Панина решила не передавать новой администрации денежные средства, имевшиеся в кассе министерства. 15 ноября 1917 г. запиской на имя экзекутора[2] Дьякова она распорядилась: «Срочно. Секретно... Предлагаю вам немедленно по предъявлении сего все хранящиеся у вас денежные сум-

---

[1] ЦГАОР, ф. 1074, оп. I, д. 10, л. 20.

[2] В царской России экзекуторами назывались чиновники, ведавшие хозяйственными делами и надзором за внешним порядком в каком-либо государственном учреждении

мы, как в наличных деньгах, так и в процентных бумагах состоящие, передать предъявителям сего — делопроизводителю департамента народного просвещения Рождественному и департамента профессионального образования Козлову и вместе с ними отправиться для внесения сих сумм на хранение в место по указанию означенных лиц»[1]. Так саботажники изъяли около 93 тысяч рублей. Когда пришла советская администрация, в кассе министерства просвещения не оказалось ни копейки.

Вечером 28 ноября сотрудники Следственной комиссии явились к Паниной. В ее квартире в это время происходило совещание членов Центрального комитета партии кадетов с участием Ф. Ф. Кокошкина и А. И. Шингарева. В ответ на вопросы членов Следственной комиссии Панина заявила: «Признаю, что приказ экзекутору Дьякову от 15 ноября 1917 г. о внесении народных денег, бывших в моем распоряжении по министерству народного просвещения, дан мною. Куда я приказала отправить эти суммы, я указать не желаю. Сочту своей обязанностью представить отчет о всей деятельности и суммах единственно Учредительному собранию как единственной законной власти. От всяких разъяснений комиссарам или Следственной комиссии я отказываюсь»[2].

После оглашения материалов дела[3] председательствующий спросил у присутствующих в зале суда, не жела-

---

[1] ЦГАОР, ф. 1074, оп. 1, д. 10, л. 11

[2] Там же, л. 16.

[3] При изложении дела С. В. Паниной некоторые авторы допустили ошибки фактического характера. Историк А. Л. Фрайман в книге «Форпост социалистической революции» (Л., 1969) указывает, что Панина обвинялась в изъятии из кассы министерства призрения 93 тысяч рублей (с. 221). Е. Н. Городецкий в работе «Рождение Советского государства» М., 1965) утверждает, что дело Паниной слушалось 11 декабря 1917 г. и что она «обвинялась в присвоении денег, принадлежащих министерству» (с. 343). Н. И. Зубов в книге «Ф. Э. Дзержинский, биография» (изд. 3-е. М., 1971) пишет, что на квартире Паниной были арестованы вдохновители саботажа, члены ЦК кадетской партии, «возглавлявшие стачечный комитет Союза государственных учреждений».

ет ли кто-нибудь выступить обвинителем. Желающих не нашлось. Тогда И. П. Жуков предоставил слово защитнику подсудимой. Из публики вышел директор гимназии В.Я. Гуревич. Он принялся восхвалять достоинства подсудимой, оправдывая ее действия и одновременно дискредитируя процесс. Он заявил, что Панина не имела права передать деньги Совету Народных Комиссаров, а передаст их только «настоящему хозяину» — Учредительному собранию, которое якобы является выразителем воли всего народа[1].

Выступление защитника нашло благодатную почву среди части присутствовавшей на процессе публики. В зале раздавались крики, возгласы, кто-то устроил истерику. Некий Иванов, назвавшийся рабочим, потребовал слова и заявил, что подсудимая помогла ему, дотоле «темному человеку», научиться «любить науку и жизнь». Он подошел к скамье подсудимых, театрально поклонился Паниной и воскликнул: «Благодарю вас». Публика устроила ему овацию.

Антисоветские выступления возмутили находившихся в зале рабочих. Один из них, рабочий завода «Парвиайнен» Наумов, потребовал слова и сказал: «Суд был прав, когда привлек к ответственности гражданку Панину... Класс угнетенных кровью добыл власть и не может, не должен претерпевать оскорбления [в адрес] этой власти... Сейчас перед нами не отдельное лицо, а деятельница, деятельница партийная, классовая. Она вместе со всеми представителями своего класса участвовала в организованном противодействии народной власти, в этом ее преступление, за это она подлежит суду»[2].

Судьи удалились на совещание. Когда они вернулись, в зале воцарилась тишина. И. П. Жуков читал, и все вслушивались в слова приговора: «Именем Революционного Народа! Революционный трибунал, рассмотрев

---

[1] ЦГАОР, ф. 1074, оп. 1, д. 10, л. 20—21.
[2] Там же, л. 21—22.

дело гражданка Софьи Владимировны Паниной об изъятии ею из кассы бывшего министерства народного просвещения принадлежащей народу суммы — около 93 тыс. рублей, постановил: 1) оставить гражданку Софью Владимировну Панину в заключении до момента возврата взятых ею денег в кассу Комиссариата народного просвещения; 2) Революционный трибунал считает гражданку Софью Владимировну Панину виновной в противодействии народной власти, но, принимая во внимание прошлое обвиняемой, ограничивается преданием гражданки Паниной общественному порицанию»[1].

19 декабря саботажники внесли изъятые деньги в Народный комиссариат просвещения, и Панина была освобождена. Впоследствии она стала эмигранткой.

14 декабря 1917 г. Петроградский революционный трибунал заслушал второе дело о саботаже, по обвинению бывшего командующего 5-й армией Северного фронта генерала В. Г. Болдырева в неподчинении приказанию назначенного советским правительством Верховного главнокомандующего Н. В. Крыленко.

Когда 11 ноября Н. В. Крыленко в сопровождении небольшого отряда выехал из Петрограда на фронт, чтобы вступить в командование действующей армией и принять дела Ставки, он прежде всего заехал в штаб Северного фронта, чтобы организовать начало переговоров о перемирии с командованием войск Германии. Однако нового главковерха представители командования Северного фронта встретили враждебно. В Пскове, где находился штаб Северного фронта, главнокомандующий фронтом генерал В. А. Черемисов на вызов к Крыленко не явился, ответив отказом. Н. В. Крыленко издал приказ об отстранении Черемисова от должности и письменно предложил ему временно исполнять обязанности до прибытия преемника под наблюдением комиссара фронта большевика Б. П. Позорна.

---

[1] ЦГАОР, ф. 1074, оп. 1, д. 10, л. 23.

12 ноября Н. В. Крыленко прибыл в Двинск, где располагался штаб командующего 5-й армией Северного фронта генерала В. Г. Болдырева. Здесь повторилось то же, что и в Пскове. Болдырев на приглашение Крыленко не откликнулся, а при повторном вызове ответил, что может принять Крыленко у себя. Остановившись в Двинске, Н. В. Крыленко созвал армейский комитет. Болдырев не явился и на заседание комитета. Между тем армейский Военно-революционный комитет стал на большевистские позиции. Ввиду явного саботажа Болдырева Н. В. Крыленко отстранил его от должности, а Военно-революционный комитет армии арестовал генерала и отправил его в Петроград для предания суду революционного трибунала.

На судебном заседании Болдырев заявил, что, так как Крыленко назначен главковерхом большевиками, поэтому он не подчинялся его приказаниям. Кроме того, он пытался оправдать свои действия тем, что армейский комитет также разделял его точку зрения, а о переходе комитета на советские позиции он не знал.

Когда у Болдырева на суде спросили, как бы он поступил, если бы знал о переходе армейского комитета на советские позиции, он ответил: «Я считаю себя гражданином свободной России и подчиняюсь воле Учредительного собрания», то есть дал понять, что не признает Советской власти.

Революционный трибунал признал Болдырева виновным в неисполнении распоряжений Верховного главнокомандующего Крыленко и приговорил его к трем годам тюремного заключения[1].

---

[1] См.: Известия ВЦИК, 1917, 15 декабря. О судьбе В. Г. Болдырева уже упоминалось в первой главе этой книги. Он был освобожден из заключения в мае 1918 г. на основании амнистии, объявленной Петроградской коммуной 1 мая 1918 г. Позже участвовал в борьбе против Советской власти, был членом Директории Уфимского правительства и главкомом его вооруженных сил. Колчаком выслан в Японию. После разгрома колчаковцев Красной Армией возвратился во Владивосток и вторично был амнистирован.

Вскоре в Петроградском революционном трибунале слушалось дело графини О. Апраксиной.

В декабре 1917 г. в Народный комиссариат государственного призрения, руководимый А. М. Коллонтай, пришла сестра милосердия благотворительного церковного приюта, носившего название «Во имя царицы небесной», А, В. Кобылина и сообщила об ужасном состоянии находящихся в приюте детей, В приюте, говорила она, «перестали совершенно топить, несмотря на суровые морозы. Трубы стали лопаться от холода... Белье перестали стирать, и дети ходят в грязном белье, кишащем паразитами... Дети голодают, от голода у детей стали появляться на руках и ногах язвы и раны... Смертность среди детей ужасающая... Дошло до того, что покойник оставался непогребенным три недели... Видя эти ужасы, я стала настойчиво обращать внимание графини Апраксиной (попечительницы приюта.— *Д. Г.)* и других лиц на нравственную ответственность за состояние детей, но мне постоянно указывали, что нужно терпеть... У меня создалось твердое убеждение, что все это безобразие создавалось искусственно с целью убедить народ в том, что всему этому виною является власть большевиков. Это... подтверждается еще и тем, что графиня Апраксина упорно не желала обратиться за помощью в министерство призрения...»

Народный комиссариат государственного призрения, узнав об этом, ассигновал необходимые средства на содержание детей и спас многих из них от гибели. Назначенная комиссаром приюта Е. Н. Миндлина заявила: «Совокупность всех обстоятельств, при коих продолжалось бесчеловечное существование детей, меня убедила в том, что графиня Апраксина умышленно старалась избегать правительственной помощи с целью дискредитировать власть народных комиссаров, на опыте демонстрируя всю внесенную якобы ими в жизнь приюта разруху».

Рассмотрев это дело, Петроградский революционный трибунал признал, что «со стороны Апраксиной и Бур-

нашевой (старшей сестры приюта. — *Д. Г.*) было допущено бездействие, подлежащее строгому порицанию». Революционный трибунал: постановил отстранить их от управления приютом и лишить права активного участия в работе благотворительных учреждений[1].

Но меры, применявшиеся революционными трибуналами, оказывались недостаточными, чтобы сломить саботаж. Нужна была более решительная борьба, и основная тяжесть ее легла на плечи Всероссийской чрезвычайной, комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

3. Ликвидация саботажа.

Выполняя указания Совнаркома, ВЧК в первые дни своего существования раскрыла и ликвидировала центральный стачечный комитет «Союза союзов служащих государственных учреждений», руководивший забастовкой чиновников. Сотрудники Чрезвычайной комиссии выяснили, что руководители стачки чиновников собираются в Петрограде в доме № 46 по Литейному проспекту. 22 декабря 1917 г. председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский, лично занимавшийся расследованием этого дела, предписал произвести обыск по Литейному, 46, кв. 17, и задержать всех заподозренных лиц, в том числе Валединского, который публично собирал деньги для саботажников[2]. Чекисты с отрядом красногвардейцев обнаружили по этому адресу конторы нескольких организаций («Союза трудовой интеллигенции», «Союза инженеров», «Союза союзов») и около 30 сотрудников и посетителей контор, пытавшихся уничтожить бумаги и скрыться. Но чекисты задержали их и изъяли ряд документов (в том числе издававшийся саботажниками бюллетень и подписные листы на сбор средств в «забастовочный фонд»), характеризовавших их подпольную деятельность. Когда один из

---

[1] ЦГАОР, ф. 1074, он. 1, д, 1, л. 27, 30, 38 и др.

[2] ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 391, л. 3.

задержанных в конторе пытался бежать от приставленных к нему красногвардейцев, его обыскали и нашли у него визитную карточку на имя чиновника министерства внутренних дел А. М. Кондратьева, о котором ВЧК имела сведения как об одном из организаторов забастовки. Задержанный оказался председателем «Союза союзов». Деньги он успел передать какому-то сообщнику.

Ф. Э. Дзержинский изучил найденные при обыске документы. У Кондратьева была отобрана записная книжка, в которой он вел «бухгалтерию» саботажников. По обрывкам разорванных при обыске бумаг Дзержинский восстанавливал их содержание. Так, например, в найденном бюллетене (печатался на гектографе) содержалась информация о ходе забастовки, в частности отмечалось: «Министерство финансов... Почтовое отделение при таможне приступило к работе по инициативе Центротама (центральной организации таможни.— *Д. Г.*), признавшего до Учредительного собрания власть народных комиссаров и обратившегося с воззванием ко всем органам. Главным деятелем по срыву забастовки является некто Фиденев. Центральный стачечный комитет постановил объявить Фиденева штрейкбрехером, просил стачечный комитет министерства составить контробращение к служащим и представить в Центральный стачечный комитет для сведения»[1]. В бюллетене сообщалось о забастовке служащих, работавших в органах министерства продовольствия, которые создали свод центральный орган, имевший задачей превращение местных забастовок во всероссийскую[2].

О деятельности «Союза союзов» в бюллетене содержалась и такая информация:

«1) Принято постановление, в подтверждение прежних, об отчислении со служащих в стачечный фонд 3%

---

[1] ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 406, л. 414.

[2] Там же, д. 112—113.

содержания за ноябрь и декабрь (однодневный заработок) из расчета всего годового содержания (с наградными), деленного на 12 месяцев. Если отчисление за ноябрь уже произведено не в тех размерах, то принять меры к возможному его пополнению, а за декабрь сделать нормальное отчисление;

2) подтверждено решение Центрального стачечного комитете о манифестациях 28 ноября;

3) воззвание к населению о защите Учредительного собрания, за недостаточностью собранных подписей, особенно некоторых крайних партий, решено отложить на некоторое время опубликованием...»[1]

Ф. Э. Дзержинский разработал подробный план дальнейшего расследования. Только составленный им список с заголовком «Надо арестовать по делу Кондратьева. Организаторы» содержал свыше 100 фамилий[2]. 30 декабря 1917 г. было арестовано несколько активистов «Союза союзов». Ф. Э. Дзержинский лично допрашивал и записывал показания большинства арестованных. Вот некоторые из этих показаний.

А. Я. Литвиненко — чиновник бывшего министерства внутренних дел: «Жалованье, как и все другие, и я получал от стачечного комитета, жалованье иногда полностью, иногда урезанное... А. М. Кондратьева я знал как своего сослуживца... Запись моей фамилии и адреса, о которых вы (Дзержинский) мне сообщаете[3], я объясняю тем, что недели три тому назад я по просьбе председателя А. М. Кондратьева выполнял некоторые поручения: я был секретарем Кондратьева в течение 2—3 дней для связи с IV группой».

А. А. Антонович — один из кассиров стачечного комитета: «Цифра 3764 руб. 91 коп. — это может быть рас-

---

[1] ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 406, л. 117.

[2] Там же, л. 391, л. 2-23, 34-а.

[3] Ф. Э. Дзержинский предъявил допрашиваемому запись в книжке Кондратьева.

чет с А. М. Кондратьевым. Я работал с ним вместе в министерстве внутренних дел до 5 июня 1917 г. Он пригласил меня как служащего на жалованье в организацию союза служащих ведомств. Там поступали разные сборы, и я вел по этим сборам записи. Записи вел на бумажках, так как не работал уже в министерстве как состоящий на военной службе, не мог правильно вести неорганизованное и неналаженное еще дело. Цифра 3764 руб. 91 коп. — сумма сборов почти до последнего времени. Эта сумма у меня была, передал я ее Кондратьеву неделю (если не 10 дней) тому назад. С тех пор если и поступали какие суммы, то ему я передавал. Встречался обыкновенно на Литейном, 46. Был он председателем этой организации ведомства внутренних дел»[1].

В результате расследования выяснилось, что «Союз союзов» и состоявший при нем Центральный стачечный комитет руководили забастовкой чиновников в Петрограде и готовили забастовку во всероссийском масштабе. «Союз союзов» был связан с антисоветскими политическими организациями, с «Союзом защиты Учредительного собрания», с представителями банков, крупных промышленников и торговцев, от которых получал средства на выплату жалованья бастующим. Были выявлены ведомственные стачечные комитеты, стачечные комитеты министерств, отраслевые объединения, входившие в «Союз союзов», и существовавшие при нем бюро печати и бюро для сношения с Москвой.

Одним из выявленных ВЧК отраслевых комитетов «Союза союзов» был стачечный комитет служащих кредитных учреждений. Главную роль в нем играли меньшевики. Финансисты-стачечники собрали значительные средства (свыше миллиона рублей) в «фонд помощи» бастующим чиновникам. Их передал для распределения между служащими 9 банков бывший министр финансов кадет

---

[1] ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 406, л. 27, 109.

Н. Н. Кутлер. Саботажники получали средства от торгового дома «Иван Стахеев и К°» в Москве, от табачной фабрики Богданова, от Кавказского, Тульского поземельного, Московского народного и иных банков.

Из-за предательства соглашательских партий на поддержку врагов народа пошла и часть народных денег. В свое время, еще в дни керенщины, трудящиеся собрали и предоставили в распоряжение ЦИК Совета рабочих и солдатских депутатов первого созыва значительную сумму денег для использования их в интересах рабочего класса. После победы Октября меньшевики и эсеры, возглавлявшие ЦИК первого созыва, не постеснялись утаить эти средства (около 250 тысяч рублей) от Советов и преступным путем использовали их для поддержки саботажников[1].

В процессе расследования дела «Союза союзов» ВЧК изолировала главарей стачки чиновников, разрушила аппарат стачечного комитета, расстроила источники поступления средств, провела работу по расслоению саботажников, привлекая на сторону Советской власти часть из них. ВЧК освобождала арестованных по делу «Союза союзов», как только они давали подписку, что не будут больше участвовать в актах саботажа.

1 марта 1918 г. ВЧК направила материалы произведенного ею дознания в Следственную комиссию революционного трибунала. В это время под арестом находился лишь председатель «Союза союзов» Кондратьев. 2 марта 1918 г. Следственная комиссия освободила из-под стражи и его. Теперь, когда саботаж был сломлен, Советская власть не сочла нужным наказывать побежденных врагов.

Почти одновременно с раскрытием в Петрограде дела «Союза союзов» в Москве был ликвидирован стачечный комитет служащих городской управы. Он состоял из

---

[1] См.: *Лацис (Судрабс) М. Я.* Два года борьбы на внутреннем фронте. М., 1920. С. 12—13.

высших служащих городских, преимущественно медицинских, учреждении.

13 января 1918 г. это дело рассматривал в открытом судебном заседании Московский революционный трибунал. Перед судом предстали члены стачечного комитета: врач Фрейдберг, сестры милосердия Ромоданова, Артамонова и контролер Давыдов. Трибунал признал саботажников «виновными в том, что они, будучи членами стачечных комитетов, приняли участие в организации забастовки высших городских служащих, направленной заведомо для них к увеличению развала городского хозяйства в интересах контрреволюции», и постановил: «объявить этих граждан врагами народа и лишить их права быть избираемыми на какую-либо общественную или государственную должность»[1].

Советское правительство приняло меры и против саботажа промышленников, не желавших подчиниться новой власти и закрывших свои заводы и фабрики, торговые заведения. Такие предприятия подлежали конфискации.

Уже 17 ноября 1917 т. Советское правительство приняло первое постановление по этому поводу,

В нем шла речь о конфискации фабрики товарищества Ликинской мануфактуры А.В. Смирнова, который закрыл свое предприятие. Совнарком, говорилось в постановлении, «считает, что:

1) Закрытие фабрики, исполняющей заказы на армию и обслуживающей нужды беднейших потребителей, — недопустимо.

2) Материалы по обследованию дел на фабрике указывают на злую волю предпринимателя, явно стремившегося локаутировать рабочих, саботировать производство.

3) В интересах народного хозяйства, широкой массы потребителей и 4000 рабочих и их семей находит необходимым пустить указанную фабрику в ход, а посему постановлено:

---

[1] Известия Московского Совета, 1918, 14 января.

4) Фабрику товарищества Ликинской мануфактуры А. В. Смирнова при поселке Ликино Владимирской губ. со всеми находящимися при ней материалами, сырьем и прочим объявить собственностью Российской республики»[1].

В течение декабря 1917 г. за отказ подчиниться декрету Совета Народных Комиссаров о введении рабочего контроля над производством были конфискованы заводы и имущество акционерных обществ Богословского горного округа, Симского общества горных заводов, правления Русско-Бельгийского металлургического общества, Общества электрического освещения 1886 года. Управления автомобильных мастерских Международного общества спальных вагонов, акционерных обществ Сергинско-Уфалейского горного округа, Кыштымского горного округа, Путиловских заводов, Невьянского горного округа[2].

Такая же борьба с саботирующими чиновниками и промышленниками велась Советской властью и в других районах.

Исполком Ташкентского Совета рабочих и солдатских депутатов 16 ноября 1917 г. предупредил саботажников из почтово-телеграфного ведомства: «Те из бастующих, которые в течение 24 часов со времени объявления настоящего обращения не приступят к работе, будут считаться уволенными от службы со всеми вытекающими отсюда последствиями (как-то: призыв на военную службу и лишение пенсии), а стачечный комитет, как руководитель настоящего контрреволюционного выступления, будет арестован»[3]. Стачка была прекращена.

29 ноября 1917 г. Совет Народных Комиссаров Туркестанского края издал приказ, запрещавший владельцам закрывать свои предприятия[4].

---

[1] Декреты Советской власти, т. 1, с. 105.

[2] См. там же. С. 186—187, 194—195, 233—234, 241, 290—294, 301—302.

[3] Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Туркестане. Сборник документов. Ташкент, 1947. С. 114.

[4] См. там же. С. 117.

На Украине уже в первые дни после победы Октября революционный трибунал судил саботажников. В январе — феврале 1918 г. Военно-революционный комитет в Харькове закрыл за саботаж правление съезда горнопромышленников Юга России, а его председателя, Н. Ф. фон Дитмара, как вдохновителя саботажа, арестовал.

Решительные меры ВЧК, судебные процессы, административное воздействие, разъяснительная работа среди служащих, чистка учреждений от антисоветских элементов — все это, в конце концов, сломило саботаж: чиновники приступили к работе.

Антисоветские заговоры и мятежы

1. Разгром антисоветских заговорщиков в Петрограде в 1917 году.

Сразу после Октябрьской революции тревожно было в бурлящем Петрограде. Бывший премьер свергнутого Временного правительства А. Ф. Керенский бежал. Вскоре стало известно, что он ведет с фронта на столицу казаков под командованием Краснова, чтобы удушить революцию. Они уже заняли Царское Село. Отряд Краснова к вечеру 27 октября насчитывал до 500 человек при 8 пулеметах и 16 орудиях; позднее к нему присоединились еще несколько небольших частей. Вожаки заговора рассчитывали на то, что при первых же успехах похода к ним примкнут все антисоветские силы города.

Мужественно встретил рабочий народ известие о походе войск Керенского и Краснова на Петроград. Десятки тысяч мужчин и женщин по призыву только что созданного советского правительства вышли на улицы. С ружьями, ломами, лопатами, мотками проволоки, патронташами, таща за собой пулеметы и пушки, пешком, на повозках и грузовиках рабочие, солдаты, матросы тянулись к Московской заставе. Там они возводили баррика-

ды, устраивали проволочные заграждения на подступах к городу, рыли окопы, занимали боевые позиции.

А в это время в городе готовился удар в спину революции. На рассвете 29 октября красногвардейский патруль задержал у Троицкого (ныне Кировского) моста двух подозрительных мужчин, которые собирались уехать в автомобиле. Их доставили к комиссару Петропавловской крепости Г. И. Благонравову. Выяснилось, что задержан видный деятель партии правых эсеров А. А. Брудерер, которого сопровождал солдат. У Брудерера нашли важные документы. Среди них был приказ № 1 от 29 октября 1917 г. по войскам «Комитета спасения родины и революции» (созданного 27 октября 1917 г. в противовес Военно-революционному комитету, руководившему Октябрьским вооруженным восстанием) в котором предписывалось:

«1) Никаких приказаний Военно-революционного комитета (большевистского) не исполнять.

2) Комиссаров Военно-революционного комитета во всех частях гарнизона арестовать и направить в пункты, которые будут указаны дополнительно.

3) Немедленно прислать от каждой отдельной части по одному представителю в Николаевское инженерное училище (Инженерный замок).

4) Все, не исполнившие этот приказ, будут считаться врагами родины и изменниками делу революции».

Приказ этот подписали смещенный накануне Октября командующий войсками Петроградского военного округа полковник-монархист Г. П. Полковников и начальник штаба мятежников подполковник В. Д. Хартулари[1].

Второй документ оказался удостоверением, выданным Брудереру в том, что он назначается «Всероссийским комитетом спасения родины и революции» комиссаром Владимирского военного училища и все его распоряжения

[1] См.: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1957. С. 817–818.

подлежат немедленному исполнению. Удостоверение было подписано членом «Комитета спасения» А. Гоцем и скреплено печатью и подписью секретаря М. Броуна[1]. Кроме того, у Брудерера были изъяты боевые распоряжения Владимирскому и Павловскому военным училищам, подписанные Полковниковым и Гоцем.

Брудерер отказался дать какие-либо объяснения, но и без этого было ясно, что в городе полным ходом идет подготовка вооруженного выступления против Советов. Г. И. Благонравов поспешил в Смольный к председателю Военно-революционного комитета И. И. Подвойскому. Немедленно были приняты меры дли ликвидации готовящегося антисоветского выступления. Утром 29 октября Военно-революционный комитет в специальном обращении известив население города о раскрытии заговора, отметив, что этот заговор связан с контрреволюционным походом казаков на город, но не имеет никакой опоры ни в гарнизоне, ни среди рабочего населения: и рассчитан исключительно на внезапность удара[2].

В то же утро руководителя мятежа, не зная, что их контрреволюционные планы уже раскрыты, передали по телеграфу следующий приказ:

«29 октября войсками «Комитета спасения родины и революции» освобождены все юнкерские училища и казачьи части; занят Михайловский манеж, захвачены броневые и орудийные автомобили, занята телефонная станция и стягиваются силы для занятия оказавшихся благодаря принятым мерам совершенно изолированными Петропавловской крепости и Смольного института — последних убежищ большевиков. Предлагаем сохранять полнейшее спокойствие, оказывая всемерную поддержку комиссарам

---

[1] Центральный Государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (далее — ЦГАОР), ф. 336, оп. 1, д. 277, л. 140.

[2] См.: Правда, 1917, 30 октября.

и офицерам, исполняющим боевые приказы командующего армией «Комитета спасения родины и революции» полковника Полковникова и его помощника подполковника Кракевецкого, арестовывая всех комиссаров так называемого Военно-революционного комитета. Всем воинским частям, опомнившимся от угара большевистской авантюры и желающим послужить делу революции и свободы, приказываем немедленно стягиваться в Николаевское инженерное училище; всякое промедление будет рассматриваться как измена революции и повлечет за собой принятие самых решительных мер.

Подписали:

Председатель Совета республики Авксентьев.
Председатель «Комитета
спасения родины и революции» *Гоц*.
Член Центрального комитета
партии социалистов-революционеров *Броун*»[1].

Несмотря на то, что поход Краснова—Керенского на Петроград в тот момент представлял собой явную авантюру, обанкротившиеся политики тешили себя надеждой удушить революцию и обманывали людей заявлениями о поддержке, которую им якобы оказывают «все демократические организации». Генерал Краснов в «приказе № 1 по войскам Российской республики, сосредоточенным под Петроградом», 27 октября 1917 г. возвещал из Гатчины «всем, всем, всюду», что Временное правительство будто бы «не свергнуто, но насильственным путем удалено от своих постов (!!) и собирается при Великой армии фронта», что его поддерживает «весь народ», что Совет союза казачьих войск объединил все казачество и оно, «бодрое казачьим духом, поклялось послужить родине, как служили деды наши», что на стороне Временного правительства находятся все крестьянские съезды и войска фронтов.

[1] История гражданской войны в СССР. М., 1962. С. 195.

Краснов призвал всех казаков «прийти и спасти Петроград от анархии», будто бы вызванной «кучкой... людей, руководимых волею и деньгами императора Вильгельма...»[1]

Между тем по распоряжению Военно-революционного комитета рано утром 29 октября штаб мятежников, находившийся в Инженерном замке, а также все военные училища (Владимирское, Павловское, Николаевское и др.) были окружены верными революции воинскими частями, матросами и красногвардейцами. Началось подавление восстания.

Положение мятежников утром 29 октября довольно правдиво характеризовал начальник штаба контрреволюционных сил подполковник Хартулари: «Владимирское училище осаждено, горит и может держаться не более двух часов. Обстреливаемое броневиками Павловское училище также нуждается в немедленной помощи. По отношению к этим двум училищам приняты все возможные меры помощи. Константиновское училище держится выжидательно, оружие и орудия внутри здания, вокруг никого. Первый и четвертый казачьи полки выжидают... Приближаются правительственные войска, 14-й казачий полк распылен и пассивен, в разговорах лукавит. Наши силы состоят из 230 юнкеров Николаевского инженерного училища (отряды этих юнкеров заняли телефонную станцию и Михайловский манеж), 6 броневых машин, обслуживаемых офицерством, и 50 ударников-добровольцев, вооруженных также гранатами. Увечные воины заперты вместе с владимирцами... На Литейном большое движение грузовиков в сторону Выборгской. Большое движение частей красногвардейцев в разных частях города. Редкий огонь, разъезжают большевистские броневики. Общее число красногвардейцев достигает 10 000 плохо стреляющих, но стойких людей. Положение наше затруднительное, требующее немедленных и решительных шагов

[1] ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 97, л. 14.

со стороны правительственных войск, необходима быстрая помощь. Павловский полк наступает на замок...»[1]

К полудню 29 октября 1917 г. юнкера, участвовавшие в восстании внутри города, сдались революционным войскам, а 30 октября рабочие, солдатские и матросские отряды под Пулковом нанесли поражение войскам Краснова. Обманутые Керенским — Красновым казаки отказались вести наступление против народа и вступили в мирные переговоры с революционными войсками. Они обязались даже выдать Керенского для суда над ним. В ночь на 31 октября 1917 г. авантюристический поход на Петроград был окончательно ликвидирован. Командир 3-го конного корпуса генерал-майор Краснов вынужден был вступить в переговоры о прекращении военных действий. Командующий группой советских войск балтийский матрос П. Е. Дыбенко принял его капитуляцию. Керенский бежал из Гатчины.

Сразу же после разгрома юнкерского восстания «Комитет спасения родины и революции» заявил в эсеровской печати о своей непричастности к событиям. Объявлялось, что приказ за подписью Н. Д. Авксентьева, А. Р. Гоца и других не был санкционирован «Комитетом». Открещивались от приказа и подписавшие его[2]. А бывший городской голова и член руководства «Комитета спасения» Г. И. Шрейдер заявил: «Что касается военно-боевой деятельности «Комитета», то мне решительно ничего не известно. Против выступления Полковникова я протестовал постфактум самым решительным образом»[3].

После подавления мятежа руководители юнкерского восстания и похода на Петроград Гоц, Чернов, Савинков, монархисты Полковников, Хартулари[4] и другие бежали.

---

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1-а, д. 361, л. 6—7.

[2] См.: Дело народа, 1917, 31 октября.

[3] ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 352, л. 2-3.

[4] Г. П. Полковников впоследствии принимал участие в контрреволюции на Дону и был убит в Задонских степях в марте 1918 г. Хартулари также бежал на Дон, служил в деникинской контрразведке; в конце гражданской войны был пойман, предан суду и понес заслуженное наказание.

Генерал Краснов, обещавший прекратить борьбу против революции, был отпущен под честное слово, которое он сразу же нарушил. Юнкера и их командиры, заявившие, что их «обманули», также были отпущены по домам.

Лишь спустя несколько лет на судебном процессе правых эсеров выяснились подробности юнкерского восстания. Непосредственный его участник — бывший член военной комиссии при ЦК партии правых эсеров штабс-капитан М. Броун-Ракитин — рассказал, что юнкерское восстание было задумано и организовано правыми эсерами. Уже на другой день после Октябрьского вооруженного восстания военная комиссия (по инициативе уже упоминавшегося А. А. Брудерера) предложило ЦК партии правых эсеров произвести контрпереворот с участием юнкеров военных училищ. Член ЦК партии Гоц поддержал этот план и взял на себя политическое руководство выступлением, которое формально проходило под флагом «непартийной» организации — «Комитета спасения родины и революции»[1]. В 1922 г. и Гоц, не отрицал того, что несет «моральную и политическую ответственность за это выступление (правда, он пытался затушевать его контрреволюционные цели). «Целый ряд фактов мы определенно признаем... — говорил он на суде. — Партия эсеров занимала оборонительные позиции.... Отсюда вы-

[1] На суде, между прочим, М. Броуи-Ракитин показал: «Ранним утром, когда первые шаги наши оказались удачными, мною был составлен приказ ко всему населению Петрограда (речь идет о воззвании, опубликованном 29 октября от имени «Комитета спасения родины и революции». — *Д. Г.)* ...Ввиду отсутствия в данный момент Гоца и Авксентьева их подписи получить не удалось, и приказ пошел в печать в копии с печатными подписями на машинке Гоца и Авксентьева» («Обвинительное заключение по делу Центрального комитета и отдельных членов иных организаций партии социалистов-революционеров по обвинению их в вооруженной борьбе против Советской власти, организации убийств, вооруженных ограблений и изменнических сношениях с иностранными государствами». М., 1922. С. 9—10). Вот, оказывается, что дало «право» Гоцу и Авксентьеву в 1917 г. отрицать свое участие в руководстве юнкерским восстанием!

текало так называемое 29 октября, когда мы с оружием в руках вынуждены были бороться против тех большевистских частей, на которые опирался в то время Военно-революционный комитет»[1]. Гоц, как один из руководящих членов «Комитета спасения», прикрываясь именем этой организации, назначил реакционера Полковникова командующим военными силами восстания; он же поддерживал связь с генералом Красновым, наступавшим на Петроград.

На суде по делу правых эсеров свидетель Краковецкий показал: «Военная комиссия стояла на той точке зрения, что возглавить восстание должны мы, эсеры, но Центральный комитет решал, что ему неудобно возглавить восстание, пусть поэтому оно идет от имели «Комитета спасения родины и революции».

«Таким образом, — резюмировал в обвинительной речи Н. В. Крыленко, — с одной стороны, «Комитет» говорит: знать не знаем, ведать не ведаем; с другой стороны, партия с-р. говорит: это не мы, не партия, т. е. мы и в то же время не мы, а Комитет, — мы тут, мол, тоже сторона. Вот еще одна черта, которую мы встретим и впоследствии, — спрятаться в случае нужды за чужую спину, прикрываться чужой организацией, действовать от имени чужой организации, чтобы потом, когда потянут к ответу, сказать: мы тут ни при чем»[2].

Верховный революционный трибунал в приговоре по делу правых эсеров дал такую оценку этому контрреволюционному восстанию: «...первое восстание против Советской власти, в коем участвовали: генерал Краснов, казаки, юнкера Николаевского училища, броневики, обслуживаемые офицерами, и др. буржуазно-контрреволюционные и черносотенные силы, руководилось партией «социалистов-революционеров», Прикрываясь лже-

[1] ЦГАОР, ф. 1005, он. 1-а, д. 358, л. 1. Стенограмма 11-го дня судебного процесса по делу правых эсеров.

[2] *Крыленко И. В.* Судебные речи. Избранное. М., 1964. С. 107.

социалистическими знаменами этой мелкобуржуазной партии, на приступ Советской власти шли крупная буржуазия и самые черносотенные общественные группы. Объединенная реакция могла выдвинуть вперед в борьбе против Советской власти только такую партию, которая, хотя бы по имени, была социалистической и которая своим революционным прошлым была бы способна увлечь за собой хотя бы некоторую часть трудящихся»[1].

Следующая попытка антисоветского выступления в Петрограде была предпринята в связи с открытием Учредительного собрания, на которое антисоветчики возлагали большие надежды. 23 ноября 1917 г. они создали «Союз защиты Учредительного собрания» под председательством видного деятеля партии правых эсеров В.Н. Филипповского.

Согласно постановлению Временного правительства, открытие Учредительного собрания было в свое время намечено на 28 ноября 1917 г. 26 ноября СНК издал декрет, которым устанавливалось, что заседания Учредительного собрания будут открыты специальным комиссаром, назначенным Советом Народных Комиссаров, по прибытии в Петроград не менее 400 членов Учредительного собрания[2]. Так как к 28 ноября в Петроград прибыло лишь незначительное число членов Учредительного собрания, то его заседания не могли начаться в назначенный срок.

Между тем подпольная группа министров бывшего Временного правительства (С. Н. Прокопович, П. Н. Малянтович и другие) все же «постановила» открыть Учредительное собрание 28 ноября и вместе с «Союзом защиты Учредительного собрания» призвала население выступить в его «защиту». Это был призыв к антисоветской демонстрации.

---

[1] Приговор Верховного революционного трибунала по делу партии эсеров. М., 1922. С. 6–7.

[2] См. Декреты Советской власти. Т. 1. С. 159.

28 ноября у Таврического дворца собралась толпа бастующих чиновников, учащихся и разных обывателей, а также бывших членов городской думы, членов центральных комитетов партий кадетов, меньшевиков, народных социалистов, эсеров. Часть демонстрантов прорвалась во дворец. Проникшая туда вместе с ними кучка эсеров — членов Учредительного собрания (около сорока человек) устроила «частное совещание». Но после решительного вмешательства прибывших к дворцу рабочих, солдат и матросов антисоветская вылазка была прекращена.

Советское правительство назначило открытие Учредительного собрания на 5 января 1918 г. Теперь уже антисоветские элементы стали тщательнее готовиться к выступлению. «Союз защиты Учредительного собрания» и военная комиссия при ЦК партии правых эсеров распространили огромное количество листовок с призывом к рабочим в день открытия Учредительного собрания прекратить работу, выйти на улицы и демонстрировать под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию». Одновременно шла тайная подготовка боевых дружин и воинских частей, где были сторонники антисоветчиков, к вооруженному восстанию.

Непосредственный участник событий, член ЦК партии правых эсеров М. А. Лихач, впоследствии рассказывал, что был разработан такой план «мирной демонстрации»: «Каждая часть идет манифестировать в честь Учредительного собрания как воинская сила... Был разработан маршрут. Такая-то рабочая демонстрация... должна была подойти к броневому дивизиону... захватить его по дороге... Вместе с броневым дивизионом пойти в Семеновский полк как самый надежный полк, затем вместе с Семеновским полком подойти к Измайловскому полку... к ротам Преображенского полка... Таким образом, вся рабочая демонстрация и вся военная демонстрация, сохраняя военный порядок, должны отправиться к зданию Учредительного собрания. Представитель от демонстрации дол-

жен был потребовать от стражи, охранявшей Учредительное собрание, пропуск внутрь, чтобы он мог приветствовать и предоставить воинские силы в распоряжение Учредительного собрания»[1]. Другой член ЦК партии правых эсеров, Е. М. Тимофеев, еще более откровенно говорил, что воинские части, распропагандированные эсерами, должны были в случае необходимости «идти штурмом на Смольный»[2].

К выступлению готовились и некоторые офицерские группы. Одна из них, созданная по инициативе известного монархиста В. В. Шульгина, рассчитывала использовать созыв Учредительного собрания, чтобы «стравить» эсеров и большевиков, а, затем устранить и тех и других и добиться главного — свержения Советской власти[3].

Советские органы приняли необходимые меры обороны. 4 января Народный комиссариат по военным делам образовал Чрезвычайный военный штаб «для защиты власти Советов от всех покушений контрреволюционных сил» в составе Н. И. Подвойского, К. С. Еремеева, К. А. Мехоношина и К. К. Юренева. Ответственным за порядок в районе Смольного был назначен В. Д. Бонч-Бруевич, в Таврическом дворце — М. В. Пригоровский, в районе Петропавловской крепости — Г. И. Благонравов. Соответствующая разъяснительная работа была проведена на фабриках, заводах и в воинских частях.

Все усилия контрреволюционных элементов поднять рабочих и солдат на демонстрацию и превратить ее в антисоветское восстание оказались тщетными. Ни одно предприятие не поддержало мятежников. Полковой комитет Семеновского полка отказался отдать приказ об участии в демонстрации. Активный организатор готовив-

---

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1-а, л 353, л. 150—151.

[2] Там же.

[3] См.: *Рубинштейн Н.* Вокруг Учредительного собрания // Пролетарская революция, 1929, № 6. С. 115.

шегося выступления, член военной комиссии при ЦК партии правых эсеров Г. И. Семенов, впоследствии рассказывал, что руководство его партии, учитывая отрицательное отношение масс к выступлению, в критический момент, в ночь на 5 января, «испугалось» поднятого им движения и заколебалось. «Гоц мне (в ту ночь) сказал, — признался Семенов, — что... еще нет точного учета реальных сил и что брать на себя ответственность (за вооруженное выступление. — *Д. Г.)* нельзя, нужно подождать... Когда Семеновский полк и броневики выступят, тогда начните это движение»[1].

Но ни броневой дивизион, ни Семеновский, ни Преображенский, ни Измайловский полки на демонстрацию не вышли. На улицах города собрались беспорядочные кучки студентов-белоподкладочников, гимназистов, чиновников, лавочников и партийные дружины правых эсеров, народных социалистов, меньшевиков, кадетской партии. Когда демонстранты попытались в нескольких местах прорвать караулы, красногвардейцы и революционные солдаты дали им надлежащий отпор. Как отметил Верховный революционный трибунал в приговоре по делу членов ЦК партии правых эсеров, эта партия, «прикрывшись лицемерным лозунгом мирной демонстрации», пыталась 5 января 1918 г. организовать вооруженное выступление, но в критический момент ЦК партии эсеров «забил отбой, бросив спровоцированные им немногочисленные элементы населения на произвол судьбы»[2].

Демонстрация сорвалась, а Учредительное собрание, отказавшееся одобрить изданные рабоче-крестьянской властью декреты, в том числе Декреты о земле и мире, разоблачило себя как антинародное учреждение и 6 января было распущено.

---

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1-а, д. 353, л. 187.

[2] Приговор Верховного революционного трибунала по делу партии эсеров. С. 7—8.

2. Подавление первых очагов антисоветчины в стране.

Официальные представители Антанты и США пытались сорвать усилия советского правительства, направленные на приостановление военных действий с Германией. Они поддерживали враждебное отношение верхов русской армии к Октябрьской революции и призывали бывших царских генералов к продолжению военных действий на фронтах.

7 ноября 1917 г. верховный главнокомандующий русской армии генерал Н. Н. Духонин получил распоряжение советского правительства немедленно приостановить военные действия и приступить к переговорам о перемирии с неприятельскими армиями. Духонин всячески саботировал выполнение этого указания, а затем объявил об отказе выполнить распоряжение Совета Народных Комиссаров. Тогда он был отстранен от занимаемой должности «за неповиновение предписаниям правительства и за поведение, несущее неслыханные бедствия трудящимся массам всех стран и в особенности армиям»[1]. .

На помощь Духонину поспешили официальные представители Антанты и США. Угрожая Советскому правительству, они заявили «протест» против его распоряжения о приостановлении военных действий и переговорах о перемирии. А военные миссии «союзников» при Ставке верховного главнокомандующего официально обратились непосредственно к генералу Духонину, призывая его не подчиняться правительству. Так, начальник французской военной миссии генерал Альфонс Лавернь 14 ноября 1917 г. написал Духонину такое послание: «Ваше превосходительство! Председатель Совета министров и военный министр уполномочили меня заявить вам нижеследующее: Франция не признает власти народных комиссаров. Доверяя патриотизму русского верховного командования, она рассчитывает на его твердые намерения отклонить

[1] *Ленин В. И.* ПСС. Т. 35. С. 80.

всякие преступные переговоры и держать в дальнейшем русскую армию лицом к общему врагу».

Представитель военной миссии США подполковник М. Керт вручил в тот же день Духонину такое письмо: «Ваше превосходительство! Согласно совершенно определенным указаниям моего правительства, переданным мне послом Северо-Американских Штатов в Петрограде, я имею честь довести до Вашего сведения, что ввиду ведения республикой Соединенных Штатов в союзе с Россией войны ...мое правительство определенно и энергично протестует против всякого сепаратного перемирия, могущего быть заключенным Россией...»[1]

Советское правительство решительно осудило вмешательство «союзных» военных агентов во внутренние дела России. «...Военные представители союзных стран, — говорилось в заявлении Народного комиссариата по иностранным делам, — позволяют себе призывать генерала Духонина вести политику, прямо противоположную той, какую ведет Совет Народных Комиссаров...

Такое положение не может быть терпимо. Никто не требует от нынешних союзных дипломатов признания Советской власти. Но в то же время Советская власть, ответственная за судьбы страны, не может допустить, чтобы союзные дипломатические и военные агенты, во имя тех или других целей, вмешивались во внутреннюю жизнь нашей страны и пытались разжигать гражданские войны.

Дальнейшие шаги на этом пути неминуемо вызовут самые тяжкие осложнения, ответственность за которые Совет Народных Комиссаров заранее снимает с себя»[2].

В заявлении Наркоминдела разоблачалось лицемерие дипломатических представителей Соединенных Штатов Америки. В то время как подполковник М. Керт обра-

---

[1] Наша речь, 1917, 17(30) ноября (Петроград).

[2] Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т. 1. С. 33.

щался к генералу Духонину с призывом не подчиняться Советскому правительству, начальник военной миссии США бригадный генерал У. В. Джонсон официально заверял, будто «американцы питают величайшую симпатию ко всему русскому народу и в той сложной обстановке, в которой русский народ сейчас находится, не желают вмешиваться ничем, кроме помощи, в разрешение каких-либо русских проблем».

Советское правительство обратилось ко всем полковым, дивизионным, корпусным и другим комитетам, ко всем солдатам революционной армии с призывом выбрать уполномоченных и вступить непосредственно на своих участках фронтов в переговоры о перемирии с немцами. Этот призыв встретил единодушное одобрение армии. В Могилев были посланы революционные войска для ликвидации антисоветской Ставки; туда выехал и новый советский главковерх Н. В. Крыленко. Еще по пути в Ставку, в районе 5-й армии Северного фронта, он послал парламентеров в расположение германских войск для передачи предложения Советского правительства о приостановлении военных действий и начале переговоров о перемирии. Германское военное командование приняло это предложение. 20 ноября Н. В. Крыленко прибыл в Ставку, которая перешла теперь в руки Советского правительства. «Союзным» дипломатам не удалось сорвать переговоры о перемирии[1].

Вмешательство иностранных государств во внутренние дела России становилось все более активным. Когда внутренняя антисоветчина попыталась организовать на Дону новый всероссийский центр борьбы с Советами, представители западных держав сразу же пришли на помощь реакционной казачьей верхушке.

---

[1] Подробнее о преступной деятельности антисоветской Ставки и ее ликвидации см. в кн. В. Д. Поликарпова «Пролог гражданской войны в России. Октябрь 1917 — февраль 1918». М., 1976.

Еще до революции В. И. Ленин отмечал, что реакционность значительной части казаков объясняется их привилегированным экономическим положением. Это были в большинстве своем земледельцы, обеспеченные землей вдесятеро больше всей остальной массы крестьянства России. Среди казаков в большей степени, чем в других слоях населения, сохранялись монархистские традиции, средневековые черты жизни, хозяйства и быта; зажиточные казаки, их войсковая верхушка цепко держались за «дарованные» им царизмом привилегии и «права». В казачьих областях, писал В. И. Ленин, «можно усмотреть социально-экономическую основу для русской Вандеи»[1].

После Октября враги Советской власти попытались превратить казачество в оплот антисоветчины. С этой целью они использовали созданный еще в июне 1917 г. «Совет союза казачьих войск», находившийся в Петрограде и ставший во главе казачьей контрреволюции, войсковые круги и войсковые правительства в казачьих областях.

Как только было получено сообщение об Октябрьской революции в Петрограде, войсковой круг и правительство Дона во главе с наказным атаманом войска Донского генералом А. М. Калединым и его помощником М. П. Богаевским объявили о непризнании центрального Советского правительства, захватили власть в Новочеркасске и ввели военное положение в области. На Дон стали стекаться антисоветские силы со всех концов страны. Сюда прибыли бежавшие из Быхова главари корниловского мятежа, провалившегося еще в августе 1917 года, генералы Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин, А. С. Лукомский, И. П. Романовский и С. Л. Марков, освобожден-

---

[1] *Ленин В. И.* ПСС. Т. 34. С. 219. *Вандея* — один из департаментов Франции, где во время французской буржуазной революции, в марте 1793 г., началось контрреволюционное восстание, в котором участвовало отсталое крестьянское население, руководимое дворянами и духовенством. Вандея стала синонимом реакционных мятежей и очагов контрреволюции.

ные из заключения Духониным накануне занятия Ставки революционными войсками. Корнилов, поддержанный Калединым, призвал всех офицеров бывшей царской армии собираться на Дону, а в случае, если туда невозможно пробраться, объединяться на местах в антисоветские отряды. Сюда поспешили и политические вожди всероссийской антисоветчины — бывший председатель Государственной думы М. В. Родзянко, кадетский лидер профессор П. Н. Милюков, лидер монархистов-октябристов А. И. Гучков. С ноября 1917 г. здесь формировались антисоветская Добровольческая армия, во главе которой стали М. В. Алексеев, бывший при царе начальником штаба верховного главнокомандующего, и Корнилов. Таким образом, на Дону образовался опаснейший очаг антисоветчины.

Открыто выступать под флагом монархистской реставрации Каледин и его сподвижники не посмели. Они вынуждены были прикрываться «демократическим» знаменем.

Наглядное представление о подлинных замыслах казачьих верхов дает сохранившаяся телеграфная лента записи переговоров по прямому проводу между деятелями калединского движения. Подъесаул Иванов, товарищ председателя общефронтового казачьего съезда, собравшегося в те дни в Киеве, сообщал: «Совету Союза казачьих войск» в Петрограде, ссылаясь на переговоры с помощником атамана войска Донского Богаевским, что «войсковое правительство требует от Керенского, чтобы он немедленно прибыл в Новочеркасск для организации государственной власти на Дону».

Член «Совета Союза казачьих войск», который вел переговоры по прямому проводу с Киевом (фамилия его была вырвана из ленты в целях конспирации) ответил: «...При капитуляции Зимнего дворца среди арестованного правительства Керенского не оказалось. Он выбыл в критический момент в неизвестном направлении. Пусть казачество не связывает свою судьбу с этим проходим-

цем, в тылу он потерял всякое влияние. Взять его, конечно, к себе надо как наживу на удочку для известного сорта рыбы. Правительство должно быть организовано в Новочеркасске в контакте с московскими общественными деятелями (речь идет о полумонархистском «Совете общественных деятелей». — *Д. Г.*). Это объективная логика событий и обстановки. Продолжайте пока быть верным Временному правительству»[1].

Итак, казачьи лидеры рассматривали «социалиста» Керенского как «наживу на удочку», которой можно было вовлечь в антисоветское движение некоторую часть обманутых слоев населения. Калединцы поддерживали его «пока», чтобы в подходящий момент прогнать и передать власть монархистским кругам[2].

Наряду с такой «игрой» казачьи верхи, используя заинтересованность зажиточных казаков в сохранении их экономических привилегий, вели в станицах пропаганду некой исключительности казачьего сословия. Они утверждали, будто казаки представляют собой особую народность, и требовали применения к ним принципа самоопределения наций. Каледин заявлял, что «установление порядка на Дону есть дело донских казаков». А в своей программной речи объявил: «Что касается отношения Дона ко всей России, мы признаем необходимым связь с ней при самой широкой автономии или даже еще больше — самостоятельности Дона»[3]. Рабоче-крестьянское Совет-

---

[1] ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 23, л. 94—95.

[2] По имеющимся данным, А. Ф. Керенский приезжал к Каледину. Один из деятелей калединского мятежа, генерал Д.Н. Потоцкий, впоследствии показал на допросе в ВЧК: «Слышал, как приехал к Каледину в Новочеркасск Керенский. Я был в это время у войскового атамана с докладом о положении дела в Ростове. Когда доложил Богаевский, что приехал А. Ф. Керенский, то войсковой атаман приказал его выгнать, не допуская до себя» (ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 367, д. 7.).

[3] См.: *Ульянов И. И.* Казаки и Советская республика. М.-Л., 1928. С. 43. Автономистские настроения встретили отпор трудового казачества. В марте 1920 г. на Всероссийском съезде трудового казаче-

ское правительство квалифицировало калединский мятеж, а также мятеж оренбургских казаков под руководством атамана А. И. Дутова как антинародные движения, возглавляемые контрреволюционной буржуазией и кадетской партией. В обращении «Ко всему населению» от 25 ноября 1917 г. Совет Народных Комиссаров отмечал: «Родзянко, Милюковы, Гучковы, Коноваловы хотят вернуть себе власть и при помощи Калединых, Корниловых и Дутовых превращают трудовое казачество в орудие для своих преступных целей. Каледин ввел на Дону военное положение, препятствует доставке хлеба на фронт и собирает силы, угрожая Екатеринославу, Харькову и Москве. ...Буржуазия предоставляет десятки миллионов рублей контрреволюционным генералам на дело мятежа против народа и его власти... Кадеты, злейшие враги народа, подготовлявшие вместе с капиталистами всех стран нынешнюю мировую бойню, надеются... прийти на помощь своим генералам — Калединым, Корниловым, Дутовым, чтобы вместе с ними задушить народ»[1].

Активное участие в организации и финансировании калединского мятежа приняли иностранные державы и их агенты.

В опубликованном 9 декабря официальном сообщении правительственной газеты «Известия ВЦИК» указывалось: «Отдельные союзные офицеры, члены союзных военных миссий и посольств позволяют себе самым ак-

---

ства была принята такая резолюция: «Казачество отнюдь не является особой народностью или нацией, а составляет неотъемлемую часть русского народа. Поэтому ни о каком отделении казачьих областей от остальной Советской России, к чему стремятся казачьи верхи, теперь спаянные с помещиками и буржуазией, не может быть и речи. Всякие попытки оторвать казаков от общего дела и общей жизни со всем русским трудовым народом трудовое казачество клеймит как явно враждебное своим интересам и интересам революции и будет беспощадно с ними бороться» (*Ульянов Иван.* Первые страницы новой истории казачества. Самара, 1920. С. 15).

[1] Декреты Советской власти. Т. 1. С. 154, 155.

тивным образом вмешиваться во внутреннюю жизнь России, разумеется, не на стороне народа, а на стороне контрреволюционных империалистических калединско-кадетских сил. Мы предостерегали этих господ не раз. Но настал, по-видимому, час последнего предостережения. Виднейшие представители Соединенных Штатов оказываются замешанными в калединском заговоре: они принимали все меры, чтобы оказать ему содействие». Сотрудники американской разведки в Яссах Г. У. Андерсон и Р. Г. Перкинс с помощью русских офицеров Колпашникова и Верблю предприняли попытку под видом поезда Красного Креста, предназначавшегося для Юго-Западного фронта, отправить из Петрограда 80 автомобилей на Дон, Каледину. Заговор был раскрыт, полковник А. Колпашников и другие участники его арестованы, в руки советских властей попали документы, уличающие заговорщиков. Сообщение заканчивалось таким обращением к послу Соединенных Штатов Америки: «Заговор раскрыт. Заговор американских (и не только американских) империалистов с калединцами. Нити этого заговора ведут, как видно, очень высоко. Слово за Френсисом! Слово за теми, кто его сюда послал!»[1].

Вынужденный отвечать, посол Соединенных Штатов Америки Дэвид Р. Френсис выступил с опровержением, вопреки фактам утверждая, что помогал лишь переправить автомобили в Румынию, с тем чтобы машины не попали в руки немцев[2]. Даже некоторые американцы, например начальник американской миссии Красного Креста в России полковник Раймонд Робинс и его помощник майор Аллен Уордуэлл, признали, что явный корниловец А. Колпашников намеревался сопровождать автомобили не в Румынию, а к генералу Каледину.

---

[1] Известия ВЦИК, 1917, 9 декабря.

[2] См.: Известия ВЦИК, 1917, 12 декабря.

Однако все попытки внутренней и внешней антисоветчины закрепиться на Дону разбивались о нараставшее сопротивление трудящихся масс области. 29 декабря 1917 г. калединцы созвали в Новочеркасске съезд крестьянского, неказачьего населения Донской области. Каледин, выступая на съезде, призывал коренных крестьян и «иногородних» примкнуть к поднятому им антисоветскому казачьему движению. Но эти призывы не помогли. Крестьяне не желали поддерживать антисоветчину. Делегаты «иногородних» бросали в лицо Каледину и Богаевскому реплики: «Палачи!», «Долой контрреволюцию!», требовали освободить из тюрем заключенных большевиков и отменить военное положение. Только небольшие группы кулаков присоединились к мятежникам.

Одновременно в промышленных городах Донской области (Ростове, Таганроге) рабочие под руководством большевистских организаций выступали против реакционной казачьей верхушки, объявляли забастовки, устраивали политические демонстрации. В Таганроге 17 января 1918 г. вспыхнуло восстание. Брожение охватило и широкие массы трудового казачества Дона.

Совет Народных Комиссаров в обращения к казакам призывал «отменить старые порядки... и создавать ваши собственные Советы казацких депутатов. Этим Советам должна принадлежать на местах вся власть. Не атаманам в генеральских чинах, а выборным представителям трудового казачества, своим доверенным, надежным людям». Обращаясь к казакам-фронтовикам, Совет Народных Комиссаров указывал на бессмысленность и гибельность империалистической войны для всего народа, в том числе и для казаков: «Вы гибли без смысла и без цели, подобно вашим братьям солдатам и матросам... Трудовому казачеству война принесла лишь разорение и гибель... Теперь, казаки, решайте сами: хотите ли вы дальше вести пагубную, бессмысленную преступную бойню?.. А если хотите

скорого и честного мира, тогда становитесь в ряды Советов и поддержите Совет Народных Комиссаров»[1]. Эти призывы доходили до сознания широких масс.

10 января 1918 г. в станице Каменской состоялся съезд фронтового казачества, который образовал Донской военно-революционный комитет. Председателем комитета был избран унтер-офицер Ф. Г. Подтелков, секретарем — прапорщик М. В. Кривошлыков.

Калединское войсковое правительство пыталось «уговорить» революционных казаков. Оно предложило Военно-революционному комитету прислать делегатов в Новочеркасск для «переговоров» о мирном разрешении вопроса о власти. 16 января 1918 г. делегация ВРК в составе Ф. Г. Подтелкова, М. В. Кривошлыкова и Я. Н. Лагутина встретилась в Новочеркасске с вожаками антисоветчины. Но противоречия между ними были настолько глубокими, что ни о каком соглашении не могло быть и речи. Как доказали события, калединцы под прикрытием «переговоров» готовили наступление и расправу с делегатами ВРК. С помощью местных большевиков Подтелкову и его товарищам удалось уйти из Новочеркасска.

Стремясь расширить плацдарм для наступления в центр России, Каледин посылал отряд за отрядом во все районы области и в шахтерские поселки Донбасса. Оказывая стойкое сопротивление калединцам, шахтеры Донбасса обратились в Петроград с просьбой о помощи. Советское правительство приняло решительные меры для подавления восстания Каледина. Из разных губерний направлялись в Донскую область и на Украину, где в это время развертывалось антисоветское движение украинских буржуазных националистов, красногвардейские отряды.

Еще в начале декабря 1917 г. в Харьков для руководства борьбой с калединской контрреволюцией прибыл представитель Совета Народных Комиссаров В. А. Анто-

[1] Декреты Советской власти. Т. 1. С. 156, 157, 158.

нов-Овсеенко. В Харькове был создан штаб Южного революционного фронта. В его распоряжение стали поступать красногвардейские формирования. Отдельными отрядами командовали П. В. Егоров, Н. А. Руднев, Ю. В. Саблин, Р. Ф. Сиверс, Г. К. Петров и другие. Наряду с войсками, присланными из центральных губерний, с мятежниками сражались отряды местных красногвардейцев Донбасса, Харькова, казачьи сотни Донского военно-революционного комитета.

Решающие военные действия развернулись во второй половине января, а к концу месяца калединцы потерпели полное поражение. Однако даже в этот критический момент они все еще надеялись вовлечь в антисоветское движение население области и избежать гибели. В опубликованной декларации войсковое правительство заявило о решения создать областной «законодательный орган» в составе представителей не только казачьего, во и неказачьего населения, обещало охранять свободу слова, печати, собраний, амнистировать всех заключенных по политическим и земельным делам, отменить военное положение в области, установить строгий контроль за офицерской Добровольческой армией.

Но эти заявления мало у кого вызывали доверие. Кольцо вокруг мятежников сжималось. Они вынуждены были отойти к Ростову и Новочеркасску. В их рядах начались распри. Под давлением всех этих событий генерал Каледин сложил с себя полномочия и 29 января 1918 г. покончил жизнь самоубийством. Казачьи верхи (войсковым атаманом вместо Каледина стал генерал А. М. Назаров) еще некоторое время пытались оказывать сопротивление революции, но калединщина уже доживала свои последние дни. 24 февраля советские отряды, поддержанные революционным движением в тылу противника, заняли Ростов, а 26 февраля — Новочеркасск. Остатки калединцев бежали за Дон. Мятеж был ликвидирован, на Дону установилась Советская власть.

* * *

Верхние слои казачества являлись главной силой антисоветского движения и в Оренбуржье. Еще в октябре 1917 г., при Временном правительстве, здесь образовался войсковой круг, который создал оренбургское войсковое правительство и вручил атаманскую булаву полковнику А. И. Дутову — председателю уже упоминавшегося общероссийского «Совета союза казачьих войск». Дутов тут же вступил в союз с оренбургскими «демократами», сторонниками Временного правительства.

После победы Октябрьской революции Дутов решил одним ударом покончить с Советами. По его приказу и по решению антисоветского «Комитета спасения», созданного эсерами в Оренбурге, в ночь с 6 на 7 ноября казаки арестовали «за призывы к восстанию против Временного правительства» шестерых наиболее видных большевиков города, в том числе председателя Совета А. Коростелева.

В ответ на эти действия Оренбургский городской Совет рабочих и солдатских депутатов провел 14 ноября собрание, на котором был избран Военно-революционный комитет под председательством С. М. Цвиллинга. ВРК постановил предъявить ультимативные требования «Комитету спасения» — передать власть в руки Совета, немедленно сместить с поста заведомого реакционера Дутова, освободить арестованных большевиков. Но Дутов опередил события. В здание караван-сарая, где шло созванное Советом собрание, ворвался отряд казаков и юнкеров во главе с самим Дутовым. Последний объявил об аресте всех членов Совета. Над участниками собрания была учинена зверская расправа.

Газета «Уральский рабочий» так описывала действия дутовцев: «И вот произошло то, что делалось прежде при Николае Кровавом: арестованных силой вытаскивали из

помещения, били прикладами, ругали площадной бранью, а когда в кармане Цвиллинга нашли указ Совета Народных Комиссаров о назначении его комиссаром, то произошла ужасная сцена: один из юнкеров рукояткой револьвера нанес ему удар по голове, а остальные начали бить куда попало. Когда арестованные кинулись на защиту председателя, то их постигло то же самое. Озверевшие юнкера, не зная, куда еще применить свою силу, били прикладами стены здания, крича, что камня на камне не оставят от этого гнезда. Избитых арестованных отправили в войсковое правление, где снова подвергли допросу и обыску, после чего часть из них отпустили, а остальных в числе 25 человек отправили в... станицы»[1].

Около трех месяцев орудовал Дутов в Южноуралье. Отряды его казаков захватили Троицк, Верхнеуральск, Челябинск, прервали связь Центральной России со Средней Азией и Сибирью. 22 декабря 1917 года Дутов объявил оренбургское войсковое правительство «единственной властью на всей территории оренбургского казачьего войска».

Пытаясь раздуть пламя мятежа, Дутов связывался с националистами из соседних районов Оренбуржья: с казахскими и башкирскими кругами, добивающимися «автономии». В Оренбурге 5—13 декабря 1917 г. состоялся общеказахский и общекиргизский национальный съезд, прошедший под руководством образованной к тому времени казахской националистической партии «Алаш». Съезд занял антисоветскую позицию, образовал так называемую «Автономию казах-киргизских областей» и сконструировал ее правительство — «Временный Народный Совет Алаш-орды» во главе с потомком наследственных ханов Букеевской орды Алиханом Букеихановым. Политической платформой этого «правительства» стала

---

[1] Большевики Урала в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции. Сборник документов и материалов. Свердловск, 1957. с. 251-252.

программа партии «Алаш», в основе которой лежала забота о защите интересов местной национальной элиты. Идеалом этой партии было создание «демократической» национальной республики. Вместе с тем она боролась за сохранение феодальных порядков в казахском обществе и навязывала казахским крестьянам изжившие себя феодальные обычаи. Казахские националистические лидеры усмотрели в дутовщине «союзника» и выражали готовность вступить с Дутовым в союз для достижения общей цели — «избавления от большевизма».

В Оренбурге обосновался и «Башкирский национальный совет», объявивший об образовании «Башкирской автономной республики» и добивавшийся «автономии для мусульман». 20 декабря 1917 г. «Учредительный съезд — курултай Башкирии», собравшийся в Оренбурге под защитой Дутова, создал башкирское антисоветское правительство во главе с Ахмедом Заки Валидовым.

Между тем Советское правительство формировало вооруженные отряды для разгрома дутовщины. Возглавил эту работу командированный из центра чрезвычайный комиссар по борьбе с дутовщиной П. А. Кобозев. Неподалеку от Оренбурга, в Бузулуке, была создана база формирования советских войск. Сюда по распоряжению советского правительства направлялись вооруженные отряды из Самары, Златоуста, Челябинска, Уфы и других мест. Боевые действия развернулись во второй половине декабря, и уже 16 января 1918 г. красногвардейские отряды нанесли тяжелое поражение дутовским войскам, которые отошли к Оренбургу. А 17 января в городе, в тылу мятежников, вспыхнуло рабочее восстание. Атакованные с фронта и тыла, дутовцы были разгромлены. 18 января красногвардейцы вступили в Оренбург. Дутов с небольшим отрядом казаков бежал в Верхнеуральск. Другой отряд ушел в сторону Уральска, остальные рассыпались по станицам. Так был ликвидирован еще один очаг антисоветчины.

3. Заговоры Пуришкевича и Доррера.

3 ноября 1917 г. в штабе Петроградского военного округа красногвардейцы задержали 17-летнего юнкера Кавказского ударного батальона Евгения Зелинского, который пытался выкрасть бланки штаба. Его доставили в Смольный, в Следственную комиссию. Член Военно-революционного комитета Н. В. Крыленко и член Следственной комиссии А. И. Тарасов-Родионов допросили его.

Зелинский рассказал, что в августе был произведен генералом Корниловым в прапорщики и прибыл в Петроград с фронта. Оставшись после Октябрьской революции без средств, он отправился в общежитие офицеров за помощью. Там какой-то прапорщик предложил ему вступить в монархический союз и привел к известному монархисту В. М. Пуришкевичу. Тот завербовал его в офицерско-юнкерскую организацию, готовившую вооруженное выступление против Советской власти, и поместил в оплачиваемую монархистами гостиницу «Россия», где уже жили другие офицеры и юнкера. По заданию этой организации Зелинский и пытался выкрасть бланки в штабе Петроградского военного округа.

Крупный помещик Бессарабской губернии В. М. Пуришкевич был в свое время лидером крайне правой партии «Союза русского народа», а с 1907 г. — столь же реакционного «Союза Михаила Архангела». С нескрываемой враждой Пуришкевич встретил революцию; он не мог примириться даже с Временным правительством. После Октября Пуришкевич жил по подложному паспорту на имя Евреинова и был настроен, как свидетельствовал Зелинский, весьма агрессивно. Участникам своей группы он говорил:

«Необходимо... ударить в тыл и уничтожать их беспощадно: вешать и расстреливать публично в пример другим. Надо начать со Смольного института и потом

пройти по всем казармам и заводам, расстреливая солдат и рабочих массами»[1].

Было решено арестовать антисоветскую группу, о которой рассказал Зелинский. В номерах гостиницы «Россия» задержали несколько участников заговора, в том числе Пуришкевича. Там же было найдено оружие, заготовленное заговорщиками. На квартире некоего И. Д. Парфенова, являвшейся местом собраний монархистов, нашли пачку подложных удостоверении на бланках различных воинских частей и список лиц, связанных с штабс-ротмистром Н. Н. де Боде, начальником штаба тайной организации. На столе лежало еще не отправленное, но подписанное Пуришкевичем и де Боде письмо к генералу Каледину. Пуришкевич писал:

«Положение Петрограда отчаянное, город отрезан от внешнего мира и весь во власти большевиков...

Организация, во главе коей я стою, работает не покладая рук над спайкой офицеров и всех остатков военных училищ и над их вооружением. Спасти положение можно только созданием офицерских и юнкерских полков. Ударив ими и добившись первоначального успеха, можно будет затем получить и здешние воинские части, но сразу, без этого условия, ни за одного солдата здесь рассчитывать нельзя... Казаки же в значительной части распропагандированы благодаря странной политике Дутова, упустившего момент, когда решительными действиями можно было еще чего-нибудь добиться. Политика уговоров и увещаний дала свои плоды — все порядочное затравлено, загнано, и властвуют преступники и чернь (так Пуришкевич отзывался о революционном народе и его вождях.— *Д. Г.), с* которыми теперь нужно будет расправиться уже только публичными расстрелами и виселицей.

---

[1] Красный архив, 1928, № 1(26). С. 183.

Мы ждем вас сюда, генерал, и к моменту вашего подхода выступим со всеми наличными силами. Но для того нам нужно установить с вами связь и прежде всего узнать о следующем:

I. Известно ли вам, что от вашего имени всем офицерам, которые могли бы участвовать в предстоящей борьбе здесь, предлагается покинуть Петроград, с тем якобы, чтобы к вам присоединиться?

II. Когда примерно можно будет рассчитывать на ваше приближение к Петрограду? Об этом было бы полезно вам знать заблаговременно, дабы сообразовать свои действия»[1].

В. М. Пуришкевич создал монархистскую группу еще при Временном правительстве, в октябре 1917 г. В ее состав входили: доктор В. П. Всеволожский, генерал Д.И. Аничков (которым удалось скрыться), полковник Ф. В. Винберг, упомянутые барон де Боде, Парфенов, капитал Д. В. Шатилов, несколько гвардейских офицеров, юнкеров и студентов из аристократических семей города (бывший председатель монархистского союза студентов-академистов Н. О. Граф, юнкера Д. Г. Лейхтенбергский, С. А. Гескет). Заговорщики вербовали офицеров и юнкеров, закупали оружие, создали «контрразведку» и готовились к вооруженному выступлению.

После ареста Пуришкевич заявил, что он не готовил вооруженного выступления, «ибо не видел в России в данный момент для этого никакой почвы». «Письмо мое к генералу Каледину от 4 ноября я писал, имея в виду присоединиться к нему с несколькими моими единомышленниками в случае, если бы Каледин вступил со своим отрядом в Петроград... Цели же, преследовавшиеся мною и руководившие мною при попытке создать организацию из единомышленников, заключались единственно в том, чтобы добиться водворения в России твердой власти и

---

[1] Красный архив, 1928, №. 1(28). С. 170 – 171.

порядка, чего не может быть при власти большевиков. Власти Советов раб. и солд. депутатов и советских комиссаров я не признаю...»[1]

Среди членов организации Пуришкевича оказались лица, принимавшие участие в юнкерском восстании 29 октября. Пуришкевич отрицал какую бы то ни было связь с этим восстанием и «Комитетом спасения родины и революции». «Юнкера, которые были в нашей организации в распоряжении Воде,— утверждал он,— были двинуты для занятия телефонной станции, Михайловского манежа и Инженерного замка вопреки распоряжению моему и Боде и подчиняясь только провокационным приказаниям полковника Полковникова и «Комитета спасения родины и революции», с коими я лично не имел никаких сношений»[2].

Суд по делу Пуришкевича и 13 его сообщников, происходивший с 28 декабря 1917 г. по 3 января 1918 г., был первым крупным политическим процессом о монархистском заговоре против молодой республики Советов. Дело вызвало огромный интерес. Зал судебного заседания был переполнен. Пришло много друзей и близких подсудимых. Защищать монархистов «из публики» вызвались видные петроградские адвокаты, в том числе В. М. Бобрищев-Пушкин, его сын — А. В. Бобрищев-Пушкин и другие. Обвинителями были Д. З. Мануильский и другие.

Подсудимые и их защитники стремились, хотя и безуспешно, превратить процесс в политическую демонстрацию против Советской власти. Они утверждали, что никакого монархистского заговора не было, а существовала лишь «группа единомышленников», которая собиралась якобы «для бесед на политические темы». В. М. Бобрищев-Пушкин даже заявил, что «монархический заговор есть плод воображения большевиков и старания следователя Тарасова», а судебный процесс об участниках юн-

---

[1] Красный архив, 1928, № 1(26). С. 171.
[2] Там же. С. 172.

керского восстания «незаконен», так как будто бы «большевики и юнкера восставали одновременно. Существующей в то время властью было Временное правительство, и если большевики победили, то все же нет оснований судить побежденных»[1]. Вместе с тем Пуришкевич и его сподвижники не только не скрывали своих монархистских убеждений и целей, но и декларировали их со скамьи подсудимых. Полковник Винберг заявил, что всю жизнь посвятил подавлению революции и нисколько в этом не раскаивается.

Подсудимые и их адвокаты на суде приложили все усилия для дискредитации личности Зелинского, по показаниям которого была раскрыта организация Пуришкевича. Своими распространенными через антисоветские газеты заявлениями о том, что Зелинский является «предателем», «провокатором», они довели этого морально неустойчивого человека до истерии. Зелинский закричал на суде, что отказывается от всех ранее данных на следствии показаний, и забился в истерике.

Обыгрывая этот инцидент, родственники и адвокаты потребовали судебно-психиатрического освидетельствования подсудимого, и «эксперты» дали заключение о том, что Зелинский «страдает нравственным помешательством».

Закатывала истерики и падала в обмороки на суде и жена Пуришкевича.

Но пролетарские судьи (председатель И. П. Жуков) выдержанно, спокойно, объективно и справедливо рассматривали дело. Даже некоторые органы буржуазной печати, в конце концов, вынуждены были отметить эту выдержку судей и обвинителей.

Обвинения, выдвинутые против подсудимых, подтверждались не только показаниями Зелинского, но и многими другими доказательствами: красноречивым письмом Пуришкевича и де Боде к генералу Каледину, фак-

---

[1] Петроградский голос, 1918, 3 января.

тами покупки оружия для вооружения офицеров и юнкеров, чего не отрицал и сам Пуришкевич, участием некоторых членов организации в юнкерском восстании.

Революционный трибунал объявил такой приговор: «Именем Революционного Народа! Заслушав дело о монархической организации, возглавляемой Владимиром Митрофановичем Пуришкевичем, Революционный трибунал, приняв во внимание данные дела и судебного следствия, пришел к заключению, что организация, как таковая, существовала, и отвергая наличие заговора с целью немедленного восстановления монархии и считая, что монархическая организация Пуришкевича преследует контрреволюционные цели, достижение которых в каждый подходящий момент может вылиться в кровопролитие, — постановил: Владимира Митрофановича Пуришкевича подвергнуть принудительным общественным работам при тюрьме сроком на четыре года условно, причем после первого года работ с зачетом предварительного заключения Владимиру М. Пуришкевичу предоставляется свобода, и если в течение первого года свободы не проявит активной контрреволюционной деятельности, — он освобождается от дальнейшего наказания».

На таких же условиях, как и Пуришкевича, революционный трибунал осудил на три года принудительных работ барона де Боде, полковника Винберга и Парфенова. Остальные подсудимые были осуждены на срок от двух до девяти месяцев, а юнкера Лейхтенбергский и Геске по молодости вовсе освобождались от наказания и отданы «под надзор родственников». Зелинского суд решил поместить в психиатрическую больницу для подробного освидетельствования, причем суд определил: в случае, если Зелинский окажется здоровым, заключить его в тюрьму сроком на один год[1].

---

[1] ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, л. 227.

Через два с лишним месяца Пуришкевич и его сподвижники оказались на свободе. 17 апреля 1918 г. председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский и комиссар юстиции Петрограда Н. Н. Крестинский разрешили временно освободить Пуришкевича из заключения в связи с болезнью его сына. Он дал такую подписку: «Настоящим обязуюсь своим честным словом явиться по истечении определенного мне срока, т. е. 25-го с. м., в Ревтрибунал в 12 часов дня. В течение этого времени обязуюсь не принимать никакого участия в общественной жизни, не выступать публично. Удостоверяю, что прошу временного освобождения с исключительной целью ухаживать за больным сыном. Вл. Пуришкевич»[1].

Вскоре в Совете комиссаров Петроградской коммуны обсуждался декрет об амнистии в ознаменование дня международной пролетарской солидарности — 1 Мая. Представитель Комиссариата юстиции А. И. Свидерский указал, что освобождению подлежит и Пуришкевич, в политических настроениях которого в последнее время будто бы замечался перелом. Пуришкевич (находившийся в то время на свободе), узнав о выступлении А. И. Свидерского, «обиделся» и опубликовал в газете опровержение, в котором, между прочим, заявил: «Не вхожу в подробности прений, касавшихся моего освобождения, оставляя на ответственности говоривших все, что ими было сказано обо мне. Скажу кратко: я не Рузский, не Гучков и не Шульгин, чтобы лягать отказавшегося от трона бывшего государя... И я менее, чем кто-либо, способен быть «апологетом» Советской власти... Я остался тем же, чем был, само собой разумеется, не изменившись ни на йоту»[2].

И все же этот любитель «твердой» монархистской власти был по амнистии освобожден. Так же как Краснов, Пуришкевич по-своему оценил великодушие народа.

---

[1] ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, л. 43.

[2] Новая жизнь, 1918, 4 мая.

Он отправился на юг, в стан антисоветчины, и продолжал бороться против революции вплоть до своей смерти в 1920 г.[1]

* * *

Крупным политическим процессом был и суд над Доррером в Ташкенте.

---

[1] При изложении деда Пуришкевича некоторые авторы допустили ошибки фактического характера. А. Л. Фрайман в книге «Форпост социалистической революции» пишет, что Зелинский «угнал автомобиль, убив шофера, и должен был отравить красногвардейцев, для каковой цели им получены были конфеты с цианистым калием» (с. 159). А. Л. Фрайман ссылается при этом на «Известия ВЦИК» от 21 декабря 1917 т. Между тем в этом номере газеты опубликован официальный документ—«Доклад Следственной комиссии революционному трибуналу по делу о заговоре монархической организации В. Пуришкевича», в котором Зелинский обвинялся лишь «в соучастии в заговоре организации Пуришкевича, выразившемся в попытке похитить для нужд этой организации бланки бумаг штаба Петроградского военного округа». А. Л. Фрайман утверждает далее, что организация Пуришкевича была связана с «Комитетом спасения родины и революции» (с. 160). Между тем эта версия не была подтверждена революционным трибуналом. А. Л. Фрайман утверждает, что герцог Лейхтенбергский был «руководящим деятелем организации» Пуришкевича (с. 160). Однако в деле Пуришкевича идет речь лишь об юнкере Д. Г. Лейхтенбергском, который согласно приговору революционного трибунала по молодости был «отдан под надзор родственников».

Е. Н. Городецкий в работе «Рождение Советского государства» утверждает, будто в организации Пуришкевича «впервые объединились монархическая и правоэсеровская контрреволюция с представителями иностранных посольств и миссий. Пуришкевич и правый эсер... Зелинский (?!), граф Сумароков-Эльстон и правый эсер Брудерер, барон де Боде и прикомандированный к французской военной миссии герцог Лейхтенбергский—таков был состав этой организации» (с. 345). Он также пишет, что организация Пуришкевича была связана с «Комитетом спасения родины и революции». Все это не находит подтверждения в судебных материалах по делу о заговоре Пуришкевича. Е.Н. Городецкий, далее, неправильно указывает, что революционный трибунал приговорил Пуришкевича к двум годам общественно-принудительных работ (с. 346).

В ночь на 28 октября 1917 г. попытку предотвратить переход власти в руки рабочих и солдат предпринял Туркестанский комитет Временного правительства. По приказу генерального комиссара Временного правительства генерала Б. А. Коровиченко отряд юнкеров и казаков окружил в Ташкенте «Дом свободы» и арестовал находившихся там председателя Совета рабочих и солдатских депутатов и некоторых членов исполнительного комитета. Одновременно были произведены нападения на казармы революционных 2-го и 1-го Сибирских полков и на гарнизон крепости. Юнкера разоружили солдат 2-го полка и заняли крепость. Солдаты 1-го полка оказали вооруженное сопротивление нападавшим. Возмущенные антисоветской диверсией рабочие, красногвардейцы и революционные солдаты Ташкента поднялись против антисоветчиков. Сражение длилось четыре дня. На рассвете 1 ноября юнкера сложили оружие. Власть перешла в руки Совета. Главари мятежа были арестованы.

30 ноября Совет Народных Комиссаров Туркестанского края постановил образовать Временный революционный выборный суд присяжных и передать ему на рассмотрение дело о вдохновителях, руководителях и активных участниках контрреволюционного выступления 28 октября — 1 ноября.

3 декабря в зале Военного собрания Ташкента открылось первое заседание народного революционного суда. Слушалось дело арестованного 1 ноября помощника генерального комиссара Временного правительства в Туркестанском крае графа Г. И. Доррера.

Судейская коллегия постановлением Совнаркома Туркестанского края от 30 ноября была утверждена в следующем составе: председатель — представитель адвокатуры И. В. Чарковский, товарищи председателя — Агапов (комиссар внутренних дел Туркестанского края) и Агеев (представитель исполкома Совета), члены суда — Солдатов (от Центрального бюро профессиональных сою-

зов) и Беловицкий (от Совета крестьянских депутатов Ташкентского уезда).

15 присяжных заседателей были избраны Ташкентским Советом рабочих и солдатских депутатов, Центральным бюро профсоюзов, полковыми комитетами 1-го и 2-го Сибирских полков, первой, второй и третьей дружинами, саперной ротой, тремя артиллерийскими батареями и Советом крестьянских депутатов. Это были преимущественно участники боев за Советы.

Общественными обвинителями выступали: видный деятель большевистской организации, председатель Ташкентского Совета рабочих и солдатских депутатов И. С. Тоболин и товарищ председателя Совета, меньшевик-интернационалист Вайнштейн. Союз адвокатов города назначил двух защитников — Шермана и Штейн (женщину-адвоката).

Открывая заседание суда, председатель И. В. Чарковский разъяснил в своей речи собравшимся, чем новый суд отличается от старого, дореволюционного суда. В народном революционном суде, сказал он, дело рассматривают коллегия судей в составе 5 человек и 15 присяжных заседателей — представителей народа, которые решают «не по букве закона, а по совести». Решение их обжалованию не подлежит. Коллегия судей должна лишь следить за тем, чтобы судебный процесс протекал правильно, чтобы строго соблюдались интересы как обвинения, так и защиты.

Председатель сообщил также, что в новом суде, как суде народном, помимо обвинителей, защитников, свидетелей может выступить любое лицо из публики — как на стороне обвинения, так и на стороне защиты. Далее Чарковский разъяснил, что революционный суд может применять в качестве наказания лишение политических прав, лишение свободы на срок от одного года до 20 лет, а в особых случаях приговаривать к пожизненному заключению и лишению всех прав.

После этого председатель суда призвал присяжных заседателей при рассмотрении дела быть внимательными и беспристрастными, судить по совести и потребовал от них торжественного обещания выполнять эти указания. Народные представители торжественно обещали судить по совести.

Рассмотрение дела по существу началось с выступления общественного обвинителя председателя Ташкентского Совета рабочих и солдатских депутатов И. С. Тоболина, который также подчеркнул роль и значение нового суда и прежде всего его подлинную народность. «Обвиняемого,— заявил он,—будет судить в этом суде сам народ, и не по писаным законам, а с точки зрения общественной». Тоболин привел факты антисоветской деятельности Доррера, представил суду ряд документов, подтверждающих, что подсудимый является одним из вдохновителей и организаторов попытки подавить народное революционное движение. Характеризуя личность подсудимого, обвинитель отметил, что за свою антинародную деятельность Доррер по требованию общественных организаций был отстранен в Ашхабаде от должности комиссара Временного правительства. Оставшись не у дел в Ашхабаде, Доррер связался с генералом Коровиченко, посланным Временным правительством в Ташкент с карательной экспедицией, и стал его помощником в подавлении революционного движения в Туркестане. Доррер, в частности, принимал активное участие в руководстве антисоветским выступлением 28 октября. Обвинитель представил суду доклад Доррера Временному правительству, написанный им, когда он находился уже под арестом. Доррер призывал Временное правительство немедленно прислать войска в Ташкент для подавления революции. Обвинитель потребовал приговорить Доррера к лишению свободы на 20 лет.

Слово получил подсудимый, в прошлом адвокат. Прежде всего он стал критиковать порядок судопроизводства в новом суде, заявив, что он не соответствует

общепринятым судебно-правовым нормам. По его делу не производилось предварительного расследования, и поэтому он только на суде, из речи обвинителя, узнал, в чем его обвиняют. Однако Доррер вынужден был признать, что, хотя по его делу не велось формального следствия, тем не менее он, как юрист, понимает, в чем его обвиняют.

— Меня обвиняют в том, что по заранее обдуманному заговору я выступил против интересов народа, — сказал Доррер.

Отвергая это обвинение, подсудимый объяснил, что он был лишь помощником генерального комиссара Коровиченко, который управлял краем единолично, на правах наместника. Все решения, которые привели к вооруженному столкновению, Коровиченко принимал сам. С некоторыми из этих решении он, Доррер, якобы не был согласен.

— Если меня обвиняют в содействии кровавому столкновению, — заявил он, — то я это отвергаю, если же меня обвиняют в том, что я боролся с большевизмом, то это правда...

Судебное разбирательство происходило 3—5 декабря 1917 г. при активном участии всех присутствовавших на процессе — обвинителей, защитников, присяжных заседателей, свидетелей, вызванных судом, и лиц, пришедших на суд по собственной инициативе. Все они горячо обсуждали обстоятельства дела.

Председатель суда И. В. Чарковский сдерживал страсти, разгоравшиеся на суде, призывал стороны избегать острой полемики, чтобы не оказать давления на присяжных. Вместе с тем суд детально, с полной объективностью выяснял и устанавливал точные данные о конкретных преступлениях подсудимого.

После допроса свидетелей председатель суда снова предоставил слово обвинителю И. С. Тоболину. Обращаясь к присяжным, Тоболин призвал их вынести решение о виновности Доррера, игравшего роль «первой скрипки» при Коровиченко.

Далее с защитительной речью выступил сам подсудимый, который пытался изобразить свою деятельность как деятельность, направленную «на пользу обществу».

Защитники Штейн и Шерман просили о снисхождении к подсудимому.

В своем последнем слове подсудимый Доррер заявил, что он понял теперь: «большевизм — это широкое народное течение» — и что была допущена «громадная ошибка», когда пытались бороться с большевизмом.

Суд удалился на совещание для выработки вопросов, на которые должны были ответить присяжные. Вопросы были обсуждены сторонами, окончательно сформулированы и переданы присяжным. После полуторачасового совещания присяжных были оглашены их ответы на следующие вопросы:

На вопрос, виновен ли Доррер в том, что своими действиями способствовал обстрелу революционных солдат крепости, ответ присяжных гласил: «Нет, не виновен». На вопрос, виновен ли Доррер в том, что своими действиями способствовал разоружению 1-го и 2-го Сибирских полков, зная, что это может вызвать кровопролитие, присяжные ответили: «Да, виновен, но заслуживает снисхождения».

На вопрос, виновен ли Доррер в том, что своими действиями способствовал вооружению антисоветских групп гражданского населения Ташкента, присяжные пришли к выводу: «Нет, не виновен».

Затем суд удалился на совещание для вынесения приговора, и через час председатель суда объявил:

— Временный революционный суд, рассмотрев дело о Георгии Иосифовиче Доррере, определил: подвергнуть Доррера лишению свободы на три года и четыре месяца с лишением политических прав на тот же срок[1].

---

[1] Подробный отчет о суде над Доррером печатался в газете «Туркестанские ведомости», 5, 6, 8 и 9 декабря 1917 г.

4. Деятельность антисоветского «Национального центра».

Весною 1919 г., когда белогвардейский «Северный корпус» под командованием генерала Родзянко готовился в Эстонии к наступлению на революционный Петроград, в тылу советских войск Петроградского фронта стали совершаться диверсионные акты. Налицо была и открытая измена. В. И. Ленин придавал серьезное значение этим фактам, полагая, что здесь действует антисоветская организация, имеющая связь с наступающими белогвардейскими войсками. В обращении к народу 31 мая 1919 г. В. И. Ленин и Ф. Э. Дзержинский призывали:

«Смерть шпионам!

Наступление белогвардейцев на Петроград с очевидностью доказало, что во всей прифронтовой полосе, в каждом крупном городе у белых есть широкая организация шпионажа, предательства, взрыва мостов, устройства восстаний в тылу, убийства коммунистов и выдающихся членов рабочих организаций...

Все сознательные рабочие и крестьяне должны встать грудью на защиту Советской власти, должны подняться на борьбу с шпионами и белогвардейскими предателями. Каждый пусть будет на сторожевом посту — в непрерывной, по-военному организованной связи с комитетами партии, с ЧК, с надежнейшими и опытнейшими товарищами из советских работников»[1].

12 июня командный состав форта «Красная Горка» во главе с комендантом форта, бывшим поручиком Неклюдовым, спровоцировал часть гарнизона на мятеж. Одновременно бунт вспыхнул на фортах «Серая лошадь» и «Обручев». Мятежники открыли огонь по Кронштадту, требуя, чтобы и кронштадтцы присоединились к ним, сдали крепость врагу.

---

[1] *Ленин В. И.* ПСС. Т. 38. С. 399.

Произведенным позже расследованием, которым занимался Особый отдел ВЧК, было установлено, что мятеж готовился подпольной военной организацией, связанной с английской шпионской сетью. Эта организация распространяла свои действия на Кронштадт, Ораниенбаум, форт «Красная Горка», Красное Село и, по показанию члена организации А. М. Анурова, строилась на конспиративных началах: одному члену было известно не более трех других членов организации, передача сведений происходила устно. Ближайшей своей задачей организация ставила подготовку мятежей на важнейших подступах к Петрограду — в Кронштадтской крепости, на фортах «Красная Горка», «Обручев» и других с целью сдачи их белогвардейским армиям, наступавшим на Петроград. Начало восстания увязывалось с военными действиями белогвардейских армий и приурочивалось к моменту приближения их к Петрограду. В частности, предполагалось начать выступление с «Красной Горки», мятеж на которой должен был послужить сигналом для других фортов и Кронштадта. В случае нежелания какого-либо форта присоединиться к мятежу предполагалось обстрелять его с «Красной Горки».

Последующие события рисовались мятежниками так: вслед за «Красной Горкой» мятеж вспыхивает в Кронштадте и на других фортах, к нему присоединяются крупнейшие корабли; затем в Неву входят английские военные суда; с «Красной Горки» мятежники нанесут удар по Гатчине, перережут Николаевскую железную дорогу, связывающую Петроград с Москвой, и... займут Петроград. В сообщении о ликвидации мятежа отмечалось: «В общий, выработанный совместно с союзниками план входили: ...военные действия финско-эстонско-английских вооруженных сил, сдача частей (3-й стрелковой), сдача фортов («Красная Горка») и вооруженное восстание буржуазии в Петербурге... Все это при одновременном нажиме со стороны Колчака и поляков»[1].

---

[1] Правда, 1919, 18 июня.

Произошло, однако, не так. Сигналом к восстанию послужил происшедший 12 июня на форту «Павел» взрыв минного склада. Через несколько часов после этого взрыва комендант форта «Красная Горка» Неклюдов решил начать выступление (в то время белогвардейские части находились в 8—10 километрах от форта). Заранее подготовленные группы мятежников заняли штаб, советские учреждения, телеграф и телефонную станцию, помещение ЧК и арестовали около 350 коммунистов и беспартийных бойцов и командиров. Среди арестованных находились председатель Кронштадтского Совета М. М. Мартынов и работник трибунала Артемьев. Заговорщики заперли коммунистов в бетонированный каземат, а затем часть из них расстреляли.

Между тем к восстанию не присоединились дредноуты «Петропавловск» и «Андрей Первозванный», на которые рассчитывали мятежники, не присоединились и кронштадтцы. Напрасно Неклюдов беспорядочно обстреливал из 12-дюймовых орудий соседние форты и Кронштадт, надеясь вызвать восстание и там. В ночь на 16 июня мятеж был подавлен.

Одновременно с расследованием дела о мятеже партийные и советские органы Петрограда при активном участии представителя ЦК РКП (б) И. В. Сталина и других посланцев партии приняли решительные меры к очистке города от антисоветских элементов. Свыше 15 тысяч питерских рабочих вместе с сотрудниками Чрезвычайной комиссии под руководством заместителя председателя ВЧК Я. Х. Петерса провели массовые обыски в подозрительных квартирах, в некоторых консульствах и посольствах враждебных Советской России держав. Были изъяты 6626 винтовок, 141 895 патронов, 644 револьвера, пулеметы, бомбы и пироксилиновые шашки; в некоторых консульствах были обнаружены драгоценности, принадлежавшие богатым, именитым русским семьям. В доме румынского посольства оказалось даже орудие. Чекисты задержали сотни антисоветчиков, часть которых выслали

из города. Во время обысков в Петрограде чекистам удалось обнаружить документы (письма, донесения белогвардейских агентов, шпионские сводки и т. п.), свидетельствовавшие о том, что в городе существует широко разветвленная организация, которая направляет действия антисоветчиков,— «Национальный центр». В одном попавшем в руки чекистов документе содержались и данные о деятельности этого кадетско-белогвардейского центра антисоветчины. Однако раскрыть руководящее ядро этого центра тогда еще не удалось.

В июне на Лужском направлении Петроградского фронта красноармейский патруль заметил человека, который пытался пробраться в расположение врага. Красноармейцы открыли по нему огонь. При убитом были обнаружены документы на имя бывшего офицера А. Никитенко. Сотрудники военно-разведывательных органов внимательно осмотрели вещи убитого и в мундштуке одной из папирос нашли записку: «Генералу Родзянко или полковнику С. При вступлении в Петроградскую губернию вверенных вам войск могут выйти ошибки, и тогда пострадают лица, секретно оказывающие нам весьма большую пользу. Во избежание подобных ошибок просим Вас, не найдете ли возможным выработать свой пароль. Предлагаем следующее: кто в какой-либо форме или фразе скажет слова «во что бы то ни стало» и слово «ВПК» и в то же время дотронется рукой до правого уха, тот будет известен нам, и до применения к нему наказания не откажите снестись со мной. Я известен господину Карташеву, у которого обо мне можете предварительно справиться. В случае согласия вашего благоволите дать ответ по адресу, который даст податель сего»[1]. Записка была подписана неизвестным, скрывшимся под кличкой «ВИК».

В июле на финляндской границе задержали изменников: начальника сестрорецкого пограничного пункта

---

[1] Известия ВЦИК, 1919, 25 сентября.

А. Самойлова и агента того же пункта Н. Борового-Федотова, которые намеревались перебежать к противнику. При аресте Боровой-Федотов выбросил пакет, но красноармейцы заметили это и подняли его. В пакете оказалось письмо от 14 июля, адресованное «дорогим друзьям». Оно содержало сведения о дислокации войск Красной Армии. В письме, между прочим, сообщалось и о группировках антисоветских сил, имевшихся в Петрограде. «Здесь работают, — писал шпион, — в контакте три политические организации... В нац. (в «Национальном центре». — *Д. Г.)* все прежние люди... Все мы пока живы и поддерживаем бодрость в других... В Москве было несколько провалов тамошней военной организации... С израсходованном средств прекратилась наша связь с остатками этой военной осведомительной организации. Москва нам должна за три месяца. Москва говорит о каком-то миллионе... Просим экстренным порядком все выяснить и, если можно, немедленно переправить деньги, иначе работа станет. Между тем сейчас наша работа могла бы быть особенно полезной и ценной. Мы взялись за объединение всех военно-технических и других подсобных организаций под своим руководством и контролем расходования средств, и эта работа продвинулась уже далеко». В письме был назван представитель генерала Юденича, с июня возглавившего белогвардейские Силы Северо-Запада, генерал Махров, с которым организация «находится в контакте, объединяя работу всех технических сил»[1]. Это письмо-донесение, как и письмо, найденное у убитого офицера Никитенко, подписал «ВИК». Допросив Борового-Федотова и Самойлова, чекисты выяснили, что донесение для передачи в штаб Юденича они получили от некоего Штейнингера.

В. И. Штейнингер оказался петроградским инженером, совладельцем фирмы «Фосс и Штейнингер», членом

[1] Известия ВЦИК, 1919, 5 и 9 октября.

партии кадетов. Он вначале отказался давать объяснения, но вскоре признался, что «ВИК» — его конспиративная кличка. Было установлено, что В. И. Штейнингер — член руководства петроградского отделения кадетской антисоветской организации «Национальный центр», имеющей тесные связи с Деникиным, Колчаком, Юденичем и другими белыми генералами.

Арестовав Штейнингера, чекисты оставили в его квартире засаду и вскоре задержали М. Махова, явившегося туда для связи. Махов был тем самым представителем Юденича — генералом Маховым, о котором говорилось в письме от 14 июля. Чекисты задержали также пришедшего в квартиру Штейнингера известного петроградского меньшевика-оборонца В. Н. Розанова.

Штейнингер и другие арестованные назвали на допросах имена лишь тех своих сообщников, которых они считали погибшими, разоблаченными или перебравшимися за линию фронта, но умолчали о центре организации и руководящих лицах. Поэтому ВЧК, к началу августа закончившая расследование, на первых порах смогла обезвредить только небольшую часть заговорщиков, в частности арестовать помимо названных барона А. А. Штромберга, князя М. М. Андронникова (личного друга Распутина), князя М. В. Оболенского, генералов Н. И. Алексеева и А. А. Дмитриева. Тогда же выяснилось, что мятежники на «Красной Горке» и изменники — военные специалисты из Кронштадта — тоже состояли в «Национальном центре».

В письме от 14 июля, изъятом у Борового-Федотова, имелись сведения о существовании помимо петроградского еще и московского отделения «Национального центра», однако ничего существенного о нем выяснить тогда не удалось.

27 июля сотрудники милиции, проверяя документы граждан, проезжавших через село Вахрушево Слободского уезда Вятской губернии, задержали неизвестного, который назвался Николаем Карасенко. При обыске у него

нашли около миллиона рублей «керенками» и два револьвера. Карасенко заявил, что везет деньги в Москву по поручению «киевского купца Гершмана». 5 августа Карасенко допросили в Вятской ЧК, и он признался, что в действительности является Николаем Павловичем Крашенинниковым, сыном помещика Орловской губернии, и служит в разведывательном отделении колчаковского штаба. В начале июня ему поручили отвезти деньги в Москву и сдать их человеку, который должен был встретить его на Николаевском вокзале, назвав сумму и воинскую часть, которой он послан.

Из Вятки Крашенинникова отправили в Москву. Он долго упорствовал, не хотел больше ничего сообщить. Некоторое время его не беспокоили. Решив, видимо, что его оставили в покое и что за ним не наблюдают, Крашенинников передал однажды из заключения две записки. В одной из них он интересовался судьбой некоего «В. В. М.», а в другой писал: «Арестованы ли Н. Н. Щ. и другие, кого я знаю?» Чекисты перехватили эти записки, и, когда предъявили их Крашенинникову, он заговорил. Оказалось, что ему было поручено доставить в Москву деньги для организации «Национальный центр» и передать их «Н. Н. Щ.» — Николаю Николаевичу Щепкину и Алферову и что «В. В. М.» — это Василий Васильевич Мишин (Москвин), который должен был доставить из штаба Колчака для московского отделения «Национального центра» еще миллион рублей.

22 августа 1919 г. ВЧК сообщила В. И. Ленину о раскрытии центральной организации «Национального центра» и намеченных в связи с этим операциях по аресту членов этой организации. Прочитав сообщение, Ленин в письме Дзержинскому подчеркнул, что на эту операцию «надо обратить *сугубое* внимание. Быстро и энергично и пошире надо захватить»[1].

---

[1] Ленинский сборник XXXVII. С. 167.

В ночь на 29 августа чекисты арестовали бывшего члена Государственной думы III и IV созывов, крупного домовладельца кадета Н. Н. Щепкина и супругов Алферовых. Щепкин оказался виднейшим деятелем московского отделения «Национального центра», а А.Д. Алферов — директором школы, которую он вместе с женой превратил в конспиративный пункт этой организации.

Во время обыска у Щепкина чекисты нашли во дворе жестяную коробку с шифрованными и нешифрованными записками, шифром, рецептами проявления химических чернил и фотографическими пленками. Записки были написаны очень мелкими буквами на узких полосках бумаги (чтобы удобнее было конспиративно переправлять их через фронт) и содержали сведения о планах действий Красной Армии и ее вооружении. Там же было обнаружено письмо от 27 августа, адресованное начальнику штаба любого белогвардейского отряда прифронтовой полосы. «Прошу в самом срочном порядке протелеграфировать это донесение в штаб Верховного разведывательного отделения полковнику Хартулари», — говорилось в этом письме. Затем в нем излагались сведения о советских войсках, о предположительном плане действий Красной Армии, о силах деникинцев в Москве. Наконец, в коробке оказалось письмо Н. Н. Щепкина от 22 августа деятелям кадетской партии, находившимся при штабе Деникина. В письме высказывалось предположение, что недели через две может произойти восстание в Москве. «На этот случай,— просил Щепкин,— вам надо подготовить нам помощь и указать нам, где ее найти и куда послать для установления связи»[1].

Чекисты проявили найденную у Щепкина фотопленку. На ней оказались письма деятелей кадетской партии, состоявших при штабе Деникина,— Н. И. Астрова, В. А. Степанова, князя Долгорукова. Из писем стало ясно, что

---

[1] Известия ВЦИК, 1919, 5 октября.

Щепкин регулярно поставлял деникинцам шпионские сведения. В одном из писем Астров писал: «Пришло длинное письмо дяди Коки (кличка Щепкина.— *Д. Г.),* замечательно интересное и с чрезвычайно ценными сведениями, которые уже использованы... Наше командование, ознакомившись с сообщенными вами известиями, оценивает их очень благоприятно, они раньше нас прочитали ваши известия и весьма довольны»[1].

Не менее эффективным оказался и обыск, произведенный у директора школы Алферова. Этим обыском руководил член Коллегии ВЧК В. А. Аванесов. Старый чекист Ф. Т. Фомин, участвовавший в операции, рассказывает: «... Под самое утро взгляд Аванесова остановился на мраморном пресс-папье, украшавшем письменный стол. Аванесов осторожно развинтил его, снял верхнюю мраморную плитку, и мы увидели под ней сложенный вдвое небольшой листочек тонкой бумаги, сплошь исписанный бисерным почерком — длинный перечень фамилий.

В старых брюках Алферова я нашел записную книжку. На первый взгляд в ней не было ничего подозрительного. Что-то вроде счетов, словно хозяин записывал за своими знакомыми одолженные суммы. Например: «Виктор Иванович — 452 руб. 73 коп.», «Владимир Павлович — 435 руб. 23 коп.», «Дмитрий Николаевич — 406 руб. 53 коп.» и т. д. Эти цифры показались мне подозрительными: а не шифр ли это? Может быть, номера телефонов? А что, если попробовать позвонить? Отбрасываю все «руб» и «коп» и прошу телефонистку соединить меня с номером 4-52-73. Слышу в трубке мужской голос. Спрашиваю:

— Виктор Иванович?

— Я у телефона.

— Очень хорошо. Алексей Данилович (Алферов.— *Д. Г.)* срочно просит приехать вас к нему, как можно быстрее!

---

[1] Известия ВЦИК, 1918, 12 октября.

Моя догадка подтвердилась. В записной книжке были зашифрованы телефоны многих участников заговора»[1].

В квартире Щепкина была оставлена засада, и вскоре чекисты арестовали явившегося туда деникинского курьера Г. В. Шварца; бывшего офицера штаба главнокомандующего, а к моменту ареста окружного инспектора Всевобуча П. М. Мартынова; профессора Института путей сообщения кадета А. А. Волкова; видного члена партии народных социалистов В. В. Волк-Карачевского; жену генерала Н. Н. Стогова. Шварц приехал из Екатеринодара с подложным документом на имя В. Клишина. За несколько дней до этого он передал Щепкину фотопленку, а когда пришел за ответом для деникинского штаба, был арестован. Волков хранил при себе часть расшифрованных и еще не расшифрованных сообщений.

Изучение донесений, найденных при обыске у Щепкина, и сопоставление их с данными командования Красной Армии показало, что сведения собирались шпионами-специалистами, имеющими доступ в советские военные и гражданские учреждения. ВЧК установила, что сводные донесения, направляемые в штаб Деникина, редактировались генералом Н. Н. Стоговым, который возглавлял так называемый «Штаб добровольческой армии Московского района», и полковником В. В. Ступиным — начальником штаба этой организации, поддерживавшей тесную связь с «Национальным центром». «Штаб добровольческой армии Московского района» имел широкую сеть агентов в военных учреждениях Красной Армии. Один из арестованных на квартире у Щепкина, офицер Мартынов, как раз и являлся членом этой организации. Его показания сыграли важную роль в раскрытии дела.

П. М. Мартынов был завербован в антисоветскую организацию присяжным поверенным, бывшим членом Государственной думы, кадетом Н. А. Огородниковым, ко-

---

[1] *Фомин Ф. Т.* Записки старого чекиста. М, 1962. С. 108.

торый ввел его в военную организацию — «Штаб добровольческой армии Московского района» — и направил к одному из руководителей — генерал-лейтенанту В. И. Соколову. Последний предложил Мартынову собирать военно-шпионские сведения о Красной Армии и положении на фронтах и дал ему явку к генералу Б. Левицкому (начальнику разведки организации), с которым он и «работал», получая ежемесячно жалованье в размере 1200 рублей.

В сентябре 1919 г. ВЧК арестовала ряд активных деятелей антисоветского «штаба», в том числе генерала Н. Н. Стогова и генерала С. А. Кузнецова, возглавлявшего оперативный отдел Главного штаба Красной Армии. Спустя некоторое время был арестован и последний главарь «штаба» — полковник В. В. Студин.

«Штаб добровольческой армии Московского района» разработал согласованный с «Национальным центром» план восстания в Москве, в котором должны были участвовать курсанты некоторых подмосковных военных училищ и многие бывшие офицеры. Ф. Э. Дзержинский в докладе на общегородской конференции Московской организации РКП (б) 24 сентября 1919 г. говорил: «Цель их была захватить Москву и дезорганизовать наш центр. На своих последних заседаниях они уже подготовляли окончательно свое выступление. Даже час назначен: 6 часов вечера.

Они надеялись захватить Москву хотя бы на несколько часов, завладеть радио и телеграфом, оповестить фронты о падении Советской власти и вызвать, таким образом, панику и разложение в армии. Для осуществления этого плана они скапливали здесь своих офицеров, и в их руках были три наши военные школы. Они предполагали начать выступления в Вишняках, Волоколамске и Кунцеве, отвлечь туда силы, а затем уже поднять восстание в самом городе... Москва была разбита на секторы по Садовому кольцу; за Садовым кольцом на улицах

предполагалось устроить баррикады, укрепиться по линии Садового кольца и повести оттуда в некоторых пунктах наступление к центру...

Чтобы привести свой план в исполнение, им надо было иметь оружие. Они сосредоточивали его незаконным образом в школах, которые были под их влиянием, а также закупали его в наших складах и образовывали свои склады.

Силы их, по подсчетам, равнялись 800 человек кадровых офицеров, и, кроме того, они рассчитывали на некоторые части, в которые им удалось послать своих людей для подготовки почвы. Благодаря большим связям в штабах им удавалось посылать своих людей всюду, где это было необходимо»[1].

Все эти планы были сорваны. С помощью партийных организаций и рабочих ВЧК арестовала около 700 антисоветчиков.

* * *

В октябре 1919 г., когда войска Юденича второй раз подошли к Петрограду, в советском тылу снова активизировалось антисоветское подполье.

4 ноября 1919 г. работники Особого отдела 4-й пограничной чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией задержали студента юридического факультета Петроградского университета М. М. Шидловского, намеревавшегося перейти линию фронта на сторону наступающих войск Юденича. Это задержание явилось результатом умело проведенной чекистской операции.

В октябре бортмеханик Ораниенбаумского воздушного дивизиона Дмитрий Солоницын сообщил чекистам, что начальник дивизиона Б. П. Берг тайно посылает летчи-

---

[1] *Дзержинский Ф. Э.* Избранные произведения в двух томах. Т. 1. С. 197–198.

ков отряда перелетать в Финляндию и передавать там военные сведения для Юденича. Солоницын был одним из вовлеченных Бергом в шпионскую работу лиц, но он, не желая быть предателем, решил сообщить об этом в Особый отдел ЧК. Солоницыну поручили наблюдать за шпионской деятельностью Берга и сообщать в Особый отдел.

Вскоре Б. П. Берг предложил Солоницыну переправить через линию фронта связиста с очень важными сведениями для войск Юденича. Действуя по указанию чекистов, Д. Солоницын согласился выполнить это задание.

3 ноября связной из Петрограда (это был М. М. Шидловский) вместе с начальником воздушной обороны Петрограда С. А. Лишиным прибыл в Ораниенбаум к Бергу. После совещания связной получил от Берга и Лишина секретную военную информацию, записал ее на бумаге и зашил записку в сапог. Кроме того, он должен был устно передать некоторые сведения и прокомментировать свою записку в штабе войск Юденича. На следующий день М. М. Шидловский вместе с «проводником» (Дмитрием Солоницыным) отправились в путь. Солоницын привел связиста в место, указанное чекистами. Здесь его встретил заместитель председателя 4-й пограничной чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией Ф. В. Григорьев, переодетый в форму белогвардейского офицера. Полагая, что он находится в «белогвардейском штабе», Шидловский рассказал особистам о полученном от Берга задании и передал записанную им краткую сводку шпионских сведений, которую он и прокомментировал[1].

Чекисты немедленно арестовали Б. П. Берга, и он сознался в своем участии в шпионаже. «Я главный агент

---

[1] О подробностях этой чекистской операции см. воспоминания Ф. Григорьева «Всегда на страже», опубликованные в сборнике «Особое задание». М., 1968. С. 144—149. В беллетристической форме эти события описаны в книге А. Сапарова «Битая карта (Хроника одного заговора)». Л., 1967.

белой разведки, — показал он, — инструкции получаю от разведочной конторы в Стокгольме, военного совета в Лондоне, связи имею с Финляндией... Моими обязанностями были военная и морская контрразведка и общие политические... сведения, которые я доставлял раз в неделю»[1].

Так чекисты раскрыли английскую шпионскую сеть, в которую входили кроме уже известных Берга, Лишина еще и В. В. Еремин — начальник отряда Ораниенбаумского воздушного дивизиона, В. Е. Медиокритский — начальник сухопутного оперативного отдела штаба Балтийского флота, Н. А. Эриксон — начальник оперативного отдела флота, В. А. Германович — флаг-секретарь штаба флота, Б. Ф. Копытковский — морской летчик и другие лица.

Организатором английского шпионажа являлся агент английской секретной службы Интеллидженс сервис Поль Дюкс (клички Павел Павлович, Шеф). Этот разведчик, заброшенный в Россию еще до революции, имел большие связи среди русских, хорошо владел русским языком. После Октября он получил в Англии задание приступить к антисоветской работе в России. Под маской «социалиста, сочувствующего идеалам революции», в ноябре 1918 г. он, переодетый в крестьянскую одежду, нелегально перешел финляндскую границу и возвратился в Россию. Ему удалось войти в доверие некоторых советских учреждений, создать шпионскую сеть и организовать передачу сведений в Лондон через английские консульства в Гельсингфорсе и Стокгольме.

Помимо шпионской группы Берга на английскую разведку, под руководством Поля Дюкса, в Петрограде работал старый опытный разведчик И. Р. Кюрц — бывший агент царской контрразведки. Этот «преподаватель французского языка в средней школе» имел большие связи и не гнушался никакими грязными приемами «работы»

---

[1] Петроградская правда, 1919, 23 ноября.

(даже соучастники называли его «прохвостом высшей марки»). Среди участников шпионской сети Кюрца были военные специалисты, служившие в советских военных учреждениях: полковник В. Г. Люндеквист — бывший начальник штаба 7-й советской армии, оборонявшей Петроград, В. И. Карпов — командир 4-го минноподрывного дивизиона, В. Я. Петров — командир роты того же дивизиона, В. М. Смирнов — флаг-минер дивизиона. Кроме того, Кюрц поддерживал отношения с бывшим вице-адмиралом М. К. Бахиревым, помощником присяжного поверенного А. Я. Лихтерманом, проникшим в Коммунистическую партию и занимавшим пост уполномоченного Реввоенсовета по перевозкам инженерных войск, и другими антисоветчиками. Эти лица образовали в Петрограде военную шпионскую и подрывную группу.

Наконец, Поль Дюкс поддерживал отношения с руководящими деятелями петроградского и московского отделении «Национального центра» (Штейнингером, Щепкиным): он наладил финансирование этих организаций и использовал их для шпионажа в пользу Англии. В процессе расследования дела Особый отдел Петроградской ЧК (начальник Н. П. Комаров) вскрыл в Петрограде шпионскую сеть французской разведки (под руководством резидента Э. В. Бажо) и выявил шпионов резидента разведки Северо-Западной белогвардейской армии Ю. П. Германа.

Когда Поль Дюкс 30 августа 1919 г. решил покинуть Россию, он передал свои связи по шпионажу активистке «Национального центра» Н. В. Петровской (клички Марья Ивановна, Мисс). Эта особа (по профессии врач), проникшая в Коммунистическую партию, активно работала в петроградском антисоветском подполье. После отъезда Поля Дюкса она по его указанию связалась с И. Р. Кюрцем, и они совместно руководили антисоветской деятельностью связанных с ними шпионских групп в Петрограде, поддерживая наступление войск Юденича.

Центральной фигурой петроградской военной подпольной организации являлся полковник В. Г. Люндеквист — бывший начальник штаба 7-й советской армии. Хорошо осведомленный о силах и расположении советских войск под Петроградом, Люндеквист разработал и передал в штаб Юденича план наступления на Петроград, который предусматривал прорыв обороны. Одновременно военно-морской флот должен был помогать бомбардировкой сухопутному фронту, а воздушный флот — совершить налет на Петроград. В соответствии с планом самолет должен был сбросить на Знаменскую площадь пятипудовую бомбу (без взрывателя), что означало сигнал к восстанию внутри города[1].

Когда осенью 1919 г. наступление Юденича было отражено, другой изменник, полковник В. Е. Медиокритский, составил для передачи ему новый план наступления на Петроград. Этот план должен был доставить в штаб Юденича связной Шидловский.

Белогвардейская военная организация разработала подробный план восстания в Петрограде, руководить которым должны были полковник Люндеквист и адмирал Бахирев. Город разбивался на 12 участков, специальные отряды выделялись для захвата Смольного, телеграфа и телефонной станции, стоявшего на рейде близ города военного корабля «Севастополь» (заговорщики намеревались использовать его для обстрела важных объектов города).

В одном из писем Люндеквист писал генералу Юденичу:

«...ставлю Вас в известность о том, что предполагается выполнить при приближении Ваших войск к Петрограду: а) создание паники и беспорядка среди войск, расположенных на позициях против Финляндской границы (на Карельском секторе к северу от Петрограда); б) инсценировка в Петрограде погрома и налеты для овладения те-

---

[1] См.: Петроградская правда, 1919, 23 ноября.

лефонной и телеграфной станциями, комиссариатом путей сообщения, Смольным институтом и тому подобное; в) создание паники и беспорядка среди войск, защищающих подступы к Петрограду со стороны Царского села и Гатчины. Все действия должны произойти одновременно в определенный день и час по особому указанию. Выбор момента для наступления, если не последует особых указаний от Вас, будет согласован с событиями на фронте... Командование красных войск, растерявшееся в первый момент, постепенно овладевает обстановкой. Город готовится оказать сопротивление внутри, расчет, главным образом, на коммунистов и рабочих... Каждый лишний день передышки играет в руку командованию красных... Связь Вы можете поддерживать через Павловск при помощи той воинской части, к которой принадлежит податель настоящего донесения, об этом Вас уже просил И. Р. Кюрц телеграммой»[1].

Еще до наступления генерал Юденич поручил петроградскому отделению «Национального центра» взамен дискредитированного «правительства» С. Г. Лианозова, созданного «в полчаса» англичанами, сформировать другое «правительство», которое в случав вступления его войск в город могло бы сразу приступить к управлению. Главою «правительства» намечался профессор Технологического института кадет А. Н. Быков.

Осенью 1919 г. вопрос о формировании «правительства» приобрел конкретную форму. В результате всех совещаний и переговоров среди членов организации «правительство» было сформировано в следующем составе: председатель — А. Н. Быков, министр финансов — бывший товарищ министра в царском правительстве С. Ф. Вебер, министр путей сообщения — инженер М. Д. Альбрехт, морской министр — адмирал А. В. Развозов (временно, ввиду болезни Развозова его должен был заменить адми-

---

[1] Приведено Н. А. Корнатовским в статье «Заговор против социалистической родины» // Краевая летопись, 1937, № 3. С. 108.

рал М. К. Бахирев), министр просвещения — бывший попечитель Петроградского учебного округа монархист А. А. Воронов, министр внутренних дел — М. С. Завойко, министр религиозных культов — в прошлом член Временного правительства А. В. Карташев, Петроградским градоначальником намечался полковник В. Г. Люндеквист. Уже обсуждалась даже будущая программа «правительства».

Однако вынашиваемые антисоветчиками планы не имели под собой реальной основы. Судя по показаниям заговорщиков, в момент восстания они могли рассчитывать на 400 человек, в том числе на завербованных Кюрцем уголовников. События показали полное бессилие антисоветчины. Войска генерала Юденича были отброшены от Петрограда, заговор своевременно раскрыт. Большинство его участников во главе с «министрами» (за исключением Карташева, находившегося за границей) были арестованы и понесли заслуженное наказание.

Осенью 1919 г. за ликвидацию «Национального центра» ВЦИК наградил большую группу чекистов правительственными наградами; среди них был и заведующий Особым отделом МЧК Е. Г. Евдокимов, удостоенный ордена Красного Знамени.

5. Кронштадтский мятеж.

Наиболее серьезным выступлением против советского государства в 1921 г. был кронштадтский мятеж. В феврале в Петрограде началось брожение среди рабочих, вылившееся в «волынки» на некоторых предприятиях. Они были спровоцированы деятелями «социалистических» партий, главным образом меньшевиками, которые в своих целях использовали недовольство рабочих, страдавших от недостатка продовольствия и хозяйственной разрухи. На заводских собраниях меньшевики разглагольствовали о ликвидации заградительных отрядов, боровшихся с мешочниками и спекулянтами, требовали свободной торговли,

равного для всех распределения продуктов, «демократических» свобод и перевыборов Советов. Слухи о волнениях рабочих петроградских фабрик и заводов дошли до матросов Кронштадтской морской базы, среди которых было много крестьян, недавно пришедших на флот вместо испытанных революционных моряков. Действовавшие в Кронштадте заговорщики давно уже готовился мятеж против советского государства. 25 февраля, на линейном корабле «Севастополь» состоялось общее собрание команды, которая решила послать делегацию в Петроград «для выявления причин волнений на фабриках и заводах». Такое же постановление 26 февраля вынесла и команда линейного корабля «Петропавловск». Делегаты матросов наслушались в Петрограде агитаторов меньшевиков и по возвращении в Кронштадт выступили на собраниях моряков с отчетом о результатах поездки. Моряки «Петропавловска», а затем и «Севастополя» приняли резолюции, повторявшие меньшевистские и эсеровские требования. 1 марта вожаки начавшегося движения созвали матросов Кронштадтской морской базы и морских частей, дислоцированных в Кронштадте, на Якорную площадь на митинг «беспартийных моряков». Выступившие на митинге мнимые «беспартийные» демагогическими выкриками призывали толпу к мятежу. Митинг принял резолюцию, ставшую платформой кронштадтского мятежа. В ней были требования перевыборов Советов, освобождения из тюрем всех осужденных за антисоветские выступления, упразднения политотделов и коммунистических отрядов, предоставления полного права крестьянам распоряжаться землей «так, как им желательно», разрешения свободного кустарного производства и т. д.

Только некоторые из этих требований (как, например, требования свободной торговли, свободного распоряжения своим хозяйством) отражали экономические интересы крестьянских масс, политические же требования навязывались партиями, недовольными действиями советского правительства.

2 марта по предложению местных советских властей, стремившихся мирно урегулировать конфликт, состоялось совещание делегатов от команд кораблей и предприятий Кронштадта для обсуждения выдвинутого на митинге требования о перевыборах Совета. В момент совещания кем-то был пущен провокационный слух, будто против собравшихся движется отряд «в две тысячи человек». Делегаты под руководством писаря с линкора «Петропавловск» С. М. Петриченко тут же арестовали комиссара Балтийского флота Н. Н. Кузьмина и председателя Совета П. Д. Васильева и решили образовать руководящий движением комитет. Этот комитет в составе пяти человек «в целях охраны» отправился на линейный корабль «Петропавловск», ставший штабом мятежа. В тот же день по распоряжению комитета матросы заняли типографию, учреждения, штабы и другие важные объекты города.

3 марта состоялось заседание комитета, в котором приняли участие присоединившиеся к мятежу начальник артиллерии Кронштадтской крепости бывший генерал Козловский и некоторые офицеры, впоследствии составившие «штаб обороны» мятежников. Козловский предложил установить связь с Финляндией и начать наступление против Советской власти, используя мощь крепости и внезапность нападения.

4 марта на собрании делегатов от частей и кораблей был избран кронштадтский «временный революционный комитет». В него вошли 15 «беспартийных» моряков. Это были: председатель — старший писарь линкора «Петропавловск» С. Петриченко; заместители председателя — телеграфист Яковенко и машинный старшина Н. Архипов; секретарь — штурман дальнего плавания Кильгаст; члены — мастер лесопильного завода В. Вальк, содержатель аварийной доков Романенко (они ведали гражданскими делами «ревкома»), заведующий обозом Бойков (ведал следственной частью), мастер электромеханического завода Тукин (ведал продовольствием), машинист линко-

ра «Севастополь» Г. Ососов, старший гальванер Ф. Патрушев, матрос «Севастополя» С. Вершинин, старший лекарский помощник Куполов, заведующий школой Орешин, гальванер П. Перепелкин. Большую роль в мятеже играли эсер-максималист А. Ламанов и бывший священник Путилин (отец Сергий), служивший ранее в Кронштадтском соборе. Они редактировали «Известия временного революционного комитета». Их сочинения носили путаный характер и были пропитаны клеветой против советского правительства.

После первых же выстрелов в Кронштадт прибыл из-за границы Вилькен, бывший командир линейного корабля «Севастополь», бежавший в свое время от революции. Он предложил «ревкому» помощь в лице 800 вооруженных офицеров и оставался в городе во время мятежа в качестве «представителя» русского отдела американского Красного Креста в Финляндии. Мятеж поддержал и лидер кадетов П. Н. Милюков. В эмигрантских «Последних новостях» он дал такую оценку программе кронштадтцев: «Эта программа может выразиться в кратком лозунге: «Долой большевиков, да здравствуют Советы». «Да здравствуют Советы» — для настоящего момента означает, всего вероятнее, что власть должна перейти от большевиков к умеренным социалистам, которые получат большинство в Советах...» Милюков как бы сформулировал основной лозунг кронштадтских мятежников — «Советы без большевиков», не без оснований надеясь, что впоследствии власть перейдет в руки буржуазии. Лидер эсеров В. Чернов предложил мятежникам помощь людьми, даже намеревался «прибыть лично, отдать свои силы, авторитет делу народной революции»[1].

Эмигрантский антисоветский «Административный центр» получил от бывшего царского посла в Соединенных Штатах Америки Б. А. Бахметьева 25 тысяч долла-

[1] В. И. Ленин и ВЧК. С. 447.

ров и отправил их в Кронштадт. Кроме того, «Административный центр» прислал из Парижа 50 тысяч франков и установил связь с русскими банкирами и промышленниками, находившимися в Париже, для организации снабжения мятежников продовольствием. Одновременно с этим меньшевики, эсеры, анархисты и нелегальная группа «уполномоченных собрания представителей фабрик и заводов Петрограда» вели агитацию среди рабочих Петрограда в поддержку мятежников. Однако питерские рабочие, поняв, к чему могут привести забастовки на предприятиях, осудили мятежников.

Позднее В. И. Ленин писал о политическом характере кронщдатского мятежа: «Вполне оформленного, ясного, определенного очень мало. Туманные лозунги «свободы», «свободы торговли», «раскрепощения», «Советов без большевиков», или перевыбора Советов, или избавления от «партийной диктатуры» и так далее и тому подобное. И меньшевики и эсеры объявляют кронштадтское движение «своим»... Вся белогвардейщина мобилизуется *«за Кронштадт»* моментально, с быстротой, можно сказать, радиотелеграфической... Крупные банки, все силы финансового капитала открывают сборы на помощь Кронштадту. Умный вождь буржуазии и помещиков, кадет Милюков, терпеливо разъясняет... что не к чему торопиться с учредилкой, что *можно и должно высказаться за Советскую власть — только без большевиков»*[1]. И далее В. И. Ленин указывал: «Милюков... выдает *действительную* тактику *действительной* белогвардейской силы, силы капиталистов и помещиков: давайте поддерживать кого угодно, даже анархистов, какую угодно Советскую власть, *лишь бы* свергнуть большевиков, *лишь бы* осуществить *передвижку власти!* Все равно, вправо или влево, к меньшевикам или к анархистам, лишь бы передвижку власти от большевиков; а остальное, — а остальное «мы»,

[1] *Ленин В. И.* ПСС. Т. 43. С. 237–238.

Милюковы, «мы», капиталисты и помещики, «сами» сделаем, анархистиков, Черновых, Мартовых мы шлепками прогоним...»[1].

* * *

Когда все попытки мирно урегулировать конфликт были отвергнуты мятежниками, 7-я армия под командованием М. Н. Тухачевского начала военные действия.

На стороне мятежников были хорошо вооруженные военные моряки, первоклассная морская крепость, мощная артиллерия. Решено было штурмовать крепость сухопутными частями по льду Финского залива. Первая атака, предпринятая в ночь на 8 марта, не увенчалась успехом. В подготовке решительного штурма большую роль сыграли свыше 300 делегатов и гостей X партийного съезда, прибывших в войска 7-й армии и энергично развернувших политработу в частях и штабах. 15 марта командующий армией М. Н. Тухачевский отдал приказ штурмовать Кронштадт, и в ночь на 17 марта после мощной артиллерийской подготовки части Красной Армии двинулись по льду на штурм. В 6 часов утра красноармейцы ворвались в крепость и город. Коммунисты, оставшиеся на линкорах «Петропавловск» и «Севастополь», вместе с сознательной частью матросов арестовали своих мятежных «комитетчиков» и офицеров и сдали корабли наступавшим войскам. К утру 18 марта город и крепость были полностью очищены, а главари «ревкома» и белогвардейские офицеры бежали в Финляндию. Арестованные мятежниками коммунисты, в том числе комиссар Балтийского флота Н. Н. Кузьмин, председатель Кронштадтского Совета П. Д. Васильев, были освобождены. В городе и крепости был восстанавливен порядок. Состоялся ряд судебных процессов над участниками мятежа.

---

[1] *Ленин В. И.* ПСС. Т. 43. С. 239.

В ноябре 1921 г. Советское правительство в ознаменование 4-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции освободило от наказания рабочих и крестьян, вовлеченных в мятеж обманом, насилием или по своей малосознательности. Через год ВЦИК провел вторую амнистию, по которой получили полное прощение все рядовые участники мятежа. Тем из них, кто бежал за границу, была предоставлена возможность вернуться на родину. Лишь главари мятежников остались на чужбине и превратились в группу наемных заговорщиков, предлагавших свои «услуги» реакционным кругам эмиграции.

Антисоветская деятельность Бориса Савинкова

1. «Союз защиты родины и свободы».

В мае 1918 г. к командиру латышского полка, охранявшего Кремль, явилась сестра милосердия и сообщила, что бывший юнкер Иванов, скрывающийся под видом больного в Иверской больнице, рассказал ей о существовании в Москве тайной организации, которая готовит восстание. Командир полка сообщил об этом в ВЧК. Заместитель председателя ВЧК Я. Х. Петерс и начальник оперативного отдела М. Я. Лацис лично занялись расследованием дела и распорядились установить тщательное наблюдение за Ивановым. Вскоре выяснилось, что Иванов бывает в одной из квартир дома № 3 по М. Левшинскому переулку, где часто собираются подозрительные лица. 29 мая отряд во главе с Я. Х. Петерсом окружил этот дом. Когда чекисты вошли в квартиру, там шло нелегальное собрание. За столом сидели 13 человек: Иванов, хозяин квартиры Сидоров (Аваев), бывшие офицеры Б. Б. Парфенов (Покровский), Г. М. Висчинский, Ольгин (Герцен) и другие. На столе лежали пачка денег, от которой все отказались, и набросок схемы пехотного полка.

При личном обыске у задержанных была обнаружена программа «Союза защиты родины и свободы», отпечатанная на пишущей машинке; странный картонный треугольник, вырезанный из визитной карточки, с буквами на нем «ОК»; инструкция квартирьерам; «Памятка во исполнение общей цели»; сведения о расквартировании воинских частей и разные адреса.

Ближайшими задачами «Союза защиты родины и свободы», как об этом было сказано в программе, объявлялись: «Свержение советского правительства», организация «твердой власти» в России, воссоздание старой армии и продолжение войны с Германией. Программа устанавливала строгие конспиративные правила построения тайного общества, ядром которого являлось офицерство. Руководители общества обязаны были ознакомить подчиненных с его программой, чтобы те, «кто чувствует себя слабым духом и неспособным выдерживать тех испытаний, которые неизбежны в решительной активной борьбе...», могли своевременно (до поступления документов в Центральный штаб) отказаться «от участия в деле», иначе всякие уклонения от обязанностей и отказы будут считаться «сознательной изменой, равно как и разглашение тайн организации, и караться до лишения жизни включительно»[1].

Таким образом чекисты напали на след опасной антисоветской организации. Дальнейшее раскрытие ее представляло, однако, большие трудности. Конспиративная квартира в М. Левшинском переулке являлась штабом лишь одного из «полков» организации. Заговорщики же, задержанные там, скрывали имена главарей. И только после настойчивого допроса юнкер Иванов (это был Мешков) назвал среди членов организации штабс-капитана Пинкуса (Альфреда), являвшегося начальником пехотных формирований «Союза защиты родины и свободы». Через несколько дней Пинкус был арестован, и Я. Х. Петерсу удалось склонить его к правдивым показаниям.

[1] Красная книга ВЧК. Т. 1. С.16–17.

Впоследствии Я. Х. Петерс рассказывал: «...Пинкус не имел возможности скрыть от меня свои контрреволюционные убеждения (Петерс в свое время встречался с ним на службе в армии.— *Д. Г.*). Сначала он вообще отказывался давать показания, но с первого же разговора я видел, что Пинкус чрезвычайный трус, что арест и грозящее наказание его очень пугали. Поэтому, поговорив с ним несколько часов, я убедил его сознаться и рассказать все»[1].

Пинкус рассказал, что «Союз защиты родины и свободы» насчитывает до 5 тысяч членов, строится по военному образцу: имеет отделения помимо Москвы в Казани, Ярославле, Рыбинске, Рязани, Челябинске, Муроме и других городах и готовит вооруженное выступление против Советской власти, которое должно начаться в Поволжье. В Казани уже созданы склады оружия, туда посланы квартирьеры и людские резервы. Работу «Союза» направляет Центральный штаб, который под видом «лечебницы для приходящих больных» помещается на Остоженке. Пинкус объяснил значение картонного треугольника, представлявшего собой часть визитной карточки с буквами «ОК». Это был пароль для связи между участниками заговора: основная часть визитной карточки, из которой был вырезан треугольник, находилась у лица, к которому должен был явиться член организации с треугольником. Пинкус сообщил и другой пароль, посредством которого можно было проникнуть в среду участников заговора в Казани. Наконец, он назвал руководителя организации — Бориса Савинкова.

Извилисты были жизненные пути этого человека. В 1903—1906 гг. Б. Савинков был одним из руководителей эсеровской «Боевой организации», принимал участие в организации покушений на министра внутренних дел шефа жандармов В. К. Плеве и московского генерал-губернатора великого князя Сергея Романова. В 1907 г. из-за разногласий с эсеровским руководством Савинков

---

[1] Пролетарская революция, 1924, № 10. С. 13.

вышел из партии и в 1911 г. уехал за границу. Во время Первой мировой войны Савинков был активным оборонцем и даже добровольно вступил во французскую армию для участия в войне против Германии. В начале Февральской революции он появился в Петрограде, именуя себя «независимым социалистом». Керенский назначил его комиссаром Временного правительства на Юго-Западном фронте, а затем управляющим военным министерством. Вместе с генералами-монархистами Корниловым и Алексеевым этот «социалист» был сторонником установления в стране военной диктатуры и жестоких расправ с солдатами, не желавшими воевать за интересы буржуазии. В первые дни после Октябрьской революции Савинков участвовал в походе Краснова на Петроград, а после провала этой авантюры бежал на Дон и вошел в «Гражданский совет», образованный генералом Алексеевым в противовес Советской власти. Помогал формировать белогвардейскую Добровольческую армию. Но главной целью Савинкова было создание конспиративной организации, которая совершала бы террористические акты и вела подрывную работу в советском тылу.

24 января 1918 г. в Комитет по борьбе с погромами в Петрограде явился некий Н. В. Дубровин, приехавший из Новочеркасска. Он рассказал, что состоит в одной из боевых дружин, созданных Савинковым для борьбы с Советской властью, но разочаровался в контрреволюции и решил предупредить советские органы о готовящихся преступлениях. Дубровин показал, что Савинков вместе с генералом Алексеевым сколачивает боевые дружины для засылки их в советский тыл. «Савинков,— сообщил Дубровин,— организовал четыре боевые дружины (600 человек), цель которых произвести покушения на товарища Ленина (и других). 1 февраля из 1-й и 2-й дружин должны выехать из Новочеркасска в Петроград на конспиративную квартиру... 12 человек во главе с Жировым (политически амнистирован, член партии социалистов-революционеров, гласный Пятигорской думы). В Петро-

граде они должны разбиться на четыре отдельные группы, пополненные Петроградской организацией Б. Д. (боевых дружин. — *Д. Г.*), и под видом делегаций направиться к Ленину... Во время приема должны произвести покушение. Одновременно в Ставку под видом делегации выезжают для покушения на тов. Крыленко и в Ставку революционной, армии, действующей против Каледина, для покушения на тов, Антонова. После удачных покушений Алексеев во главе армии Спасения при содействии Савинкова и при поддержке Каледина открыто выступает против советских войск. Во главе 1-й дружины стоит Жиров (с.-р.). Во главе 2-й дружины стоит капитан Стародубцев (с.-р.). Во главе 3-й дружины стоит прапорщик Думсадзе (с.-р.). Во главе 4-й дружины стоит казак Безродный (с.-р.). 1-я дружина и Ц. штаб помещаются в Новочеркасске, 2-я дружина — в станице Усть-Медведица (Донской обл.), 3-я дружина — в станице Цимлянской (Донская обл.), 4-я дружина. — в г. Ейске (Кубанской обл.)»[1].

Усилия Савинкова не увенчались успехом. И тогда по поручению генерала Алексеева он выехал в Москву и здесь создал антисоветский подпольный «Союз защиты родины и свободы».

В ВЧК понимали, что имеют дело с опытным конспиратором, человеком, склонным к авантюрам, хитрым и коварным врагом. Савинкова надо было во что бы то ни стало задержать. Пинкус предложил ВЧК свои услуги. Я. Х. Петерс рассказывал: «Его освободили, обязав ежедневно являться ко мне на квартиру, и он регулярно являлся. Одно утро он мне сообщил, что он встретится с Савинковым у Большого театра... Мы мобилизовали все силы... Но... Пинкус не явился... и с тех пор мы Пинкуса не видели»[2].

---

[1] ЦГАОР, ф. 336, оп. 1, д. 39, л. 4—5.

[2] Пролетарская революция, 1924, № 10. С. 15. Впоследствии Пинкус участвовал в боях против Красной Армии, а затем эмигрировал в буржуазную Латвию.

Впоследствии из воспоминаний Савинкова стало ясно, что Пинкус рассказал далеко не обо всех обстоятельствах заговора.

В Центральный штаб «Союза защиты родины и свободы» входили: генерал-лейтенант Рычков (командующий «вооруженными силами»), полковник А. Н. Перхуров (начальник штаба), Ян Бреде (завербованный «Союзом» командир латышского советского полка), А. А. Дикгоф-Деренталь (начальник отдела сношений «Союза»), Д. С. Григорьев (военный врач, член близкой к меньшевикам группы «Единство»). Штаб «Союза» помещался на конспиративной квартире в Молочном переулке, где Григорьев для маскировки содержал под чужим именем медицинский кабинет. Заседания штаба обычно проводились в других местах, но все срочные дела решались здесь.

Арестовать членов главного штаба не удалось. Б. Савинков и его соратники после провала организации скрылись. В тот день к вечеру в Молочном переулке и других местах города было арестовано около 100 членов «Союза», но не удалось захватить ни одного из начальников отделов — полковник Перхуров, Дикгоф-Деренталь, доктор Григорьев, полковник Бреде и другие остались на свободе[1].

В ночь на 6 июля в Ярославле, 7 июля в Рыбинске и 8 июля в Муроме начались вооруженные антисоветские выступления. Выступлениями руководили избежавшие ареста главари «Союза защиты родины и свободы». Восста-

---

[1] Более успешно чекисты провели операцию в Казани. Командированный туда один из сотрудников ВЧК использовал открытый Пинкусом пароль и проник в штаб заговорщиков. В результате удалось арестовать большую группу антисоветчиков. Кроме того, чекисты раскрыли в Казани монархистскую офицерскую группу, которой руководил генерал-майор И. И. Попов, и обнаружили склад оружия белогвардейцев. По признанию генерала, он имел в своем распоряжении в Казани вооруженный офицерский отряд численностью в 500 человек, которые в момент восстания должны были действовать вместе с отрядами «Союза защиты родины и свободы».

ние в Ярославле возглавил начальник Центрального штаба «Союза» полковник Перхуров, в Рыбинске — начальник разведки «Союза» Ян Бреде (туда выезжали также Савинков и Дикгоф-Дерентальд), в Муроме — Д. С. Григорьев и полковник Н. Сахаров. Мятежникам удалось захватить Ярославль и удерживать его 16 дней.

Восстание в Ярославле начала группа заговорщиков (105 человек); к ним присоединился изменивший Советской власти бронедивизион. Заговорщики захватили военные склады и вооружились. Полковник Перхуров объявил себя «главноначальствующим» Ярославской губернии и командующим группой войск Северной добровольческой армии. Своим помощником «по гражданской части» Перхуров назначил железнодорожного служащего лидера местных меньшевиков И. Т. Савинова, а в городскую управу — бывшего городского голову, инженера по образованию домовладельца Лопатина, купца Каюкова, членов кадетской партии Соболева и Горелова, бывшего присяжного поверенного меньшевика Мешковского и в качестве «представителя рабочих» меньшевика Абрамова. По приказу Перхурова все декреты Советской власти отменялись, советские учреждения упразднялись, восстанавливались царские порядки в судах, а также институт волостных старшин, уездная и городская полиция (стража).

Мятеж в Ярославле сопровождался разгулом антисоветского террора. Мятежники разыскивали советских и партийных работников и чинили над ними расправу. Были зверски убиты комиссар военного округа видный большевик С. М. Нахимсон, председатель исполкома городского Совета Д. С. Закгейм, члены губисполкома Шмидт, Зелинченко и многие другие советские работники. Свыше двухсот арестованных советских активистов были доставлены на баржу, стоявшую посреди реки Волги, и обречены на голод и мучения. При попытке узников бежать с этой «баржи смерти» в них стреляли. Только на тринадцатый день находившимся на барже заключенным удалось

сняться с якоря и привести ее в расположение красноармейских частей. В живых на барже осталось 109 человек.

Мятежники разъезжали по предприятиям города и ближайшим волостям, уговаривая население выступить в их поддержку. Они использовали недовольство кулацкой части деревни политикой Советской власти и продовольственные трудности в городе. Бывшему члену губисполкома эсеру Мамырину удалось подбить на восстание часть крестьян Заволжья.

Большевики Ярославля и верные рабоче-крестьянскому правительству красноармейские части (1-й Советский полк) оказали сопротивление мятежникам. Вскоре белогвардейцы были окружены вызванными в Ярославль отрядами Красной Армии. В городе начались ожесточенные бои.

Тем временем потерпели провал предпринятые по плану «Союза» выступления в других городах Верхнего Поволжья. В Рыбинске местная Чрезвычайная комиссия своевременно узнала о готовящемся выступлении. Большевики города мобилизовали рабочих и достойно встретили врага. Позже стало известно, что тайное общество в Рыбинске насчитывало до 400 членов, главным образом офицеров довоенного и военного времени. Советский же гарнизон был малочисленный. Мятежники рассчитывали захватить артиллерийские склады и двинуться с артиллерией на город. Но все дороги, ведущие к артиллерийским складам, были перекрыты защитниками города, которые встретили антисоветчиков пулеметным огнем. Понеся большие потери, противник бежал.

Вечером 8 июля началось восстание в Муроме. К мятежникам присоединились бывшие офицеры, торговцы, гимназисты, а также некоторые священники и монахи во главе с епископом Митрофаном Муромским, давшим мятежникам свое «благословение». Но уже на следующий день местные рабочие и воинские части изгнали мятежников из города.

Таким образом, расчеты заговорщиков Ярославля на помощь из Рыбинска и Мурома не оправдались. Кольцо окружения Ярославля сжималось. С обеих сторон насчитывались сотни убитых и раненых, город горел. Тогда под предлогом вылазки «главноначальствующий» Перхуров с отрядом в 50 человек покинул город. Бежали и другие главари восстания. Настали критические часы мятежа.

В то время в Ярославле находилось около 4500 немцев-военнопленных, которые, согласно условиям Брестского договора, готовились к выезду на родину, и мятежники решили... сдаться в плен этим немцам. Председатель германской комиссии военнопленных лейтенант Балк ответил согласием на предложение заговорщиков, заявив, что сумеет гарантировать им безопасность как германским «пленникам». И когда 20 июля у мятежников не оставалось никаких надежд, штаб савинковцев в количестве 57 офицеров «сдался» военнопленным, которые поместили их в городском театре и приняли на себя их охрану. 21 июля лейтенант Балк подписал такой любопытный приказ:

«Допущенная на основании Брестского договора правительством Русской Федеративной Республики и уполномоченная тем же правительством германская комиссия № 4 в Ярославле имеет честь оповестить следующее: штаб Ярославского отряда Северной добровольческой армии объявил 8-го сего июля германской комиссии № 4, что Добровольческая армия находится с Германской империей в состоянии войны. Так как военные операции не привели к желательным результатам и дабы избегнуть дальнейших разрушений города и избавить жителей от неисчислимых бедствий, Ярославский отряд Северной добровольческой армии 21 июля 1918 г. предложил германской комиссии № 4 сдаться ей и выдать свое оружие. Германская комиссия № 4 приняла предложение. Комиссия передает штаб в качестве военнопленных Германской

империи своему непосредственному начальству в Москве, где дано будет все дальнейшее. Германская комиссия № 4 располагает сильной боевой частью, образованной из вооруженных военнопленных, и займет для поддержания спокойствия в городе Ярославле до получения решения из Москвы положение вооруженного нейтралитета. Для соблюдения порядка и восстановления нормального течения жизни комиссия окажет по возможности мирному населению должную поддержку. Да займутся обыватели многострадального города вновь своими делами и заживут с полной надеждой на лучшее будущее»[1].

Затем лейтенант Балк, возомнивший себя главой власти в Ярославле, выслал навстречу наступавшим советским войскам парламентеров. Советское военное командование предложило Балку сложить оружие. Немецкие солдаты выполнили это требование. Офицеры-мятежники оказались в руках советских органов государственной безопасности.

Ярославское восстание было ликвидировано. Еще в начале восстания, как только стало известно об участии в нем «Союза защиты родины и свободы», ВЧК приняла решение расстрелять арестованных в конце мая и в июне в Москве и Казани наиболее активных деятелей «Союза». В официальном сообщении об этом указывалось: «Практика показала, что заключение членов этого преступного сообщества в тюрьмах не достигает цели, так как эта организация, обладая огромными средствами, организует побеги, причем скрывшиеся лица продолжают свою контрреволюционную деятельность. Подготовляемый вооруженный мятеж грозил огромными человеческими жертвами также и со стороны мирного населения, почему ВЧК в целях предупреждения этих возможных жертв решила уничтожить в корне контрреволюционную орга-

---

[1] Шестнадцать дней. Материалы по истории ярославского белогвардейского мятежа (6—21 июля 1918 г.). Ярославль, 1924. С. 83—84.

низацию, поступив с главарями ее как с открытыми врагами рабоче-крестьянского строя, пойманными с оружием в руках»[1].

На основании этого решения ВЧК были расстреляны генерал И. И. Попов, руководитель вооруженного отряда белогвардейцев, задержанный в Казани; бывшие офицеры А. А. Виленкин (начальник кавалерийских формирований и казначей «Союза защиты родины и свободы»), Сидоров-Аваев (начальник штаба 2-го полка «Союза», на квартире которого были задержаны 13 заговорщиков), Б. Б. Парфенов (Покровский), И. Г. Душак и некоторые другие руководящие деятели «Союза».

ВЧК направила в Ярославль группу своих сотрудников во главе с членом коллегии Д. Г. Евсеевым для расследования на месте обстоятельств мятежа. Особая следственная комиссия выявила организаторов и активистов мятежа, которые понесли заслуженное наказание.

Удар, нанесенный «Союзу защиты родины и свободы», провал поднятых им восстаний привели к тому, что уже в 1918 г. «Союз» прекратил свое существование. Его главарь Борис Савинков вместе с секретарем Ф. Клепиковым и А. Дикгоф-Деренталем бежали из Рыбинска. Удалось скрыться и многим другим деятелям «Союза».

Вскоре был арестован и приговорен к расстрелу член главного штаба «Союза защиты родины и свободы» предатель Ян Бреде. В 1919 г. во время колчаковского переворота был убит Д. С. Григорьев. После бегства из Ярославля А. П. Перхуров, произведенный антисоветчиками за свои «подвиги» в генерал-майоры, сражался против советских войск в рядах колчаковцев, а затем, скрыв свое участие в мятеже, служил в штабе Приуральского военного округа. В мае 1922 г. он был разоблачен и 19 июля того же года по приговору Военной коллегии Верховного трибунала расстрелян.

---

[1] Известия ВЦИК, 1918, 13 июля.

2. «Союз» Савинкова на службе у внешних врагов советского государства.

В западных пограничных областях Белоруссии в 1921 г. было неспокойно. Правительство Польши проводило враждебную по отношению к советскому государству политику. На границах возникали вооруженные инциденты, провоцируемые польской военщиной и разведкой. Из Польши на советскую территорию перебрасывались агенты и вооруженные отряды для диверсионной и подрывной работы. Антисоветские деятели, обосновавшиеся в Польше, вели шпионскую работу в советском тылу, подстрекали население к антигосударственным выступлениям.

Политический бандитизм в Белоруссии был связан с действиями остатков разгромленных Красной Армией войск Булак-Балаховича и отрядов белорусских буржуазных националистов, принимавших участие в советско-польской войне 1920 года на стороне Польши. В октябре 1920 г. разбитое «войско» С. Н. Булак-Балаховича сосредоточилось в районе Турова и Давид-Городка. Здесь Булак-Балахович при помощи поляков сформировал так называемую «Народную добровольческую армию» в составе четырех дивизий. С этими силами он перешел в наступление на Мозырь и Овруч.

В ноябре 1920 г. части Красной Армии нанесли решительное поражение Булак-Балаховичу. Его «армия» рассыпалась. Часть ее капитулировала, часть перешла границу и была интернирована в Польше. Отдельные подразделения, раздробившись на мелкие шайки, рассеялись по окрестным селам.

Вскоре белорусские антисоветчики с согласия польских властей стали перебрасывать из Польши на советскую сторону небольшие группы из интернированных отрядов Булак-Балаховича. Они должны были создавать в пограничных районах плацдармы для будущих наступлений более крупных соединений из Польши, а также организовывать базы для восстания в советском тылу.

В таком же направлении действовали и находившиеся в Польше остатки отрядов белорусских буржуазных националистов, сосредоточенные вокруг организации «Зеленый дуб», созданной в конце 1920 г. так называемым «Белорусским политическим комитетом», возглавляемым бывшим помещиком Алексюком. В начале 1921 г. отряды «Зеленого дуба» вроде бы были расформированы. Но фактически они по-прежнему перебрасывались из Польши на советскую землю для подпольной борьбы и их деятельностью все так же руководил штаб «Зеленого дуба», находившийся на захваченной Польшей территории (в Молодечно). Ему подчинялись все банды в Белоруссии.

Действуя небольшими отрядами в 20—30 человек, бандиты совершали нападения на советские учреждения, взрывали мосты, уничтожали телеграфные линии, склады продовольствия, грабили население, нападали и на отдельных прохожих в лесах. Иногда банды разрастались за счет местных грабителей.

За зиму 1920/21 г. бандиты произвели в Белоруссии до 40 погромов, из них 21 в Мозырском уезде, где орудовали булак-балаховцы. В марте 1921 г. погромов было совершено 18, в апреле — также 18, в мае — 53. В Игуменском уезде оперировал отряд численностью до 400 человек под командованием полковника Павловского, в Бобруйском — отряд в 300 человек под командой капитана Колосова. К июню 1921 г. на территории Белоруссии действовало до 40 банд с постоянным контингентом до 3 тысяч человек.

Для ликвидации бандитизма в Белоруссии был создан Революционный военный совет, в который вошли командующий войсками И. П. Уборевич, председатель Белорусской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией Я. К. Ольский, народный комиссар внутренних и военных дел республики И. А. Адамович. К борьбе с бандами привлекались партийные и советские организации и крестьянская беднота. Был издан приказ, согласно

но которому добровольно явившимся с повинной участникам банд гарантировалось прощение. Вместе с тем применялись конфискация имущества у семей скрывавшихся бандитов и иные принудительные меры.

При каждом отряде по борьбе с бандитами действовал специальный чекистский аппарат, который вел разведывательную работу, проникая в банды и подпольные организации. На места, в села, для суда над участниками банд выезжали революционные трибуналы, которые слушали дела в открытых судебных заседаниях в присутствии крестьянских масс. Приговоры имели большое воспитательное значение.

Весной 1921 г. отряды ВЧК и Красной Армии настигли и разгромили несколько крупных бандитских отрядов в Белоруссии. Выяснилось, что их начальники (Павловский, Прудников, Пименов и др.) являлись офицерами банд Булак-Балаховича и Перемыкина и были переброшены из Польши на советскую территорию контрреволюционной организацией — так называемым «всероссийским комитетом». «Народного союза защиты родины и свободы», обосновавшимся в Варшаве.

В мае органы ВЧК раскрыли в Гомеле западный областной комитет этого «Союза», имевший отделения в разных городах Белоруссии и в северо-западных областях России. Чекисты арестовали членов этого комитета, многих активистов, закордонных курьеров, шпионов — всего несколько сот участников организации. Были захвачены также многочисленные документы. Выяснилось, что во главе «Народного союза защиты родины и свободы» стоит небезызвестный Борис Савинков.

После провала в 1918 г. восстания в приволжских городах Савинков бежал на территорию, занятую чехословаками, и продолжал борьбу против советской власти в рядах антисоветских армий. Так, например, он участвовал в действиях каппелевского офицерского отряда. В конце 1918 г. Савинков был представителем Колчака за грани-

цей. Обивая пороги французских и английских министерств, он добывал оружие, снаряжение и обмундирование для колчаковских и деникинских войск.

Во время советско-польской войны 1920 г., будучи в Варшаве, Савинков стал председателем эмигрантского «Русского политического комитета» («РПК») и установил тесные отношения с польскими властями и французской военной миссией. Он участвовал в создании так называемой «Русской народной армии» под командованием Перемыкина и Булак-Балаховича, воевавшей на стороне Пилсудского, и в составе ее участвовал в походе на Мозырь. По окончании войны Савинков вместе со своим братом, казачьим есаулом Виктором Савинковым, создал в Польше организацию для добывания секретных сведений о положении в Советской стране и с этой целью насаждал шпионскую сеть в советском тылу. Часть полученных материалов Савинков передавал разведывательному отделу польского генерального штаба и французской военной миссии в Варшаве, руководимой генералом Нисселем.

В январе 1921 г. братья Савинковы из остатков «Русского политического комитета», переименованного к тому времени в «Русский эвакуационный комитет», начали сколачивать новую антисоветскую организацию, которую назвали «Народным союзом защиты родины и свободы». Вознамерившись превратить ее во всероссийский антисоветский центр, Борис Савинков заключил соглашения о совместных действиях с эмигрантским петлюровским правительством УНР, с белорусскими буржуазными националистами и казачьими антисоветскими группами, находившимися в Польше. С тех пор бандитизмом и Белоруссии руководили главным образом савинковские организации.

13—16 июня 1921 г. в Варшаве состоялся съезд «Народного союза защиты родины и свободы», на котором присутствовал 31 человек, и среди них представители

поддерживавших «Союз» иностранных государств: офицеры французской (майор Пакейе), английской, американской, итальянской (Стабини) военных миссий в Варшаве и офицер службы связи между министерством иностранных дел и военным министерством Польши Сологуб. На съезде были также представители Петлюры (Юрий Тютюнник) и белорусских буржуазных националистов. Главари контрреволюционного движения твердили о необходимости поднять «всеобщее восстание» на советской территории. С этой целью решено было широко применять террор и диверсии для дезорганизации жизни в Советской стране. Один из представителей «всероссийского комитета» «Союза» рассказывал: «Предлагалась организация налётов и разрушение центров управления, Советов, исполкомов, парткомов, организация взрывов в советских учреждениях, на съездах, совещаниях и т. д. Террор выдвигался как средство для деморализации коммунистов и как средство, долженствующее прекратить приток свежих сил в РКП (б), что должны были достичь расстрелами и отравлениями коммунистов и репрессиями против их семейств»[1].

В состав руководства «Народного союза защиты родины и свободы» помимо братьев Савинковых (Борис Савинков был избран председателем) вошли известный деятель бывшего «Союза защиты родины и свободы» А. А. Дикгоф-Деренталь, профессор Д. В. Философов, бывший штабс-ротмистр лейбгвардии кирасирского полка Г. Е. Эльвенгрен, казачий полковник М. Н. Гнилорыбов и другие. Участие в «Союзе» Эльвенгрена, которого арестовывали за контрреволюционную деятельность еще при правительстве Керенского, и представителя Донского казачьего круга полковника Гнилорыбова достаточно красноречиво характеризовало лицо созданной организации. Б. Савинков хотел изобразить «Народный союз защиты родины и

[1] Известия ВЦИК, 1921, 24 июля.

свободы» как непартийное объединение, задачей которого явилась бы практическая подготовка свержения Советской власти. Дальнейшая судьба России должна была, по его расчетам, решаться после поражения большевиков. Такая позиция давала возможность объединять в «Союзе» самые разнородные элементы — от монархистов до «социалистов».

«Народный союз защиты родины и свободы» образовался при содействии польских властей и представителей французской военной миссии в Варшаве, заинтересованных в подрыве тыла Советской страны и в создании шпионской сети на ее территории. Фактически «Союз» стал подсобным органом польской разведки. В докладе ВЧК о деятельности «Народного союза защиты родины и свободы» говорилось: «Роль польского генерального штаба сводится к следующему: а) разрешению и содействию организации на территории Польши партизанских отрядов и перевозке их по железной дороге за счет польского военного министерства... б) снабжению этих отрядов оружием... в) содействию вербовке в лагерях военнопленных и интернированных организаторов антисоветских групп и отправке их в Россию; г) содействию реорганизации и приведению в боевую готовность остатков интернированных армий Булак-Балаховича, Перемыкина и Петлюры».

В распоряжении ВЧК имелось письмо Булак-Балаховича на имя исполнявшего обязанности начальника рабочих дружин в Польше капитана Поворзака, из которого было ясно, что армия Балаховича, якобы интернированная в Польше, на самом деле была переформирована в дружины, подчинявшиеся второму отделу польского генерального штаба. ВЧК располагала также документами, указывавшими на то, что интернированные казаки принимались на польскую службу в пограничную стражу, при которой была учреждена должность казачьего представителя (таковым являлся член Всероссийского

комитета «Народного союза защиты родины и свободы» полковник Гнилорыбов).

Почти все агенты Савинкова состояли одновременно на службе польской разведки и контрразведки (офензивы и дефензивы). Военные и политические сведения, доставлявшиеся из России, курьеры Савинкова передавали в польский генштаб и французскую военную миссию. Проводниками агентов и диверсантов, направлявшихся через пограничные посты в Советскую Россию, служили чины польской офензивы и жандармерии.

Организацию Савинкова финансировали второй отдел польского генерального штаба и французская военная миссия в Польше. За особо важные сведения о Красной Армии шеф информационного отделения французской военной миссии майор Марино выплачивал дополнительное вознаграждение. В перехваченном ВЧК письме полковник Павловский, командующий партизанскими отрядами Савинкова на советской территории, просил того «содрать» с французов за доставляемые им сведения о Красной Армии возможно дороже. При поездке весною 1921 г. в Париж для переговоров с французским правительством Б. Савинкову удалось при помощи русского промышленника Путилова склонить группу крупных капиталистов к субсидированию савинковской организации.

Всероссийский комитет «Союза» фактически являлся международным бюро шпионажа против Советской республики. Он добывал, систематизировал сведения о Красной Армии и снабжал ими иностранные военные миссии в Варшаве[1].

На территории России и Белоруссии «Народный союз защиты родины и свободы» создал ряд областных комитетов, которые, в свою очередь, организовывали губернские, уездные, городские и волостные комитеты и ячейки в советских учреждениях, на предприятиях, в деревнях, в частях и штабах Красной Армии. Эти органи-

[1] См.: Известия ВЦИК, 1921, 24 июля.

зации должны были подготовить местные повстанческие силы к вооруженному выступлению, в котором предусматривалось участие переброшенных из Польши интернированных остатков войск Булак-Балаховича, Перемыкина, Петлюры.

После разгрома военно-политических формирований Колчака, Деникина, Юденича Борис Савинков решил сделать ставку на крестьянские восстания в Советской стране. В одной из брошюр того времени он писал: «Основная, решающая ошибка Колчака, Деникина, Юденича состояла именно в том, что и Колчак, и Деникин, и Юденич — доблестные вожди — не уразумели того, что идею нельзя победить штыками, что идее нужно противопоставить тоже идею, и идею не вычитанную из книг и не взращенную на традициях Карамзина, а живую, жизненную, понятную каждому безграмотному солдату и близкую его сердцу». По мнению Савинкова, «Россия ни в коем случае не исчерпывается... двумя враждующими лагерями («красные», большевики — с одной стороны, «белые», «реставраторы» — с другой). Огромное большинство России — крестьянская демократия... Не очевидно ли поэтому, — писал Б. Савинков, — что, пока вооруженная борьба с большевиками не будет опираться на крестьянские массы, иными словами, пока патриотическая армия не поставит себе целью защиту интересов крестьянской демократии, и только ее, большевизм не может быть побежден в России. Именно крестьянству, именно во имя своих собственных интересов суждено свергнуть большевиков и восстановить порядок в России».

Савинкову казалось, что он сможет поднять весною 1921 г. «всеобщее восстание» против Советской власти. К этому моменту и готовились все савинковские организации, а вместе с ними их союзники — петлюровцы, белорусские националисты, реакционные казачьи группировки.

Но весна 1921 г. не оправдала надежд контрреволюции. Подпольные савинковские организации в Белорус-

сии и западных областях Советской России так и остались лишь группками авантюристов и бандитов, лишенных сколько-нибудь широкой социальной базы. Основные массы крестьянства не поддержали савинковцев и шедших с ними белорусских буржуазных националистов. Кровавые похождения савинковцев в селах и местечках раскрыли всем глаза на суть «повстанчества», к которому призывали антисоветские «активисты», переброшенные из-за границы. Окончательно изменили настроение крестьян заявление Советского правительства о переходе к новой экономической политике и отмена продовольственной разверстки. Они стали отворачиваться от савинковцев и буржуазных националистов и помогать советским органам в поимке засланных из-за границы организаторов банд. Савинковцам пришлось отложить «всеобщее восстание» сначала до момента сбора урожая и внесения продовольственного налога, а потом и на более поздний срок.

Однако им так никогда и не удалось реализовать свои планы. Красная Армия и чрезвычайные комиссии неизменно срывали происки врага. Чудовищные зверства и погромы, совершаемые бандами, переброшенными Савинковым на советскую территорию, вызывали гнев народных масс.

Вот лишь краткий перечень преступлений одного из ближайших сподвижников Савинкова — полковника С. Э. Павловского, который во главе банды головорезов совершал рейды из Польши на советскую территорию.

Во время первого рейда банда Павловского ворвалась в город Холм. Бандиты убили здесь 250 и ранили 310 человек. Отступая из Холма в направлении Старой Руссы, они заняли Демянск, разгромили там все советские учреждения, выпустили из тюрьмы уголовников, зверски расправились с коммунистами, советскими активистами, комсомольцами и местным населением, убив 192 человека.

Во время второго рейда банда Павловского в районе Пинска захватила в плен юношей из отряда ЧОН. Голо-

ворезы заставили 14 членов этого отряда рыть для себя могилы, после чего Павловский лично расстрелял их. В селе Корюкине по приказу Павловского был замучен и повешен продработник коммунист Силин. Банда ограбила банки в уездных центрах Духовщина, Белый, Поречье и Рудня.

Во время третьего рейда головорезы совершили налет на пограничную заставу, убили отдыхавших после дежурства на заставе девятерых красноармейцев, повесили беременную жену начальника заставы. В Велиже они ограбили банк, а в Опочке живым сожгли директора банка Г. И. Хаймовича. Отступая с советской территории, бандиты по приказу Павловского угнали много скота, принадлежавшего советским людям.

Так же зверствовали и другие савинковские банды. Захватив местечко Пуховичи, бандиты отряда бывшего офицера Павлова бросили в котел с кипящей смолой старика пастуха, заподозренного в сочувствии Советской власти; зверски замучили и убили двух коммунистов, захватили 11 жителей местечка и потребовали за них выкуп; получив требуемую сумму денег, бандиты зарубили заложников. Близ Полоцка бандиты спустили под откос поезд, ограбили почтовый вагон и пассажиров, расстреляли 15 коммунистов, у которых нашли партийные билеты.

В январе 1922 г. красноармейцы задержали нарушителя границы, оказавшегося бывшим подполковником В. Свежевским. Этот изменник, служивший в Красной Армии, а затем сражавшийся против нее в составе разных банд, был интернирован в Польше. Когда ему «надоело бездействовать», он предложил свои услуги «Народному союзу защиты родины и свободы». По ходатайству Б. Савинкова и М. Гнилорыбова, руководившего террористической деятельностью «Союза», польские власти освободили Свежевского. Он получил от савинковского «Союза» задание убить Ленина и с этой целью пробирался в советский тыл.

* * *

В связи с раскрытием связей «Народного союза защиты родины и свободы», а также украинских и белорусских буржуазных националистов с польскими разведывательными органами Советское правительство в ноте правительству Польши 4 июля 1921 г. потребовало ликвидации на польской территории организаций, действующих против Советской России, Белоруссии и Украины, и изгнания их руководителей. В ноте подробно характеризовалась враждебная Советскому государству деятельность савинковских организаций и приводились многочисленные факты связи их с органами польской разведки. В ноте говорилось также о том, что польский генеральный штаб содействовал отправке в Россию яда с целью массового отравления красноармейских частей в момент восстания. Так, например, 2-й отдел польского генерального штаба за подписью майора генерального штаба Бека выдал агентам Савинкова документ на провоз в Советскую Россию якобы для исследовательских целей двух килограммов яда.

Советское правительство потребовало немедленного изгнания с польской территории обоих братьев Савинковых, Философова, Мягкова, Одинца, Дикгофа-Деренталя и других членов «Русского политического комитета», братьев Булак-Балаховичей, Перемыкина, Эльвенгрена, Васильева и других членов «Народного союза защиты родины и свободы», Петлюры, Тютюнника, Мордалевича, Орлика, Струка и других украинских контрреволюционных главарей, а также Злотского и других руководителей белорусских контрреволюционных организаций, полковника Гнилорыбова и других руководителей казачьих контрреволюционных групп и всех агентов указанных выше лиц и организаций[1].

---

[1] См.: Документы внешней политики СССР. Т. 4. С. 203—208.

После долгих переговоров 7 октября 1921 г. между представителями РСФСР и Польши был подписан протокол, по которому польскую территорию должны были оставить В. Савинков, Д. Одинец, М. Ярославцев, А. Дикгоф-Дерентальд, А. Рудин, А. Мягков, В. Уляницкий, М. Гнилорыбов, Эрдман, С. Петлюра, Ю. Тютюнник, Павленко, Зелинский, Н. Булак-Балахович[1]. 28 октября главари антисоветских организаций покинули пределы Польши. Борис Савинков уехал раньше. Деятельность «Народного союза защиты родины и свободы» была парализована, а бандитизм в Белоруссии и западных областях Советской России к концу 1921 г. пошел на убыль. Советские войска наносили сокрушительные поражения бандитским отрядам. Лишь небольшие шайки бандитов еще и в 1922 г. продолжали свои действия в Минской, Гомельской и Витебской губерниях. К концу 1922 г. бандитизм в Белоруссии был окончательно ликвидирован.

3. Крах савинковщины.

В августе 1924 г. советская пресса опубликовала официальное сообщение, привлекшее внимание крупнейших, информационных агентств мира. «В двадцатых числах августа, — говорилось в нем, — на территории Советской России ОГПУ был задержан... Борис Викторович Савинков, один из самых непримиримых и активных врагов рабоче-крестьянской России (Савинков задержан с фальшивым паспортом на имя Степанова В. И.)».

Это сообщение в кратких словах подытоживало сложную и смелую операцию чекистов, которые «выманили» Савинкова вместе с несколькими его сподвижниками из-за границы и арестовали.

Вынужденный оставить в конце 1921 г. Польшу, Борис Савинков обосновался в Париже и лихорадочно искал новых возможностей для продолжения антисоветской

---

[1] См.: Документы внешней политики СССР. Т. 4. С. 394.

деятельности. К тому времени савинковский «Народный союз защиты родины и свободы» был почти парализован: финансирование его иностранными разведками резко сократилось. Но Савинков все еще пользовался авторитетом в международных антисоветских кругах, и можно было ожидать с его стороны новых диверсий.

Летом 1922 г. советские пограничники задержали при переходе границы из Польши одного из деятелей «Народного союза защиты родины и свободы», адъютанта Савинкова, бывшего царского офицера Л. Д. Шешеню, который шел на связь с заброшенными в свое время в советский тыл савинковскими агентами. При допросе в ГПУ Шешеня рассказал о полученном им задании и выдал агентов, с которыми намеревался встретиться. Один из этих агентов, М. Д. Зекунов, так же как и Шешеня, предложил ОГПУ свои услуги по разоблачению савинковского подполья. Шешеня и Зекунов были использованы чекистами для проникновения в заграничные савинковские центры, чтобы выяснить и расстроить их антисоветские планы.

ОГПУ направило Зекунова в Вильно к деятелю «Народного союза защиты родины и свободы» Ивану Фомичеву с письмом от Шешени (его родственника), который сообщал в письме, будто он связался с одной группой, ведущей серьезную антисоветскую работу в Москве. Эта легенда явилась «приманкой», за которую ухватились деятели НСЗРС и в Вильно, и в Варшаве. Они поверили, что удалось найти на советской стороне солидную антисоветскую группу и что можно, следовательно, вновь развернуть активную работу против Советской власти. Фомичев выразил желание немедленно же поехать в Советскую Россию, чтобы установить связь с «московской группой». Конечно, сподвижники Савинкова поскорее сообщили своему шефу в Париж о важном событии.

И вот тогда ОГПУ разработало смелый план операции с целью, как говорили чекисты, «вывести Савинкова на

советскую территорию». Под руководством Ф. Э. Дзержинского и В. Р. Менжинского план этот осуществлялся силами контрразведывательного отдела ОГПУ (КРО), во главе которого стоял А. Х. Артузов.

В работу по проникновению в савинковские зарубежные организации ввели опытного чекиста — старшего оперативного уполномоченного КРО ОГПУ А. П. Федорова, блестяще сыгравшего роль одного из «активных деятелей» «московской антисоветской организации». Под именем А. П. Мухина он несколько раз выезжал в Варшаву, встречался там с деятелями варшавской и виленской групп НСЗРС И. Т. Фомичевым, Д. В. Философовым, с бывшим членом Одесского царского окружного суда Е. С. Шевченко и М. П. Арцыбашевым, произвел на них хорошее впечатление. Они поверили в существование «московской организации». Федорову (Мухину) удалось заинтересовать их, а через них и Савинкова. Затем в Москве «нелегально», не без помощи чекистов, побывал представитель виленского отделения НСЗРС Фомичев, который лично познакомился с «деятелями» пресловутой «московской организации» (их роль исполняли сотрудники ОГПУ), которых представлял ему Шешеня. Фомичев пришел к выводу о реальности и солидности этой группы. Вместе с варшавским представителем НСЗРС Философовым он стал рьяным сторонником установления связей НСЗРС с «московской организацией» и уговаривал Савинкова возглавить ее.

В июле 1923 г. А. П. Федоров под фамилией Мухина выехал в Париж и встретился там непосредственно с Савинковым. Он сообщил ему, что ввиду разногласий по некоторым вопросам в «организации» назревает кризис, и намекнул, что эти разногласия может ликвидировать только такой опытный деятель, как Савинков.

Но осторожный Савинков решил еще раз проверить реальность существования «московской организации» и дал соответствующие указания отправляющемуся в Со-

ветский Союз своему ближайшему помощнику полковнику С. Э. Павловскому. В сентябре 1923 г. после ряда бандитских похождений вблизи границы тот прибыл в Москву и явился на квартиру к Шешене. Вел он себя агрессивно, был крайне опасен, и ОГПУ решило арестовать его.

Попав в чекистскую «ловушку», Павловский, чтобы заслужить снисхождение при рассмотрении дела о его кровавых преступлениях, изъявил согласие оказать помощь ОГПУ. Чекисты включили в «игру» и Павловского. По заданию ОГПУ в письмах к савинковским деятелям за границу он подтвердил существование «московской организации», ее жизнеспособность, а в письме к Савинкову высказал мнение о необходимости его приезда в Москву[1].

Операция закончилась тем, что Савинков со своими ближайшими помощниками А. А. Дикгоф-Деренталем и его женой, а также Фомичевым 15 августа 1924 г. «нелегально» перешел польскую границу и, встреченный работниками ОГПУ, 16 августа был арестован в Минске[2].

Преступления Бориса Савинкова были хорошо известны. Органы государственной безопасности в течение 1921—1923 гг. ликвидировали западный областной комитет «Народного союза защиты родины и свободы» и его местные группы общей численностью свыше 300 человек; несколько ячеек «Союза» на территории Петроградского военного округа; 23 савинковские резидентуры в Москве, Самаре, Саратове, Харькове, Киеве, Туле, Одессе. Было

---

[1] В конце концов Павловский не выдержал своей роли. Он попытался бежать из-под стражи, напал в тюрьме на конвойных и был убит.

[2] Согласно постановлению Президиума ЦИК СССР от 5 сентября 1924 г. за выполнение операции по поимке Савинкова и проявленную преданность делу орденом Красного Знамени были награждены член Коллегии ОГПУ В. Р. Менжинский, заместитель начальника контрразведывательного отдела (КРО) ОГПУ Р. А. Пиляр, помощник начальника того же отдела С. В. Пузицкий, старший оперуполномоченный КРО ОГПУ А. П. Федоров и работники того же отдела Г. С. Сыроежкин и Н. И. Демиденко. Объявлена благодарность рабоче-крестьянского правительства начальнику КРО А. Х. Артузову, его сотрудникам И. И. Сосновскому, С. Г. Гендину и работнику минского ГПУ Я. П. Крикману.

проведено несколько крупных судебных процессов над савинковцами. Наиболее важные из них: «Дело 44-х», рассмотренное в августе 1921 г. революционным трибуналом Западного края в Минске; «Дело 12-ти», рассмотренное в июле 1922 г. Петроградским военным трибуналом; «Дело 43-х», рассмотренное 16—25 июня 1924 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР. Эти судебные процессы разоблачили Савинкова как агента, состоявшего на содержании у иностранных разведок.

Савинков не отрицал этих обвинений. Он рассказал, как постепенно убеждался в том, что белое движение направлено против народа, а иностранные державы, поддерживая и финансируя русскую антисоветчину, преследуют свои собственные цели, не соответствующие интересам России. Савинков признал, что он и руководимые им организации с 1918 г. состояли на содержании иностранных государств; что в 1920—1923 гг. он снабжал разведывательные органы Франции и Польши шпионскими сведениями о Советской России за вознаграждение.

27 августа 1924 г. Б. В. Савинков предстал перед Военной коллегией Верховного Суда СССР. Судебный процесс по делу Савинкова разоблачил подрывную антисоветскую деятельность внешних врагов Советской власти. В частности, он подтвердил их участие в организации ярославского мятежа 1918 г.

Пойманный в 1922 г. советскими органами государственной безопасности, руководитель ярославского восстания А. П. Перхуров рассказал, что восстание было предпринято по соглашению с представителями французских кругов и в расчете на помощь со стороны предполагаемого десанта «союзников». Перхуров писал, что, по полученным им от Савинкова сведениям, союзники категорически обещали не позже как через 4 дня после начала восстания высадить десант в Архангельске и двинуть его через Волгу на Ярославль[1].

---

[1] См.: *Бройде С.М.* Ярославский мятеж. М., 1930. С. 40—41.

В том же 1922 г. на процессе правых эсеров бывший сотрудник французского генерального консульства Рене Маршан рассказал о некоторых деталях истории ярославского мятежа: «Савинков обратился через Готье (сотрудника французского консульства, поддерживавшего отношения с Савинковым. — *Д. Г.*) к французскому послу с просьбой о необходимости увеличения кредита ассигнований его организации, и Нуланс, который был чрезвычайно скуп, отказал. Когда Савинков стал настаивать, Нуланс через Готье сказал: «Передайте ему, что, пока он не докажет наконец, что он, по крайней мере, имеет где-нибудь людей, способных идти в бой, я ему больше ни одного су не дам...» Савинков, увидев, что нет возможности получать дальше кредиты, через Готье просил передать французскому послу, что он может сейчас выступить в двух городах: или в Калуге, или в Ярославле, по приказанию французского посла и по его выбору. Нуланс передал через Готье, что он выбирает Ярославль. На основании этого торга (я не могу назвать иначе) Савинков по приказу французского посла поднял ярославской восстание»[1].

В 1924 г. и сам Савинков рассказал на суде: «Французы в лице консула Гренара, военного атташе генерала Лаверня, которые действовали от имени французского посла Нуланса... заявили мне о том, что союзники полагают продолжать войну с Германией на русском фронте. Мне было заявлено, что для этой цели будет высажен англо-французский десант со значительными силами в Архангельске. Этот десант было предположено поддержать вооруженными выступлениями изнутри. План был такой: занять верхнюю Волгу, а французский десант поддержит восставших. Таким образом, верхняя Волга должна была быть занята для движения на Москву. Мы должны были занять Ярославль, Рыбинск, Кострому и

[1] ЦГАОР, ф. 1005, оп. 1-а, д. 362, л. 38—39.

Муром. Вологду французы, как они заявили, оставили за собою»[1].

«Союзники» финансировали савинковские организации. Сначала французы давали небольшими суммами — 40—100 тыс. рублей. Когда же речь зашла о восстании, тогда на это дело они сразу дали большую сумму,— 2 млн. рублей... «Но,— заявил Борис Савинков,— французы нас обманули. Десант в Архангельске не был высажен[2], и мы остались висеть в Ярославле. Восстание утратило смысл. Мы оказались в положении людей, обманутых иностранцами»[3].

В последнем слове Савинков выразил раскаяние и заявил, что окончательно отходит от антисоветчины. Он говорил: «Я признаю безоговорочно Советскую власть и никакой другой. И каждому русскому... человеку, который любит родину свою, я, прошедший всю эту кровавую и тяжкую борьбу с вами, я, отрицавший вас, как никто, я говорю ему: если ты... любишь свой народ, то преклонись перед рабочей и крестьянской властью и признай ее без оговорок»[4].

9 августа 1924 г. Военная коллегия Верховного Суда СССР признала доказанным, что Б. Савинков:

1. До Октябрьской революции, будучи комиссаром Временного правительства на Юго-Западном фронте, управляющим военным министерством в правительстве Керенского, членом Совета союза казачьих войск, активно и упорно противодействовал переходу земли, фабрик и всей полноты власти в руки рабочих и крестьян, призывал подавлять их борьбу самыми жестокими мерами и

---

[1] См.: Борис Савинков перед Военной коллегией Верховного Суда СССР. М., 1924. С. 57—58.

[2] Союзнический десант в Архангельске был высажен только 2 августа 1918 г., когда восстание было уже ликвидировано.

[3] См.: Борис Савинков перед Военной коллегией Верховного Суда СССР. С. 58.

[4] Там же. С. 144.

приказывал расстреливать солдат, не желавших вести войну за интересы империалистической буржуазии.

2. После Октябрьской революции пытался поднять казачьи полки в Петербурге для свержения рабоче-крестьянской власти, но, потерпев неудачу, бежал вслед за Керенским на Северный фронт и совместно с генералом Красновым активно боролся против восставших рабочих и крестьян, защищая интересы помещичье-капиталистической контрреволюции.

3. В конце 1917 г. и в начале 1918 г. принял активное участие в контрреволюции на Дону, сотрудничая с генералами Алексеевым, Калединым и Корниловым, которых убеждал в необходимости вести вооруженную борьбу против Советской власти, помогал формированию белой Добровольческой армии.

4. В начале 1918 г., явившись в Москву, создал контрреволюционную организацию «Союз защиты родины и свободы», в которую привлек участников тайной монархической организации, гвардейских и гренадерских офицеров. Созданная им организация имела своей целью свержение Советской власти путем вооруженных восстаний, террористических актов против членов рабоче-крестьянского правительства и получала материальную поддержку и руководящие указания от французского посла Нуланса.

5. Весной 1918 г., получив от чехословацкого политического деятеля Масарика через некоего Клецанду 200 тысяч рублей на ведение террористической работы, организовал слежку за В. И. Лениным и другими членами Советского правительства, но совершать террористические акты ему не удалось по причинам, от него не зависевшим.

Записи Масарика в дневнике о переговорах с Савинковым в Москве 2 и 5 марта 1918 г. подтверждают, что Савинков тогда информировал Масарика об имеющихся антисоветских организациях в разных городах России, об

их методах борьбы с Советской властью. Масарик добавил от себя: «Я могу предоставить некоторые фин. средства...»[1]

Ряд других документов подтверждает, что Савинков представлял президенту Чехословацкой буржуазной республики Масарику секретные сведения и в 1921—1922 гг. и получал от него финансовые средства на антисоветскую работу[2].

6. Получив разновременно весною 1918 г. от французского посла Нуланса около 2,5 миллиона рублей, по предложению того же Нуланса, в целях поддержки готовившегося англо-французского десанта в Белом море организовал, опираясь на офицерские отряды и «Союз защиты родины и свободы», при поддержке меньшевиков и местного купечества в начале июля 1918 г. вооруженные выступления в Ярославле, Муроме, Рыбинске и пытался поднять восстание в Костроме.

7. После ликвидации мятежей на верхней Волге бежал в Казань, занятую чехословаками, и принял участие в боевых действиях Каппеля в тылу красных войск.

8. В конце 1918 г. был представителем Колчака за границей и в течение 1919 г., посещая неоднократно Ллойд Джорджа, Черчилля и других министров Англии, получал для армии Колчака и Деникина большие партии обмундирования и снаряжения; находясь во главе бюро печати «Унион», распространял заведомо ложную информацию о Советской России и вел в печати агитацию за продолжение вооруженной борьбы капиталистических государств против Советской республики.

9. Во время советско-польской войны 1920 г., состоя председателем белогвардейского русского политического комитета в Варшаве, на польские средства и при содейст-

---

[1] Документы об антинародной и антинациональной политике Масарика. Перевод с чешского. М., 1964. С. 19—21.

[2] См. Документы об антинародной и антинациональной политике Масарика. С. 22—25.

вии французской военной миссии в Варшаве организовал так называемую «русскую народную армию» под начальством генерала Перемыкина и братьев Булак-Балаховичей, а осенью того же года после заключения перемирия между Советской Россией и Польшей лично принял участие в походе Булак-Балаховича на Мозырь.

10. В начале 1921 г. через специальное информационное бюро, во главе которого стоял его брат, Виктор Савинков, организовал военно-разведывательную работу на территории Советской России, передавал часть полученных сведений польскому генеральному штабу и французской военной миссии в Варшаве, получая за это денежные вознаграждения.

11. С 11 июля 1921 г. по начало 1923 г., став во главе восстановленного им «Народного союза защиты родины и свободы», неоднократно посылал в западные пограничные советские губернии вооруженные отряды, которые совершали налеты на исполкомы, кооперативы, склады, пускали под откос поезда, убивали советских работников, а также собирали сведения военного характера для передачи польской и французской разведкам.

12. В 1923 г. после разгрома большинства организаций «Народного союза», когда денежная поддержка, получаемая от Польши и Франции, сильно сократилась, пытался получить средства от Муссолини.

13. В августе 1924 г., желая лично проверить состояние контрреволюционных организаций на территории СССР, перешел с фальшивым документом советско-польскую границу.

За все эти преступления Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила Савинкова к высшей мере наказания — расстрелу. «Принимая, однако, во внимание, что Савинков признал на суде всю свою политическую деятельность с момента Октябрьского переворота ошибкой и заблуждением, приведшими его к ряду преступных

и изменнических действий против трудовых масс СССР, принимая, далее, во внимание проявленное Савинковым полное отречение и от целей, и от методов контрреволюционного и антисоветского движения, его разоблачения интервенционистов и вдохновителей террористических актов против деятелей Советской власти и признание им полного краха всех попыток свержения Советской власти, принимая, далее, во внимание заявление Савинкова о его готовности загладить свои преступления перед трудящимися массами... на службе трудовым массам СССР, — Верховный Суд постановил ходатайствовать перед Президиумом ЦИК СССР о смягчении настоящего приговора»[1].

Рассмотрев ходатайство Верховного Суда и учитывая заявление Савинкова о. полном отказе от какой бы то ни было борьбы против Советской власти, ЦИК СССР заменил Б. В. Савинкову высшую меру наказания лишением свободы на 10 лет[2].

Подводя итог своей борьбы против Советской власти, Борис Савинков вынужден был сказать: «Для меня теперь ясно, что, выбирая между всеми разновидностями бело-зеленого движения, с одной стороны, и Советской властью — с другой, русский народ выбирает Советскую власть... Всякая борьба против Советской власти не только бесплодна, но и вредна»[3].

Публичное раскаяние такого упорного и непримиримого врага Советской власти, как Борис Савинков, его разоблачения внутренней и внешней антисоветчины произвели большое впечатление во всем мире.

Бывшие сподвижники объявили Савинкова «предателем». В письмах из тюрьмы Савинков писал в ответ бывшим друзьям и родным: «Истина заключается в следующем: я прибыл в Россию и (по заслугам) был судим Вер-

---

[1] Борис Савинков перед Военной коллегией Верховного Суда СССР. С. 145—149.

[2] См. там же. С. 149—150.

[3] *Савинков Б.* Последние письма и статьи. М., 1926. С. 14.

ховным судом... Правда в том, что не большевики, а русский народ выбросил нас за границу, что (мы) боролись не против большевиков, а против народа... Когда-нибудь... это... поймут даже эмигрантские «вожди»[1].

И все же судебный процесс по делу Бориса Савинкова не раскрыл всех фактов его многочисленных преступлений против Советского государства и народа. В частности, Савинков ни слова не сказал на суде о своих преступных отношениях с английской разведкой. Уже после судебного процесса рядом данных было подтверждено, что он находился в тесных связях с английским разведчиком Сиднеем Рейли и «дипломатом» Локкартом.

В материалах английского Форин Оффиса недавно обнаружены доклады Локкарта о работе в Советской России. Они неопровержимо подтверждают связи Локкарта и других «союзных дипломатов» с Савинковым, участие разведывательных органов империалистической Антанты в организации и финансировании антисоветских заговоров и мятежей против Советской страны.

Вот, например, один из таких документов. 26 мая 1918 г. Локкарт направил в Форин Оффис телеграмму: «Сегодня я имел продолжительный разговор с одним из агентов Савинкова. Этот человек — я знаю его в течение многих лет, и ему можно абсолютно доверять — заявил, что контрреволюционные планы Савинкова всецело рассчитаны на осуществление союзной интервенции. Французская миссия полностью поддерживает эти планы и заверяет (Савинкова) в том, что решение об интервенции полностью принято. Савинков предлагает убить всех большевистских лидеров в тот момент, когда высадятся союзники, и сформировать правительство, которое в действительности будет военной диктатурой»[2]. Локкарт, далее, сообщал, что Савинков предлагал ввести в это «правительство» генерала Алексеева, адмирала Колчака,

---

[1] См.: *Савинков Б.* Последние письма и статьи. С. 7—8, 29.

[2] См.: Новая и новейшая история, 1976, № 5. С. 116.

бывшего царского министра Сазонова, лидера кадетов Кишкина, эсера Авксентьева и себя.

Этот документ раскрывает обстоятельства заговора «Союза защиты родины и свободы», поднятых Савинковым в июле 1918 г. антисоветских мятежей на Волге и участие в них агентов внешней антисоветчины. Несмотря на публичное раскаяние в суде, Борис Савинков никак не мог примириться со своим положением осужденного к лишению свободы. Он рассчитывал, что советские люди сразу простят все его преступления и он получит свободу. 7 мая 1925 г., через восемь месяцев после вынесения приговора, он обратился к Ф. Э. Дзержинскому с письмом, требуя немедленного освобождения из заключения. Администрация тюрьмы, приняв заявление Савинкова, высказала свое мнение о малой вероятности нового пересмотра приговора. Тогда Савинков, воспользовавшись отсутствием оконной решетки в комнате, где он находился по возвращении с прогулки, выбросился из окна пятого этажа во двор и разбился насмерть. Так закончил жизненный путь этот, по меткому выражению А. В. Луначарского, «артист авантюры».

Разгром антисоветских «атаманов»

1. Разгром антоновщины.

19 августа 1920 г. в селе Каменка Тамбовского уезда крестьяне отказались сдавать хлеб по продовольственной разверстке. Вскоре волнение охватило другие села Тамбовского, а затем Кирсановского, Козловского, Моршанского, Борисоглебского уездов Тамбовской губернии и частично Воронежскую губернию. Оно быстро переросло в открытое антисоветское вооруженное выступление. Вначале во главе движения стояли местные вожаки, затем к нему присоединился и возглавил его небезызвест-

ный в Тамбовской губернии А. С. Антонов, по имени которого движение получило название антоновщины[1].

Антонов, происходивший из села Инжавино Кирсановского уезда, в свое время был членом эсеровской партии и отбывал при царизме наказание за экспроприации. После Февральской революции 1917 г. он служил в Кирсанове начальником уездной милиции, а в советское время, захватив в милиции оружие, со своими сподвижниками — милиционером Трескинской волости Петром Токмаковым и членом партии эсеров с 1905 г. Иваном Ишиным — сколотил небольшую шайку из дезертиров и уголовников для борьбы с Советской властью. Он изображал себя «идейным противником» большевиков, но не был организационно связан с какой-либо политической партией, а действовал на свой страх и риск методами бандитизма: убивал коммунистов, продработников, громил и грабил советские учреждения и хозяйства. Летом 1919 г. в банде Антонова насчитывалось уже около 150 человек. Этот авантюрист использовал начавшееся в связи с продразверсткой волнение среди крестьян и своими демагогическими обещаниями и агитацией вовлекал их в свою банду. В нее стали вливаться кулаки, некоторые недовольные продразверсткой крестьяне-середняки, белогвардейские элементы и насильно втянутое в антисоветское движение население. В распоряжении Антонова оказалось большое количество оружия.

Антонов разбил свое «войско» на две «армии». В «первую армию», командовать которой он поставил бывшего полковника царской армии Александра Богуславского, входило 9 «полков». Во «вторую армию», под командованием бывшего подпоручика царской армии Петра Токмакова, входило 4 «полка». Кроме того, под личным командованием Антонова состояли сформированные им не-

---

[1] В Воронежской губернии орудовали кулацкие банды под предводительством кулака И. С. Колесникова. Они действовали самостоятельно и входили в состав антоновцев.

сколько отборных особых конных «полков» — оплот антоновщины. Все эти вооруженные силы строились по территориальному принципу: в «полки» (Каменский, Кирсановский, Семеновский и т. д.), состоявшие из 400—1000 человек, включались жители определенного села, района, население которого должно было снабжать эти полки фуражом, продовольствием, лошадьми и пополнять людьми. Во главе мятежных формирований стоял так называемый «главный оперативный штаб революционной народной армии», в состав которого входили Антонов (начальник «штаба»), Токмаков, Богуславский и другие «высшие командиры». Для политической работы среди «войска» и населения Антонов образовал Тамбовский губернский «Союз трудового крестьянства» (он помещался в селе Каменка) во главе с И. Е. Ишиным и вожаком восстания в Каменке местным кулаком Г. Н. Плужниковым. «Союз трудового крестьянства» создавал низовые организации в селах, охваченных мятежом, канцелярии, агитационный аппарат, вооруженную милицию для внутренней охраны.

Антоновцы агитировали за образование в стране некоего «крестьянского государства» и обещали в нем всему населению «жирную жизнь». В листовке, распространенной среди крестьян, брат Антонова Дмитрий сложил безграмотное «стихотворение», в котором, между прочим, призывал: «Давайте вместе вести борьбу... Устроим похорошему жизнь свою... Пусть пламя восстания горит ярче. Народ восстал спасать себя. Этот пожар впереди жирную жизнь сулит... Да здравствует союз всех крестьян... Да здравствует вождь наш Антонов»[1].

Антоновское движение, разрастаясь, все более приобретало характер политического бандитизма. Антоновцы

---

[1] Антоновщина. Сборник статей, очерков, воспоминаний и других материалов к истории эсеро-бандитизма в Тамбовской губернии. Тамбов, 1923. С. 32.

зверски расправлялись с коммунистами, продработниками, советскими активистами, грабили советские хозяйства и учреждения. За время мятежа они убили и замучили около 2 тысяч человек. Особенной жестокостью отличался приятель Антонова — «командир» одного из подразделений банды, известный уголовник Васька Карась. Очевидец, побывавший в Тамбовской губернии, в декабре 1920 г. докладывал в ЦК РКП(б) и ВЧК: «В деревнях при поимке товарищей коммунистов они терзают их, отрезая сперва конечности, выкалывая глаза, вскрывают живот и, набивая бумагой и опилками, зажигают живые факелы; насытившись вдоволь муками своих жертв, они изрубливают их и оставляют трупы на земле для кормежки собак, и под страхом смерти никто не смеет убрать трупы, пока банда не скроется. Жертвою этих зверей падают не только товарищи коммунисты, но также и их семьи, и их имущество, и сами жилища сжигаются дотла»[1]. Участник восстания старый эсер Ф. Подхватилин, разочаровавшийся в «движении» и добровольно сдавшийся советским властям, говорил: «Заговорщики и главари бандитизма — это люди в большинстве своем полуграмотные, крайне грубые и невежественные... Большинство руководителей выпущенной программы восстания не понимает... Они не придерживались ее в своей работе и действиях. Грабеж, пьянство, насилие, безразборчивые убийства и расстрелы тружеников — вот, по существу, их «программа»[2].

Вначале местные партийные и советские организации вели борьбу с антоновщиной недостаточно эффективно, и мятеж принял затяжной характер. ЦК РКП(б) и лично В. И. Ленин неоднократно требовали от тамбовских властей скорейшей ликвидации бандитизма, развертывания политической работы среди населения; из центра в Там-

---

[1] Приведено И. П. Донковым в работе «Антоновщина: замыслы и действительность». М., 1977. С. 29.

[2] Тамбовская правда, 1922, 2 июня.

бов посылались воинские части. 2 февраля 1921г. Политбюро ЦК РКП (б) рассмотрело вопрос о событиях в Тамбовской губернии. Были приняты решения усилить политическое руководство в губернии, развернуть там работу с целью оторвать крестьян от антоновских банд, снизить объем продовольственной разверстки, взыскиваемой с крестьян Тамбовщины, послать в Тамбов полномочную комиссию ВЦИК во главе с В. А. Антоновым-Овсеенко и командировать для работы в Тамбовской губернии большую группу партработников.

12 февраля 1921 г. Центральная междуведомственная комиссия по борьбе с бандитизмом под председательством Ф. Э. Дзержинского постановила усилить Тамбовскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией. Туда был командирован особоуполномоченный ВЧК Я. Б. Левин с группой чекистов, а начальником губчека назначен опытный чекист М. Д. Антонов.

Комиссия ВЦИК приступила к работе в Тамбове с 16 февраля 1921 г. На основании постановления Советского правительства крестьяне Тамбовщины были освобождены от дальнейшего выполнения плана продразверстки, в губернии разрешена свободная торговля хлебом (по решению X съезда РКП (б) Советское правительство объявило о полной отмене в стране продовольственной разверстки и замене ее продовольственным налогом). Комиссия ВЦИКа и местные организации развернули широкую разъяснительную работу среди крестьян. Объявили двухнедельник (с 21 марта по 5 апреля) добровольной явки с повинной крестьян, вовлеченных в антисоветские выступления: их освобождали от наказания за их прошлые преступные деяния. Все эти политические мероприятия положительно повлияли на крестьянские массы. Наметился явный перелом в их настроениях. В Борисоглебском уезде, например, явились с повинной около трех тысяч крестьян, ушедших из антоновских банд. Все добровольно явившиеся были освобождены от наказания.

Однако антоновские «активисты» продолжали бандитские действия. Теряя влияние среди крестьян, они стали терроризировать и насильно принуждать их участвовать в мятеже. 27 апреля 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б), учитывая изменение настроений крестьянства и начинающееся разложение антоновских банд, поставило перед командованием Красной Армии задачу ликвидировать бандитизм в Тамбовской губернии в течение месяца. В пораженные антоновщиной районы прибыли дополнительные войска, командующим всеми вооруженными силами на Тамбовщине по предложению В. И. Ленина стал М. Н. Тухачевский, а его заместителем И. П. Уборевич. Среди направленных в Тамбовскую губернию войск была и отдельная кавалерийская бригада прославленного героя гражданской войны Г. И. Котовского.

Главный штаб Красной Армии и руководство ВЧК разработали оперативный план быстрого разгрома антоновских банд. Видное место в плане отводилось чекистским мероприятиям. Чекисты, действуя вместе с войсками, должны были вести разведку в антоновском лагере, в освобожденных районах вылавливать скрывающихся бандитов и содействовать восстановлению работы советских учреждений. Ставилась задача проникнуть в лагерь антоновцев, захватить вожаков движения. Исполнение этих мероприятий поручалось работникам Секретного отдела ВЧК, которым в то время руководил Т. П. Самсонов, и чекистам Тамбовской и Воронежской губерний. Для ведения разведывательной работы в банды были направлены специальные агенты и оперативные работники, среди которых особенно отличался Е. Ф. Муравьев. Под видом председателя Воронежского комитета и члена Центрального комитета левоэсеровской партии Петровича он проник в лагерь антоновцев, вошел в доверие к их главарям и, пробыв среди них полтора месяца (май — июнь 1921 г.), успешно выполнял задание.

Об интересных деталях чекистских операций впоследствии рассказал секретарь Тамбовского губкома РКП(б) Б. А. Васильев. «Осенью 1920 года в Тамбове, — писал он, — были ликвидированы два областных эсеровских комитета, которые политически руководили восстанием. После этого разгрома, по всем данным, в городе не было эсеровской организации... Между тем антоновский главный оперативный штаб и волостные повстанческие организации получали из Тамбова весьма точные сведения о передвижениях Красной Армии. Из Тамбова же приходили в деревню политические директивы повстанцам и призывы не падать духом, так как «помощь близка», «в Москве и Питере власть большевиков уже свергнута» и т. д. В целях обнаружения источника и авторов этих документов были сделаны по Тамбову изъятия политически подозрительного элемента. Они обнаружили... что ключ к разгадке на этот раз надо искать не среди эсеров или меньшевиков, а правее.

Искусными приемами, пользуясь эсерами, которые перешли на нашу сторону, Чека раскрыла «секрет». Оказалось, что фактическим руководителем главного оперативного штаба повстанческой армии был некий Федоров — бывший тамбовский присяжный поверенный, бывший домовладелец и землевладелец, устроившийся под видом представителя Петроградской конторы по закупке лошадей... Федоров чрезвычайно искусно конспирировал. Он имел несколько квартир, держал связь с совработниками, изображал из себя самого последнего спекулянта, которому в высокой степени наплевать на все политические вопросы. Спекулянтом Федоров слыл недаром. Он широко спекулировал золотом и драгоценными камнями, а в последнее время еще и лошадьми, которые бандиты сдавали ему на комиссию для продажи. От бандитов Федоров тщательно скрывал свою настоящую физиономию. Для них он был «товарищ Горский», представитель центрального эсеровского комитета».

Для ликвидации шпионской деятельности Д. Ф. Федорова чекисты провели сложную операцию. Выступая под видом антоновцев, они вошли в доверие к Федорову и направили его в Москву для переговоров о совместной деятельности антоновцев с руководством некоей антисоветской «московской организации», могущей помочь антоновскому движению. Федорову дали «явку» в Москве... и он попал в чекистскую «ловушку»: в качестве «руководящего деятеля московской организации» в Москве его встретил начальник Секретного отдела ВЧК Т. П. Самсонов.

Федоров подробно рассказал Самсонову о состоянии и планах антоновского движения, после чего был арестован. Разоблаченный шпион вынужден был сознаться в своей преступной деятельности. Тогда-то и выяснилось, что он исподволь, втайне направлял антоновское движение в кадетское русло и пытался в этих целях связаться с центром кадетской партии через известного ему члена ЦК партии кадетов, бывшего крупного тамбовскою землевладельца Н. М. Кишкина, проживавшего в Москве и работавшего в то время во Всероссийском комитете помощи голодающим[1]. В чекистскую «ловушку» попал и начальник контрразведки антоновского штаба Н. Я. Герасев («Донской»). По указанию чекистского агента Е. Ф. Муравьева Герасев приехал в Москву, чтобы принять участие в оперативном совещании «штаба московских боевых сил» и в подготовке «всероссийского съезда повстанческих отрядов». И опять, как и в случае с Федоровым, Герасев попал на конспиративную квартиру ВЧК. Его встретил все тот же Т. П. Самсонов и его сотрудники. Они сумели получить от Герасева обстоятельный доклад о положении дел у антоновцев, о их намерениях и арестовали его.

---

[1] См.: Антоновщина. Сборник статей, очерков, воспоминаний и других материалов к истории эсеро-бандитизма в Тамбовской губернии. Воспоминания Б. Васильева. С. 14–18; Сообщение ВЧК о раскрытии дела Всероссийского комитета помощи голодающим, опубликованное в «Известиях ЦИК» 8 сентября 1921 г.

Наконец, «член ЦК левоэсеровской партии Петрович» провел собрание антоновцев для выбора делегатов на «всероссийский съезд» повстанцев в Москве. «Делегатами» стали один из военных руководителей антоновцев, бывший штабс-капитан Павел Эктов и «начальник политотдела» Иван Ишин. Кроме того, с ними должны были выехать «для получения в Туле оружия» двадцать отборных бандитов и Е. Ф. Муравьев. Их встретили в Москве чекисты под руководством помощника начальника Секретного отдела ВЧК Т. Д. Дерибаса. Антоновцы многое рассказали «членам штаба» контрреволюционной организации (а на самом деле чекистам) и были арестованы[1].

Вожаки банды (за исключением Антонова, который в тот период оказался вне поля зрения чекистов) понесли заслуженное наказание. Только Павел Эктов был помилован; он оказал впоследствии серьезные услуги при ликвидации антоновщины.

Между тем в конце мая 1921 г. командующий советскими войсками М. Н. Тухачевский приступил к решительным боевым действиям против банд антоновцев. Первый удар был нанесен в районе станции Инжавино по «второй армии» антоновцев, возглавляемой Антоновым. Против бандитов действовали конные части: бригада Г. И. Котовского, 14-я отдельная кавалерийская бригада, 7-е Борисоглебские кавалерийские курсы и другие части под общим командованием И. П. Уборевича. Бои продолжались с 29 мая по 7 июня 1921 г., в результате «вторая армия» была разгромлена. Раненый Антонов с небольшим отрядом бандитов бежал.

Затем начались операции против «первой армии» антоновцев под командованием бывшего полковника Богуславского. Она была окружена в Тамбовском уезде, но 14 июня ушла за Дон, а затем, преследуемая частями Крас-

---

[1] См. воспоминания Е. Муравьева «Полтора месяца в стане антоновцев» и Т. Самсонова «Волки гибнут в капканах», опубликованные в сборнике «Особое задание». М., 1968. С. 212—243.

ной Армии, оказалась в Воронежской губернии. 20 июня около г. Урюпинска (Борисоглебского уезда) советские войска настигли антоновцев, и «первая армия» была полностью уничтожена. В одном из боев Богуславский был ранен, пытался бежать, но метким выстрелом одного из бойцов автоброневого отряда ВЧК (под командованием Ю. В. Кононко) был убит.

В дальнейшем разгром мелких групп и шаек бандитов продолжался. Преследуемые воинскими частями, чекистами, добровольческими отрядами рабочих и крестьян, проклинаемые крестьянами, антоновцы разлагались. Втянутые в банды крестьяне массами уходили от Антонова, являлись с повинной к советским властям, многие из них приняли участие в боевых действиях против бандитов.

Упорно сопротивлялась «столица» антоновцев — село Каменка. Но и здесь в июне 1921 г. местные крестьяне рассказали воинам Красной Армии и чекистам о местонахождении подземелья, в котором скрывались члены губернского и уездного комитетов «Союза трудового крестьянства». Подземелье было окружено, взято, и там захвачено до 80 «активистов» антоновского движения. В подземелье обнаружены также важные документы канцелярии «Союза трудового крестьянства». 75 «активистов»-антоновцев из Каменки добровольно сдались. Инициатор восстания Г. Н. Плужников был обнаружен крестьянами в лесах района и убит при задержании.

Подводя итоги боев с антоновцами, командующий отдельной конной группой по борьбе с антоновщиной К. В. Бриммер приводил впоследствии следующие цифры потерь бандитов: «С 28 мая по 26 июля добровольно явилось бандитов: с оружием — 1260, без оружия — 4325. Взято в облавах: с оружием — 572, без оружия — 4713, взято в плен в боях 985, убито в боях 4515. Всего — 16 370»[1].

---

[1] См.: Антоновщина. Сборник статей, очерков, воспоминаний и других материалов к истории эсеро-бандитизма в Тамбовской губернии. Статья К. В. Бриммера «Последний период борьбы». С. 55.

Последняя крупная банда антоновцев (около 500 человек) под предводительством бывшего вахмистра Ивана Матюхина была разбита отрядом Г. И. Котовского в июле 1921 г. Отряд Котовского под видом антисоветской банды — «отряда казачьего атамана Фролова», прорвавшегося с Дона и Кубани, вступил в контакт с бандой Матюхина «для совместной борьбы против Советской власти». Г. И. Котовский, принимавший личное участие в этой операции, сыграл роль «белогвардейского казачьего атамана», а бойцы его отряда — роль казаков. Участие в этой операции принял бывший офицер, служивший у Антонова, Павел Эктов, арестованный ВЧК. По указанию ВЧК Эктов, об аресте которого Матюхин не знал, вместе с отрядом Котовского вошел в расположение банды Матюхина, связался с ее участниками, представил Матюхину Г. И. Котовского как «казачьего атамана Фролова» и рекомендовал вступить в контакт с ним. 20 июля в деревне Кобылинка произошла встреча обоих располагавшихся там отрядов. По этому случаю собрались для встречи члены «штаба» матюхинской банды и комсостав «отряда казаков Фролова». Когда все собрались, Г. И. Котовский и его товарищи в короткой перестрелке уничтожили «штаб» матюхинской банды. А после этого сигнала конники Котовского разгромили всю банду. Только немногим бандитам и раненому Матюхину удалось бежать. Во время этой операции был ранен и Г. И. Котовский[1].

Матюхин вскоре снова образовал банду из, уцелевших антоновцев. В сентябре 1921 г. она была окончательно ликвидирована. Отважные чекисты В. Г. Белугин и Ч. М. Тузинкевич проникли в эту банду, вошли в доверие к ее главарю, а затем в условленный момент вызвали из Тамбова отряд красноармейцев, который по данному ими сигналу напал и разгромил бандитов. При этом сотрудник Особого отдела армии В. Г. Белугин лично за-

[1] См. воспоминания Г. И. Котовского в сборнике «Особое задание». М., 1968. С. 244—251.

стрелил главаря банды Матюхина. Другой чекист, Чеслав Тузинкевич, геройски погиб в этом бою.

Наконец наступил и конец вожака мятежа Антонова, который скрывался в тамбовских лесах. 24 июня 1922 г. в селе Нижний Шибряй Борисоглебского уезда отряду Тамбовского губернского отдела ГПУ под командованием М. И. Покалюхина удалось выследить Александра Антонова, укрывавшегося со своим братом Дмитрием в избе Н. И. Катасоновой. При попытке задержать их Антоновы оказали вооруженное сопротивление и оба были убиты в перестрелке. В чекистском отряде по поимке Антоновых участвовали и бывшие антоновцы. Один из них, Михаил Ярцев, и застрелил вожаков бандитизма. Крестьяне благодарили чекистов за избавление от антоновщины.

2. Конец дутовщины.

Весною 1920 г. после крушения колчаковщины разгромленные Красной Армией отряды атамана оренбургского казачьего войска А. И. Дутова были включены в «Отдельную Семиреченскую армию» Б. В. Анненкова и вместе с него перешли китайскую границу. Они расположились в землянках вблизи города Чугучака, а некоторая часть в самом городе.

Скопившаяся на китайской территории масса разбитых антисоветчиков представляла собою угрозу для Советской страны, в частности для соседнего Семиречья. Это скопище было опасно и для китайских властей. Обнищавшие, потерявшие надежду на лучшее будущее, люди озверели, теряли всякое представление о совести, чести, добре и зле.

В начале 1924 г. атаман Дутов задумал объединить все остатки русской военной антисоветчины в Китае. Неоднократно битый Красной Армией, он вновь ввязывался в борьбу с Советской властью. Дутов установил контакты с антисоветскими зарубежными организациями, с Врангелем, с английской разведывательной службой, с басма-

чами и готовился к крупным военным операциям против Советской страны.

В октябре 1920 г. в письме к командующему ферганскими басмачами Иргашу Дутов писал: «Еще летом 1918 г. от Вас прибыл ко мне в Оренбург человек с поручением от Вас — связаться и действовать вместе. Я послал с ним Вам письмо, подарки: серебряную шашку и бархатный халат в знак нашей дружбы и боевой работы вместе. Но, очевидно, человек этот до Вас не дошел. Ваше предложение — работать вместе — мною было доложено Войсковому правительству Оренбургского казачьего войска, и оно постановлением своим зачислило Вас в оренбургские казаки и пожаловало Вас чином есаула. В 1919 г. летом ко мне прибыл генерал Зайцев, который передал Ваш поклон мне. Я, пользуясь тем, что из Омска от адмирала Колчака едет миссия в Хиву и Бухару, послал с нею Вам письмо, халат с есаульскими эполетами, погоны и серебряное оружие и мою фотографию, но эта миссия, по слухам, до Вас не доехала. В третий раз пытаюсь связаться с Вами. Ныне я нахожусь на границе Китая и Джаркента в г. Суйдун. Со мной отряд всего до 6000 человек. Теперь я жду только случая ударить на Джаркент. Для этого нужна связь с Вами и общность действий. Буду ждать Вашего любезного ответа».

Надо было обезвредить Дутова. Советские чекисты задумали «выманить» Дутова на советскую землю или похитить его и за все его злодеяния предать суду. Для этого необходимо было проникнуть в расположение Дутова, войти в доверие к лицам, окружавшим его, и изыскать способ доставить Дутова на советскую сторону. Эту сложную задачу поручили группе чекистов, в том числе Касымхану Чанышеву, у которого были родственники на китайской территории и который мог поэтому появиться там, не вызывая подозрений.

Касымхан Чанышев перешел границу и прибыл в Кульджу. Там он встретил друга детства, служившего

переводчиком у Дутова, и через него добился свидания с последним. Он сыграл роль «недовольного Советской властью» и предложил Дутову свои услуги для работы в советском тылу. Весьма подозрительный по натуре, генерал, однако, поверил Чанышеву и дал ему задание вернуться в Джаркент, приступить к подготовке восстания, подробно информировать его о положении дел и поддерживать с ним постоянную связь через доверенных людей. Дутов предупредил Чанышева, что в случае измены найдет его «даже на дне моря» и расстреляет.

Завязалась «игра» чекистов с Дутовым. В нее был включен в качестве «связного» между Чанышевым и Дутовым чекист Махмуд Ходжамиаров. Последний стал приносить с советской стороны интересующие Дутова «сведения», а для Чанышева от Дутова — указания и антисоветские листовки. Дутов также послал в помощь Чанышеву своего агента. В «игру» были включены и другие чекисты, получившие таким путем доступ к Дутову. Чанышев завоевал доверие атамана.

В январе 1921 г. чекисты решили приступить к завершению операции по захвату Дутова. Ее назначили на 6 февраля 1921 г. Авторы книги «Из истории органов государственной безопасности Узбекистана» Р. Арипов и Н. Мильштейн на основании документальных материалов подробно описали проведенную операцию. В намеченный день в крепости Суйпуне собрались тщательно проинструктированные участники операции; каждый из них четко знал свои обязанности. У ворот крепости с лошадьми дежурили Азиз Ашурбакиев, Кудек Баймысаков и Юсуп Кадыров. Ходжамиарову предстояло пройти с письмом от Чанышева к Дутову, а Баймысакову — «убрать» часового, стоявшего у дверей квартиры Дутова. Передавая письмо Дутову, Ходжамиаров должен был ударом в голову оглушить его, а затем вместе с Баймысаковым втиснуть атамана в мешок и нести к лошадям. Если бы кто-нибудь заинтересовался содержимым мешка,

участникам операции следовало ответить, что они несут полученные воззвания. Сам Чанышев должен был находиться неподалеку от дверей караульного помещения и в случае необходимости открыть огонь по окну и двери помещения и задержать конвой.

Войдя к Дутову, Ходжамиаров передал ему письмо следующего содержания: «Господин атаман, хватит нам ждать, пора начинать. Все сделал. Готовы. Ждем только первого выстрела, тогда и мы спать не будем. Ваш Чанышев». В ту минуту, когда Дутов начал читать письмо, Ходжамиаров ударом оглушил его и сразу же позвал Баймысакова. Но тут в комнату неожиданно вошел адъютант Дутова, который, проходя мимо, заметил отсутствие часового. Увидев в комнате Ходжамиарова и Баймысакова, которые склонились над оглушенным атаманом, адъютант выхватил оружие, но был убит успевшим выстрелить раньше Баймысаковым.

Конвоиры пытались выбежать из караульного помещения, но путь им преградил Чанышев. Ходжамиаров, видя, что похитить в такой обстановке Дутова невозможно, выстрелом в упор убил атамана. Убедившись, что Дутов мертв, Ходжамиаров и Баймысаков выпрыгнули через окно во двор и бросились к воротам крепости. К ним присоединился и Чанышев. Все трое вскочили на коней и, отстреливаясь, галопом помчались к границе. Вскоре они были в безопасности[1].

Настала очередь покончить и с антисоветским скопищем, образовавшимся в Китае. Один из участников событий, бывший белый эмигрант, впоследствии писал: «Весною 1921 г. в Чугучаке наступил настоящий голод... Ежедневно на улицах умирали люди, трупы которых по нескольку дней никем не убирались, — они лежали, скорчившись, в арыках, на скамейках около земляных стен.

---

[1] См.: *Арипов Р., Мильштейн Н.* Из истории органов госбезопасности Узбекистана. (Документальные очерки истории 1917—1930 гг.). С. 118.

Нищих и больных появилось ужасающее количество. С раннего утра до вечера они шли беспрерывной вереницей, и у дверей все время слышался несмолкаемый стон: «О-ой баибича, ой бай, ой баяй» — или русское: «Подайте милостинку Христа ради». Вглядываясь в лица русских, лишь с трудом можно было узнать в этих лохматых, сгорбленных, дрожащих фигурах знакомых людей: «Вот этот полуголый, хрипло скулящий «Христа ради»... бывший сельский хозяин, за ним дикий, косматый субъект в опорках — бывший инженер, дальше офицер, он почти беспрерывно плачет, вот учитель, вот окончивший консерваторию музыкант, лесничий, женщина с двумя ребятишками, за ней еще и еще... Они ходят по улицам Чугучака, одни из них просят милостыню, другие еще не просят, но скоро будут просить...»

Заканчивая свое повествование, автор писал: «...Подавляющее большинство не понимало, за что, почему и с кем они боролись; не понимало в широком значении этого слова, т. к. многие боролись за свои личные интересы, но, так сказать, в глубину не видели ничего... Страдания учат многому. Военную диктатуру, власть буржуазии и бюрократии люди изучили хорошо. Дикость и никудышность их стояли у каждого перед глазами. Во времена колчаковщины, а в особенности там, в далеком Китае, все приняло простые, ясные формы, все обнажилось. Стесняться было нечего, и перед людьми во всем великолепии выступило все, скрытое раньше под громкими фразами, размалеванными декорациями и пустым слоем грима. В Китае спали последние покровы, румяна и белила слиняли, и под ними показалось дряблое, гнусное, отжившее лицо...»[1] Это была безнадежность людей, потерявших родину.

Советское правительство решило предпринять операцию по ликвидации русской антисоветчины в Китае и возвращению этих отчаявшихся людей к мирной жизни

---

[1] Сибирские огни, 1923, № 1—2. С. 106—107, 109—110.

на родине. 24 мая 1921 г. части Красной Армии по соглашению с китайскими властями перешли границу и двинулись на лагери белогвардейцев. Многие из этих людей были взяты в плен и переброшены на советскую территорию. Здесь они постепенно включались в мирную жизнь страны.

3. Дело Унгерна.

Среди многочисленных и разных врагов советского государства, действовавших в первые годы Советской власти, особое место принадлежит барону Р. Ф. Унгерну фон Штернбергу. Этот отпрыск древнего рода прибалтийских баронов, предки которого состояли членами ордена меченосцев и участвовали в крестовых походах, являлся одним из злейших врагов советского строя.

Военная карьера барона, служившего в русских войсках и до революции, была связана с Забайкальем. Сюда он вместе с казачьим атаманом Семеновым был послан после революции Керенским для формирования бурятских полков. В годы гражданской войны Унгерн фон Штернберг подавлял народные движения в Сибири и Забайкалье. За эти «заслуги» Семенов присвоил своему помощнику, 35-летнему Унгерну, чин генерал-лейтенанта. В 1920 г. барон, расставшись с Семеновым и разбитыми Красной Армией колчаковцами, самостоятельно организовал вооруженную банду из русских казаков-монархистов, антисоветски настроенных монголов, китайцев, бурят и японцев. Местом своей деятельности он избрал Монголию. Здесь хозяйничали тогда китайские милитаристы, ликвидировавшие остатки монгольской автономии. Глава ламаистской церкви «живой бог» — богдогэгэн вместе с монгольской феодальной знатью пресмыкался перед чиновниками пекинского правительства.

Однако в стране поднималось мощное народно-освободительное движение, руководимое Монгольской народно-революционной партией во главе с Сухэ-Батором.

Барон Унгерн, хорошо знавший обстановку в Монголии, играя на национальных чувствах монгольского народа, выдвинул лозунг «освобождения» страны и восстановления ее автономии. Он сумел воздействовать на богдыхана, которого насильно привез в свой штаб, и заручился обещанием его поддержки. В конце 1920 г. Унгерн со своей бандой двинулся в Монголию. В феврале следующего года он захватил ее столицу — Ургу и восстановил богдогэгэна на престоле. Фактически диктатором в стране стал он сам.

В Урге окончательно оформились «философия» и политическое кредо барона. Отпрыск христианских рыцарей-крестоносцев, сокрушавших неверных «за веру Христову», барон Унгерн выступил против европейского «гнилого Запада» и выдвинул идею... воссоздания «Срединной Азиатской империи», подобной империи Чингисхана, чей образ он избрал своим идеалом. Эта империя должна была объединить под властью свергнутой народом в Китае маньчжурской династии Цин все территории, на которых жили племена «монгольского корня», — Китай, Маньчжурию, Монголию, Тибет и некоторые области Советского Туркестана. В последующем барон мечтал восстановить монархию в России и во всем мире.

Будущее человечества представлялось Унгерну весьма просто. Власть в государствах должна принадлежать монархам, опирающимся на дворян и аристократию; порядок в стране должен поддерживаться силой; за нарушение дисциплины и веры в бога применять телесные наказания (до 100 ударов палками или кнутом) и казни.

Унгерн сносился с китайскими генералами, боровшимися против революционного движения в Китае (Чжан Цзолином); с маньчжурским принцем — претендентом на престол в Срединном царстве; с феодальной верхушкой монгольских племен. Как средневековый рыцарь, он предлагал им свою саблю и службу: писал письма, приглашал объединиться во имя не дававшей ему покоя «идеи».

В письме, направленном главам киргизских племен, Унгерн писал: «Зная хорошо Запад, где родились гибельные учения большевизма и коммунизма, зная западную культуру, оценивая пользу и вред, идущие оттуда, я ясно вижу, что монгольским племенам, где бы они ни жили, грозит смертельная опасность как со стороны русской, так и со стороны китайской революции...

Надо спасаться и начать борьбу...

Борьба эта — в объединении всех племен Внешней и Внутренней Монголии, управляемой ныне Богдогэгэном и его правительством в Урге.

Дальнейшей задачей — соединение всех племен и верований монгольского корня в одно независимое могущественное Срединное государство, которое будет, как ветвь огромного дерева, питаться от могучего древнего древа, верное прежним заветам Срединной империи, возглавляемое императором из кочевой Маньчжурской династии, носительницы веры, верности и любви ко всем народам Великого Могола»[1].

В письме одному из китайских генералов он так формулировал свои замыслы: «Следующий этап организационной работы в Азии, работы, идущей под лозунгом «Азия для азиатов», является образование Срединного Монгольского царства, в которое должны войти все монгольские народы. Я уже начал сношения с киргизами и отправляю письмо влиятельному деятелю Алаш-Орды, бывшему члену Государственной думы, очень образованному киргизскому патриоту, потомку наследственных ханов Букеевской орды (от Иртыша до Волги) — А. М. Букейхану.

Необходимо Вам из Пекина действовать в этом направлении на Тибет, (Восточный) Туркестан и особенно в первую очередь на Синсян (Синьцзян. — *Д. Г.*)...

---

[1] *Ярославский Ем.* Барон Роман Унгерн фон Штернберг. Пг., 1922. С. 6, 151

Необходимо подчеркнуть во всех сношениях необходимость спасения Китая от революционной смерти путем восстановления маньчжурской династии Цинов».

«В окончательном восстановлении династии Цинов, — писал Унгерн, — я вижу меру борьбы с мировой революцией».

Унгерн понимал, что восстановление монархии в России — дело очень трудное, и поэтому, предлагая свою службу китайскому реакционному генералу, писал ему: «Сейчас думать о восстановлении царей Европы из-за испорченности европейской науки и вследствие испорченности этих народов, обезумевших под идеями социализма, невозможно. Пока возможно только начать восстановление Срединного царства и народов, соприкасающихся с ним, до Каспийского моря и только тогда начать восстановление Российской монархии, если народ к тому времени образумится. А если нет, то и его покорить».

Замыслы Унгерна явно приходились по душе японским милитаристам, мечтавшим о создании под протекторатом Японии государства в составе Монголии, Маньчжурии, Тибета и некоторых русских дальневосточных областей. Как ни старался барон доказать самобытность своих «идей», они, по существу, совпадали с позицией японских милитаристов и с честолюбивыми мечтами потомков восточных деспотов. Недаром маньчжурский принц, претендент на престол в будущей «Срединной Азиатской империи», в ознаменование «заслуг» Унгерна издал «милостивый указ», по которому барону предоставлялось право иметь паланкин зеленого цвета, красновато-желтую курму, желтые поводья, трехочковое павлинье перо и присваивалось звание «Дающий развитие государству Великий Герой». А глава ламаистской церкви богдогэгэн присвоил ему высший княжеский титул в Монголии — «Ван».

К маю 1921 г., кочуя со своей бандой по монгольским степям, грабя местное население, Унгерн почти исчерпал средства «кормления». 21 мая он издал приказ о наступ-

лении против Красной Армии в советской Сибири. Приказ этот являл собою документ, в котором причудливо переплетались «философские» разглагольствования Унгерна и его религиозно-мистические рассуждения. Русский народ, говорилось в приказе, «в недрах своей души преданный вере, царям и отечеству», под влиянием интеллигенции и «неприменимых принципов революционной культуры... революционных бурь с Запада» начал, по мнению Унгерна, «сбиваться с прямого пути», и Российская империя распалась. «Россию,— проповедовал барон,— надо строить заново». И вот как он предлагал это сделать. «Ему (народу. — *Д. Г.*),— писал Унгерн,— нужны имена, имена всем известные, дорогие и чтимые. Такое имя лишь одно — законный хозяин земли русской — император всероссийский Михаил Александрович». Эту кандидатуру в цари он и выдвинул, ссылаясь на... Евангелие. Когда впоследствии дознавались, почему он это сделал, Унгерн отвечал: «Я верю в Евангелие. По Евангелию выходит (глава XI.—*Д. Г.*), что есть предсказание пророка Даниила,— это должно быть в июле 1921 г.— пришествие Михаила. На этих предположениях мы стоим...»

В том же приказе Унгерн предписывал своим войскам во время похода «комиссаров, коммунистов и евреев уничтожать вместе с семьями. Все имущество их конфисковать». «Мера наказания может быть лишь одна — смертная казнь разных степеней... Единоличным начальникам, карающим преступника, помнить об искоренении зла до конца и навсегда и о том, что неуклонность в суровости суда ведет к миру, к которому мы все стремимся, как к высшему дару неба».

«Продовольствие и другое снабжение конфисковать у тех жителей, у которых оно не было взято красными»[1].

---

[1] См.: Революция на Дальнем Востоке, М.-Пг., 1923. Вып. 1. С. 429, 430, 431, 432.

Унгерн утверждал в приказе, что в походе против Красной Армии на широком фронте от Маньчжурии до Туркестана примут участие также войска атамана Семенова (Уссурийский край), корпус белогвардейского генерала Бакича (район Семипалатинска), казачья банда Кайгородова (Алтай) и другие.

Однако задуманному плану антисоветского похода не суждено было сбыться. Народ не поддержал ни Унгерна, ни Бакича, ни Кайгородова, ни Семенова. «Философско»-мистический приказ монархиста Унгерна не мог вдохновить русских крестьян, покончивших с царизмом.

Двигаясь по левому берегу Селенги на Троицко-Савск, Унгерн оставлял за собою пепелища сожженных деревень и трупы. Все имущество «непокорных» Унгерн раздавал участникам своей банды, кормившейся за счет грабежей. Барон «покорял» русский народ методами Чингисхана.

Между тем народно-освободительное движение в Монголии разрасталось и крепло. В начале 1921 г. там образовалось Народно-революционное правительство, и армия во главе с Сухэ-Батором повела успешную борьбу с китайскими милитаристами и бандой Унгерна. По просьбе Народно-революционного правительства на помощь монголам пришла Красная Армия, вступившая в столицу Монголии — Ургу. Тогда и богдогэгэн выступил против Унгерна, призывая народ уничтожить этого «распутного вора».

В августе 1921 г. Красная Армия совместно с монгольскими народными войсками разбила банду Унгерна. Чекисты же, под руководством полномочного представителя ГПУ по Сибири И. П. Павлуновского, организовали захват живым этого палача народа. В войска Унгерна были посланы разведчики, которые провели большую работу среди солдат Унгерна, и они сами выдали барона красноармейцам.

15 сентября в Новониколаевске (ныне Новосибирск) состоялось открытое судебное заседание Чрезвычайного революционного трибунала по делу Унгерна. Суд заседал в составе председателя Сибирского отдела Верховного революционного трибунала Опарина, членов Габишева, Гуляева, А. Д. Кравченко, И. Кудрявцева. Обвинителем выступил Емельян Ярославский, защищал Боголюбов.

Чрезвычайный революционный трибунал признал, что Унгерн предпринял попытку свергнуть советский строй, причем «путь к этой попытке (вел) по рекам пролитой крови не только советских работников и их семей, но и невинных женщин и детей — не убиваемых, а истерзываемых и предаваемых самым бесчеловечным, известным нам только по глубокой истории, пыткам. Сжигались громадные села с женщинами и детьми (село Укыр и другие), расстреливалось сотнями крестьянство (станица Мензинская). Применялись пытки такого рода (сажание на лед, раскаленную крышу, битье кнутами, такое, чтобы летели куски мяса, и т, п.), о которых при упоминании и особенно при зверском хладнокровии Унгерна, вполне сознавшегося в их применении, невольно вспоминается феодализм со всеми его грязными бесчеловечными правами феодалов»[1].

Унгерн был приговорен к единственно возможному наказанию — к смерти и казнен в Новониколаевске.

В декабре 1921 г. части Красной Армии совместно с отрядами красных партизан на территории Народной республики Танну-Тува (ныне Тувинская АССР) разгромили и банду генерала Бакича; Бакич бежал в Монголию, где был взят в плен и передан Советской власти. В мае 1922 г. Сибирское отделение военной коллегии Верховного революционного трибунала рассмотрело дело о злодеяниях генерала А. С. Бакича и шестнадцати его соуча-

[1] Советская Сибирь, 1921, 20 сентября.

стников, в том числе его начальника штаба, генерала Ивана Смольнина-Терванда, полковника Токарева и других. Все они были сурово наказаны.

Впоследствии в Горном Алтае была ликвидирована и банда Кайгородова, а ее атаман 10 апреля 1922 г. был убит при попытке к бегству.

4. Как «каялся» атаман Анненков.

Анненков принадлежал к кучке казачьих атаманов, главной целью которых было удушение Советской власти, восстановление царского строя.

Внук известного декабриста, он не пошел по стопам своего деда, а стал жестоким палачом и карателем русского народа. Происходивший из аристократической дворянской военной семьи, он окончил Одесский кадетский корпус, Московское военное училище и посвятил свою жизнь службе в казачьих войсках. Убежденный монархист, Анненков мечтал об идеальном государе, наделенном неограниченной властью и «твердой волей».

После Октября казачий отряд Анненкова, находившийся на фронте, получил приказ разоружиться и направиться в Омск. Анненков нарушил приказ и прибыл в Омск с вооруженным отрядом. Там Совет казачьих депутатов вновь предложил ему разоружиться. Но Анненков снова не подчинился, ушел с казаками из города и перешел на «партизанское» положение. С тех пор «партизанский отряд Анненкова» (так он назывался) стал вооруженной силой антисоветчины. Передвигаясь с места на место, он вел войну с народом: уничтожал советские учреждения в селах, районах, городах, убивал советских активистов, грабил и терроризовал население. В отряд Анненкова вступали богатые сибирские и семиреченские казаки, бывшие жандармы, стражники, полицейские, разорившиеся мелкие торговцы, искатели легкой добычи, уголовники. Частям своего отряда Анненков давал звучные, громкие названия: «черные гусары», «голубые ула-

ны», «кирасиры», «атаманский полк». Анненковцы содержались за счет грабежей, пожертвований буржуазии и казачьей верхушки. Семипалатинские торговцы и промышленники, например, дали Анненкову 2,5 миллиона рублей на формирование отряда. Главари казахской «Алаш-орды» формировали казахские полки в составе анненковского отряда. Анненковский отряд превратилась в «дивизию». Она входила сначала в состав войск Временного сибирского правительства, а впоследствии в состав войск Колчака. Полем ее действий стали Омская и Семипалатинская губернии и Семиреченский край. Колчак произвел тридцатилетнего Анненкова в генералы и назначил «командующим отдельной Семиреченской армией».

Но Анненков всегда сохранял особую, «партизанскую» самостоятельность и часто не подчинялся ничьим приказам. В его отряде были свои, «атаманские» обряды и правила. Слово «господин» заменялось словом «брат». На знамени отряда был начертан девиз: «С нами бог» — и вышита эмблема — человеческий череп с двумя перекрещенными костями. «Атаманцы» к девизу «С нами бог» добавляли: «...и атаман Анненков». Такие надписи красовались на стенах вагонов, на орудиях, даже на теле «атаманцев» в виде татуировок. Девиз «С нами бог и атаман Анненков» был постоянно на устах головорезов отряда. «Нам нет никаких запрещений, с нами бог и атаман Анненков, руби направо и налево», — говорили они. В анненковских частях свирепствовали офицерская контрразведка и военно-полевые суды, следившие за каждым шагом солдат и населения и жестоко расправлявшиеся с инакомыслящими. За Анненковым следовал специальный вагон, прозванный «вагоном смерти», в котором содержались арестованные. Редко кто выходил оттуда живым. Единоличным и непогрешимым правителем и законодателем в этой большой разбойничьей банде был «брат атаман» — фанатичный деспот и садист Анненков.

Вот отдельные примеры действий анненковской банды.

В сентябре 1918 г. крестьяне Славгородского уезда Омской губернии, недовольные мобилизацией в армию молодежи и возмущенные репрессивными мерами белогвардейских властей, решили выступить под руководством подпольной большевистской организации (находившейся тогда в селе Черный Дол) против белых. В один из базарных дней, когда в уездном городе Славгороде собралось много крестьян, чернодольцы начали восстание, освободили арестованных и очистили город от белых. Вскоре в Славгороде собрался уездный крестьянский съезд, на который съехалось свыше 400 делегатов. А в Черном Доле обосновался образованный крестьянами военно-революционный комитет.

Омское Временное сибирское правительство приняло «меры». Бывший жандармский офицер «военный министр» П. П. Иванов-Ринов поручил ликвидацию славгородских большевиков Анненкову.

11 сентября 1918 г. анненковцы заняли г. Славгород. В первый же день ими было убито около 500 человек. Захваченных делегатов крестьянского уездного съезда (87 человек) Анненков приказал изрубить на площади против Народного дома и здесь же закопать. Этот приказ был исполнен.

Одновременно анненковцы принялись за села и деревни уезда. Деревня Черный Дол была сожжена дотла. Крестьян же, их жен и даже детей расстреливали, били, вешали на столбах. В деревнях Павловке, Толкунове, Подсосновке и других казаки производили массовые порки крестьян обоего пола и всех возрастов, а затем их казнили.

— И как казнили! — рассказывал очевидец этих событий Блохин.— Вырывали живым глаза, вырывали языки, снимали полосы на спине, живых закапывали в землю.

Другой свидетель, Голубев, показывал:

— Привязывали к конским хвостам веревкой за шею, пускали лошадь во весь опор и таким образом убивали насмерть.

Молодых девушек из города и ближайших деревень приводили к стоявшему на железнодорожной станции поезду Анненкова, насиловали, а затем тут же расстреливали.

Степь была усеяна обезглавленными трупами крестьян.

«Ликвидировав» крестьянское движение в Славгородском уезде, Анненков своим «приказом» упразднил волостные, земские и сельские комитеты, восстановил царский институт старшин и старост. Под угрозой расстрела каждого пятого обложил крестьян контрибуцией.

В дальнейшем Анненков продолжал кровавые злодеяния. В г. Сергиополе (ныне Аягуз) анненковцы расстреляли, изрубили и повесили 80 человек, часть города сожгли, имущество граждан разграбили. В селе Троицком они убили 100 мужчин, 13 женщин, 7 грудных детей, а село сожгли. В селе Никольском (Шмидовка) анненковцы выпороли 300 человек, расстреляли 30 и 5 повесили; часть села сожгли, скот угнали, имущество граждан разграбили.

В селе Знаменка вырезали почти все население.

В начале ноября 1919 г. атаман Анненков прибыл с небольшим отрядом в Усть-Каменогорск, где был торжественно встречен «отцами» города, казачьими верховодами и местной буржуазией. Ему устроили пышный банкет с музыкой. А в это время прибывшие с Анненковым «атаманцы» явились в Усть-Каменогорскую крепость, в которой содержались арестованные. Они издевались и терроризировали всех заключенных, некоторых из них расстреляли прямо в коридорах тюрьмы. Наконец бандиты отобрали группу арестованных — 30 человек — работников Павлодарского Совета и советских работников других мест. Их поместили на пароход атамана Анненкова для доставки в Семипалатинск.

В Семипалатинске арестованных поместили в «вагон смерти». Через несколько дней Анненков без всякого суда и следствия распорядился расстрелять всех 30 человек. Анненковцы вывели их на берег уже скованного

льдом Иртыша, сделали прорубь и приказали им прыгать в воду. В не желающих прыгать стреляли.

Двигаясь по Семиречью, анненковские разбойники продолжали кровавые экзекуции. И здесь чаша терпения крестьянского населения переполнилась. В обвинительном заключении указывается:

«Когда пьяная разнузданная банда... стала безнаказанно пороть крестьян, насиловать женщин и девушек, грабить имущество и рубить крестьян, невзирая на пол и возраст, да не просто рубить, заявлял свидетель Довбня, а рубить в несколько приемов: отрубят руку, ногу, затем разрежут живот и т. д.; когда, ворвавшись в крестьянскую хату, анненковцы, по словам свидетеля Турчинова, насаживали на штык покоящегося в колыбели грудного ребенка и со штыка бросали в горящую печь, крестьяне селений Черкасского, Новоантоновского, вместе с бежавшими жителями из самого г. Лепсинска, Покатиловки и Веселого встали как один против бандитов». По примеру этих сел стали организовываться и другие, лежащие к востоку от Черкасского, селения — Новоандреевская, Успенское, Глинское, Осиповское, Надеждинское, Герасимовское, Константиновское и часть Урджарского района. Вооружившись чем попало: вилами, пиками, гладкоствольными ружьями и в небольшом количестве трехлинейными винтовками, крестьяне тех селений создали против анненковцев настоящий фронт.

Несколько месяцев крестьяне стойко отбивали нападения бандитов. И только после третьего наступления, начатого Анненковым 14 июля 1919 г., осажденные в селе Черкасском из-за голода, цинги, тифа вынуждены были сложить оружие. Захватив Черкасское, анненковцы уничтожили в нем 2 тысячи человек, в селе Колпаковка — более 700 человек, в поселке Подгорном — 200 человек. Деревня Антоновка была стерта с лица земли. В селении Кара-Булак Уч-Аральской волости были уничтожены все мужчины.

В начале 1920 г. «Отдельная Семиреченская армия», разбитая частями Красной Армии, отступила к китайской границе. Анненков собрал здесь свое «воинство» и заявил им: «Со мной должны остаться только самые здоровые борцы, решившие бороться до конца. А тех, кто устал, я не держу, пусть кто хочет идет назад в Советскую Россию». Многие изъявили согласие возвратиться в Советскую Россию, не идти в Китай. С Анненковым остались лишь отъявленные головорезы. Тогда потихоньку было отдано распоряжение расстреливать тех, которые собираются в Советскую Россию и не уходят в Китай.

Такие жестокие расправы с подчиненными Анненков практиковал неоднократно. «Так, в Семипалатинске во время наступления на Лепсинские красные части солдаты бригады генерала Ярушина, влившиеся затем в анненковский отряд, отказались действовать против крестьян и стали переходить на их сторону. Анненков решил расформировать и обезоружить бригаду. По его приказу большая часть бригады в количестве 1500 человек, в том числе и офицеры, была расстреляна и зарублена анненковским полком в непроходимых Алекульских камышах»[1].

Наконец анненковская банда пересекла китайскую границу и в районе синьцзянского города Урумчи разместилась в Китае.

Анненков намеревался продвинуть своих «атаманцев» на восток, чтобы присоединиться к Семенову[2], а его люди тем временем бандитствовали на китайской земле. И тогда, в 1921 году, китайские власти разоружили «атаманцев», а

---

[1] Из обвинительного заключения по делу Б. В. Анненкова.

[2] Свирепствовавший ряд лет на Дальнем Востоке и в Сибири атаман Г. М. Семенов после гражданской войны бежал в Маньчжурию, где возглавил белую эмиграцию и по указаниям японской разведки вел подрывную и шпионскую работу против Советского Союза. В 1945 г. во время советско-японской войны был захвачен в плен Советской Армией и по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР в 1946 г. за все свои злодеяния казнен.

самого Анненкова посадили в тюрьму, где он пробыл около трех лет. Только при содействии английских и японских влиятельных лиц его в феврале 1924 г. освободили.

К тому времени, за три года постыдного пребывания в Китае, «анненковское братство» рассыпалось: многие ушли в белогвардейские отряды, формировавшиеся здесь русскими белоэмигрантскими контрреволюционными организациями; некоторые пробрались к Семенову, поступили на службу к китайским генералам, ведущим гражданскую войну; часть возвратилась на родину с повинной.

Освободившись из тюрьмы, Анненков со своим бывшим начальником штаба Н. А. Денисовым (которого он самолично произвел теперь в генералы) и небольшим отрядом (18 человек) «атаманцев» в мае 1924 г. направился в глубь Китая, поселился неподалеку от г. Ланьчжоу и занялся «разведением племенных лошадей».

В апреле 1926 г. в советской, китайской и белоэмигрантской печати было опубликовано заявление Анненкова, в котором он просил Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет о прощении. Вслед за этим Анненков, а затем и его начальник штаба Денисов прибыли из Китая в Советскую Россию. Анненков обратился к своим бывшим «партизанам» и ко всем белогвардейцам с призывом прекратить антисоветскую борьбу, покаяться перед Советской властью и вернуться на родину с повинной.

Подобное не было в то время неожиданностью. Советский народ и весь мир знали уже немало случаев раскаяния врагов советского строя, осознавших безнадежность продолжения борьбы. Среди них были и непримиримые ранее политические противники, много лет сражавшиеся против Советской власти, видные белогвардейские генералы. И все же раскаяние и явка с повинной Анненкова представляли в некотором роде загадку. Что повлияло на Анненкова, заставило его прекратить борьбу с Советской властью? Как мог надеяться на помилование этот фанатичный, жестокий «каратель» и «усмиритель»?

Только сравнительно недавно, через сорок с лишним лет после процесса, были опубликованы данные, которые пролили свет на «мотивы» Анненкова[1]. И оказалось, что раскаяние Анненкова было «раскаянием особого рода».

Ни на один момент после освобождения из китайской тюрьмы Анненков не оставлял мысли о продолжении вооруженной борьбы против Советской власти. Из медвежьего угла, неподалеку от Ланьчжоу, где он «разводил племенных лошадей», Анненков вел обширную переписку с бывшими соратниками, лидерами русских белогвардейских организаций, действовавших на китайской территории. Он присматривался к белому лагерю, изучал возможности вновь продолжить борьбу, искал в ней свое место (конечно же подобающее его «высокому положению атамана»).

В Китае существовал в то время ряд белоэмигрантских антисоветских организаций. В интересующем Анненкова русском монархистском лагере действовала, тогда шанхайская группа «Н. Н.»— бывшего великого князя Николая Николаевича. Возглавлял эту шанхайскую группу некий Николай Остроухов. В том же Шанхае существовала и другая монархическая организация — «Богоявленское братство» — под руководством бывшего полкового врача анненковской армии Д. И. Казакова. Обе монархистские группы конкурировали между собой, и обе призывали Анненкова в свои ряды. Действовали в Китае и чисто военные организации из бывших офицеров и солдат колчаковской, дутовской, семеновской, анненковской армий. Они влачили жалкое существование, жили на подачки богатых белоэмигрантов и иностранных

---

[1] Например, они были изложены в документальной повести Сергея и Милиты Мартьяновых «Дело Анненкова», опубликованной в журнале Союза советских писателей Казахстана «Простор» № 10 и 11 за 1970 г. Некоторые данные изложены в очерке В. Григорьева «Операция «Атаман», опубликованном в сборнике «Чекисты Казахстана». Алма-Ата, 1971. С. 260-306.

разведок. Причудливо вплетались они в гражданскую войну в Китае между реакционными генералами Чжан Цзолином и У Пейфу и Народной армией сторонников Сунь Ятсена, возглавляемой в то время Фэн Юйсяном. Разбитые в боях с Красной Армией, остатки антисоветской военщины нанимались на службу к реакционным китайским генералам. У генерала Чжан Цзолина советником состоял белогвардейский полковник Меркулов, глава одной из военных белогвардейских группировок. Среди белой эмиграции действовали и разведчики иностранных государств. Положение Анненкова оказалось неблагоприятным еще и потому, что он проживал в районе действий китайской Народной армии (Фэн Юйсяна); еще свежи были в памяти годы, которые он провел в китайской тюрьме. Он понимал, что китайские власти следят за ним, и вел тайную работу осторожно.

В начале ноября 1925 г. Анненков встретился со своим «атаманцем», бывшим начальником личного конвоя Ф. К. Черкашиным, которому, безусловно, верил. Тот, появившись в Ланьчжоу под видом закупщика пушнины для английской фирмы, передал Анненкову письмо от начальника штаба русской белогвардейской группы в войсках Чжан Цзолина, бывшего начальника штаба 5-й сибирской колчаковской дивизии М. А. Михайлова, действовавшего по поручению Меркулова. В письме содержалось предложение организовать под командованием Анненкова отряд из русских белоэмигрантов для борьбы с революцией в рядах Чжан Цзолина, с перспективой переключения отряда на борьбу с Советским Союзом. Анненков согласился.

Свое решение и ответ Анненков изложил в трех письмах, переданных им Черкашину для вручения адресатам.

В письме на имя Михайлова Анненков заявил, что согласен взять на себя командование отрядом русских белогвардейцев. Он писал: «Сбор партизан (анненковских «партизан», находившихся в Китае.— *Д. Г.*) и их орга-

низация — моя заветная мечта, которая в течение пяти лет не покидала меня... И я с большим удовольствием возьмусь за ее выполнение... Судя по многочисленным письмам, получаемым от своих партизан, они соберутся по первому призыву... Все это даст надежду собрать значительный отряд верных, смелых и испытанных людей в довольно непродолжительный срок. И этот отряд должен быть одним из кадров, вокруг которых сформируются будущие части».

В другом письме, адресованном бывшему анненковцу П. Д. Иларьеву, служившему при штабе Чжан Цзолина, он написал, что получил предложение собрать отряд и поручает ему, Иларьеву, временно командовать им, так как он сам не может открыто взяться за это. «Для того чтобы я выбрался отсюда, — писал Анненков, — нужно добиться того, чтобы мое имя совершенно не упоминалось в причастности к отряду. Лучше наоборот, распускать слухи о моем отказе вступать в дальневосточные организации, о моей перемене фронта».

Анненков написал еще и третье письмо, на имя руководителя монархистской организации «Богоявленское братство» Д. И. Казакова. Впоследствии в ОГПУ он так характеризовал это письмо:

«В этом письме я писал Казакову о моем «якобы нежелании вступить в ряды Чжан Цзолина и организации отрядов», которые бы впоследствии выступили против 1-й Народной армии. В случае если бы Черкашии попал в руки 1-й Народной армии, то он постарался бы уничтожить вышеуказанных два письма (письмо Михайлову и письмо Иларьеву), оставив третье, провокационное письмо на имя Казакова».

Хитер и осторожен был Анненков. Но он не учел того, что за ним следили не только китайские власти. Пристально следила за ним и советская контрразведка, заинтересованная в освещении планов белоэмигрантской антисоветчины, которая непрерывно в союзе с китайской

реакцией устраивала провокации и диверсии против Советского Союза. Советские чекисты обезвредили Анненкова. Не одно, а все три письма Анненкова (им написанные и скрепленные «атаманской печатью») попали не к адресатам, а в руки чекистов.

План поимки Анненкова разрабатывался в ОГПУ под руководством В. Р. Менжинского, начальника контрразведывательного отдела А. Х. Артузова и начальника иностранного отдела М. А. Трилиссера. Решено было заставить Анненкова и его начальника штаба Денисова сдаться советской контрразведке, доставить их в Советский Союз и предать суду за совершенные ими злодеяния. Для этого можно было использовать ложную версию и слухи, которые распространял сам Анненков о том, будто он «отошел от политики» и намерен «примириться с Советской властью». Анненков пустил в ход такие слухи, чтобы под их прикрытием тайно вести антисоветскую работу. Теперь нужно было заставить его публично принести «повинную». Раскаяние бывшего атамана Анненкова могло бы содействовать разложению белоэмиграции в Китае: если Анненков явится с повинной в Советский Союз, то его примеру могут последовать и многие его «атаманцы» и лица, среди которых он пользовался авторитетом. Но как заставить Анненкова сдаться в руки советских органов, раскаяться? Мог ли он на это пойти добровольно? Как иначе можно было заставить его сдаться? Может быть, если поставить его в безвыходное положение, он сам попытается перед советскими органами продолжить «игру» в добровольное «раскаяние», чтобы заслужить снисхождение?

Выполнить сложный, трудный план поручили группе чекистов во главе со специально для этого командированным в Китай опытным контрразведчиком С. П. Лихаренко.

В Китае в то время в Народной армии Фэн Юйсяна в качестве советников работала группа советских военных специалистов во главе с бывшим командиром Червонного

казачества В. М. Примаковым. Так как деятельность Анненкова, формировавшего белогвардейский отряд для помощи Чжан Цзолину, затрагивала интересы Фэн Юйсяна, чекисты сообщили свой план захвата Анненкова В. М. Примакову и просили его договориться с Фэн Юйсяном, чтобы тот пригласил Анненкова к себе якобы для работы и разрешил советской контрразведке в случае надобности задержать его.

Все было сделано, как задумано.

Приехав по приглашению Фэн Юйсяна в его штаб, Анненков через некоторое время был арестован и передан в руки чекистов. Перед ним раскрыли карты. Анненков понял, что находится в руках советской контрразведки и должен нести ответственность за свои злодеяния на советской земле. Ему не оставалось ничего иного, как попробовать сыграть роль «добровольно раскаявшегося»: авось это поможет. После того как он написал упомянутую уже просьбу о помиловании, его под солидной охраной доставили в Москву и передали в руки советского правосудия.

Следствие по делу Анненкова и его начальника штаба вел следователь по особо важным делам прокуратуры РСФСР Д. Матрон. А рассмотрено оно было в Семипалатинске выездной сессией Военной коллегии Верховного Суда СССР 25 июля — 12 августа 1927 г. под председательством П. М. Мелнгалва. Государственное обвинение на суде поддерживал старший помощник прокурора Верховного Суда СССР Павловский и общественные обвинители Ярков, Мустамбаев и Паскевич. Защищали адвокаты Борецкий и Цветков. На суд были вызваны десятки свидетелей из Омской, Семипалатинской губерний и Семиречья. Помимо вызванных по списку обвинительного заключения по инициативе общественных обвинителей на суде были допрошены еще 90 свидетелей обвинения.

Советские люди единодушно требовали уничтожения этого врага народа. Военная коллегия Верховного Суда

приговорила Анненкова и его подручного Денисова к расстрелу. 24 августа 1927 г. приговор был приведен в исполнение.

Экономическая антисоветчина

1. Дело «кооператоров».

В начале 1920 г. Петроградская ЧК расследовала дело о преступлениях работников петроградской конторы Центросоюза (потребительской кооперации), занимавшихся массовой скупкой товаров у спекулянтов. Оказалось, что кроме официальной в конторе велась еще и тайная — «черная» касса, в которой было обнаружено на несколько миллионов рублей «думских» и «николаевских» кредитных билетов, процентных бумаг и иностранной валюты. Этими изъятыми из обращения денежными знаками работники кооперации рассчитывались со спекулянтами.

Заведующий конторой В. Н. Крохмаль (бывший член ЦК меньшевистской партии) давал сбивчивые и разноречивые объяснения о происхождении «черной» кассы. Решено было произвести обыск у него на квартире. Здесь чекисты нашли ряд писем от заграничной конторы Центросоюза, размещавшейся в Лондоне. Во главе ее стоял член правления Центросоюза А. М. Беркенгейм. Содержание писем говорило о том, что лондонская контора поддерживает тесную связь и работает в полном согласии с кооперативными организациями России, находившимися на занятой антисоветчиной территории, и даже руководит ими! Антисоветские заправилы из-за границы прислали в 1919 г. несколько циркуляров, в которых, в частности, речь шла о том, что после победы Юденича лондонская контора организует переброску продовольствия в голодающий Петроград. Заведующему петроградской конторой Крохмалю давались указания не жалеть средств на массовую скупку в городе и районе всевоз-

можных товаров, не останавливаясь перед незаконными финансовыми операциями.

Именно этим объяснялись действия работников петроградской конторы Центросоюза, скупавших товары у спекулянтов и проводивших незаконные операции с иностранной валютой. Крохмаль признал, что он получил из Москвы от членов правления Центросоюза Коробова, Кузнецова и Лаврухина 4 миллиона рублей «николаевскими» и «думскими» денежными знаками на приобретение иностранной валюты для расчетов с поставщиками товаров.

Расследование преступлений руководящих работников Центросоюза в Москве показало, что «кооператоры», свившие себе гнездо в центральном аппарате потребительской кооперации, вели антисоветскую работу, срывая экономические мероприятия и нарушая законы Советской власти.

Продовольственные трудности в годы гражданской войны требовали решительных мер для спасения страны от голода. Декретом Совета Народных Комиссаров от 16 марта 1919 г. распределение продовольствия и других товаров передавалось широко разветвленному аппарату кооперации. В стране был создан единый распределительный орган — потребительские коммуны, объединившие аппарат рабочей кооперации, сельской потребительской кооперации и общегражданские кооперативы. В связи с этим в руководящие органы потребительских коммун помимо избранных пайщиками членов правления были введены представители советских государственных продовольственных органов, а в правление Центросоюза — представители Совета Народных Комиссаров.

«Кооператоры» встретили этот декрет враждебно. Во время обысков у товарища председателя правления Центросоюза Д. С. Коробова, членов правления В. А. Кузнецова и А. Н. Лаврухина чекисты обнаружили документы, подтверждавшие, что эти лица создали в Центросоюзе

группу «своих» членов правления, в работу которых не посвящали лиц, назначенных Советским правительством. Одним из деятелей антисоветской группы членов правления Центросоюза за границей был А. М. Беркенгейм. В свое время он был командирован в США для закупки оборудования, но вскоре оказался в Лондоне, где основал контору Центросоюза. Беркенгейм тайно связался с представителями правительств империалистических держав, вел с ними переговоры в качестве одного из лидеров «не зависящей» от Советской власти кооперации. Когда Антанта обсуждала вопрос об отмене блокады Советской страны, Беркенгейму поручили подготовить для Верховного совета Антанты доклад о возможностях товарообмена между Россией и странами Антанты. 11 января 1920 г. он представил такой доклад. Приняв решение о возобновлении торговых отношении с Россией, Верховный совет Антанты подчеркнул, что товарообмен будет производиться через кооперативные организации. Группа «кооператоров» в Центросоюзе (Коробов и другие) без ведома представителей Советского правительства распространила среди населения специальную прокламацию, в которой подчеркивалось, что Антанта решила торговать не с правительственными органами Советской страны, а с кооперацией. Такое противопоставление преследовало далеко идущие антисоветские цели.

Члену правления Центросоюза В. Н. Зельгейму Советское правительство в свое время разрешило поездку в Швейцарию на лечение. Но Зельгейм, выехав в Стокгольм, создал там контору Центросоюза, которая, как и лондонская, стала тайно вести антисоветскую работу. В найденной при обыске у Кузнецова копии доклада Зельгейма на имя Коробова указывалось: «Был от Беркенгейма запрос о том, посоветую ли я ему купить партию на 24 млн. долларов от американского интендантства: белья, обуви и плащей военного образца. Я телеграфировал отнестись возможно осмотрительней... советовал запросить

наши омскую и ростовскую конторы»[1]. Ясно, что Зельгейм «советовал» реализовать американское военное обмундирование в Омске, где господствовал ^Колчак, и в Ростове, где хозяйничал Деникин.

Подобным же образом вели себя и некоторые из членов правления Центросоюза на территориях, занятых антисоветчиной.

«Кооператоры» Н. М. Михайлов, член правления Центросоюза, и А. М. Никитин, бывший министр Временного правительства, в докладе на имя Деникина, опубликованном 10 декабря 1919 г. в «Бюллетене кооперации Юга России», писали: «Везде, где кооперативные организации входили в сферу влияния Добровольческой армии, они немедленно и на этот раз искренно и охотно устанавливали тесные отношения... иногда жестоко страдая от большевиков при временном возврате большевистской власти»[2]. Михайлов эвакуировался с белыми из Харькова в Ростов-на-Дону, оттуда в Екатеринодар, а затем и вовсе эмигрировал за границу.

В Сибири член правления Центросоюза Вахмистров открыто поддерживал Колчака. Сибирские «кооператоры» содержали на средства кооперации офицерские дружины, сформированные для борьбы с Советской властью.

Многие буржуазные «кооператоры» участвовали в подпольной деятельности антисоветских политических организаций. В частности, товарищ председателя правления Центросоюза Д. С. Коробов состоял членом «Национального центра».

27 апреля 1920 г. Совет Народных Комиссаров в связи с раскрытыми преступлениями в Центросоюзе отстранил до решения суда от исполнения обязанностей членов правления Центросоюза Коробова, Лаврухина, Кузнецова и находившихся за границей Беркенгейма, Ленскую,

---

[1] Известия ВЦИК, 1920, 1 сентября.
[2] Известия ВЦИК, 1929, 28 апреля.

Зельгейма, Вахмистрова и Михайлова, временно заменив их вновь назначенными людьми. Но Беркенгейм, Зельгейм и другие лица за границей не сдали дел советским представителям, а, захватив имущество и капиталы контор Центросоюза, объявили себя «независимым акционерным обществом». Под защитой международного капитала они открыто выступили против Советской власти.

По окончании расследования суду Верховного революционного трибунала было предано 19 обвиняемых, в том числе ряд лиц, причастных к спекулятивным операциям.

Бывший товарищ председателя правления Центросоюза Д. С. Коробов, члены правления А. Н. Лаврухин и В. А. Кузнецов обвинялись в том, что, являясь ответственными руководителями русских кооперативных организаций, создали в Центросоюзе антисоветскую группу для противодействия экономической политике Советской власти. Под разными вымышленными предлогами они командировали за границу, на Украину и в Сибирь членов правления Центросоюза, известных как антисоветские деятели, поддерживали с ними связь и совместно с ними вели подрывную антисоветскую работу, они же отдали распоряжение о массовой закупке у спекулянтов товаров по произвольным ценам и разрешили вести расчеты со спекулянтами денежными знаками, изъятыми из обращения, и иностранной валютой.

Члены правления Центросоюза Сахаров и Прусс обвинялись в содействии Коробову, Лаврухину и Кузнецову.

Председатель комитета по делам кооперации Юга России А. М. Никитин обвинялся в том, что вместе с бывшим министром Временного правительства К. А. Гвоздевым и членом правления Центросоюза Н. М. Михайловым (эмигрировавшими за границу) направлял деятельность кооперативных организаций Юга России в антисоветское русло.

Ряд сотрудников кооперативных организаций обвинялись в содействии спекулятивным операциям. Были привлечены к ответственности и спекулянты.

Дело рассматривалось в Верховном революционном трибунале с 31 августа по 4 сентября 1920 г. под председательством И. К. Ксенофонтова, с участием обвинителя Н. В. Крыленко и защитников Брусиловского, Мажбица и других.

Суд приговорил Коробова, Лаврухина, Кузнецова и Никитина к лишению свободы сроком на 15 лет каждого, ряд других обвиняемых — к различным срокам заключения. Освобождены от наказания были трое подсудимых, условно осуждены также трое; оправданы двое.

2. Шахтинское дело.

15 декабря 1923 г. жена главного инженера Кадиевского рудоуправления в Донбассе Гулякова, порвавшая отношения с мужем, явилась в ГПУ и сообщила, что ее муж занимается экономическим шпионажем. Она рассказала, что по поручению Гулякова несколько раз ездила в Харьков к представителю польского консульства Ружицкому, передавала ему сведения о состоянии угольных шахт Кадиевского рудоуправления и получала от него крупные суммы денег, которые распределялись затем среди работников рудоуправления.

Экономический отдел ГПУ УССР произвел расследование заявления Гуляковой и вскоре выявил группу инженерно-технических работников Кадиевского рудоуправления, занимавшихся экономическим шпионажем и вредительством. Выяснилось, что в 1919 г., после разгрома деникинцев, члены правления Днепровского южнорусского металлургического общества, в состав которого входили и Кадиевские угольные рудники, бежали в Польшу. Покидая пределы России, правленцы (директор правления Макомацкий) поручили некоторым своим доверенным старослужащим, оставшимся на месте, сохранить в целости предприятия и информировать их о положении дел. Из-за границы правленцы организовали связь

со своей агентурой и, в частности, использовали для этого аппарат польского консульства в Харькове, куда коммерческим советником был назначен один из бывших совладельцев Кадиевских рудников Ружицкцй. Этот-то Ружицкий и руководил шпионской работой главного инженера Кадиевского рудоуправления Гулякова и расплачивался с ним от имени бывших хозяев.

В течение 1921—1923 гг. Гуляков передавал Ружицкому сведения о техническом и хозяйственном состоянии шахт и выполнял его вредительские задания, пользуясь услугами нескольких вовлеченных им в «работу» инженеров и техников (Балтайтиса, Манукьяна, Годзевича, Овсяного, Вейцмана), с которыми делился хозяйскими подачками. Гуляков и его сообщники, выполняя задания Ружицкого, создавали видимость работы шахт, но фактически старались не истощать ценные участки разработок, сохранять в исправности оборудование рудников до «скорого» возвращения бывших шахтовладельцев. Они стремились не вывозить угольных запасов, не производили в достаточной степени подготовительные работы к выемке угля. В результате их вредительства рудоуправление не выполняло план добычи угля для советской промышленности.

Дело это рассматривалось Верховным судом УССР с 14 по 21 июля 1924 г.

Свидетели-рабочие на суде рассказали о недобросовестном отрешении Гулякова и его сообщников к своим служебным обязанностям и бездействии. Месяцами вредители не посещали мест разработки угля. В рудоуправлении добывались только худшие сорта угля, лучшие же оберегались. Заявления рабочих об этих ненормальных явлениях Гуляков оставлял без внимания.

Верховный суд УССР приговорил Гулякова к десяти годам лишения свободы, Балтайтиса — к семи, Манукьяна — к пяти, Годзевича и Овсяного — к трем и Вейцмана — к двум годам лишения свободы[1].

---

[1] См.: Правда, 1924, 16—23 июля.

Дальнейшее наблюдение органов ГПУ дало возможность вскрыть вредительские группы и в других районах Донбасса. Стало известно, что и другие инженеры поддерживали конспиративные связи с бывшими шахтовладельцами, эмигрировавшими за границу, и получали от них деньги. Так, например, инженер Щяхтинского района Г. А. Шадлун поддерживал отношения с бывшим директором французского акционерного общества Берестово-Богодуховского района французским капиталистом Ремо; инженер Ю. Н. Матов — с бывшим директором-распорядителем Донецко-Грушевского акционерного общества Дворжанчиком, находившимся в Польше; А. В. Детер — с белоэмигрантом, бывшим владельцем Кондратьевских рудников Фениным, в 1918—1919 гг. состоявшим членом антисоветского «донского правительства»; инженер Д. М. Сущевский — с бывшим членом правления акционерного общества по разработке угля и соли на Юге России французским капиталистом Сансе; главный механик рудоуправления В. М. Кувалдин — с бывшим капиталистом белоэмигрантом Парамоновым и т. д.

В 1927 — начале 1928 г. чекисты арестовали группу специалистов угольной промышленности Донбасса, связанных с белоэмигрантами.

В сообщении прокурора Верховного суда СССР от 12 марта 1928 г. говорилось, что работа раскрытой «контрреволюционной организации, действовавшей в течение ряда лет, выразилась в злостном саботаже и скрытой дезорганизаторской деятельности, в подрыве каменноугольного хозяйства методами нерационального строительства, ненужных затрат капитала, понижения качества продукции, повышения себестоимости, а также в прямом разрушении шахт, рудников, заводов и т. д. При этом задача злоумышленников в случае интервенции, на которую они неизменно рассчитывали, состояла в том, чтобы организовать катастрофический срыв всей промышленности, резко понизить обороноспособность страны и тем помочь

интервентам одолеть сопротивление Рабоче-Крестьянской Красной Армии»[1].

Согласно данным предварительного следствия, произведенного органами ОГПУ, начало вредительской деятельности антисоветчиков в угольной промышленности Донбасса относилось к годам гражданской войны. Еще тогда капиталисты — владельцы горнопромышленных предприятий Донбасса были озабочены судьбой своих предприятий. На состоявшемся в 1920 г. в Ростове последнем съезде углепромышленников и инженеров Донбасса был разработан план действий для остающихся на занятых советскими войсками предприятиях старослужащих, верных прежним хозяевам.

Инженер Шахтинского района Н. Н. Березовский показал:

«Целая группа инженеров и техников с рудников приехала в Ростов, так как рудники были заняты красными... У техников, находящихся в Ростове, была уверенность, что Советская власть просуществует очень недолго». Все разговоры (велись в том направлении), что, в случае занятия рудников красными войсками, мы должны работать в пользу старых хозяев по сохранению рудников и оборудования в целости, чтобы их не обесценивать, чтобы при переходе рудников обратно к белым они не были взорваны или повреждены красными войсками»[2].

Такие настроения господствовали тогда среди бывших владельцев угольных предприятий и верных им специалистов. Специальных вредительских организаций в тот период они не создавали. Шахтовладельцы «подкармливали» своих агентов — бывших служащих, надеясь, что они будут охранять их хозяйские интересы. Хозяйские подачки выдавались под благовидным предлогом

---

[1] Известия ЦИК и ВЦИК, 1928, 13 марта.

[2] Обвинительное заключение по делу об экономической контрреволюции в Донбассе. С. 21.

«пособий» и т. п., хотя фактически они были вознаграждением за выполнение заданий бывших шахтовладельцев. Каждый владелец предприятия действовал единолично, на свой страх и риск.

Однако отдельные верные шахтовладельцам старослужащие и тогда учиняли прямые вредительские акты. Так, горный техник С. А. Бабенко по указанию инженера Н. Н. Березовского осенью 1921 г. затопил шахту бывшей Ново-Азовской компании, входящую в Донецко-Грушевское рудоуправление. Он показал: «Березовский мне тогда говорил, что это надо сделать в интересах бывших хозяев, которым нежелательно, чтобы ее эксплуатировали. Шахта эта была на ходу, эксплуатация была бы выгодной... Затопление это я произвел путем поднятия насосов»[1]. Бывший управляющий Берестово-Богодуховским рудником, работавший при Советской власти районным уполномоченным Шахтинского района, инженер Г. А. Шадлун по указанию уезжавшего за границу директора французского акционерного общества Ремо распорядился после занятия Донбасса советскими войсками затопить шахту № 14, чтобы из нее «не выбирались недра». Это указание было выполнено в декабре 1919 г. Г. А. Шадлун показал на следствии: «Перед отъездом из Харькова (в конце 1919 г.) Ремо выдал мне записку на получение из кассы денег — восьмидесяти тысяч рублей и распорядился раздать их старшим служащим Берестово-Богодуховского рудника за то, чтобы они заботились о руднике и сохраняли имущество согласно его указаний».

Впоследствии Шадлун получал деньги от Ремо через советника польского консульства в Харькове Ружицкого и других лиц. При аресте Шадлуна в 1927 г. у него был обнаружен остаток этих денег — 93 доллара и 10 фунтов стерлингов[2].

---

[1] Обвинительное заключение по делу об экономической контрреволюции в Донбассе. С. 22.

[2] Там же. С. 102.

Новая экономическая политика открыла благоприятные возможности для бывших владельцев угольных предприятий. Они решили, что имеют теперь возможность получить «свои» шахты и рудники в порядке денационализации или концессии. Как и прежде, бывшие владельцы угольных предприятий были заинтересованы в том, чтобы их шахты и рудники были «на ходу», в исправности к моменту, когда они вновь перейдут в их распоряжение. Но для достижения этих целей бывшие углепромышленники должны были теперь действовать более организованно и целеустремленно, чем раньше.

В 1923 г. в Париже из остатков дореволюционного капиталистического объединения «Совета съездов горнопромышленников Юга России» образовалось «Объединение бывших горнопромышленников Юга России» во главе с Б. Н, Соколовым, Фениным и другими. Примерно в то же время в Польше возникло и «Польское объединение бывших директоров и владельцев горнопромышленных предприятий в Донбассе», руководимое Дворжанчиком. Эти объединения помимо охраны за границей интересов бывших шахтовладельцев ставили своей целью добиться возвращения принадлежавших им ранее русских предприятий. Объединения и стали организованно и планомерно направлять деятельность своей агентуры на советских шахтах и рудниках для содействия осуществлению поставленных ими целей.

Одновременно начался процесс создания вредительских групп на советских предприятиях. Если раньше связи некоторых старослужащих с бывшими хозяевами носили личный характер, то теперь эти связи становились целенаправленными отношениями между объединениями бывших владельцев шахт и вредительскими организациями. Вместо индивидуальных вознаграждений, которые иногда носили характер «хозяйских подачек», «пособий», теперь финансирование вредительской работы стало носить систематический характер.

Начиная с 1922 г. постепенно образовались вредительские группы в Донецко-Грушевском, Власовском, Несветаевском, Щербиновском, Брянцевском, Селезневском, Екатерининском, Гришинском и других рудоуправлениях. К моменту вскрытия шахтинского дела в 11 из 28 рудоуправлений Донбасса уже существовали антисоветские организации инженерно-технических работников, занимавшихся вредительской деятельностью.

Вот некоторые факты, характеризующие процесс создания вредительских ячеек на предприятиях и источники их финансирования.

Инженер Донецко-Грушевского рудоуправления Н. Н. Березовский показал: «Во второй половине 1922 г... инженер Шадлун однажды похвастался передо мной, говоря, что его бывшие хозяева пересылают ему деньги из-за границы. Я заинтересовался этим и выразил сожаление, что я не получаю денег от хозяев. Шадлун мне сказал, что это легко можно сделать через Горлецкого (последний работал тогда в «Донугле».— *Д. Г.*). Тогда же Шадлун мне сказал, что деньги эти являются вознаграждением со стороны хозяев за сохранение а порядке отобранных у них шахт, за сокрытие от советской власти наиболее ценных месторождений с тем, чтобы наиболее важные подземные богатства к моменту падения советской власти могли быть возвращены хозяевам нетронутыми и неистощенными. Я согласился принять на себя выполнение этих заданий... После этого я получил от Горлецкого письмо с изложением директив по вредительской работе».

Березовский вовлек в преступную деятельность несколько инженеров и техников Донецко-Грушевского рудоуправления и образовал вредительскую ячейку. О порядке ее финансирования он сообщил: «До конца 1923 г. я получал деньги от Шадлуна не только для себя, но и для распределения на периферии. Деньги я передавал Калганову, и последний мне сообщал, что распределял их

между членами организации... Лично я получил в свою пользу за все время от 15 000 до 20 000 рублей. Всего за все время через меня прошло на нужды организации около 175 000 рублей».

В Екатерининском рудоуправлении вредительскую группу организовал инженер Д. М. Сущевский, он же и распределял деньги среди ее членов. Впоследствии деньги распределял инженер Ю. Н. Матов, работавший в правлении «Донугля». Инженер С. П. Братановский показал: «Деньги я получал от Сущевского в конвертах с надписями на машинке... По внешнему виду конверты были заграничные. Первый пакет был получен осенью 1923 г. Деньги были в новых купюрах червонного исчисления в 100 рублей каждая. Припоминаю, что всего я получил деньги четыре раза, причем два раза через Сущевского... в первый раз 200 рублей, во второй раз, кажется, 250 рублей, в третий раз через Матова... но точно сумму не помню».

Таким же образом распределялись деньги среди участников вредительских групп и в других рудоуправлениях.

В 1923 г. образовался «Харьковский центр» вредительских групп в угольной промышленности Донбасса, состоявший главным образом из инженерно-технических работников советского хозяйственного объединения «Донуголь». Деятели «Харьковского центра», являясь одновременно ответственными работниками «Донугля», удобно могли направлять работу советских шахт и рудников по вредительскому руслу.

Большую роль в создании «Харьковского центра» сыграл деятель «Польского объединения бывших директоров и владельцев горнопромышленных предприятий в Донбассе» белоэмигрант Дворжанчик. Он поддерживал регулярную связь с бывшими служащими горных предприятий, перешедшими на советскую службу (Сущевским, Матовым, Детером и другими), получал от них сведения о состоянии рудников, посылал им деньги. Свою

«работу» по экономическому шпионажу Дворжанчик увязывал с польскими разведывательными органами. В частности, он поддерживал отношения с коммерческим советником Польского консульства Ружицким, через которого передавал указания, а также деньги своим агентам. В последнее время Дворжанчик имел постоянного связиста в лице члена вредительской организации инженера С. З. Будного, часто выезжавшего за границу по делам «Донугля».

Один из руководящих деятелей «Харьковского центра» Ю. Н. Матов рассказал о таких обстоятельствах образования «центра»: «Однажды в «Донугле» ко мне подошел Сущевский и сказал, что у него есть для меня письмо от Дворжанчика, которое ему привез Будный. Я прочел это письмо, в котором Дворжанчик пишет, что предлагает мне периодически давать сведения о шахтах и принять участие в работе в Донбассе, подробности о чем мне расскажет Сущевский. Я спросил у последнего, в чем дело, и он объяснил, что у него имеется письмо от Дворжанчика и инструкция, согласно которой и предлагается проводить работу в шахтах, причем добавил, что уже образовано ядро организации, в которое вошли он (Сущевский), Будный и другие. В общем инструкция сводилась к даче сведений о шахтах информационного характера и о проведении в жизнь ряда мероприятий на шахтах, которые должны были задерживать рост добычи и чинить всякого рода расстройства нормальному развитию работы».

Ю. Н. Матов хорошо знал об активной деятельности Дворжанчика по сбору шпионских сведений, так как и раньше передавал ему такие сведения через советника польского консульства Ружицкого. После обсуждения этого вопроса с некоторыми другими работниками «Донугля» Матов решил примкнуть к организации. На него оказало немалое влияние то обстоятельство, что «Дворжанчик предлагал довольно большое денежное вознаграждение за такую деятельность, а именно: несколько

менее получаемого нами жалованья от «Донугля», причем оплата предполагалась ежемесячно».

Ю. Н. Матов следующим образом изложил задачи, которые взял на себя «Харьковский центр»: «Информация бывших владельцев о происходившем в Донбассе, добыче, состоянии работ и перспективных планах развития рудников и шахт. Проведение вредительской работы при производстве добычи, замедление темпа нового строительства. Вредительство при импортной механизации и рационализации. Общая установка в задачах и деталях организации сводилась к общей дезорганизации каменноугольной промышленности».

Деятель «Харьковского центра» С. Б. Братановский, работавший в «Донугле» с 1925 г., показал: «Главнейшими задачами организации были: 1) Сохранение в неприкосновенном виде более ценных недр и машин для эксплуатации в дальнейшем прежними владельцами или концессиями. 2) Доведение рудничного хозяйства до такого состояния, при котором Советское правительство было бы вынуждено сдать рудники в концессию иностранцам или вообще капитулировать перед иностранным капиталом. 3) В случае войны помогать врагам СССР расстройством тыла, прекращая добычу и разрушая или затопляя рудники Донбасса. 4) Пропаганда против Советской власти».

Инженер А. И. Казаринов, также входивший в состав инициативной группы «Харьковского центра», конкретизировал задачи организации: «В задачи организации, — показал он, — входило, как основная цель ее, — возвращение каменноугольных рудников и горных предприятий прежним их владельцам на тех или иных основаниях, будь то аренда, будь то концессия или другое... В осуществление этой задачи прилагались усилия к тому, чтобы на рудниках накапливалось большое количество механического оборудования, но так, чтобы оно до определенного момента не могло использоваться; в первую

очередь восстанавливались и переоборудовались такие шахты, восстановление которых стоило дорого, вместо того чтобы на новом месте проходить более дешевые шахты; в то время разработка новых выгодных участков тормозилась искусственно путем задержки разведок и закладки новых шахт на малоценных участках. В результате всех этих мероприятий должны были выявиться невыгодность и нерентабельность эксплуатации для «Донугля» и, как естественный выход отсюда, денационализация и сдача шахт в аренду, в концессию».

Руководящая группа «Харьковского центра» установила регулярные сношения с белоэмигрантскими объединениями бывших шахтовладельцев и действовала по их указаниям. Достаточно сказать, что, по собственному признанию инженера С. З. Будного, он получил нелегально и передал организации за время с 1922 по 1926 г. не менее 40 пакетов (писем) от Дворжанчика. Переписку, а также личные свидания с Дворжанчиком и другими деятелями капиталистических объединений (во время командировок за границу) имели также члены организации, ответственные работники «Донугля» — главный инженер и член правления «Донугля» Н. Н. Бояршинов и Ю. Н. Матов.

«Харьковский центр» широко развернул работу по руководству вредительством на предприятиях Донбасса. В 1926 г. «шахтинцы» создали вредительскую группу и в Москве. В нее вошли бывший акционер — директор Ирининского каменноугольного общества, занимавший пост председателя научно-технического совета каменноугольной промышленности ВСНХ, Л. Г. Рабинович, работник плановых органов Н. И. Скорутто и другие. Группа должна была объединить вредителей из числа работников наркоматов, трестов, плановых органов, имеющих отношение к управлению угольной промышленностью. Предполагалось, что она впоследствии возьмет на себя руководство вредительской работой в угольной промышленности во всесоюзном масштабе.

Между тем так называемая «концессионная тактика» вредительских организаций не оправдала возлагаемых на нее антисоветчиками надежд. Успешный ход восстановления народного хозяйства, быстрое экономическое укрепление страны сделали совершенно безнадежными прежние расчеты бывших владельцев шахт и рудников на получение ими в порядке денационализации или концессии «своих» предприятий. И тогда антисоветские круги пришли к выводу о необходимости ускорения антисоветского переворота путем искусственного ухудшения экономической жизни страны. Теперь они все чаще стали возвращаться к идее военной интервенции со стороны иностранных держав против СССР. В 1926—1927 гг. шахтинские вредители усилили подрывную деятельность. Участились случаи взрывов и затопления шахт. Вредители портили дорогостоящее оборудование, закупали за границей негодные машины. Чтобы вызвать недовольство рабочих Советской властью, занижали зарплату, нарушали советский Кодекс законов о труде, срывали железнодорожное строительство.

Многие свидетели — рабочие и честные специалисты, — рассказали на предварительном следствии (а затем и на суде) о вредительских актах, совершенных обвиняемыми, их антисоветском поведении и издевательском отношении к рабочим. «Нет почти ни одной области в производстве, — говорилось в обвинительном заключении, — где бы рабочие не указывали следствию на конкретные случаи вредительства и на определенных виновников его. Уличенные этими показаниями обвиняемые были вынуждены признать свою вредительскую работу»[1].

Десятки свидетелей характеризовали бывшего шахтовладельца и управляющего рудниками акционерного общества «Грушевский антрацит», а в 1920—23 гг. заве-

[1] Обвинительное заключение по делу об экономической контрреволюции в Донбассе. С. 39—40.

дующего шахтой Емельяна Колодуба. Рабочий Вайлов на очной ставке с ним заявил: «Много сирот, вдов и матерей плачут от действий этого палача при царизме и при власти его соратников белогвардейцев... Пусть он скажет, как обирал рабочих и загонял их в могилу. Пусть он скажет, как нажитые эксплуатацией рабочих 30 000 денег отправил в германский банк». Рабочий Федор Куропаткин рассказывал, что Колодуб до революции «всегда ходил с толстой палкой, рабочих считал за собак. Эта палка Колодуба в 1913 году ходила и по моей спине».

Некоторые из обвиняемых «шахтинцев» во времена господства белогвардейцев в Донбассе были связаны с деникинской контрразведкой. Их разоблачили рабочие-шахтеры. Это же подтвердили и арестованные бывшие сотрудники шахтинской контрразведки. Константин Клатько показал: «Контрразведку посещали и были связаны с ней специалисты с рудника Петропавловского механик-инженер Абрам Борисович Башкин, техник Калганов Николай Ефимович и инженер Николай Николаевич Березовский. Все эти лица были связаны лично с головкой контрразведки ротмистром Прудентовым и его помощниками... Эти лица, безусловно, давали сведения о лицах, сочувствующих Советской власти... Контрразведка по этим донесениям принимала меры арестов и расстрелов рабочих. Рабочие расстреливались пачками». Бывший начальник шахтинской контрразведки ротмистр Павел Прудентов также показал: «Инженер Калганов имел тесную связь с шахтинской контрразведкой, и не один раз его экипаж останавливался у подъезда, где помещалась наша контрразведка. В свои посещения контрразведки Калганов делился с нами сведениями о настроениях рабочих в Петропавловске, указывая на тех рабочих, которые выделялись среди последних или как агитаторы, или как большевистски настроенные». Прудентов подтвердил также связи с шахтинской контрразведкой Н. П. Березовского, Емельяна и Андрея Колодубовых.

По окончании расследования 53 участника вредительской организации предали суду. Среди них оказались четыре бывших шахтовладельца. Основную массу обвиняемых составили старые инженеры и техники, занимавшие при капиталистах крупные посты.

Согласно обвинительному заключению, составленному старшим помощником Прокурора РСФСР Н. В. Крыленко и Прокурором Верховного суда СССР П. А. Красиковым, привлеченные к суду обвинялись в том, что «состояли членами вредительской контрреволюционной организации, действовавшей с 1920 по 1928 г., разновременно вступив в нее и поставив своей целью подрыв советской каменноугольной промышленности в контрреволюционных целях, для достижения чего производили:

1. Разрушение и срыв производства на местах.

2. Срыв работы организационного центра каменноугольной промышленности Донбасса — «Донуголь».

3. Срыв работы центральных органов, руководивших каменноугольной промышленностью.

Для достижения этих целей означенная контрреволюционная организация не только использовала аппараты советских учреждений, противодействуя их нормальной деятельности, но и, связавшись с пребывающими за границей и на территории СССР враждебными СССР лицами, группировками и органами, выполняла их враждебные в отношении СССР задания, передавала им сведения об экономическом состоянии каменноугольной промышленности для использования этих сведений во вред СССР и получала от заграничных контрреволюционных объединений и иных органов денежные средства для продолжения и дальнейшего развития своей контрреволюционной деятельности».

Большинство подсудимых как на предварительном, так и на судебном следствии признало свою вину. Их показания подтверждались и другими материалами расследования (технической экспертизой, свидетельскими показаниями и др.).

Верховный суд СССР 6 июля 1928 г. после тщательного разбирательства, продолжавшегося более полутора месяцев, приговорил: 4 подсудимых — оправдать; других 4 подсудимых — к условному наказанию; 10 подсудимых — к лишению свободы сроком от 1 до 3 лет; 21 подсудимого — к лишению свободы сроком от 4 до 8 лет; троих подсудимых (Н. И. Скорутто, А. В. Детера, Д. М. Сущевского) — к 10 годам лишения свободы; Н. Н. Горлецкого, Н. Н. Березовского, Г. А. Шадлуна, А. И. Казаринова, Н. Н. Бояршинова, Ю. Н. Матова, С. В. Братановского, Н. К. Кржижановского, В. Я. Юсевича, С. З. Будного, Н. А. Бояринова — к высшей мере наказания — расстрелу. Верховный суд СССР счел нужным довести до сведения Президиума ЦИК СССР, что ряд осужденных к расстрелу признали свою вину и стремились раскрыть преступную деятельность организации; что эти лица относятся к числу высококвалифицированных технических специалистов. В связи с этим суд ходатайствовал перед Президиумом ЦИК СССР о замене высшей меры наказания в отношении Березовского, Братановского, Казаринова, Матова, Шадлуна и Бояршинова другой мерой наказания. Президиум ЦИК СССР согласился с ходатайством суда и заменил указанным лицам высшую меру наказания — расстрел — 10 годами лишения свободы.

3. «Астраханщина».

В конце 1928 г. в краевой печати Нижне-Волжского края («Поволжская правда») стали появляться материалы о грубых искажениях линии государства в практике регулирования частного капитала и о фактах «сращивания» в Астрахани работников государственного аппарата (финансового и торгового) с частными предпринимателями (нэпманами).

Нижневолжские краевые организации, при активнейшем участии Астраханского окружного отдела ГНУ и окружной прокуратуры, приступили к ревизии деятель-

ности финансового и торгового аппарата Астрахани. А в печать, в Рабоче-крестьянскую инспекцию и органы расследования тем временем поступало множество заявлений от отдельных рабочих и других советских граждан о преступных связях работников государственного аппарата с частниками.

Началось расследование, которое производилось совместными усилиями ГПУ и прокуратуры. Были допрошены сотни свидетелей, проведены ревизии, хозяйственная и экономическая экспертизы деятельности финансового и торгового отделов, и в результате не только подтвердились первоначальные сведения о ненормальных явлениях в этих учреждениях, но данные расследования далеко превзошли всякие предположения о размерах преступных явлений в Астрахани.

Материалы дела показали, что в финансовом аппарате Астрахани в угоду частникам орудовали 25 советских служащих во главе с председателем губернской налоговой комиссии А. В. Адамовым; а в торговом аппарате — 16 сотрудников, во главе с заведующим губторготделом А. В. Нанковым и его заместителем В. С. Протодьяконовым.

Обвиняемые — работники финансового отдела — в 1925—1928 гг. сознательно снижали налоговое обложение крупных частных предприятий и предоставляли им незаконные отсрочки платежей. В результате этих преступных действий недопоступление в государственный бюджет налогов от частнокапиталистических предприятий выразилось в сумме 5 500 000 рублей. Кроме того, за ними образовалась недоимка налогов в сумме 4 116 000 рублей.

Обвиняемые — работники торгового отдела Астрахани — предоставляли частным рыбопромышленникам право увеличенного сверх установленной нормы вылова и обработки рыбы-сырца, что привело к захвату частниками значительной части улова рыбы в осенние путины 1927—1928 гг. Преступные действия работников торгот-

дела привели к дезорганизации внутреннего потребительского рынка спекулятивными ценами на рыбу частных предприятий. Председатель губернской налоговой комиссии А. В. Адамов и его заместитель А. А. Алексеев, заведующий губернским торговым отделом А. В. Панков и его заместитель В. С. Протодьяконов вместо выполнения лежащей на них обязанности защищать интересы обобществленного сектора народного хозяйства систематически получали взятки от частных владельцев торгово-промышленных предприятий.

Взяточничество было распространено и среди финансовых инспекторов разных участков города и агентов торгового отдела. Фининспектор И. Н. Семиков, например, получил взятки деньгами и разными предметами от 30 частников, с которыми ему доводилось встречаться по работе; он постоянно пьянствовал на их средства. Агент рыбно-сырьевой конвенции А. И. Авдеев получил взятки от 20 частных рыбопромышленников и торговцев.

По астраханскому делу были привлечены 74 частных владельца торгово-промышленных предприятий. Они: 1) систематически скрывали действительные обороты своих предприятий, неправильно вели торговые книги, входили в соглашения с работниками финансового аппарата и при их содействии недоплачивали государству значительные суммы причитающихся с них налогов; 2) входили в преступные соглашения с руководителями торгового отдела (Панковым и Протодьяконовым) и другими служащими этого отдела и добивались через них: повышенных норм вылова рыбы как для всего частнокапиталистического сектора рыбной промышленности Волго-Каспийского бассейна, так и отдельных своих предприятий; возможности закупки рыбы по ценам выше конвенционных; устранения препятствий к фактическому громадному превышению нормы; возможности реализации рыбы по ценам выше рыночных, причем, обогатившись за счет социалистического сектора народного хозяй-

ства и органов фиска, часть денег давали служащим торгового отдела.

Следственные власти пришли к заключению, что содеянное привлеченными к ответственности лицами выходит далеко за пределы обычных общеуголовных преступлений и является антисоветским преступлением. «Размеры использования государственного аппарата и степень его разложения в этих целях — говорилось в обвинительном заключении, — многомиллионные убытки, понесенные государством, и их последствия для всей хозяйственной и культурной жизни Астраханского округа далеко вывели данные преступные действия за пределы обычных должностных преступлений[1].

В связи с этим по астраханскому делу было предано суду в общей сложности 129 человек, из них 121 обвинялись по ст. 58-7 УК РСФСР (об экономической контрреволюции), а остальные — по статьям УК о должностных преступлениях. Судебный процесс происходил в Астрахани с 29 августа по 27 октября 1929 г. под председательством председателя Нижне-Волжского краевого суда Азеева, с участием государственных обвинителей — помощника Прокурора Верховного суда РСФСР В. И. Фридберга и краевого прокурора Берзина, общественных обвинителей и большой группы защитников.

Суд приговорил: председателя губернской налоговой комиссии А. В. Адамова, заместителя заведующего налоговым подотделом губфинотдела А. А. Алексеева, заведующего торготделом А. В. Панкова, его заместителя В. С. Протодьяконова, члена губернской налоговой комиссии Г. А. Власова, фининспектора И. Н. Семикова, агента рыбно-сырьевой конвенции торготдела А. И. Авдеева, частных рыбопромышленников и торговцев И. С. Солдатова, Х. М. Заславского, С. Н. Кузнецова, И. Е. Калинина, Н. С. Блоха, С. А. Вишнепольского, М. В. Полевого — к

---

[1] Обвинительное заключение о служащих Астраханских Финансового и Торгового отделов... С. 5.

расстрелу (Панкову расстрел был заменен ВЦИК 10 годами лишения свободы). К 10 годам лишения свободы приговорены 8 рыбопромышленников и 5 сотрудников финансового отдела. Оправдано 7 подсудимых, остальные приговорены к разным срокам лишения свободы и принудительных работ.

Церковная антисоветчина

1. Выступления церковников против Советской власти в 1917—1921 гг.

После Октябрьской революции во главе церкви встал московский митрополит Тихон (В. И. Белавин), 5 ноября 1917 г. избранный на Всероссийском церковном соборе патриархом всея Руси. В прошлом Тихон был деятельнейшим членом монархистского Союза русского народа — председателем Союза русского народа в Ярославле.

Советская власть в первые месяцы своего существования приняла законы о свободе совести и верований, и отделила церковь от государства и школу от церкви (декреты от 16 и 18 декабря 1917 г. и 20 января 1918 г.). Религия была признана частным делом граждан, церковь потеряла право участия в государственной деятельности. Преподавание закона божьего в школах отменялось. Устанавливался гражданский брак и развод по суду. Церковная собственность, в том числе крупные монастырские поместья, объявлялась народным достоянием. Эти декреты лишали православную церковь положения государственного института и в значительной степени подрывали источники ее доходов.

Реакционные церковники с ожесточением выступили как против этих, так и других декретов Советского правительства. Только от имени Всероссийского священного собора патриарх Тихон подписал 16 антисоветских посланий и воззваний к духовенству и верующим.

19 января 1918 г. патриарх Тихон выступал с посланием к верующим, в котором призвал «стать на защиту церковного достояния» и «если нужно будет, и пострадать за дело Христовой веры». Предавая анафеме Советскую власть, он приказывал:

«А вы, братия архипастыри и пастыри, не медля ни одного часа в вашем духовном деланьи, с пламенной ревностью зовите чад ваших на защиту попираемых прав церкви православной, немедленно устрояйте духовные союзы, зовите не нуждою, а доброю волею становиться в ряды духовных борцов».

27 января 1918 г. Всероссийский священный собор объявил советские декреты «сатанинским гонением» на церковь. «...Изданный Советом Народных Комиссаров декрет об отделении церкви от государства, — говорилось в решении собора, — представляет собою... злостное покушение на весь строй жизни православной церкви и акт открытого против нее гонения... всякое участие как в издании сего враждебного церкви узаконения, так и в попытках провести его в жизнь несовместимо с принадлежностью к православной церкви и навлекает на виновных кару вплоть до отлучения от церкви».

Собор постановил не признавать декретов Советской власти о браке и разводе и предавать «церковному осуждению» всех, кто будет на основании этих декретов расторгать церковные браки и вступать в новые.

По решению собора все церкви должны были в знак протеста против декрета об отделении церкви от государства устроить специальные молебствия и крестные ходы. В Москве такой крестный ход состоялся 28 января 1918 г.

В обращении Президиума Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Москвы и Московской области «Ко всем гражданам» накануне крестного хода разъяснялось: «Крестный ход на 28 января назначен против власти рабоче-крестьянского правительства. Граждане увидят, как вся буржуазия присоединится к этому шест-

вию. Потому что сейчас духовенство восстало на защиту вовсе не храмов и свободы веры. Этому никто и ничто теперь не угрожает. Оно восстало на защиту богатств, имений, земель, жалованья в 200 тысяч рублей митрополитам, в защиту миллионов, накопленных в монастырской казне, в защиту сытой, спокойной и бездельной жизни сотен тысяч праздных и богатых людей»[1].

И действительно, в крестных ходах 28 января участвовали помимо церковных служителей торговцы, приказчики, бывшие чиновники и иные антисоветские элементы.

15 марта 1918 г. делегация церковников во главе с А. Д. Самариным и Н. Д. Кузнецовым передала в Совет Народных Комиссаров декларацию, в которой заявлялось, будто русский народ смотрит на изданные декреты как «на тяжкое оскорбление его религиозного чувства». «Да будет ведомо вам, — заявила делегация Советскому правительству, — что религиозное успокоение ста миллионов православного русского народа может быть достигнуто не иначе, как отменой всех распоряжений, посягающих на жизнь и свободу народной веры»[2]. Это был «ультиматум» реакционных церковников.

Их противодействие мероприятиям Советского правительства не ограничивалось «ультиматумами»; они провоцировали и народные волнения. Возбуждаемые ими группы отсталых людей, созываемых набатным звоном «на защиту церкви», нападали на представителей советских органов, мешали им исполнять общественные и государственные обязанности.

Беспорядки произошли, например, в Звенигородском уезде Московской губернии, где спровоцированной антисоветскими элементами толпой, созванной колокольным звоном «на защиту церкви», были убиты два советских работника и милиционер. В Павловском Посаде возбуж-

---

[1] Ярославский Ем. О религии. М., 1957. С. 18.
[2] ЦГАОР, ф. 353, оп. 2, д. 712, л. 51об.

денная церковниками толпа фанатиков подожгла здание Совета и убила семь человек. В Яковлевском монастыре Пензенской губернии 5 сентября 1918 г. монахини и белогвардейцы убили юную чекистку Пашу (Прасковью Ивановну) Путилову. По сведениям Высшего церковного совета, при проведении в жизнь декрета об отделении церкви от государства в стране произошло 1414 кровавых столкновений, спровоцированных антисоветчиками и реакционными церковниками. По данным Н. В. Крыленко, во время беспорядков были убиты 138 коммунистов. Революционные трибуналы республики в 1918—1919 гг. рассмотрели 78 дел о преступных действиях церковников.

Не было ни одного крупного антисоветского заговора, в котором бы не участвовали реакционные церковники. Как установлено при расследовании заговора Локкарта, Тихон дал дипломатическим заговорщикам стран Антанты «благословение» на совершение антисоветского переворота в России и собирался во имя успеха дела отслужить всенародный молебен. Из книги сына английского «дипломата» Локкарта мы узнаем, что в августе 1918 г. английские разведчики Сидней Рейли и Хилл передали патриарху Тихону 5 миллионов рублей из средств, собранных Локкартом для финансирования русской антисоветчины. Патриарх был связан с Колчаком и Деникиным, с лидерами «Национального центра».

Многие служители культа являлись непосредственными участниками вооруженных антисоветских выступлений. Во время ярославского восстания священник Владимирской церкви с колокольни стрелял из пулемета по красноармейцам. В муромском восстании участвовали монахи, а престарелый епископ Митрофан дал мятежникам «благословение» и собрал в их пользу крупную сумму денег. Владимирский губернский революционный трибунал, рассмотрев дело об этом восстании, освободил Митрофана от наказания, учитывая, его преклонный возраст, и ограничился выселением его из Мурома; муромский же монастырь, как очаг антисоветчины, был закрыт.

Одним из руководителей антисоветского восстания в селе Беловодском (Семиречье) являлся местный священник Иван Ткачев, который на сходе крестьян выступил с погромной речью. Этот воинственный поп организовал «черный отряд для истребления антихристов-большевиков».

Еще более зловещей была деятельность церковников на территории, занятой белогвардейцами и интервентами. Архангельское духовенство во главе с епископом Павлом (П. А. Павловским) поддерживало белых и интервентов. 15 августа 1918 г. в № 14 архангельских «Епархиальных ведомостей» церковники «поздравили» верующих с падением Советской власти и прибытием в город «союзников» — англичан, французов, американцев, и призвали всех: «Поднимайтесь на защиту родины! Не ждите приказа о наборе. Идите сами доброй волей!» 18 августа они устроили на Соборной площади торжественный благодарственный молебен с участием крестных ходов от всех приходов и всего городского духовенства «по случаю избавления города от насилия и перемены власти». Знаменитый в истории северной антисоветчины протоиерей Иоанн Лелюхин произнес здесь яростно враждебное по отношению к Советской власти «слово». Церковники собирали деньги и вещи для белой армии; посылали на фронт проповедников с погромной литературой.

Когда по требованию английских рабочих интервенционистские войска должны были покинуть Архангельск, «Союз духовенства и мирян» делегировал в сентябре 1919 г. протоиерея Лелюхина в Англию к архиепископу Кентерберийскому с просьбой воздействовать на английское правительство, чтобы оно не отзывало свои войска и продолжало войну с Советской Россией. Мало того, чтобы подогреть воинственно антисоветское настроение верующих, протоиерей Воскресенской церкви М. И. Попов сочинил «акт о явлении под Архангельском богоматери», благословляющей белую армию и интервентов. В этом акте от 27 августа 1919 г. говорилось, что группа детей —

гимназистов и гимназисток от 10 до 13 лет — 3 августа в восьмом часу вечера «...видела невысоко над горизонтом к Почтамтской ул. на северо-западной стороне пресвятую деву Марию в сидячем положении и не во весь рост с богомладенцем Иисусом Христом. Она простирала обе руки вперед ладонями вниз и покрывала город. Младенец часто двигал руками, а потом дал движение правой рукой, как благословляют. Видение продолжалось 20—30 минут и затем постепенно стало исчезать». Несмотря на явную вздорность «видения», архангельский епископ Павел положил на акте резолюцию: «Милость божия и заступление божией матери да будет с нами и над градом нашим». Акт о «дивном видении» был опубликован в архангельских «Епархиальных ведомостях» № 19—20 за 1919 г.[1].

Уфимский епископ Борис (Шипулин) во время торжественной встречи Колчака в Пермском кафедральном соборе обратился к нему с речью как к «освободителю от большевиков», призывал население жертвовать на армию Колчака и бороться с Советской властью. Екатеринбургский и Ирбитский архиепископ Григорий (Яцковский) и другие «отцы церкви» также помогали Колчаку. В ряде мест в Сибири реакционные церковники формировали из монахов и религиозных фанатиков-мирян вооруженные отряды, так называемые «иисусовы полки», «дружины святого креста», для борьбы против Советской власти.

В ноябре 1918 г. в Томске состоялось Сибирское церковное совещание, в котором участвовали 39 высших иерархов православной церкви и монархистские деятели. Совещание образовало «для управления епархиями Сибири, Приуралья и другими освобожденными от советско-большевистской власти частями России» высшее временное церковное управление, главою которого был избран омский архиепископ Сильвестр. Совещание издало обращение с призывом к поддержке правительства Кол-

[1] См.: Известия ВЦИК, 1921, 5 февраля.

чака и к борьбе с Советской властью. Избранное церковное управление и ее местный довольно мощный аппарат состояли на содержании колчаковского правительства.

В Ставрополе по инициативе Деникина в мае 1919 г. церковниками был созван Юго-восточный поместный собор русской православной церкви, который избрал Высшее церковное управление Юго-Востока России, состоявшее из реакционных деятелей (архиепископа донского и новочеркасского Митрофана и других). Церковное управление южных губерний было откровенно политическим органом борьбы с большевизмом и Советской властью. Оно определяло роль церкви так: «Гидра большевизма и после всех ударов, нанесенных ей нашими доблестными армиями с их беспримерными вождями-патриотами христианами, стоит еще с поднятой головой... Церковь должна поднять и крест и палицу свою против этой гидры, как подняла бы она все оружие свое против антихриста»[1].

В одном из обращений к красноармейцам церковники устрашали их:

«Долготерпелив господь, но страшен гнев его. Возмездие земное уже близится... Близится час, когда силою оружия благословляемые церковью русские полки с крестом и священными знаменами войдут в Кремль Москвы. Наступит час расплаты».

При штабе Деникина было образовано церковное ведомство, которым руководил бывший протопресвитер царской армии Георгий Шавельский. Это ведомство «воодушевляло» солдат на борьбу с Советской властью и вело слежку за ними. На Юго-Востоке России при деникинщине отличился воинствующий священник Владимир Востоков, организовавший так называемое «Братство животворящего креста» — дружины для борьбы с Советской властью. На Украине действовал известный монархист

---

[1] *Кандидов Борис.* Церковь и гражданская война на Юге. (Материалы к истории религиозной контрреволюции в годы гражданской войны). М., 1931. С. 20.

митрополит Антоний (Храповицкий) — один из лидеров «Союза русского народа».

Уважая религиозные чувства части народа, Советское правительство до поры не применяло репрессий по делам о противодействии декрету об отделении церкви от государства. Лишь в случаях серьезных беспорядков революционные трибуналы наказывали зачинщиков. Что же касается темных, спровоцированных на выступления людей, трибуналы ограничивались минимальными наказаниями и условным осуждением. Всероссийская чрезвычайная комиссия 11 июня 1918 г. оповещала население: «...ни один священник, епископ и т. д. не был и никогда не будет арестован только за то, что он духовное лицо; те же, кто ведет контрреволюционную деятельность, независимо от своей принадлежности к духовному званию, будут привлекаться к ответственности, но не за религиозную, а за антиправительственную деятельность»[1].

Примером карательной линии органов советского правосудия в такого рода делах может послужить приговор Новгородского губернского революционного трибунала от 12 февраля 1921 г. по делу митрополита новгородского и старорусского Арсения (А. Г. Стадницкого), епископа Алексия (С. В. Симанского) и других, обвиняемых в систематическом нарушении декрета об отделении церкви от государства. Суд признал установленным, что, несмотря на запрещение, церковники обложили все население губернии, в том числе и детей, подушным сбором на епархиальные учреждения, требовали, чтобы трудовые артели точно исполняли монастырский устав, подчинялись во всем настоятелям монастырей, рассылали указы касательно бракоразводного процесса, в «Епархиальных ведомостях» помещали статьи явно контрреволюционного характера, доходящие порой до призыва к восстанию. Признав, что все эти преступления производи-

[1] Известия ВЦИК, 1918, 11 июня.

лись под руководством митрополита Арсения, епископа Алексия и других священнослужителей, губернский революционный трибунал приговорил всех этих лиц к условному наказанию[1].

Многие факты антисоветской деятельности церковных реакционеров стали известны при расследовании дела «Совета объединенных приходов г. Москвы».

Началось с того, что в ноябре 1918 г. член сельского Совета из деревни Титово Мячковской волости И. Е. Зубов пожаловался на кулаков И. В. Гусева и Н. В. Королева, которые на сходе угрожали ему расправой. Гусевым и Королевым заинтересовались. Выяснилось, что Королев посещает собрания церковников и наставляет крестьян, чтобы они по колокольному звону являлись на «защиту церкви». При расследовании этого дела Бронницкая уездная чрезвычайная комиссия нашла у местного священника брошюру «Доклад священника А. А. Полозова», в которой осуждался декрет Совета Народных Комиссаров об отмене преподавания закона божьего в школе. Брошюра была издана «Советом объединенных приходов г. Москвы» и распространялась через благочинных священников. Один из них, И. А. Тузов, и автор брошюры А. А. Полозов были арестованы.

При обыске у Полозова нашли письмо, адресованное «благочинным уездов Московской епархии». Это был своеобразный бюллетень, выходивший еженедельно и посвященный деятельности учрежденного в Москве «Совета объединенных приходов». В нем отмечалось, что «Совет» был избран 30 января 1918 г. на первом собрании православных приходов и приглашает вступить в организацию все приходы Московской губернии. Особое внимание следствия привлекли рекомендации «Совета» приходам обсудить на собраниях «образ действий на случай покушений со стороны представителей нынешней

---

[1] ЦГАОР, ф. 353, оп. 5, д. 72, л. 225—226.

власти захватить храм, его принадлежности или иным образом посягнуть на достояние церкви и прихода», а также подробные указания, как противодействовать этому.

В частности, «Совет» указывал: «Если бы представители власти не вняли доводам настоятеля храма или приходского совета и стали бы проявлять намерение силой осуществить свое требование, надлежало бы тревожным звоном (набатом) созвать прихожан на защиту церкви... Если есть поблизости другие храмы, то желательно войти с ними предварительно в соглашение, чтобы и в них раздался тревожный звон, по которому население окрестных приходов могло бы прийти на помощь и своею многочисленностью дать отпор покушению на церковь»[1].

Из обнаруженных документов стало ясно, что «Совет объединенных приходов» пытался организовать сопротивление проведению в жизнь декрета об отделении церкви от государства и провоцировать антисоветские выступления. Правда, в указаниях «Совета» говорилось и о «неприменении оружия», но это были лишь пустые слова. Жизнь показала, что церковный набатный звон играл зловещую роль в кровавых беспорядках, вызванных антисоветчиками.

Руководство «Совета объединенных приходов» по своему составу было явно антисоветским. Председателем «Совета» являлся А. Д. Самарин, бывший обер-прокурор святейшего синода, «егермейстер двора его императорского величества», губернский предводитель московского дворянства, крупный помещик, владевший до революции 10 тысячами десятин земли. В состав «Совета» входили: священник А. А. Полозов, профессор церковного права Н. Д. Кузнецов, московские протоиереи Н. В. Цветков и С. В. Успенский, философ Г. А. Рачинский, дьякон С. А. Смирнов — заведующий канцелярией «Совета», крупный торговец Емельянов.

---

[1] ЦГАОР, ф. 353, оп. 3, д. 744, л. 2-4.

Органы ВЧК давно искали Самарина. 7 октября 1918 г. его задержали на станции Брянск с фальшивыми документами на имя Зарецкого. Он пытался пробраться на Украину, где в то время господствовал гетман Скоропадский. У Самарина обнаружили письмо патриарха Тихона, который поручал ему вести переговоры в Киеве по поводу автокефалии[1] украинской церкви. При расследовании было найдено и письмо Самарина от 18 июня 1918 г. на имя уехавшего на Украину В. И. Карпова — одного из деятелей «дворянского совета». В качестве председателя «Постоянного совета объединенных дворянских обществ» (давно ликвидированного революцией) Самарин писал Карпову; «Когда будете на Украине, если представится возможность, соберите там остальных членов совета и устройте совещание по вопросам, которые трактуются патриархом Тихоном в его послании по поводу Брестского мира»[2]. Таково было истинное лицо Самарина, выдававшего себя за аполитичного церковного деятеля. В тот раз, однако, ВЧК освободила Самарина. А 29 августа 1919 г. в связи с делом «Совета объединенных приходов г. Москвы» он был вновь арестован.

Другим виднейшим деятелем «Совета приходов» был профессор церковного права Н. Д. Кузнецов, который специализировался на борьбе с Советской властью в «юридической области».

Дело «Совета объединенных приходов г. Москвы» рассматривалось в губернском революционном трибунале с 11 по 16 января 1920 г. с участием обвинителя Н. В. Крыленко и семи защитников. Перед судом предстали 12 подсудимых, в том числе Самарин и Кузнецов. Руководители «Совета» не признавали себя виновными, утверждая, что не имели в виду выступать против Советской власти и

---

[1] *Автокефалия* — самостоятельность, организационная независимость поместной церкви от одноименной церковной организации, находящейся внутри или за пределами страны.

[2] ЦГАОР, ф. 353, оп. 4, д. 391, л. 223—224.

действовали исключительно в целях «оживления церковной жизни».

Сокрушительную отповедь реакционным церковникам дал Н. В. Крыленко. «Физиономия Совета вполне характеризуется воззванием, — заявил Н. В. Крыленко, — которое говорит: «Организуйтесь в союзы мирян, объединяйтесь повсеместно при реквизициях церковного имущества, в крайних случаях — бейте в набат». Это послание прошлось по всей республике, докатилось до Твери, Тамбова, Сольвычегодска. «Бейте в набат» — так писали в Москве, и набатный звон церковных колоколов раздавался по всей России»[1].

Московский губернский революционный трибунал приговорил Самарина и Кузнецова к заключению в исправительный лагерь «до окончательной победы рабоче-крестьянской власти над мировым империализмом». Цветков и Фиргуф (игумен Иона) были осуждены на 5 лет, иеромонах Савва и священник Тузов — на 3 года лишения свободы каждый. Протоиерей Успенский, дьякон Смирнов, ризничий Ефрем и другие — к условному наказанию. Еще до окончания гражданской войны все осужденные к лишению свободы были выпущены на свободу по амнистии.

2. Дело патриарха Тихона.

28 февраля 1922 г. патриарх Тихон (В. И. Белавин) и состоявшие при нем члены Священного синода русской православной церкви призвали верующих к сопротивлению представителям Советской власти при изъятии церковных ценностей для помощи голодающим. Это воззвание вызвало волну кровавых беспорядков в стране. 5 мая 1922 г. Московский революционный трибунал постановил привлечь патриарха Тихона к судебной ответственности. Такие же определения вынесли Новгородский, Петроградский, Донской и другие революционные трибуналы.

---

[1] *Крыленко Н. В.* За пять лет. М., 1925. С. 67, 69.

ГПУ арестовало Тихона и его соучастников — членов Священного синода — Н. Г. Феноменова, А. Г. Стадницкого и П. В. Гурьева. В июне 1923 г. расследование закончилось, и дело передали в Верховный суд РСФСР. В обвинительном заключении были изложены многочисленные факты антисоветской деятельности Тихона и его ближайшего окружения. Эти факты свидетельствовали о том, что реакционные деятели церкви под общим руководством и при непосредственном участии патриарха Тихона (Белавина), Стадницкого, Феноменова и Гурьева создали организацию, поставившую своей целью свержение власти Советов, и направляли к этой преступной цели деятельность легально существовавших религиозных объединений.

В мае — августе 1918 г. Тихон поддерживал связи с агентами французского правительства и «благословлял» мероприятия этого правительства по организации военной интервенции против России. Рассчитывая на свое религиозное влияние, Тихон «благословлял» деятельность антисоветских сил, добиваясь поддержки их верующими людьми. Он выпустил ряд воззваний, возбуждавших народные массы против внутренней и внешней политики рабоче-крестьянского правительства, издал циркуляр, обязывающий низшее духовенство организовывать на местах специальные ячейки приходских и епархиальных советов для борьбы против Советской власти, а также инструкцию о способах вовлечения народных масс в движение сопротивления Советской власти (принятие резолюций, осуждающих мероприятия Советской власти, устройство демонстративных крестных ходов, созыв прихожан набатным звоном «на защиту церкви»).

Двусмысленно было и отношение патриарха Тихона к белоэмигрантским кругам православного духовенства. Бывший митрополит харьковский Антоний (Храповицкий), бежавший из страны с белогвардейцами, вел за границей далеко не церковную работу. В ноябре 1921 г.

он организовал в Сремски Карловцы (Югославия) так называемый «русский всезаграничный собор», на который собрались епископы и иные церковные деятели, а также представители монархистских групп для обсуждения планов борьбы за восстановление монархии в России. Собор принял послание, в котором требовал посадить на российский престол «законного православного царя из дома Романовых»; он создал и так называемый Архиерейский собор и синод российской православной церкви за границей.

Только после того, как народный комиссар юстиции Д. И. Курский обратил внимание патриарха Тихона на политические, а не церковные решения Карловацкого собора, Тихон на письме наркома написал такую резолюцию: «Собор закрыть, а за постановлениями Карловацкого собора не признавать канонического значения, ввиду вторжения его в политическую область, ему не подлежащую. Материалы заграничного Собора затребовать, чтобы судить о степени виновности участников Собора». Прошло некоторое время, и церковные власти, состоящие при патриархе, решили «войти в обсуждение деятельности виновников Собора... по восстановлению нормальной жизни Российского Синода». Фактически это означало отказ от всякого расследования[1].

Учитывая ставку антисоветчины на удушение Советской власти путем голода, постигшего Россию в 1921 г., и имея намерение использовать в этих целях голод в Поволжье, патриарх Тихон ответил на мероприятия Советской власти об изъятии церковных ценностей для помощи голодающим воззванием, в котором призывал верующие массы выступить против этих мероприятий и запрещал выдачу Советской власти церковных ценностей. В случае

---

[1] Обвинительное заключение по делу бывшего патриарха Тихона (Белавина) и других руководителей церкви, обвиняемых в контрреволюционной деятельности. С. 30—31.

исполнения требований Советской власти он угрожал мирянам отлучением от церкви, духовным лицам — лишением сана, сделав в воззвании заведомо ложные ссылки на каноны, якобы запрещающие выдачу властям церковных ценностей. В результате этого призыва возник ряд кровавых беспорядков в Москве, Шуе, Смоленске и других местах республики.

Наиболее активными соучастниками и исполнителями преступных постановлений патриарха Тихона были члены Священного синода А. Г. Стадницкий (митрополит новгородский Арсений), Н. Г. Феноменов (епископ Вятской епархии) и П. В. Гурьев (управляющий канцелярией Священного синода и Высшего церковного совета)[1].

Предстоящий судебный процесс над церковными деятелями вызвал шумную кампанию протестов антисоветских кругов за границей; там утверждали, будто патриарх Тихон не занимался антисоветской деятельностью. Но сам патриарх во время подготовки судебного процесса 16 июня 1923 г. обратился в Верховный суд со следующим заявлением: «Я считаю по долгу своей пастырской совести заявить следующее: будучи воспитан в монархическом обществе и находясь до самого ареста под влиянием антисоветских лиц, я действительно был настроен к Советской власти враждебно, причем враждебность из пассивного состояния временами переходила к активным действиям, как-то: обращение по поводу Брестского мира в 1918 г., анафемствование в том же году власти и, наконец, воззвание против декрета об изъятии церковных ценностей в 1922 г. Все мои антисоветские действия, за немногими неточностями, изложены в обвинительном заключении Верховного суда. Признавая правильность решения суда о привлечении меня к ответственности по указанным в обвинительном заключении статьям уголовного кодекса за антисоветскую деятельность, я рас-

---

[1] См.: Обвинительное заключение... С. 54—55.

каиваюсь в этих поступках против государственного строя и прошу Верховный суд изменить мне меру пресечения, т. е. освободить меня из-под стражи. При этом я заявляю Верховному суду, что я отныне Советской власти не враг. Я окончательно и решительно отмежевываюсь как от зарубежной, так и внутренней контрреволюции»[1].

Учитывая это заявление, судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР 25 июня 1923 г. удовлетворила ходатайство патриарха Тихона (Белавина) и освободила его из-под стражи. Рассмотрение дела было отложено.

Выйдя из тюрьмы, Тихон пожелал вернуться на патриарший престол, но его церковные противники вступили с ним в борьбу.

Вызванное Октябрьской революцией мощное народное движение заставило наиболее дальновидных деятелей церкви пересмотреть традиционное отношение православия к социальным вопросам. Так же как и на Западе, в русской православной церкви появились течения «обновления», требовавшие «социализации» доктрины православия. Идеологи этого течения доказывали, что социалистические идеалы коренятся в христианстве или, во всяком случае, не противоречат христианству, и призывали к «примирению» церкви с Советской властью. В 1922—1923 гг. эти течения в русской православной церкви, возглавлявшиеся епископами Антонином, Георгием Добронравовым, протопресвитером Владимиром Красницким и другими, приобрели большую силу. Созванный «обновленцами» поместный собор лишил патриарха Тихона священного сана и избрал новое Высшее церковное управление. Тихон не согласился с таким решением. В ответ Высшее церковное управление обратилось к верующим с воззванием, в котором дало уничтожающую характеристику патриарху. Обвиняя Тихона в деспотическом уп-

[1] Известия ВЦИК, 1923, 1 июля.

равлении церковью, оно призывало на его голову «божию кару и божие отмщение»[1].

Движение «обновления» все же влияло и на патриарха. 8 ноября 1923 г. Священный синод под его руководством вынес постановление, осудившее политическую, антисоветскую деятельность церковников.

21 марта 1924 г. Президиум ЦИК СССР, учитывая публичное раскаяние патриарха Тихона, принял такое постановление: «Принимая во внимание, что гр. В. И. Белавин, бывший патриарх Тихон публично раскаялся в своих контрреволюционных выступлениях против власти рабочих и крестьян... Президиум ЦИК Союза ССР постановил: дело по обвинению граждан Белавина В. И. (бывшего патриарха Тихона), Феноменова Н. Г., Стадницкого А. Г. и Гурьева П. В. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 62 и 119 Уголовного Кодекса РСФСР, производством прекратить»[2].

Патриарх Тихон все более переосмысливал отношение руководимой им церкви к Советскому государству. В завещании от 7 января 1925 г. он призвал верующих и духовенство православной церкви «со спокойной совестью, без боязни погрешить против святой веры, подчиняться Советской власти не за страх, а за совесть».

---

[1] Правда, 1923, 8 июля.

[2] Известия ВЦИК, 1924, 22 марта.

Глава 4

БОРЬБА С ВРАГАМИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА УКРАИНЕ

Петлюровщина, григорьевщина, махновщина

Социально-политическая обстановка на Украине весною 1919 г. была крайне сложной. Только что освобожденная от гетманщины, немецких оккупантов и петлюровцев, Украинская Советская республика вновь оказалась перед лицом смертельной опасности: на нее надвигались войска Деникина и интервентов, занявшие ряд ее южных портов и городов.

В тылу Советской власти на Украине антисоветчина вела разнузданную агитацию среди крестьян, разжигая ненависть к советскому государству и к русскому народу. Эта злобная агитация и подрывная деятельность вызвали волну антисоветских заговоров и вооруженных выступлений. Антисоветские выступления носили крайне ожесточенный, кровавый характер. Это были проявления типичного политического бандитизма.

Оценивая политический бандитизм 1919 г., V Всеукраинская конференция КП(б)У отмечала: «В зависимости от характерных для различных районов Украины социальных группировок в селе восстание отличается по различным районам и основным кадрам его участников и своей идеологией. В Александровско-Гуляйполъском районе основной массой восстающих являются хуторские элементы с анархистско-махновской идеологией, а в Александринско-Одесском районе основную массу восстающих

составляет кулацкий элемент с погромно-бандитской идеологией, в Правобережье — бедняцкие и деклассированные элементы с самостийно-шовинистической идеологией. Но при всем различий основных кадров восстания характерным, типичным для всех районов является:

а) полный распад социальных связей, в особенности города с деревней, превращающий село в самостоятельное, самоснабжающееся, в себе замыкающееся феодального типа «государство»;

б) восстание экономически возглавляется кулацкой... верхушкой села, идейно возглавляется или националистическими элементами украинской интеллигенции, или анархистско-левоэсеровскими отбросами рабочего города;

в) в силу политической нерасслоенности села и значительного участия в восстании его беднейших элементов лозунги восстания во всех районах носят исключительно «советский» характер (Григорьев — за «самостийную Советскую власть». Зеленый, «незалежники» — за «самостийну вильну Радянську Украну», Махно — за «вольные Советы»)»[1].

* * *

Самым распространенным и опасным было петлюровское движение, получившее свое название, от фамилии одного из его руководителей, украинского «социал-демократа» С. В. Петлюры. Идеология петлюровщины — национализм — направляла политику этого правительства и деятельность его подпольных организаций в советском тылу. В задачу подпольной петлюровщины входило поднять массы на восстание против Советов, на войну против русского народа и образовать национально-демо-

[1] «Радянське будивництво на Украини в роки громадянськои вийны», (1919—1920). Киев, 1957. С. 162—163.

кратическую республику на украинской земле. Главными организаторами и руководителями движения являлись деятели украинской Директории. Организаторами подрывной работы в советском тылу выступили представители украинских националистических партий, в том числе и так называемых «социалистических».

Украинские эсеры и социал-демократы — наиболее многочисленные партии мелкой буржуазии — переживали расколы и шатания. Левая часть этих партий заявляла о готовности пойти на соглашение с большевиками. В украинской партии социал-демократов (партии Петлюры) во время восстания против гетманщины образовалась левая группа «незалежников». После разгрома Петлюры и восстановления Советской власти на Украине она образовала самостоятельную партию с «советской ориентацией». Но уже через несколько недель «незалежники» встали во главе антисоветского восстания во имя «самостийной украинской Советской власти». В феврале 1919 г. они образовали подпольный «Всеукраинский ревком» для руководства восстанием. Во главе «ревкома» стоял «незалежник» Драгомирецкий.

Командующим повстанческими силами был назначен Юрий Мазуренко (он скрывался под прозвищем Кладун), начальником штаба — Малолитко (Сатана), начальником политического отдела — Яворский. Мазуренко удалось объединить под своим руководством ряд петлюровских банд (Зеленого, Соколовского, Ангела и других).

Весной и летом 1919 г. антисоветские отряды, различные по численности и по направлению, бесчинствовали на всей украинской земле. На север от Киева, в Чернобыльском районе, оперировал отряд бывшего петлюровского офицера Струка; к западу от Киева, в Радомысльском и Житомирском районах, — отряд Соколовского, сына дьяка из села Горбылева; к югу от Киева, у местечка Триполье, — крупный отряд «незалежника», бывшего учителя Д. П. Терпило, носившего прозвище Зеленый.

В районе г. Умани орудовали отряды Тютюнника, Клименко, Попова; в Таращанском районе — отряды Япенко, Голуба, полковника Нечая. В окрестностях г. Гайсина обосновался отряд бывшего учителя Волынца. Близ Брусилова разбойничал отряд бывшего офицера Юрия Мордалевича, в районе Липовца бесчинствовал отряд бывшего мирового посредника Соколова, вокруг г. Бахмача действовал отряд бывшего офицера, атамана Ангела. В г. Златополе хозяйничал отряд под командованием Лопаты, в Переяславле — отряд Лопаткина. Многие из этих атаманов (Зеленый, Тютюнник, Соколовский, Струк, Лопата, Лопаткин и другие) были изменниками: в 1918 г. они возглавляли партизанские отряды, боровшиеся с гетманщиной, затем вступили в Красную Армию и, наконец, стали атаманами отрядов, выступавших уже против Советской власти.

Народный комиссар по военным делам Украины Н. И. Подвойский, объясняя колебания в политических настроениях крестьянских отрядов и их атаманов в 1919 г., писал: «Повстанцы рекрутировались в огромной массе из сел и деревень, снесенных и сожженных германскими карательными отрядами. Эти повстанцы искренно мнили себя большевиками. Но их большевизм легче укладывался в рамки анархического партизанства и разбойничьего бандитизма, чем в рамки организованной государственной диктатуры пролетариата... Пропитанная насквозь мелкобуржуазными, анархическими и бандитскими вожделениями, она (партизанщина. — *Д. Г.*) постепенно становилась серьезной угрозой Советской власти»[1].

Вооруженные банды петлюровцев нападали на местечки, города, громили советские учреждения, жестоко расправлялись с советскими активистами, коммунистами, продовольственными работниками, совершали дикие, кровавые погромы. «Братья крестьяне! — обращались к бан-

[1] *Подвойский Н. И.* На Украине. Статьи. Киев, 1919. С. 16—18.

дитам в одной из прокламаций «незалежники».— Всем нам известно, как издевается над нашим бедным народом партия российских коммунистов. Они грабят вас, хлеб и все продовольствие вывозят в Москву... На Правобережье все крестьянство восстало... Остановка за вами... Поднимайтесь же с оружием в руках и расправляйтесь как следует с коммунистами. Вперед же, братья, на врага, на коммуну»[1].

Воспламененные такими погромными призывами, зеленовцы только во время одного из погромов в г. Фастове убили около тысячи человек. В июне 1919 г. в районе м. Триполье от рук зеленовцев погибло несколько сот киевских комсомольцев; многих из них бандиты заживо закопали в землю или утопили в Днепре. Это событие вошло в историю Коммунистического союза молодежи как «трипольская трагедия».

* * *

Крупнейшим антисоветским мятежом на юге Украины в 1919 г. было восстание, руководителем которого стал штабс-капитан царской армии, сторонник Центральной рады, затем гетмана Скоропадского, а с декабря 1918 г. петлюровский атаман Н. А. Григорьев. Это был честолюбивый человек, из семьи кулаков Александрийского уезда Херсонской губернии, политически неграмотный и беспринципный.

В конце января 1919 г., когда власть петлюровской Директории зашаталась, Григорьев, учитывая изменения в настроениях украинского крестьянства в пользу Советской власти, заявил о переходе со своими отрядами на сторону Красной Армии.

---

[1] *Антонов-Овсеенко В. А.* Записки о гражданской войне. М.-Л., 1933. Т. 4. С. 172.

В телеграмме на имя Александровского советского ревкома этот «атаман партизан Херсонщины и Таврии» и «честный революционер» писал: «Все двадцать моих партизанских отрядов борются с самостийниками и с соглашателями мировой буржуазии, мы идем против Директории, против кадетов, против англичан, и немцев, и французов, которых на Украину ведет буржуазия... Наш девиз — вся власть Советам и диктатура пролетариата».

Григорьевцы образовали 1-ю Заднепровскую украинскую советскую бригаду в составе дивизии под командованием П. Е. Дыбенко, а затем были переформированы в 6-ю украинскую советскую дивизию. Штаб Григорьева, возглавлявшийся петлюровцем Ю. Тютюнником, стал прибежищем антисоветских элементов. Вскоре и сам Григорьев открыто примкнул к ним.

В марте — апреле 1919 г. дивизия Григорьева вместе с советскими войсками участвовала в боях за Николаев, Херсон, Одессу. После занятия Одессы Григорьев заполнил свои склады мануфактурой и другими товарами, захваченными у неприятеля, и как «победитель» раздавал их солдатам и окрестным крестьянам. Потом Григорьев самовольно отвел свою дивизию «на отдых» в район Елисаветграда. 7 мая он отказался выполнить приказ советского командования о переброске дивизии на Румынский фронт. В тот же день, арестовав всех политработников-коммунистов, Григорьев на митинге в Елисаветграде объявил свой «Универсал», которым призвал украинский народ к всеобщему восстанию против Советской власти.

В «Универсале» провозглашался лозунг «Власть Советам народа Украины без коммунистов». В угоду кулачеству Григорьев ополчился против «коммуны», «московских комиссаров», продовольственной разверстки, «реквизиций», «чрезвычаек» и обещал установить «подлинную Советскую власть».

9 мая григорьевцы разогнали Елисаветградский Совет, расстреляли более тридцати руководителей советских

и партийных организаций города, убивали и грабили население. Только 15—17 мая бандиты убили в Елисаветграде 1526 человек. В городе Александрия пьяный Григорьев скакал на коне впереди погромщиков и рубил беззащитных людей. Кулаки близлежащих деревень толпами приходили в города и местечки, громили склады и учреждения, нападали на советских работников и не причастных к политике обывателей, грабили и убивали их, увозили награбленное имущество с собой.

На 18—20 мая Григорьев назначил съезд «представителей от крестьян и рабочих» Александрийского уезда для организации власти. Но даже этот созванный мятежниками съезд высказался за прекращение погромов и предложил начать мирные переговоры с Советским правительством.

Мятеж, не поддержанный народными массами, был обречен на провал. Только внезапность выступления позволила Григорьеву с его «войском» в короткое время захватить Елисаветград, Николаев, Херсон, Кременчуг, Александрию, Знаменку, Христиновку и другие важные пункты.

22 мая 1919 г. части Красной Армии под командованием К. Е. Ворошилова (Кременчугское направление) и А. Я. Пархоменко (Екатеринославское направление) повели наступление на григорьевскую банду и в результате упорных боев нанесли ей поражение. К концу мая были освобождены почти все занятые григорьевцами города и населенные пункты.

Григорьевский мятеж облегчил Деникину наступление на Южную Украину и помешал переброске советских войск на Румынский фронт. Самому Григорьеву некоторое время все же удавалось сохранить довольно крупные силы, и они продолжали разбойничать на Херсонщине до июля 1919 г., пока не были поглощены махновским движением.

* * *

Махновщина зародилась в большом селе Гуляйполе Александровского уезда Екатеринославской губернии (ныне Днепропетровской области).

Лидер движения — Нестор Махно — происходил из крестьян села Гуляйполе, с четырнадцати лет работал маляром, а затем литейщиком на Гуляйпольском заводе сельскохозяйственных машин. Войдя в местную анархистскую группу, распространял революционную литературу, участвовал в экспроприациях и террористических актах против царской администрации. В течение 7 лет отбывал наказание (каторжные работы) и был освобожден лишь после Февральской революции 1917 г. В родном селе крестьяне избрали его председателем крестьянского Совета. Защищая их интересы, он выступал против помещиков и Временного правительства, что создало ему авторитет среди населения.

Когда Украина оказалась под игом немецких оккупантов и гетманщины, Махно бежал из села, но в августе 1918 г. вернулся и организовал небольшую подпольную группу из анархистов, которая вскоре объединилась с группой Федора Щуся, скрывавшегося в лесах. Отряд вырос до 15 человек и все увеличивался за счет примыкавших к нему крестьян. Партизаны нападали на германцев, немцев, австрийцев, нередко громили их воинские части.

Повстанцы объявили Нестора Махно своим батькой — атаманом — и беспрекословно подчинялись ему.

26 декабря 1918 г. до договоренности с большевистском подпольем махновцы под видом рабочих вступили в Екатеринослав, занятый войсками Директории.

Одновременно в городе подняли восстание екатеринославские рабочие, руководимые подпольным большевистским ревкомом. В результате 7-тысячный петлюровский гарнизон был разгромлен. Большевистский ревком на-

значил Махно «главнокомандующим советской революционной рабоче-крестьянской армией Екатеринославского района». Но Махно не стал укреплять фронт, и через два-три дня петлюровцы крупными силами перешли в контрнаступление, подавили рабочее восстание и выбили махновцев из города.

Между тем отряды Махно продолжали расти за счет крестьянских повстанцев. Как утверждал Виктор Велаш, которого Махно назначил своим начальником штаба, к концу января 1919 г. у Махно было 29 тысяч бойцов и, кроме того, невооруженный резерв, насчитывающий 20 тысяч человек.

В январе — феврале 1919 г. деникинцы подступили к самому центру махновского движения. Эта обстоятельство, а также недостаток оружия и боеприпасов вынудили Махно искать соглашения с Красной Армией. 26 января по поручению Махно его помощник Алексей Чубенко встретился в Синельникове с начальником Заднепровской советской дивизии П. Е. Дыбенко и после переговоров заключил с ним военное соглашение о совместной борьбе против белогвардейцев и петлюровцев. Все отряды Махно входили в состав Красной Армии и образовывали 3-ю бригаду Заднепровской дивизии. Они получали военное снаряжение, продовольствие согласно штатному расписанию Красной Армии и подчинялись начальнику дивизии и командующему фронтом. Махно назначался командиром бригады; советское командование посылало политических комиссаров с обязанностью политического воспитания частей и контроля над проведением распоряжений центра. Вместе с тем махновские части сохраняли свою прежнюю внутреннюю организацию и выборность командиров. Это соглашение было утверждено командующим советскими войсками Украины В. А. Антоновым-Овсеенко.

Махновская бригада участвовала в боях с деникинцами в составе 2-й и 13-й армий. Советское военное командование делало все, чтобы повысить дисциплину в мах-

новских частях и превратить их в боеспособные войска. Однако все большее влияние на махновское движение оказывали анархисты.

В ноябре 1918 г. на Украине образовалась анархистская конфедерация «Набат», в которую вошли небольшие группы украинских анархистов-коммунистов и анархистов-синдикалистов. «Набатовцы» усмотрели в махновском движении родственные им черты и стали проникать в махновские отряды. Они посылали туда анархистскую литературу, направляли своих активистов — Иосифа Гутмана, Макса Черняка, Михаила Уралова. Кроме того, Махно разыскал известного анархиста П. А. Аршинова (подлинная фамилия Марин), с которым отбывал наказание в Бутырской тюрьме, и назначил его редактором газет «Путь к свободе» и «Повстанец», а также заведующим «культурно-просветительной частью» своего штаба.

Уже в феврале 1919 г. созванный Махно в Гуляйполе «2-й районный съезд Советов» принял резолюцию, выражавшую анархистское отрицательное отношение ко всякой государственной власти, в том числе и к Советской власти.

В махновских отрядах шел процесс организационного разложения. Зачастую махновцы представляли собой беспорядочную массу недисциплинированных вооруженных людей. После проникновения в отряды анархистов, деклассированных, авантюристических, а порою и уголовных элементов процесс разложения приобрел угрожающий характер — в занятых ими районах махновцы нередко грабили население. Вступив в Красную Армию, Махно ничего не сделал, чтобы прекратить беспорядки в своих отрядах. Не только рядовые махновцы, но и сам Махно не хотел мириться со строгой дисциплиной советской Красной Армии. На словах признавая подчинение, Махно фактически не выполнял распоряжении командования Красной Армии и постоянно подчеркивал свою самостоятельность и независимость.

Эти черты махновщины неизбежно должны были привести к трениям и конфликтам между Махно и Советской властью.

10 апреля 1919 г. махновский штаб, вопреки запрещению советского военного командования, созвал «3-й Гуляйпольский районный съезд», на котором присутствовали представители 72 волостей Александровского, Мариупольского, Бердянского и Павлоградского уездов, а также делегаты от махновских воинских частей. Съезд провозгласил анархистскую платформу. «Требуем,— говорилось в резолюции,— немедленного удаления всех назначенных лиц на всевозможные военные и гражданские ответственные посты; протестуем против всякой системы назначенчества... Требуем полной свободы слова, печати, собраний всем политическим левым течениям, т. е. партиям и группам, и неприкосновенности личности работников партий левых революционных организаций»[1].

Это были демагогические требования. Они отражали посягательство анархистских элементов на важнейшие принципы демократического централизма, положенные в основу Советской власти. Махновщина превращалась в явно антисоветское движение.

В мае 1919 г. командование 2-й советской армии по ходатайству Махно намеревалось преобразовать его разросшуюся бригаду в дивизию. Учитывая беспорядки в махновских частях, командование Южного фронта не утвердило реорганизацию. Тогда махновский штаб разразился заявлением, которое прозвучало как прямой вызов Советской власти. Объявив о «категорическом несогласии с постановлением Южфронта», штаб решил все 11 вооруженных полков пехоты, 2 полка конницы, 2 ударные группы, артиллерийскую бригаду и другие свои вспомогательные части преобразовать в самостоятельную пов-

[1] На чужой стороне, 1924, сб. 8. С. 228—230.

станческую армию, поручив руководство этой армией Махно. Эту «армию» махновцы объявили подчиненной Южному фронту с условием, что «оперативные приказы последнего будут исходить из живых потребностей революционного фронта».

Реввоенсовет Южного фронта объявил, что «действия и заявления Махно являются преступлением. Неся ответственность за определенный участок фронта 2-й армии, Махно своими заявлениями определенно вносит полную дезорганизацию в управление, командование и предоставляет частям действовать по усмотрению, что равносильно оставлению фронта. Махно подлежит аресту и суду ревтрибунала»[1].

События нарастали, 30 мая махновский «Военно-революционный совет» постановил созвать на 15 июня 1919 г. экстренный съезд Гуляйпольского района. В мотивировке этого решения махновцы выразили недоверие Советскому правительству, заявив, что «выход из создавшегося положения может быть указан только самими трудящимися массами, а не отдельными лицами и партиями». Советские органы запретили созыв съезда.

Учитывая предупреждение военного командования, Махно решил уйти с поста командира бригады Красной Армии. С небольшой группой приближенных он оставил войска в тяжелый момент деникинского наступления. Дезорганизаторские действия Махно и его отрядов нанесли большой вред фронту. «Махновщина принесла плоды гораздо более горькие, чем можно было предполагать раньше,— писала большевистская газета «Коммунар».— Наши неудачи в бассейне (речь идет об отступлении советских войск в Донецком бассейне.— *Д. Г.*) отнюдь не объясняются силой неприятельских войск... Единственная причина их победы — тот ужасающий яд

---

[1] *Антонов-Овсеенко В. А.* Записки о гражданской войне. Т. 4. С. 308.

махновского разврата, партизанства, самоволия и безволия, который заразил наши части, приходящие в соприкосновение с махновским фронтом»[1].

Вскоре вокруг Махно, порвавшего связи с Красной Армией, стали вновь группироваться вооруженные отряды. Привели к нему свои части и бывшие махновские командиры (Калашников, Буданов, Дерменжи). Анархисты-«набатовцы» расценили конфликт Махно с Советской властью как отражение борьбы «вольной трудовой коммуны... свободного крестьянства с государственниками-большевиками» и приняли сторону Махно. В августе 1919 г. в махновский лагерь прибыл лидер «набатовцев» — известный анархист Волин (В. М. Эйхенбаум), который стал председателем махновского «Военно-революционного совета». Теперь «набатовцы» в полном смысле превратились в партию махновщины, а махновцы начали открытую борьбу с Советской властью.

В июле 1919 г. в район расположения махновских отрядов вошли уцелевшие григорьевцы. После переговоров Махно и Григорьева последовало решение об объединении махновских и григорьевских отрядов. А через несколько дней Григорьев был убит махновцами.

Бывший член махновского штаба Алексей Чубенко, арестованный впоследствии ГПУ, описывал это событие так. Рядовые махновцы были недовольны союзом с Григорьевым, которого они обвиняли в связи с деникинцами, и требовали, чтобы Махно покончил с ним. 27 июля в селе Сентове Херсонской губернии (близ Александрии) на съезде повстанцев Чубенко выступил с обвинениями в адрес Григорьева.

«Сначала я ему сказал, — показал Чубенко в ГПУ, — что он поощряет буржуазию... Затем я ему напомнил, что он оставил у одного помещика пулемет, два ящика патронов, несколько винтовок и 60 пар черных суконных

[1] Коммунар (Харьков) 1919, 11 июня.

брюк... Потом я ему еще сказал, что он действительно союзник Деникина и не хотел наступать на Плетеный Ташлык, так как там были шкуровцы... Григорьев стал отрицать, я ему в ответ: «А кто же и к кому приезжали офицеры, которых Махно расстрелял?» Как только я это сказал, то Григорьев схватился за револьвер, но я, будучи наготове, выстрелил в упор в него... Григорьев крикнул: «Ой, батько, батько!» Махно крикнул: «Бей атамана!» Григорьев выбежал из помещения, а я за ним и все время стрелял ему в спину. Он выскочил на двор и упал. Я тогда его добил. Телохранитель Григорьева выхватил маузер и хотел убить Махно, но Колесник стоял около него и схватил его за маузер... Махно в это время забежал сзади телохранителя и начал стрелять в него»[1].

После убийства Григорьева Махно распорядился оцепить и разоружить войска Григорьева, которые в основной своей массе затем присоединились к махновцам.

Разгром основных сил петлюровщины. Крах махновщины

После разгрома Красной армией деникинских войск в 1919—1920 году и окончания войны с Польшей в 1920 году, наступил и крах петлюровской «государственности». Вожаки украинского антисоветского националистического движения, в том числе члены петлюровского «правительства Украинской Народной Республики», очутились в эмиграции в Польше. Там же в Польше (и в Румынии) сосредоточились интернированные остатки войск «УНР» численностью 25 тысяч человек. Заправилы петлюровщины теперь уже из-за границы пытались вызвать антисоветские движения на Украине. Конечно, эти эмигранты являлись

[1] Показания А. Чубенко приведены М. Кубаниным в его книге «Махновщина». Л., 1927. С. 82—83.

находкой для польского и румынского правительств, которые вели враждебную Советскому государству политику. Вот почему за небольшую плату в виде «помощи украинской государственности» польская и румынская разведки привлекли главарей петлюровщины на службу.

В Польше (во Львове) Симон Петлюра образовал «Центральный штаб» для ведения подрывной деятельности в советском тылу. Начальником «штаба» он назначил Юрия Тютюнника, возведенного в звание «генерал-хорунжего армии УНР». Начальниками отделов «штаба» состояли: полковник Отмарштейн — начальник оперативного отдела, полковник Л. Б. Ступницкий — организационного, полковник бывшего царского генерального штаба Кузьминский — разведывательного и подполковник Добротворский — административно-политического. Вся работа «штаба» приспосабливалась к нуждам польской разведывательной службы. В петлюровский «штаб» входил и фактически контролировал его деятельность польский поручик Ковалевский. Полковник Кузьминский был связан со 2-м отделом польского генерального штаба и, в сущности, состоял там на службе. Все лица, нелегально направляемые «штабом» на советскую территорию, непременно получали от польской разведки шпионские задания, а по возвращении информировали не только петлюровский «штаб», но и польскую разведывательную службу. Переброска через границу петлюровских шпионов и диверсантов осуществлялась с помощью той же польской разведки. Средства на содержание петлюровского «штаба» давал 2-й отдел польского генштаба из секретных сумм; в расходах участвовала и французская разведка, получавшая через поляков сведения, добытые петлюровскими шпионами.

Антисоветские движения, широко распространившиеся в конце 1920-го и начале 1921 г. в Екатеринославской, Киевской, Полтавской, Кременчугской и Донецкой губерниях и районах, пробудили новые надежды у петлю-

ровских главарей: у них созрел план воспользоваться этим движением и поднять «общее восстание» на Украине. В связи с этим они и заключили соглашение о совместных действиях с эмигрантскими савинковскими организациями, белорусскими националистами и группами реакционного казачества.

Согласно выработанному «Центральным (петлюровским) штабом» плану, вся территория Украины разбивалась на пять частей, образующих повстанческие группы, каждая из которых, в свою очередь, разделялась на 4—5 районов, а последние — на подрайоны. Эти части организационно должны были объединить все петлюровские вооруженные силы, предназначенные для действий на территории этих районов. Командующие группами назначались «Центральным штабом» из числа наиболее опытных начальников; командиры районов — командующими группами из местных людей или из офицеров, присылаемых из-за кордона. Помимо повстанческих отрядов согласно плану предполагалось организовать повстанческие подпольные комитеты — повстанкомы (центральный, групповые, губернские, уездные). Сеть повстанкомов строилась так: в селах создавались повстанческие «двойки», из представителей сельских «двоек» выделялись волостные «тройки», последние должны были создать уездный повстанком из пяти человек. Комитеты более высоких ступеней назначались «Центральным штабом». В момент, определенный «штабом», по его сигналу вся эта система петлюровских повстанческих отрядов и комитетов должна была начать «общее восстание». Одновременно планировалось вторжение на советскую территорию из Польши и Румынии интернированных там петлюровских войск.

Этот план в значительной части остался на бумаге. Фактически «Центральный штаб» в 1921 г. образовал в советском тылу две группы. Первая охватывала мятежников южных (Одесской, Херсонской и Таврической) губерний; во главе ее стоял полковник А. А. Гулый-

Гуленко, находившийся в Румынии. Вторая группа охватывала мятежников Киевщины и Волыни; командовать ею назначили бывшего командира бригады петлюровских войск полковника С. И. Яворского (Карого). Остальные группы не были созданы, хотя «штаб» послал во все концы Украины немало инструкторов и офицеров, которые создавали на местах повстанкомы и отряды.

Тем временем в Киеве образовался и подпольный «Всеукраинский центральный повстанческий комитет» («Цупком») или, как он еще себя называл, «Комитет освобождения Украины».

В сентябре 1920 г. петлюровский министр Левицкий от имени «правительства УНР» предложил киевскому инженеру Наконечному взяться за организацию подпольных антисоветских ячеек, подчиненных петлюровскому эмигрантскому правительственному центру. К февралю 1921 г. Наконечный привлек к выполнению этого задания группу украинских интеллигентов, которые создавали в провинции ячейки, вовлекая в них главным образом учителей, кооператоров и других представителей интеллигенции. В этой-то среде и возникла мысль об образовании «Всеукраинского подпольного центра». В группу по созданию «центра» вошли Наконечный, сотрудники Киевского отдела народного образования Чепилко (бывший полковник), Грудницкий, работники кооперации Махиня и Андрух, сотрудник губвоенкомата Комар. В марте 1921 г. группа провела нелегальное совещание, пригласив для участия в нем представителей украинских антисоветских партий. Во время обсуждения вопроса о характере создаваемого «центра» разгорелась дискуссия. Представитель эсеров Максименко высказался за то, чтобы «центр» строился по партийному принципу. Наконечный и Чепилко возражали. Совещание постановило строить «Всеукраинский центральный повстанческий комитет» по персональному принципу, независимо от партийной принадлежности его членов.

Далее инициаторы решили связаться с эмигрантским «правительством» и получить от него полномочия на руководство подпольным движением в масштабе всей Украины. С этой целью в Польшу выехали Андрух и Наконечный. В беседах с Петлюрой и Тютюнником «делегаты» старались создать впечатление о большом значении и влиянии созданной ими организации. Им удалось убедить главарей национализма в этом, и они получили от Петлюры мандат на объединение под своим руководством всех подпольных повстанческих сил, имевшихся на Украине. Петлюра отпустил им и средства на нужды организации.

Председателем «Всеукраинского центрального повстанческого комитета» был избран Чепилко, а членами — Наконечный (уполномоченный по иностранным делам), Грудницкий (уполномоченный по военным делам) и Данчевский (уполномоченный по делам связи с периферией). «Цупком» налаживал контакты с имевшимися подпольными губернскими повстанческими комитетами и вооруженными отрядами.

Весной 1921 г. петлюровские вожаки начали ускоренную подготовку военного выступления. Как стало известно впоследствии, разработанный «Центральным штабом» план вторжения из-за кордона петлюровских банд на Украину был согласован с военным командованием Польши, с французской военной миссией, находившейся в Варшаве, с савинковской организацией. Польский генерал Сосновский от имени польского военного командования и французский генерал Ниссель от имени французской военной миссии принципиально согласились поддержать вторжение и одобрили смету на расходы по этой авантюре. Фактически был заключен договор, по которому поляки: 1) разрешили организовать петлюровский штаб на своей территории; 2) обязались снабжать средствами как штаб, так и все пропускные пункты, через которые будут проходить посылаемые на Украину агенты; 3) дали

разрешение использовать интернированных в лагерях офицеров и казаков для посылки на Украину; 4) предоставили право получения документов польского генерального штаба и бесплатного проезда по железной дороге петлюровским агентам; 5) обязались выпустить к моменту восстания всех интернированных офицеров и казаков из лагерей и снабдить «дивизии» необходимым оружием, снаряжением, обмундированием, обозом для создания фронта против Советов. Такие же обязательства приняло на себя и румынское военное командование во время переговоров с полковником А. А. Гулым-Гуленко.

Готовился к выступлению и «Всеукраинский центральный повстанческий комитет». Его главари — Чепилко, Наконечный и другие — выехали уже из Киева в Холодный Яр, откуда собирались объявить о начале «всеобщего восстания».

Не менее активно действовал в то время и Махно. Прорвавшись в конце ноября 1920 г. сквозь кольцо окруживших его в Гуляйполе советских войск, он в короткий срок вновь создал, теперь уже из кулацких, антисоветских элементов и старой махновской «гвардии», крупную банду. И вновь начались грабежи и убийства на территории многострадальной Украины.

Борьба с бандитизмом в конце 1920 г. стала одной из главных задач Советской власти на Украине. Украинское Советское правительство образовало «Военное совещание» во главе с главнокомандующим войсками Украины и Крыма М. В. Фрунзе: Значительно были усилены войска ВЧК. В основном очаге махновщины, в Александровском районе, ЦК КП(б)У и СНК УССР образовали специальную Политсекцию Александровского района, которую возглавил народный комиссар внутренних дел Украины В. П. Антонов (Саратовский). В январе 1921 г. все местные чрезвычайные комиссии по борьбе с антисоветчиной на Правобережной Украине были объединены и подчинены специальному уполномоченному ВЧК, прибывшему из

Москвы. Все это сыграло важную роль в подавлении антисоветчины. Замена продразверстки продналогом и другие политические мероприятия, связанные с проведением новой экономической политики, позволили Советскому правительству изменить настроения крестьян на Украине в свою пользу. Петлюровский и махновский бандитизм лишился на Украине благодатной почвы. Махновские банды были изгнаны с насиженных мест и стали беспорядочно метаться по Херсонской, Киевской, Полтавской губерниям.

Уже в конце июля 1921 г. М. В. Фрунзе мог заявить: «Бандитизм как вооруженная сила резко и определенно идет на убыль. Подавляющее большинство прежних крупных бандитских соединений уничтожено... Значительная часть действующих ныне на территории Правобережья банд — зарубежного происхождения и появляются у нас периодически, сорганизовавшись или сформировавшись на территории Румынии и Польши при попустительстве румынских и польских властей.

Что касается Левобережья, то здесь приходится отметить... почти полное искоренение самого сильного бандитского соединения, так называемой «повстанческой армии Махно». Махно... был вынужден распустить свою армию. Повстанческая армия в настоящее время почти совершенно ликвидирована... Убиты ближайшие помощники Махно — Забудько, Куриленко, тяжело ранен ряд других (Щусь, Фома Кожин), отбит весь обоз, все тачанки с пулеметами. У одного Махно взято около 40 пулеметов.

Красной Армии как силе, активно борющейся с бандитизмом, сейчас, ввиду отсутствия крупного противника, делать почти нечего, и на первый план выступает отныне роль ЧК и милиции»[1].

В апреле 1921 г. на основании решения V Всеукраинского съезда Советов Центральное управление чрезвы-

---

[1] Коммунист (орган ЦК КП(б)У), 1921, 28 июля.

чайных комиссий Украины было преобразовано во Всеукраинскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности. Согласно постановлению ВУЦИК и СНК УССР от 2 апреля 1921 г. «О Всеукраинской чрезвычайной комиссии» в чекистском аппарате усиливались коллегиальные начала, важнейшие вопросы работы решались коллегией с участием представителей НКЮ и НКВД. Председателем ВУЧК был назначен В. Н. Манцев, членами коллегии — Е. Г. Евдокимов, Н. А. Рославец и другие.

Внимание чекистского аппарата было сосредоточено на ликвидации бандитизма и петлюровских повстанческих комитетов. Чекисты увязывали, свои действия с военным командованием: вели разведку, проникали в самую гущу бандитских соединений, вылавливали отдельных главарей и активистов. Они проделали огромную работу по ликвидации петлюровских банд атаманов Мелашко, Лозина, Федотченко, Степового (Пастушки), Бровы, Зирки — на Екатеринославщине, Трепета на Киевщине и других. Венцом этой работы была ликвидация «Всеукраинского центрального повстанческого комитета».

7 августа 1921 г. информационный отдел Всеукраинской чрезвычайной комиссии опубликовал отчет о своей работе и сообщил о ликвидации «Цупкома». Это произошло при следующих обстоятельствах. В конце 1920-го и начале 1921 г. Екатеринославской губчека удалось арестовать бывшего начальника конных частей банды Степового — Илью Тимошина (он же Иванов) и бывшего начальника штаба той же банды Гвиненко. В результате этих операций были установлены подробности деятельности петлюровского эмигрантского «Центрального штаба», польской разведки и подпольного «Цупкома», находившегося в лесах Холодного Яра.

Одновременно чекистам удалось напасть на след крупного петлюровского деятеля Гелева. Серб, врач по

специальности, этот авантюрист по каким-то неясным причинам связал свою судьбу с петлюровщиной. Вначале он участвовал в похождениях банды Трепета на Киевщине. Потом, после ее разгрома, спасаясь от преследования чекистов, бежал за границу, пробрался в Польшу и явился к Петлюре. Последний вручил Гелеву мандат на организацию повстанческих отрядов и комитетов на советской территории;

«Центральный штаб» дал Гелеву несколько явок, и тот с группой помощников вернулся на Украину.

Чекисты бдительно следили за деятельностью Гелева и раскрыли его связи с подпольным «Цупкомом». Между тем части 1-й Конной армии во время преследования банды на Екатеринославщине окружили в одном из сел самого Гелева с тремя его помощниками. Буденновцы предложили всем сдаться, но бандиты открыли огонь. В результате перестрелки дом, в котором был Гелев, загорелся, и сам авантюрист погиб. После этого чекисты приступили к ликвидации организаций, во главе которых стояли соучастники Гелева, связанные с «Цупкомом».

Чекисты установили адрес важной конспиративной квартиры «Цупкома». Эта явка была «накрыта». Здесь были арестованы: видный петлюровец Цыбенко, прибывший из Польши с шифром для связи между петлюровскими организациями, один из холодноярских атаманов, а также супруги Уманские — содержатели явки «Цупкома».

На основе всех этих данных был выработан план ликвидации «Цупкома». В его разработке приняли участие видные чекисты, работавшие в 1920—1921 гг. на Украине: В. Н. Манцев, К. М. Карлсон, Е. Г. Евдокимов, М. П. Портнов. В сообщении ВУЧК говорилось: «Весь «Всеукраинский повстанческий комитет», состоящий из пяти человек, был изъят. Арестованными оказались: голова «Цупкома» полковник Чепилко, секретарь Наконечный (он же Днистров) и члены — Комар и полковник Грин.

Начальник штаба «Цупкома» (штабс-капитан Чепилко-младший) при попытке бежать и сопротивляться был убит»[1].

Несмотря на эти поражения, петлюровские эмигрантские вожаки продолжали безрассудную авантюру — готовили так называемое «общее восстание» на территории Советской Украины. Начало «восстания», по согласованию с польским генеральным штабом, они перенесли на осень 1921 г. Польские власти обещали освободить «для пробы» из лагерей 2—3 тысячи интернированных петлюровцев и перебросить их за границу.

Правительства Советской России и Украины потребовали от польского правительства прекращения враждебных действий, противоречащих условиям мирного договора.

Между тем в начале октября 1921 г. из Польши на советскую территорию в районе Острога проник вооруженный отряд петлюровцев под командованием генерала Нельговского. Он взял направление на Волынь. 25 октября в районе села Копиченец двинулась на советскую Подолию вторая крупная группа петлюровских войск под командованием подполковника Палия-Черного.

Наконец в ночь на 5 ноября в районе юго-западнее Олевска с большим отрядом — так называемой «киевской дивизией» — перешел советскую границу и сам «генерал-хорунжий» Тютюнник. Как выяснилось впоследствии, польские власти, освободив из лагерей значительное число интернированных войск «УНР», содействовали им в переходе советской границы.

Наконец-то петлюровцы осуществили свой долго вынашиваемый план вторжения на украинскую землю. Они надеялись, что им удастся привести в движение создан-

---

[1] За участие в ликвидации «Цупкома» 10 августа 1921 г. ВУЦИК наградил орденом Красного Знамени группу ответственных работников ВУЧК, в том числе В. Н. Манцева, Е. Г. Евдокимова, председателя Екатеринославской губчека А. М. Трепалова, председателя Одесской губчека М. А. Дейча, начальника Особого отдела Киевского военного округа И. А. Воронцова и других.

ные ими на Украине подпольные организации и вовлечь крестьянство в антисоветское восстание. Тютюнник опубликовал «приказ», в котором объявил, что «разрешается свободная торговля, хранение и перевозка товаров», а также «неприкосновенность частной собственности». Но ни крестьяне, ни рабочие не поддержали «тютюнниковский рейд».

17 ноября 1921 г. в районе деревни Звиздаль (35 километров северо-западнее Тетерева) конная бригада Г. И. Котовского и бригада червонного казачества В. М. Примакова разгромили объединенную банду Тютюнника и Палия-Черного. Тютюнник бежал.

Так провалилось последнее крупное вооруженное наступление петлюровцев на украинскую землю.

* * *

Тем временем Красная Армия и Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией окончательно ликвидировали махновский бандитизм.

Под влиянием новой экономической политики крестьяне в одиночку и группами уходили от Махно. Многие добровольно сдавались Советской власти. К осени 1921 г. сдались: член штаба махновской армии Зверев, инспектор артиллерии Шаровский, начальник связи Полено, электротехник Пахарь и другие махновские командиры — всего 30 человек — и 2443 рядовых махновца.

.Лишь Нестор Махно с горсткой своих «гвардейцев» метался, убегая от преследования Красной Армии и чекистов. В августе 1921 г. он с небольшим отрядом прорвался к границе Бессарабии. 28 августа перешел реку Днестр и сдался румынским властям. Правительства Советской России и Украины в ноте правительству Румынии от 20 сентября 1921 г. потребовали выдачи Махно[1]. Но правители

[1] См.: Документы внешней политики СССР. Т. 4. С. 364.

Румынии не сделали этого. Многие бежавшие за границу махновцы сами с повинной вернулись на родину. Среди них начальник махновского штаба Виктор Белаш, старые махновские командиры Ф. Каретников, Курильников, Иван Лепетченко, Лесовик и другие. Советское правительство амнистировало их. С ликвидацией мелких вооруженных шаек махновщина перестала существовать. Нестор Махно перешел на положение эмигранта. Некоторое время он находился в румынском концлагере, затем бежал в Польшу, где был арестован. В 1922 г. его освободили, он переехал в Париж и отошел от политической жизни. Умер Махно в 1934 г.

Ликвидация петлюровской «Казачьей рады»

5 марта 1921 г. V Всеукраинский съезд Советов, впервые собравшийся после победоносной, упорной борьбы с белогвардейскими силами, считая желательным «предоставить всем нарушившим свой долг перед рабоче-крестьянской республикой возможность обращения на путь честного и добросовестного труда», объявил широкую амнистию. Освобождались от уголовной ответственности виновные в бандитизме, если они добровольно явятся в распоряжение местных властей не позднее 15 апреля и дадут обязательство не принимать участия в вооруженных выступлениях против Советской власти. На тех же условиях освобождались от ответственности также все лица, покинувшие страну. Тем же постановлением была заменена высшая мера наказания за преступления, совершенные до издания постановления, на лишение свободы сроком на 5 лет. Сокращено было наказание и другим осужденным. 30 ноября 1921 г. ВУЦИК объявил амнистию всем рабочим и крестьянам, а 12 апреля 1922 г. и всем другим лицам, служившим во вражеских антисоветских армиях и находившимся за границей.

Первейшими задачами органов борьбы с антисоветчиной на Украине было теперь искоренение охвостья петлюровских подпольных групп.

В марте 1922 г. Киевская губернская чрезвычайная комиссия ликвидировала крупнейшую подпольную организацию, которая пыталась воссоздать на месте разгромленного «Цупкома» новый петлюровский центр, так называемую «Казачью раду Правобережной Украины».

Шесть месяцев длилось предварительное наблюдение за этой организацией, затем в одну ночь киевские чекисты провели крупную операцию: арестовали свыше 600 человек, изъяли ряд документов, 10 пулеметов, много винтовок, револьверов, гранат и патронов. Начальник секретно-оперативной части Киевской ЧК Ю. М. Перцов, руководивший операцией, рассказывал впоследствии такие подробности: «Были мобилизованы все сотрудники, вплоть до регистраторов, очень плохо или совсем не владеющих оружием. Вооруженные сотрудники были направлены по адресам согласно предварительно разработанному плану. Заместителем предгубчека являлся тогда покойный тов. Кравченко (речь идет об известном украинском чекисте Иване Васильевиче Кравченко.— *Д. Г.*). До отправки сотрудников по адресам он явился в штаб и изъявил желание также получить адрес, попросив дать ему «место поопаснее»... В 11 часов вечера я экстренно был вызван по телефону в одно место, где необходимо было разрешить сложный «узел». Замещать меня в штабе остался тов. Кравченко. Через полчаса, вернувшись, я не застал его. Предгубчека тов. Лившиц (известный чекист Яков Абрамович Лившиц.— *Д. Г.*) взволнованно сообщил мне, что Кравченко смертельно ранен, а один сотрудник — Янковский — убит (был убит чекист Дмитрий Васильевич Янковский.—*Д. Г.*). Во время моего отсутствия в штаб донесли по телефону о том, что на одной из квартир по Дионисьевскому переулку членами петлюровской контрразведки убит наповал наш сотрудник Янков-

ский, а остальные (регистраторы) деморализованы. Предпринятому делу, таким образом, грозил полнейший срыв по всему фронту. Тов. Кравченко, захватив с собой несколько сотрудников, немедленно отправился на место происшествия. Не доехав до Дионисьевского переулка, все сошли с автомобиля, чтобы не спугнуть бандитов, и направились по переулку. Пройдя небольшое расстояние, тов. Кравченко заметил двух мужчин и одну женщину, направляющихся к нему навстречу. Заподозрив в них членов шайки и убийц Янковского, Кравченко выхватил оружие и бросился на них с криком: «Руки вверх!» Следовавшие за ним сотрудники еще не успели как следует подтянуться, как раздался выстрел. Тов. Кравченко зашатался и упал. Будучи ранен, он успел еще выстрелить в своего убийцу. Поднялась перестрелка между нашими сотрудниками и раненым злоумышленником, который, лежа на земле, не переставал посылать пулю за пулей. В результате он был изрешечен пулями и спутники его задержаны. Тов. Кравченко понесли в ближайший медпункт, где он через 15 минут скончался. Убивший его оказался членом петлюровской контрразведки Брейненсеном, постоянно курсировавшим между штабом Петлюры и контрразведкой через границу. Так тов. Кравченко буквально грудью спас положение и, возможно, жизнь других сотрудников, находившихся по другим адресам, которых, несомненно, контрразведчик Брейненсен поспешил бы известить об опасности»[1].

Расследование преступлений арестованных производилось по трем основным направлениям. По делу главарей «Казачьей рады Правобережной Украины» было установлено, что этот подпольный центр создали в г. Белая Церковь Киевской губернии в августе 1921 г. оставшиеся на свободе активисты разгромленного «Цупкома».

[1] Пролетарская правда (Киев), 1923, 11 февраля. И. В. Кравченко был посмертно награжден орденом Красного Знамени.

«Казачья рада» была утверждена Петлюрой в качестве центра информационной работы на Правобережье Украины. Но такая роль не удовлетворяла вожаков организации. В сентябре 1921 г. они решили расширить свою компетенцию и действовать еще и как центр по подготовке восстания в Киевской, Волынской, Николаевской и Одесской губерниях. Председателем избрали служащего Белоцерковской кооперации Павла Гайдученко (Гонта); начальником информационного бюро — Николая Лозовика (бывшего заместителя председателя информационного бюро при Директории); уполномоченным почт и телеграфа — Михаила Симака (бывшего члена «Цупкома»); «командующим вооруженными силами повстанцев северо-восточной части Правобережья» — атамана Тихона Бессарабенко, имевшего мандат «Центрального штаба УНР»; командующим северо-западной частью — Ивана Шамуленко (Федорцева), работавшего в районном союзе кооперации; генеральным писарем — Григория Григоренко.

Активисты «Казачьей рады» вербовали сторонников. Белоцерковский районный союз потребительских обществ и его помещение они превратили в конспиративные квартиры контрреволюционной организации. В работе «Казачьей рады» участвовали и некоторые служащие Белоцерковского уездного военкомата, земельного отдела, почты и других учреждений. Григорий Григоренко вовлек в организацию сотрудников штаба 45-й советской дивизии Ф. Т. Галянта, В. П. Выговского, М. М. Малика, И. Ф. Велика, которые добыли для заговорщиков топографические военные карты и сообщали им секретные сведения о совещаниях, происходящих в штабе. Лозовик и Симак завербовали в Киеве Анастасию Гудимович, которая составляла антисоветские прокламации и связала «Казачью раду» с петлюровцами в Черниговской и Полтавской губерниях. Они вовлекли в работу секретаря киевского церковного совета Ивана Тарасенко и его дочь Марию. Наконец, «Казачья рада» завязала отношения с «8-м повстанческим

районом» и с «унровской подпольной контрразведкой» в Киеве, созданными «Центральным (эмигрантским) штабом», и вооруженными бандами Гаевого и Трейко.

19 января 1922 г. вожаки «Казачьей рады» созвали в Белой Церкви совещание, на котором решили учредить штаб для военной подготовки вооруженного выступления весной 1922 г. Атаманам, связанным с организацией, было предложено привести вооруженные силы в боевую готовность и добыть средства на нужды восстания (путем ограбления сахарных заводов и других советских учреждений). Но в марте чекисты прервали «бурную деятельность» авантюристов.

По второму делу, о «8-м повстанческом районе», выяснилось следующее. В апреле 1921 г. петлюровский «Центральный штаб» назначил содержавшегося в лагере интернированных войск УНР в Польше поручика Николая Якубовича начальником «8-го повстанческого района» и приказал отправиться на Киевщину для сформирования вооруженных сил «района». С помощью польских пограничников, выдавших ему советский паспорт на имя Гайлевич Зинаиды Константиновны (этот паспорт переделали на мужское имя — Гайлевича Зинаида Константиновича), Якубович нелегально перешел границу. Сопровождал его казак Дударец, который должен был, как житель Таращанского уезда, познакомить его с подпольными петлюровскими элементами. Дударец привел своего начальника к жителю одного из уединенных хуторов, крупному кулаку Ивану Тимченко. Здесь они и обосновались.

Вскоре произошло непредвиденное. На хуторе появились сотрудники милиции, проводившие облаву на дезертиров. Когда они приблизились к хате, дочь Тимченко, заметив их, предупредила Якубовича и Дударца. Якубович успел выбросить за комод компрометирующие его документы и оставил при себе лишь фальшивый паспорт на имя Гайлевича. Посланцы закордонцев были задержаны как подозрительные лица. Бывший петлюров-

ский сотник лесничий Г. Г. Грабовский явился в милицию с просьбой разрешить ему свидание с Гайлевичем (Якубовичем). Во время свидания Якубович передал ему свои полномочия по организации «8-го повстанческого района»[1].

14 августа 1921 г. Таращанское политбюро при уездной милиции освободило арестованных Гайлевича (Якубовича) и Дударца «за отсутствием улик». Оказавшись на свободе, они возобновили антисоветскую деятельность. Якубович вновь возвратился к исполнению обязанностей начальника «8-го повстанческого района». По заданию «штаба» «8-й повстанческий район» должен был сформировать вооруженную повстанческую «дивизию». Якубович разделил свой район на три подрайона. В первый подрайон, которым командовал атаман уголовной шайки Куравский (Богун), он включил Таращанский и Сквирский уезды; во второй, с хорунжим Питеренко (Ястребом) во главе, — Белоцерковский и Каневский уезды; в третий, под командованием Титаревко-Кузьменко, — Звенигородский и Черкасский уезды. Кроме того, он выделил в самостоятельный подрайон села, лежащие по реке Рось, и назначил его начальником сотника Ронского. В отряды вовлекались бандиты и бывшие петлюровские активисты.

«8-й повстанческий район» являлся частью 2-й (северной) группы, образованной эмигрантским «Центральным штабом». Осенью 1921 г., когда готовился «тютюнниковский рейд», «командующим» группой был назначен начальник организационного отдела эмигрантского «штаба» полковник Л. Б. Ступницкий. Он направил Якубовичу «приказ» от 23 октября 1921 г. о переходе его «сил» к военным действиям. В свою очередь, и Якубович издал «приказ». «Согласно приказу по 2-й группе повстанческих войск УНР, — говорилось в нем, — объявлено все-

---

[1] См.: Пролетарская правда, 1922, 30 августа.

общее восстание на территории всей Украины. Мне приказано уничтожить вражеские части в моем районе, не дать им вывозить имущество, прервать связь, всеми силами поддерживать и распространять панику, занять станцию Бобринскую. Главные силы сосредоточить в районе Таращи, Белой Церкви и Сквири. Приказываю начальникам Таращанского, Белоцерковского, Сквирского, Звенигородского, Черкасского и Каневского уездов объявить всеобщее восстание в своих уездах и распространять прилагаемые при этом воззвания»[1].

Все эти «приказы» создавали лишь видимость деятельности. Так называемая «2-я группа повстанческих войск УНР», в том числе и 8-й район, оказалась бессильной, так как крестьяне не поддержали мятежников. Якубович тем не менее продолжал свои авантюры и после разгрома тютюнниковцев. В январе 1922 г. он вступил в переговоры с членом руководства «Казачьей рады» Лозовиком и признал свое, подчинение этому центру. Он получил задание грабить сахарные заводы и занялся уголовщиной. Наконец чекисты поймали в его доме лесничего Грабовского. Здесь чекисты обнаружили и «канцелярию» 8-го района. Чекисты задержали в Бердичевском уезде и бывшего «начальника 2-й группы» полковника Яворского (Карого).

Третья группа арестованных привлекалась по делу «унровской подпольной контрразведки г. Киева».

В августе 1921 г. «Центральный штаб» командировал в Киев для шпионской работы офицера Николая Афанасьева, окончившего в Польше курсы контрразведки. Николай явился к отцу, Самуилу Афанасьеву, бывшему директору департамента в министерстве финансов при Директории. Отец и сестры (Ольга и Елена) добыли Николаю Афанасьеву подложные документы, позволившие

---

[1] Пролетарская правда,1922, 31 августа.

легализоваться в Киеве, а затем познакомили с лицами, которые могли бы помочь ему в выполнении преступного задания.

Спустя некоторое время независимо от Николая Афанасьева в Киев прибыл командированный эмигрантским «штабом» и 2-м отделом 6-й польской армии бывший полковник генерального штаба царской армии Виктор Алексеев, получивший мандат на организацию подпольной петлюровской контрразведки. Под фамилией Георгия Мосейчука он с помощью жены и ее знакомых поступил на службу в советское военное учреждение. Он разыскал Николая Афанасьева и договорился с ним о совместной шпионской работе. Собранные через завербованных агентов шпионские сведения Алексеев в шифрованном виде регулярно переправлял в Польшу через Эдуарда Брейненсена.

В феврале 1922 г. Алексеев, узнав о существовании «Казачьей рады», вошел в контакт с нею. Заговорщики предложили ему работать по совместительству помощником начальника контрразведки при штабе «Казачьей рады». Алексеев принял предложение, помогал этой организации и переправлял через свою шпионскую сеть ее донесения в Польшу. 3 марта 1922 г. чекисты ликвидировали и «унровскую контрразведку».

По указанным трем делам было предано суду 245 человек. Дела рассматривались чрезвычайной сессией Киевского губернского революционного трибунала под председательством известного чекиста Е. Г. Евдокимова, входившего в состав трибунала в качестве представителя ГПУ. 24, 26 августа и 1 сентября 1922 г. трибунал вынес приговоры, согласно которым от наказания были освобождены 53 человека, а остальные осуждены на разные сроки лишения свободы. Участников же бандитских шаек, выступавших с оружием в руках, и шпионов приговорили к расстрелу.

Во время военного разгрома вторгшихся на советскую землю в 1921 году петлюровских отрядов Тютюнника и Палия-Черного некоторым участникам «рейда» удалось вырваться из окружения и рассеяться по селам Волыни и Подолии. Одна из таких групп состояла из военного врача В. А. Грунтенко, его помощника Н. К. Длугопольского, разведчика генерального штаба УНР М. Т. Зубченко и казака М. Чмиля. Они укрылись в селе Карповцы Полонского уезда Волынской губернии у кулака Слубского. Спустя некоторое время они связались с хорунжим А. Т. Маслюком, также бежавшим из окружения и скрывавшимся в соседнем селе Трощи. Маслюк ввел их в уголовную банду Тимофея Мельника (Торгана). Вскоре к банде присоединился еще один петлюровец из отряда Палия-Черного, хорунжий И. Андреевский. Вместе с уголовниками банды Торгана петлюровцы участвовали с ноября 1921 г. по июль 1922 г. в нападениях на советские учреждения. В местечке Краснополье они разгромили милицию и волисполком, уничтожив там все документы и архивы, захватили 12 винтовок и убили председателя волисполкома.

В июле 1922 г. во время одной из перестрелок с милицией бандитский главарь Мельник (Торган) был убит. Руководство бандой перешло к Длугопольскому, Грунтенко и другим петлюровцам, которые попытались придать ее деятельности «политический характер». Они вовлекли в банду несколько сельских интеллигентов, а затем решили связаться с другими петлюровскими подпольными группами и с «унровским руководством» в Польше. Их посланец М. Т. Зубченко нелегально перешел границу, явился к члену «Центрального штаба» полковнику Ступницкому, подробно рассказал ему о деятельности своей

организации и просил указаний. Лидеры УНР, деморализованные сокрушительным разгромом «тютюнниковского рейда», рекомендовали приостановить активные действия группы Длугопольского и до особого распоряжения занять выжидательную позицию.

В отряде Тютюнника, вторгшемся на советскую землю, находилась так называемая административная «тройка», на которую петлюровцы возлагали задачу организовать «власть» в занятых ими районах. Главарь этой «тройки» во время разгрома тютюнниковцев погиб, второй член «тройки» бежал за границу, а третий — инженер-путеец Афанасий Петрик — скрылся. Позже он объявился в селе Дидковичи Татарновической волости Коростенского уезда Волынской губернии. С помощью бывшего сельского старосты кулака Лукаша Костюшко он завязал отношения с атаманами уголовных банд, действовавших в районе (С. И. Зубрийчуком и другими головорезами), и начал создавать подпольную антисоветскую группу. Узнав, что в районе сел Карповец — Трощи Полонского уезда оперирует организация Длугопольского, Петрик и Костюшко в январе 1922 г. решили установить с нею связь. Они отправились в село Высокая Печь Житомирского уезда к брату Костюшко, местному священнику, чтобы через него уточнить сведения об этой организации. В то время у священника Костюшко скрывался его родственник, студент Павел Недашковский, бывший офицер войск УНР, который группировал вокруг себя петлюровцев и кулаков. Через священника приехавшие познакомились с Недашковским. Петрик отрекомендовался «полномочным представителем УНР» и предложил Недашковскому влиться в возглавляемую им организацию. Недашковский согласился.

Чтобы запугать крестьян, Петрик распространял слухи, будто в феврале 1922 г. петлюровцы с помощью Антанты начнут поход против Советской власти. В феврале

восстания не произошло, и тогда Петрик стал уверять, что оно отложено до мая. Наконец 1 мая 1922 г. Петрик созвал совещание активистов, на котором было решено создать губернскую военную организацию под названием «повстанческая Волынская армия» и начать подготовку антисоветского восстания собственными силами. Петрик объявил себя «командующим повстанческой Волынской армией», «начальником штаба» назначил Лукаша Костюшко, адъютантом — Федора Костюшко, «начальником полевого суда» — Андрея Лазаренко. При «штабе» он основал «курень пометы» («отряд мести») во главе с учителем Иваном Закусило для проведения террора против советских активистов. Заговорщики назначили и связных, которые должны были поддерживать живую связь между частями ПВА и собирать шпионские сведения о передвижениях Красной Армии.

Вскоре «начальник штаба» Костюшко и «старшина особых поручений» Михневич разыскали наконец группу Длугопольского в селе Трощи. Эта группа решила влиться в ПВА. Наконец в ПВА вошла и житомирская городская петлюровская подпольная группа, называвшая себя «Комитетом освобождения родного края».

Объединенная организация вела антисоветскую агитацию, издавала прокламации, призывала население к погромам. Крестьянам грозили «святой народной местью», если они не присоединятся к антисоветскому движению.

«Штаб ПВА» решил начать «восстание» осенью 1922 г., приурочив его к продналоговой кампании и призыву новобранцев в Красную Армию. Сигналом к выступлению должно было послужить уничтожение местечка Базар Овручского уезда. Эту бандитскую диверсию главари ПВА задумали провести под видом акта «народной мести» за погибших в Базаре участников «тютюнниковского рейда». Предполагалось, что 12 специальных поджигателей одновременно в ночь на 8 октября 1922 г. подожгут

в разных местах дома жителей и советские учреждения. В это время «курень пометы», окружив Базар со всех сторон, будет беспощадно убивать убегающих из горящего местечка людей. По этому сигналу «повстанческие дивизии ПВА» должны были начать военные действия, расширяя восстание в сторону Киева и к польской границе.

Однако кровавую авантюру удалось предотвратить. В ночь на 5 октября 1922 г. все активисты ПВА были арестованы. Чекисты давно уже следили за заговорщиками. В ликвидации ПВА приняли участие многие трудящиеся Волыни. В выступлений на заседании Житомирского городского Совета 12 ноября председатель Волынского губернского отдела ГПУ Голышев, докладывая о проведенной операции, подчеркнул, что «заслуги красноармейцев в деле ликвидации движения громадны. Каждый рядовой красноармеец, участвовавший в этой операции, выявил необычайную твердость, сознательность и глубокую преданность Советской власти. Не меньшие заслуги и отдельных членов профессиональных организаций, а также незаможников, оказывавших всевозможное содействие и лично активно участвовавших в этой ответственной операции»[1].

7—18 марта 1923 г. чрезвычайная сессия Волынского губернского суда под председательством Е. Г. Евдокимова рассмотрела дело о 285 активных участниках ПВА. Губернский суд устанавливал индивидуальную вину каждого из привлеченных и применял гибкий, классовый подход к решению их судьбы. 45 человек суд оправдал, 58 человек освободил от отбывания назначенного им наказания, 69 человек приговорил к лишению свободы от 3 до 5 лет. Лишь бандитов, кулаков и активных петлюровцев, принимавших участие в кровавых налетах, суд приговорил к 10 годам лишения свободы, а особо опасных — к расстрелу.

---

[1] Волынский пролетарий (Житомир), 1922, 12 ноября.

* * *

В марте 1922 г. в г. Валки Харьковской губернии во время облавы был задержан воспитатель детского дома Захарчук, оказавшийся бывшим петлюровским офицером. Захарчук сознался в том, что в составе группы из 12 человек прислан на Украину из-за кордона для подпольной антисоветской работы. Названный Захарчуком другой участник группы, Бабюк, тоже оказался бывшим офицером австрийской и петлюровской армий, вступившим в Украинскую коммунистическую партию (УКП) (как теперь именовалась украинская партия эсеров-боротьбистов, заявившая в 1920 г. об отказе от вооруженной борьбы с Советской властью).

Прибыв на Украину под видом «друзей» Советской власти, они установили связи с петлюровскими офицерами, бежавшими из лагеря военнопленных и проживавшими под чужими фамилиями.

Познакомившись с учителем Огульчанской волости Валковского уезда Яковом Гаевским, Бабюк узнал от него о существовании «Харьковского губернского повстанческого (петлюровского) комитета», во главе которого стоял бывший петлюровский полковник Котелевец — атаман вооруженного отряда. Бабюк и его группа соединились с этой организацией.

Заговорщики поддерживали связи и с другими бандами, оперировавшими в Харьковской губернии. Однако вскоре эти банды были ликвидированы. Котелевец расстрелян, а петлюровцы из Валковского уезда арестованы Харьковским губернским отделом ГПУ. В сентябре 1922 г. чрезвычайная сессия Всеукраинского верховного революционного трибунала рассмотрела дело о 45 участниках этой организации. 24 подсудимых крестьян трибунал освободил от наказания, как обманутых петлюровцами, 5 главных обвиняемых, в том числе Бабюка, приговорил к расстрелу.

* * *

1 сентября 1921 г. в Купянское уездное политбюро Харьковской губернии явился некий В. Кияшко, предъявил документы и отрекомендовался сотрудником Донской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией. Он заявил, что ему поручено найти спрятанные склады оперировавшей в Купянском уезде банды, и просил выдать ему арестованного бандита Коломийца, знающего об этих складах. В политбюро ответили, что вопрос о Коломийце необходимо согласовать с Харьковской губернской чрезвычайной комиссией, и предложили Кияшко поехать для этого в Харьков с сотрудником политбюро. Кияшко согласился. Он сказал только, что должен отпустить бричку, на которой приехал. С этими словами он вышел к подъезду. За ним последовали сотрудники политбюро. Во дворе Кияшко неожиданно выхватил револьвер, двумя выстрелами ранил одного из сотрудников политбюро, вскочил на бричку и скрылся.

Политбюро выяснил, что Кияшко работал на находившейся в Купянском уезде гидротехнической станции. Вскоре небольшая группа сотрудников политбюро и красноармейцев появилась на станции. При обыске чекисты нашли здесь фальшивые бланки Донской чрезвычайной комиссии, отряда особого назначения по борьбе с бандитизмом, штаба Северо-Кавказского военного округа и инженерного отряда. Несколько человек из «администрации» станции (а на самом деле главарей банды) были арестованы. «Заведующий» станцией Павлюк скрылся. Кияшко нигде не было. Не успели еще чекисты закончить обыск, как на горизонте в боевом строю появился отряд всадников в 250 человек. Это был «трудовой отряд», состоящий при станции, а на самом деле банда. Малочисленная группа сотрудников политбюро вынуждена была

покинуть станцию. Вскоре чекисты увидели, что станция горит.

7 сентября 1921 г. Кияшко наконец был пойман в одном из сел уезда. Как оказалось, Кияшко, родившийся в Купянском уезде, был студентом Ростовского (на Дону) политехнического института. Там он вступил в «Кубанскую национально-социалистическую повстанческую организацию», которая вела антисоветскую работу. От этой организации Кияшко получил задание под видом гидротехнической станции организовать в Купянском уезде повстанческую банду для борьбы с Советской властью. В июне — июле 1921 г. Кияшко прибыл в Купянский уезд и, используя заготовленные поддельные бланки ростовских советских учреждений, официально зарегистрировал гидротехническую станцию в Купянске. С помощью петлюровцев он завербовал в так называемый «трудовой отряд» при станции дезертиров и бандитов, на которых даже получал продовольственное снабжение и обмундирование от упродкома и других советских учреждений Купянска. Далее Кияшко и привлеченные им петлюровцы связались с бандами, действовавшими в округе. Кияшко мечтал придать этим уголовным бандам «идейный характер». Он привлек к работе знакомых учителей, служащих, сыновей кулаков, учеников средних учебных заведений. В июле 1921 г. Кияшко созвал совещание главарей банд и убедил их объединиться. Батькой объединенной банды был избран бывший полковник петлюровской армии Журба, скрывавшийся в Волчанском уезде под фамилией Павлюк.

Одновременно Журбу (Павлюка) назначали «заведующим» гидротехнической станцией. Теперь отряд антисоветской организации состоял из 250 человек и, несмотря на решение оставить уголовщину, все же занимался грабежами. Среди сочувствующих и содействующих банде были помещик Мартыненко, владевший до революции 700 десятинами земли, братья Заморцевы, бывшие владель-

цы 200 десятин земли, помещица Компанеец, в прошлом собственница ссыпного пункта, и прочая «уездная знать».

Эта опасная организация была ликвидирована. В столкновениях с частями Красной Армии и чекистами банды потеряли две трети своего состава. Остатки банд — 43 человека — после долгих скитаний, не имея никакой поддержки от населения, сдались Советской власти. По приговору чрезвычайной сессии Всеукраинского верховного революционного трибунала от 7 сентября 1922 г. 15 подсудимых, привлеченных по этому делу, преимущественно крестьяне, были оправданы, 7 приговорены к лишению свободы на срок от 1 до 3 лет, 4 — на 5 лет, 15 наиболее опасных бандитов — к расстрелу.

В те же 1922—1925 гг. чекисты ликвидировали еще несколько петлюровских подпольных организаций и вооруженных банд в районе Кременчуга, в Николаевской, Киевской, Подольской, Одесской, Полтавской, Харьковской и Черниговской губерниях.

Трудна и опасна была эта работа. Многие сотрудники — уполномоченные органов государственной безопасности — непосредственно проникали в вооруженные банды и повстанкомы и самоотверженно вели опасную работу.

Вот как чекисты захватили группу петлюровских главарей, и среди них «начальника 2-й Холодноярской дивизии» атамана Завгородного, участвовавшего в петлюровском движении с 1919 г.

В начале 1921 г. Завгородный сформировал банду численностью около 220 человек, на вооружении которой имелось 13 пулеметов. Затем он объединил несколько других, более мелких банд и стал орудовать значительными вооруженными силами. Банда совершила более 100 налетов, грабежей и убийств. Особенно жестокими были налеты на станции Знаменская, Каменец, сахарный завод в Грушовке, на село Кохановка. Банда вела бои и с частями Красной Армии (на станциях Цибулево, Знаменская, Фундуклеевская, в Разумовке, под Черкассами).

Чтобы ликвидировать эту опасную банду, киевские чекисты заслали в нее разведчиков, представившихся «бандитами». Один из сотрудников ГПУ предложил бандитам созвать съезд атаманов для обсуждения планов дальнейшей «деятельности». Сыграв роль завзятого петлюровца, он усыпил бдительность главарей бандитов. Съезд собрался в Звенигородке Киевской губернии. 28 сентября 1922 г. Завгородный с семью главарями банд прибыл на конспиративную квартиру. В разгар «совещания» подготовленная группа сотрудников ГПУ и чекисты, игравшие роль «участников съезда», без единого выстрела обезоружили и захватили живыми всех бандитов. Особенно отличился уполномоченный Смелянского политбюро Иван Васильевич Андреев, награжденный за эту операцию правительственной наградой. Завгородный и другие вожаки бандитов предстали 2 февраля 1923 г. перед судом чрезвычайной сессии Киевского губернского революционного трибунала,

Примерно таким же образом был пойман другой известный бандит — Гаевой (Грисюк), орудовавший со своей бандой в Киевском и Белоцерковском уездах. Начальник секретно-оперативной части Киевского губернского отдела ГПУ Ю. М. Перцов, руководивший этой операцией, впоследствии рассказывал: «Отдел ГПУ задался целью во что бы то ни стало изъять известного бандита Гаевого, главаря банды, виновника крушения продмаршрута для Донбасса и участника многих убийств, грабежей и нападений... Его никак не удавалось поймать на периферии, несмотря на массу затраченных сил и на жертвы. Необходимо было заставить Гаевого приехать в Киев, выудить его из района, где он имел много связей. После шестимесячной разработки плана комбинированным подходом удалось наконец выудить Гаевого, начальника его штаба и двух «пэвных» казаков в Киев... В первых числах октября 1922 г., в 6 часов утра, я получил сведения, что Гаевой со штабом прибыл в одну из квартир по

Львовской улице. Нам было также известно, что вечером того же дня они собираются уехать поездом и что у каждого из них имеется много оружия (у Гаевого — 2 револьвера и бутылочная бомба, у остальных — 5 револьверов и 2 бомбы). Необходимо было найти способ изъятия всех живьем, без жертв. Был разработан следующий план: нам было известно, что бандиты собираются отправиться на вокзал. Сначала должны были проследовать Гаевой со спутником, а спустя полтора часа — следующая пара. Принимая во внимание, что путь их следования лежал по Дмитриевской улице, мы решили, что на углу Дмитриевской и Столыпинской первая пара должна быть изъята. Необходимость брать их на улице диктовалась тем, что из квартир, где они остановились, брать их нельзя было без применения оружия. А ведь кроме Гаевого и его штаба изъятию подлежали все его покровители на периферии. Было также известно, из заявления самого Гаевого, что при попытке кого бы то ни было задержать его на улице он патронов не пожалеет и что в его правом кармане всегда имеется бутылочная бомба, в кольце которой он всегда держит указательный палец... Мною было подготовлено 8 человек, которых я разбил на две группы... В 8 часов вечера первая группа уже стояла на Дмитриевской улице, вторая — на бывшей Столыпинской. Расстановка людей была сделана с таким расчетом, чтобы группа по Дмитриевской улице была в тылу у Гаевого и чтобы на углу двух улиц обе группы сошлись, сплюснув с двух сторон Гаевого и его спутника, после чего немедленно приняться за разоружение. Одновременно было привлечено несколько сотрудников, обязанностью которых было следить за Гаевым и сообщать мне своевременно как о времени отъезда Гаевого, так и о возможности следования его по другой дороге. На ближайшем базаре тоже было расставлено несколько человек, которые должны были во всяком случае прийти на помощь или задержать бандитов в случае попытки к бег-

ству... Вся операция была рассчитана на пунктуальность и быстроту выполнения. Малейшее промедление грозило катастрофой. К 8 часам нам донесли, что Гаевой с товарищем направляются к тому месту, где находились группы. Я был тут же... Все было сделано так, как предполагалось. Бандиты очутились в тисках между двумя группами, сошедшимися с двух сторон. Я машинально стал считать в уме количество секунд, оставшихся до взрыва, которого, однако, не последовало... Конечно, спустя несколько минут бандиты были обезоружены, связаны и посажены в автомобиль. Мне при свете уличного фонаря особенно врезались в память лицо и фигура Гаевого в тот момент, когда его стиснули с двух сторон. Он остался без движения, словно каменный. В автомобиле, после первого впечатления, он заметил: «О це работа!» А на вопрос о том, почему он в первую минуту не стрелял, ответил: «Забувся». Спустя полтора часа были задержаны и остальные бандиты»[1].

* * *

Особенностью борьбы с петлюровщиной в 1922—1925 гг. явилось активное участие в ней украинских незаможных селян (бедноты), которые образовывали вооруженные отряды (была даже конная бригада незаможников) и преследовали бандитов.

В 1922 г. в дебрях Холодноярского леса скрывалась вооруженная банда Грозного, насчитывавшая около 100 человек. Бандиты бесчинствовали в окрестных селах и местечках. Они разгромили Валявский волисполком, зверски убили всех членов коммунистической ячейки в

[1] Пролетарская правда, 1923, 11 февраля. Некоторые подробности при задержании Гаевого сообщил автору участник этой операции старый чекист С. Л. Качановский-Цалев. См. также воспоминания В. В. Лебедя «На острие» («Неделя», 1978, № 23(951).

волостном центре, неоднократно нападали на Балаклеевский и Городищенский сахарные заводы, лавки и предприятия районных обществ потребительской кооперации, грабили их.

12 августа 1922 г. банда Грозного была разгромлена. Уцелевшие бандиты бежали и вскоре, преследуемые чекистским отрядом и незаможниками, оказались в критическом положении. Им предложили сдаться. Переговоры с бандитами вел начальник Черкасского уездного отделения ГПУ С. А. Бергавинов. Этот отважный чекист и коммунист с первых дней Октября находился на передовых позициях борьбы за Советскую власть. С 1919 по 1924 г. С. А. Бергавинов работал в органах государственной безопасности сперва на родине, в местечке Ярцево Смоленской губернии, а затем на Украине. Он вел непрестанную борьбу с контрреволюцией, участвовал в боях против петлюровцев, григорьевцев, деникинцев, белополяков и пять раз был ранен. В Пирятинском и Чигиринском уездах он создавал отряды по борьбе с бандитизмом, безоружным ходил в лесные чащи Холодного Яра для переговоров с отпетыми бандитами и силою коммунистического убеждения не раз склонял их к прекращению борьбы с Советской властью[1].

На этот раз, в Черкасском уезде, С. А. Бергавинов пришел в самое логово банды Грозного — в хату лесника в глухом лесу — и решительно заявил бандитам, что она должны выдать оружие, награбленное имущество и беспрекословно подчиниться Советской власти. Бандиты не сразу дали ответ. А ночью Бергавинов подслушал, как они совещались в сенях, выполнить ли им предъявленные условия или убить большевика — и делу конец... Наступила ночь. Бергавинов неслышно вылез через окно и скрылся в

---

[1] За свою мужественную работу в органах государственной безопасности С. А. Бергавинов награжден орденом Красного Знамени и значком почетного чекиста. Впоследствии он был на ответственной партийной работе.

лесу. В селе Орловец, куда он пришел на следующее утро, 29 августа, открылась ярмарка. Опытный партийный работник, Бергавинов выступил перед 8-тысячным сходом крестьян, съехавшихся на ярмарку, и призвал их к борьбе с бандитами. Тут же на ярмарке крестьяне избрали делегацию в составе 50 человек (среди них был и священник села Орловец), которые пошли в лес к бандитам Грозного и потребовали, чтобы они сдались властям. Уже на следующий день, когда Бергавинов снова появился перед бандитами, они беспрекословно сдались, 3 сентября, как писал корреспондент газеты «Коммунист», «в Черкассах можно было наблюдать своеобразную картину. По запруженным праздной толпой улицам, ведущим к исполкому, направилась группа «лесовиков» со знаменем впереди. На красном полотнище знамени была надпись: «Да здравствует Советская власть на Украине!» 50 сдавшихся бандитов были амнистированы. Спустя некоторое время бежавший Грозный и трое его ближайших сподвижников были обнаружены отрядом селян в одном из сел и во время перестрелки убиты.

Иногда амнистированные участники банд все же возобновляли преступную деятельность. В Нежинском уезде Черниговской губернии длительное время оперировал бандит Панкрат Хижняк, житель села Бранница. Вместе с сообщниками он в 1920 г. убил председателя сельсовета Бондаренко, члена сельсовета С. Полуяна и его сына, терроризировал сельских активистов. В 1921 г., учитывая раскаяние бандитов и их бедняцко-середняцкое происхождение, советские органы амнистировали Хижняка и участников его банды. Но амнистированные не оправдали доверия Советской власти. Участвуя в разоружении уголовной шайки в Козелецком уезде, они присвоили оружие бандитов. В связи с этим в село Бранница прибыли милиционеры. Старший команды милиционеров Гладкий потребовал от Хижняка сдачи оружия, но бандиты убили Гладкого и милиционеров и скрылись, В 1922 г. по хода-

тайству местного населения Хижняк и его союзники снова были амнистированы и вернулись в село. Спустя некоторое время, летом 1922 г., в Бранницу прибыл из Киева некий Лука Артеменко, представившийся мелким торговцем. Он познакомился с Хижняком и тайно сообщил ему, что имеет связь с членом «Центрального повстанческого (петлюровского) комитета», который поручил распространить несколько прокламаций с призывом создавать в селах повстанческие группы. Хижняк принял прокламации и обещал организовать антисоветскую группу в селе. Собрав «старых друзей» (бывших бандитов) и сочувствующих им (10 человек), Хижняк ознакомил их с прокламацией. Бандиты решили создать в Браннице подпольный повстанческий комитет. Председателем комитета избрали Филиппа Цареня, а во главе повстанческого отряда поставили Хнжняка. В то время неподалеку от Бранницы скрывался прибывший из-за границы петлюровский организатор Иван Назаренко. Хижняк и Артеменко связались с Назаренко, и тот включился в работу повстанческого комитета. Заговорщики добыли пишущую машинку, издавали прокламации, заготовляли оружие. О существовании петлюровской организации в Браннице стало известно чекистам. В апреле 1923 г. в село прибыл отряд ГПУ, которому удалось арестовать членов организации. В октябре 1924 г. бандиты предстали перед Черниговским губернским судом. Хижняк, Артеменко и двое самых активных их сподвижников были приговорены к расстрелу. Но советские власти вновь проявили к ним снисходительность: расстрел был заменен лишением свободы сроком на 10 лет[1].

Бывали случаи, когда крестьяне самосудом расправлялись с бандитами. В свое время в Елисаветградском уезде свирепствовала банда, совершившая много жестоких преступлений. Вожак банды, бывший подпрапорщик

---

[1] См.: Красное знамя (Чернигов), 1924, 18—28 октября.

Галка, собственноручно расстрелял в деревне Ивановке 15 крестьян, отказавшихся вступить в его отряд. В 1924 г., когда банда Галки была ликвидирована и ее амнистированные участники возвратились в деревни, местные жители расправились с ними самосудом.

Позднее прозрение

В январе 1925 г. в Киевском губернском суде рассматривалось дело Андрея Чмеля, Генриетты Ган и других, совершивших преступления в Киевском уезде в 1921—1922 гг. Один из главных обвиняемых, двадцатилетний Андрей Чмель, проживавший в селе Боярки Киевского уезда, воспитанный в духе украинского национализма, мечтал об активной политической деятельности и искал связей с петлюровской организацией. Он познакомился с появившимся в селе бывшим петлюровским сотником Косарем (Дранником), прибывшим из-за кордона. Затем он обратился за содействием к учительнице Генриетте Ган, муж которой, петлюровец Винник, в свое время был расстрелян Чрезвычайной комиссией за антисоветскую деятельность. Ган продолжала антисоветскую деятельность покойного мужа. Будучи знакома с уже упоминавшимся членом «унровской контрразведки г. Киева» Николаем Афанасьевым, она решила связать с ним своего бывшего ученика Чмеля, который охотно согласился осведомлять петлюровскую контрразведку о состоянии повстанческого движения на селе.

Чмель явился к Афанасьеву вместе с Косарем. Афанасьев дал им задание — создавать петлюровские ячейки в Киевском уезде. Выполняя это поручение, Чмель собрал в своем селе близких ему молодых людей. Так в Боярском районе появилась петлюровская ячейка. Была избрана руководящая «тройка» во главе с Чмелем. Один из членов ячейки, Проценко, раздобыл типографский шрифт и

организовал типографию, в которой можно было печатать прокламации. Ячейка связалась с оперировавшей поблизости бандой Гаевого и оказывала ей содействие, информируя о расположении советских воинских частей и т. п.

Между тем Косарь, получивший вскоре через Афанасьева от петлюровского «Центрального штаба» назначение на пост «начальника повстанческого района», объединявшего повстанцев Киевского и Радомысльского уездов, создавал петлюровские ячейки в других районах.

В октябре 1921 г. в связи с готовившимся «тютюнниковским рейдом» на Украину Косарь поручил учительнице Ган выехать за границу, вручить петлюровскому эмигрантскому руководству доклад о деятельности организации, получить средства для работы и указания. Задание Ган выполнила. Она нелегально перешла границу, пробралась во Львов, передала доклад, получила шифровки, деньги и все это, возвратившись, вручила Косарю.

Вскоре, однако, последовали ликвидация «унровской контрразведки г. Киева», арест Афанасьева, поражение банды Гаевого, провал «тютюнниковского рейда». Деятельность организации замерла. Весной 1922 г. бояркская ячейка вновь ожила: Чмель напечатал прокламацию, призывавшую крестьян не платить продналога, сопротивляться изъятию церковных ценностей в пользу голодающих. Но осенью 1922 г. ячейка окончательно распалась. Андрей Чмель выехал из Боярки и стал скрываться то в Житомире, то в Киеве под фамилией Крыжановского. Генриетта Ган бежала в Уманский уезд, затем на станцию Вапнярка и в конце концов была арестована в июне 1923 г.

Чекисты привлекли по этому делу к судебной ответственности 12 человек. Суд состоялся в январе 1925 г. К этому времени политические настроения большинства участников петлюровской ячейки Боярского района изменились. Андрей Чмель заявил на суде, что давно уже разочаровался в петлюровском движении и в настоящее время является врагом петлюровщины, которая не имеет

никаких корней в крестьянстве. Генриетта Ган, оказывавшая раньше вредное влияние на своих бывших учеников, заявила на суде, что готова «признать свои преступления перед народными массами». В таких условиях Киевский губернский суд вынес приговор, по которому 2 подсудимых оправдал, 6 приговорил к условному наказанию. При этом суд ходатайствовал перед ВУЦИК о полном помиловании Чмеля; лишь Генриету Ган и еще 2 обвиняемых суд приговорил к лишению свободы сроком на 5 лет[1].

* * *

В июле 1922 г. Одесскому губернскому отделу ГПУ стало известно, что в Одессу нелегально из Румынии прибыл какой-то видный антисоветский деятель. Чекисты установили за ним наблюдение и вскоре арестовали его. Это был командующий южной группой войск УНР полковник А. А. Гулый-Гуленко.

Гулый-Гуленко заявил на следствии: «Анализ всех событий привел меня к той мысли, что дальнейшая вооруженная борьба с Советами бесполезна и бессмысленна. Слишком уж жалкую роль мы играли во время последнего восстания, нанося непоправимый вред украинскому народу»[2]. Так от петлюровщины отошел один из видных ее деятелей.

Наконец потерпел крушение и ближайший сподвижник Симона Петлюры, командующий антисоветским «рейдом» генерал-хорунжий Юрий Тютюнник. В середине 1923 г. он вместе с несколькими другими эмигрантами нелегально прибыл на Украину для подпольной работы в созданной им новой петлюровской организации —

---

[1] См.: Правда, 1925, 13, 26, 27, 30 января.
[2] См.: Правда, 1922, 23 августа.

«Высшем военном совете». Пробыв несколько месяцев на родине, Тютюнник убедился в тщетности своих усилий продолжать борьбу с Советской властью и решил сдаться. В письме на имя В. П. Затонского он писал: «Тяжким путем я пришел к уверенности, что властвующие на Западе силы способны только угнетать украинский народ, а не помогать его освобождению. Эти силы, используя легкомысленные и окончательно деморализованные элементы нашей эмиграции, думают только о своем благополучии. Поскольку деморализованность эмиграции дошла до наивысшей степени, для меня стало понятным, что будущее Украины выковывается здесь, на Украине. Прошло уже несколько месяцев, как я перешел кордон и, находясь на территории УССР, изучаю действительное положение. В первую очередь меня интересовала природа власти на Украине. В том, что эта власть является властью рабочих, я никогда не сомневался, но является ли она украинской властью, в этом у меня были сомнения, а в свое время даже уверенность в противоположном». Ознакомление с украинской действительностью и с характером Советской власти на Украине убедило Тютюнника в том, что он заблуждался. «Сейчас на Украине,— писал он Затонскому,— украинская власть».

Украинское советское правительство поручило ГПУ УССР проверить искренность заявления Тютюнника и его группы, ходатайствовавших о помиловании. Тютюнник представил такие доказательства: сдал весь архив петлюровского «штаба», вызвал свою семью на Украину и т. п. ГПУ УССР дало заключение о возможности применения амнистии. 28 декабря 1923 г. Президиум ВУЦИК удовлетворил ходатайство Тютюнника. Были амнистированы и другие петлюровские деятели, и среди них известный украинский националистический деятель, бывший председатель Центральной рады профессор М. С. Грушевский, выразивший желание заняться в Киеве научной работой. Юрий Тютюнник вскоре опублико-

вал мемуары, в которых рассказал о роли польских разведывательных органов в петлюровском движении. Впоследствии, однако, Тютюнник вновь занялся преступной деятельностью и был наказан.

В 1924 г. чекистами был пойман проникший на советскую территорию из Польши известный петлюровец Хмара, бывший учитель, штабс-капитан царской армии, член партии украинских эсеров и агент польской разведки. На протяжении ряда лет он боролся с Советской властью методами террора, диверсий и шпионажа. Теперь Хмара уверял суд в том, что он «заблуждался», не понимал национальной политики Советской власти. В последнем слове, обращаясь к суду, он сказал: «В случае осуждения меня к высшей мере прошу передать от моего имени Петлюре: пусть оставит бесплодную, ненужную борьбу с Советской властью и поступит по примеру Тютюнника»[1].

Но главарь петлюровщины Симон Петлюра не последовал совету Хмары. Перебравшись из Польши во Францию, он безуспешно пытался продолжать антинародную деятельность. 25 мая 1926 г. в Париже он был убит Самуилом Шварцбардом — родственником одной из семей, погибших во время диких петлюровских погромов на Украине. Парижским судом присяжных Шварцбард был оправдан.

---

[1] См.: Правда, 1924, 5 ноября.

Глава 5

БОРЬБА С АНТИСОВЕТСКИМИ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИМИ ДВИЖЕНИЯМИ В РАЗЛИЧНЫХ ОБЛАСТЯХ ГОСУДАРСТВА

Националистическая антисоветчина в Белоруссии, Молдавии, на Северном Кавказе и в других районах

В Белоруссии противником Октября выступила националистическая Белорусская рада, образованная здесь еще в июле 1917 г. Националисты не имели серьезного влияния среди подавляющего большинства населения Белоруссии — крестьянства. Достаточно сказать, что на выборах в Учредительное собрание Белорусская рада собрала всего 0,3% всех голосов. Большинство белорусского населения и солдат Западного фронта голосовали за большевиков, и в декабре 1917 г. в Минске была установлена Советская власть. Между тем деятели Белорусской рады созвали «национальный съезд» и в ночь на 18 декабря провозгласили «независимость Белоруссии». Это был акт, лишенный какого-либо значения, так как подавляющее большинство населения высказалось за Советскую власть.

Белорусская рада была разогнана. Тогда националисты связались с командованием польского корпуса, составленного из австрийских военнопленных в России. Корпусом командовал реакционный генерал — корниловец И. Р. Довбор-Мусиицкий. В январе 1918 г. при поддержке корпуса начался антисоветский мятеж. Однако он был быстро подавлен, а его инициаторы бежали в соседние районы, занятые германскими войсками.

* * *

Сразу же после победы Октябрьской революции молдавские националисты и прямые агенты королевской Румынии при помощи командования Румынского фронта сформировали антисоветский административный орган края «Сфатул цэрий» («Совет страны»), во главе которого стал молдавский националист И. Инкулец.

2 декабря 1917 г. «Сфатул цэрий» провозгласил создание так называемой Молдавской Народной республики. Был сформирован исполнительный орган — Совет генеральных директоров под председательством П. Ерхана. Руководящие посты в нем заняли: бывший заместитель губернского комиссара Временного правительства В. Кристи и другие молдавские националисты[1].

Лидеры «Сфатул цэрий» демагогически обещали народу свободу, демократические преобразования, землю крестьянам, рабочий контроль над фабриками и заводами и т. п. Однако все эти обещания они не выполняли и грозили крестьянам тяжелыми наказаниями за их попытки покончить с помещичьей собственностью. Они искали поддержку у антисоветской Украинской Центральной рады, калединцев и иностранных держав.

Как только «Сфатул цэрий» объявил о своем существовании, он незамедлительно получил признание со стороны государств Антанты. В середине декабря Франция, не имея на то согласия Советского правительства, открыла в Кишиневе свое консульство. Французский консул П. Сарре установил связи с местными молдавскими антисоветчиками и всеми имевшимися в его распоряжении средствами направлял их деятельность. Представителей

---

[1] См.: Антонюк Д. И., Афтенюк С. Я., Есауленко А. С., Иткис М. Б. Предательская роль «Сфатул цэрий». Кишинев, 1969. С. 87.

Антанты поддерживал штаб Румынского фронта, в котором фактически хозяйничали американский посол в Румынии Ч. Вопичка, французский посол Д. Сент-Олер и английский — Д. Барклай, находившийся в Яссах (Румыния)[1].

В борьбе против Советской власти молдавская националистическая антисоветчина совершила величайшее национальное предательство. Ее главари — И. Инкулец, П. Ерхан, И. Пеливан и другие — втайне от народа сговорились с правящими кругами западных государств об отторжении правобережной (между Прутом и Днестром) части Молдавии, носившей название Бессарабии, и передаче ее королевской Румынии. Ввод румынских войск в Бессарабию мотивировался необходимостью «восстановления порядка от большевистской анархии». В январе — марте 1918 г. Бессарабия была оккупирована румынской армией. Временная оккупация превратилась в аннексию части территории Молдавии королевской Румынией. В восточной же, левобережной, части Молдавии установилась Советская власть.

* * *

Весьма остро протекала борьба за установление Советской власти в сложной обстановке Северного Кавказа.

В Терской области антисоветчина возглавлялась реакционными элементами терского казачества и националистическими и религиозными организациями горских народов. Казачья антисоветчина вначале группировалась вокруг войскового атамана терского казачьего войска, бывшего комиссара Временного правительства на Тереке М. А. Караулова и образованного им 10 ноября 1917 г. во Владикавказе антисоветского войскового правительства. Горская антисоветчина возглавлялась шейхами, муллами,

[1] См.: Антонюк Д. И. и др. Указ. соч. С. 119.

богатыми скотоводами, промышленниками и представителями националистически настроенной интеллигенции Терской области и Дагестана. Под предлогом защиты национальных и религиозных интересов мусульман руководители этого движения в декабре 1917 г. провозгласили созданный ими еще при Временном правительстве Союз объединенных горцев Кавказа «автономным штатом Российской Федеративной Республики», а его руководителей — кумыкского князя Рашид-Хан Капланова, чеченского нефтепромышленника Тапа Чермоева, кабардинского конезаводчика Пшемахо Коцева, ингушского деятеля Васангирея Джабагиева и других — «правительством штата», распространявшим свою власть на Дагестан, Терек и другие районы Северного Кавказа, населенные мусульманами.

В сущности, Союз объединенных горцев Кавказа являлся панисламистской организацией: он поднял «зеленое знамя ислама», пытаясь ввести законы Корана и шариата. Эта организация находилась под влиянием соседней Турции, агенты которой обещали горцам «освобождение мусульманских народов Кавказа от русского ига». Прямыми агентами Турции были «вожди» горцев Нажмуддин Гоцинский и Узун-Хаджи. Богатый скотовод, ученый-арабист из селения Гоци Аварского округа в Дагестане, Нажмуддин Гоцинский до революции был наибом (начальником) Косубулинского участка, пользовался большим влиянием и почетом среди мусульманских масс, а после революции намеревался стать имамом (светским и духовным владыкой) всего Кавказа. 23 января 1918 г. на Вседагестанском съезде горцев его избрали главным муфтием — руководителем духовного управления мусульман Северного Кавказа. А фанатичный Узун-Хаджи исступленно призывал горцев к восстанию против России с целью «продолжить дело Шамиля» и создать на Кавказе мусульманскую «шариатскую монархию».

Советское правительство с первых же дней Октября выступило как защитник угнетавшихся русским самодержавием народов, в том числе и мусульман. В обращении Совета Народных Комиссаров к трудящимся мусульманам от 20 ноября 1917 г. говорилось:

«Мусульмане России, татары Поволжья и Крыма, киргизы и сарты Сибири и Туркестана, турки и татары Закавказья, чеченцы и горцы Кавказа, все те, мечети и молельни которых разрушались, верования и обычаи которых попирались царями и угнетателями России!

Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это. Знайте, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов, Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Поддерживайте же эту революцию и ее полномочное Правительство!»[1]

Но реакционные элементы мусульманства натравливали отсталые массы, призывали их к борьбе против русского народа, который нес им освобождение от национального и социального гнета.

Вокруг Нажмуддина Гоцинского и Узун-Хаджи группировались подстрекаемые ими горцы, которые нападали на русские поселки. Вскоре Узун-Хаджи провозгласил себя имамом Чечни и Дагестана. За время кратковременного имамства его банды буквально снесли с лица земли 170 русских поселков, молдаванских хуторов, немецких колоний. Терские казаки, в свою очередь, стали нападать на чеченские поселения. Разгоралась межнациональная резня.

---

[1] Декреты Советской власти. Т. 1. С. 113—114.

В сложнейшей политической обстановке советские организации Терека и Дагестана вели работу среди народа, призывая русских и горцев прекратить бессмысленную резню и совместно работать над устройством новой жизни. Во Владикавказе и Грозном были организованы военно-революционные комитеты для борьбы с антисоветчиной и установления порядка в крае. В марте 1918 г. имамство в Чечне было ликвидировано, а Узун-Хаджи изгнан. 17 марта съезд трудящихся Терека провозгласил Советскую власть. В мае она была установлена и в Дагестане, где потерпел поражение Нажмуддин Гоцинский.

* * *

В Закавказье после Октября националистические партии грузинских меньшевиков, армянских дашнаков и азербайджанских мусаватистов объединились в антисоветскую коалицию и с участием русских меньшевиков и эсеров образовали 15 ноября 1917 г. в Тифлисе так называемый Закавказский комиссариат, который выступал за отделение Закавказья от Советской России. Но националистам не удалось тогда распространить свою власть на всю территорию края. В Баку рабочие, солдаты и матросы разных национальностей поддержали Октябрьскую революцию и центральное Советское правительство. 2 ноября Бакинский Совет рабочих и солдатских депутатов взял в свои руки власть в Баку и его районах. Во главе Совета стал член ЦК РСДРП (большевиков) С. Г. Шаумян.

Против советского Баку ополчились Закавказский комиссариат, бакинские организации националистических партий, имевшие свои воинские формирования, а также русские группы эсеров и меньшевиков. Городу угрожали и турецкие войска, пытавшиеся захватить богатый нефтью край.

Особую опасность представляли тогда азербайджанские националисты. До революции 1917 г. их партия — мусават — придерживалась клерикально-феодальных, панисламистских взглядов, призывая все мусульманские народы «без различия наций и религиозных толков» объединиться для борьбы «за возвращение былой славы», когда ислам был «властителем на таких громадных частях света, как Азия, Европа и Африка»[1].

В октябре 1917 г. председатель Бакинского ЦК партии мусават Мамед Эмин Расул-заде, выступая на I съезде объединенной партии мусават, заявил, что «целью тюркского народа является... стремление» составить «вместе с остальными группами, входящими в состав мусульманского интернационала, общий букет». Этими цветистыми словами Расул-заде выражал идею создания в союзе с другими мусульманскими народами единого тюркского националистического государства[2].

После победы Октября мусаватисты открыто проповедовали отделение Азербайджана от Советской России. Они образовали мусаватистское «управление» во многих районах Азербайджана, а их главари вошли в антисоветское правительство «Закавказский комиссариат».

30 марта 1918 года вооруженные отряды мусаватистов, сконцентрированные в Старом городе, опираясь на прибывший в Баку вооруженный отряд бывшей царской «дикой дивизии», напали на советские воинские части. В последовавших затем кровопролитных боях с обеих сторон участвовало около 20 тысяч человек. Одновременно происходили кровавые столкновения между азербайджанским (мусульманским) и армянским (христианским) населением города. В течение двух дней было убито более 3 тысяч человек.

---

[1] См.: Сеф С. Е. Борьба за Октябрь в Закавказье. Заккнига, 1932. С. 125-126.

[2] См. там же. С. 129.

1 апреля советские войска, поддержанные рабочим населением, подавили мятеж. Мусаватисты приняли условия ультиматума, предъявленного им Комитетом революционной обороны: признали власть Бакинского Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов и обязались вывести антисоветские войска из города[1].

Власть в городе перешла к Бакинскому Совету рабочих и солдатских депутатов.

* * *

В Крыму Советская власть была установлена после упорной борьбы с антисоветскими группами монархистов, сторонников Временного правительства, татарских националистов.

Большую роль в крымской антисоветчине играла татарская мусульманская националистическая партия Милли Фирка. Она была учреждена группой молодых крымских интеллигентов (преимущественно учителей и молодых мулл), учившихся в Турции и воспитанных там на идеях панисламизма и пантюркизма. Организаторы этой партии возлагали надежды на мусульманскую Турцию и мечтали о том, чтобы Крым находился под ее протекторатом.

После Октября партия Милли Фирка и возглавляемые ею татарские националистические организации резко активизировали свою деятельность. Они добивались полного отделения Крыма от Советской России. 30 октября 1917 г. националисты образовали так называемый Крымский военно-революционный комитет и объявили войну советской власти. 26 ноября в Бахчисарае открылся Всекрымский татарский съезд — курултай, который объявил себя национальным парламентом, утвердил татарское национальное правительство — Директорию. По настоянию

[1] См.: Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Документы и материалы. Баку, 1957. С. 333—334.

националистов в Крым с фронта были введены татарские воинские части — преимущественно конные эскадроны. Проведя пропагандистскую работу среди «эскадронцев», националисты получили в свое распоряжение довольно крупные вооруженные отряды и стали реальной силой, противостоящей Советской власти. К этим отрядам примыкало немало и белогвардейских русских офицеров.

Но большинство жителей Крыма встало на сторону Советской власти. Сначала в Севастополе, а затем в Евпатории, Ялте, Феодосии, Керчи власть в течение ноября — декабря 1917 г. перешла в руки Советов рабочих и солдатских депутатов. Главную силу революции составляли рабочие и матросы Черноморского флота.

Начались вооруженные столкновения между объединенными татарскими националистическими и белогвардейскими отрядами и советскими силами в разных местах. «Крымский штаб» мятежников решил покончить с советским Севастополем. Сосредоточенные в районе Бахчисарая татарские эскадроны двинулись в поход. В ночь на 11 января 1918 г. начались бои под Севастополем. Но матросы и рабочие, защищавшие город, разбили «эскадронцев». 12 января сторонники Советской власти заняли Бахчисарай и пошли на Симферополь. Их поддержали внутри Симферополя рабочие, восставшие против националистических крымских правителей. После продолжавшихся три дня боев антисоветские силы оставили город.

В Крыму была установлена Советская власть, избран советский руководящий орган — Таврический центральный комитет Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

* * *

31 октября 1917 г. трудящиеся Ташкента, административного центра Туркестанского края, начали воору-

женное восстание против администрации Временного правительства. В четырехдневных боях революционные отряды нанесли поражение юнкерам и казакам, заняли город и крепость и передали власть Совету рабочих и солдатских депутатов. Вскоре Советская власть утвердилась в Самарканде, Ходженте, Термезе, Мерве (ныне Мары), Чарджуе (ныне Чарджоу), Ашхабаде и других городах края.

15 ноября 1917 г. созванный в Ташкенте III краевой съезд Советов принял декларацию о провозглашении Советской власти в крае и избрал Туркестанские ЦИК и Совет Народных Комиссаров. В состав Совнаркома вошли большевики, левые эсеры и эсеры-максималисты. Председателем Совнаркома стал большевик Ф. И. Колосов.

Так же как и на других национальных окраинах России, в Туркестане против Советов выступили местные буржуазные националисты.

Националистическое мусульманское движение в Туркестане зародилось в панисламистских и пантюркистских кругах, группировавшихся вокруг организации «Шуро-и-Исламия» (Совет исламистов), образовавшейся на Ташкентском мусульманском съезде еще в марте 1917 г. Ее руководителями были представители мусульманской интеллигенции, высшего духовенства, крупные торговцы и предприниматели.

После Октября в Ташкенте состоялся мусульманский съезд, который противопоставил себя III краевому съезду Советов. Съезд заявил, что «пути к самоопределению мусульман не могут быть иными, как только те, которые указаны в коране и шариате», и потребовал предоставить в органах власти края половину мест здешней местной буржуазии и духовенству. В сущности, это было требование ликвидировать Советскую власть — власть рабочих и крестьян — и заменить ее властью местных баев и духовенства. III краевой съезд Советов отверг притязания мусульманских реакционеров.

27 ноября лидеры националистов вновь созвали в Коканде (Ферганская область) общемусульманский съезд, который провозгласил «автономию» Туркестана и образовал «Совет министров автономного Туркестана» во главе с лидером «Шуро-и-Исламия» Танышбаевым (вскоре его заменил Мустафа Чокаев). В городе Коканде возникли две власти: в новом городе и крепости — Советская власть, в старом городе — власть «автономного правительства». «Кокандские автономисты» создали «вооруженные мусульманские силы», основу которых составил отряд басмачей под командованием известного в Фергане Иргаша, отбывавшего в прошлом наказание за разбой и ставшего при «автономистах» начальником милиции в Коканде. «Кокандские автономисты» надеялись превратить советскую Среднюю Азию в националистическое государство, находящееся под покровительством и контролем Великобритании.

13 декабря 1917 г. (в день «рождения» пророка Магомета) мусульманскому духовенству и националистам удалось организовать в Ташкенте антисоветскую демонстрацию в поддержку «Кокандской автономии» и «в защиту ислама». Толпы фанатиков прорвались к тюрьме и насильственно освободили содержавшихся там антисоветчиков. В городе произошли кровавые столкновения. Демонстранты были разогнаны рабочими.

В конце января 1918 г. туркестанские советские органы потребовали, чтобы «правительство Кокандской автономии» разоружило и распустило отряды басмачей. «Совет министров Кокандской автономии» отказался выполнить это требование. В ночь на 30 января его отряды — главным образом басмачи Иргаша — напали на красногвардейцев Коканда. Басмачи окружили крепость и учинили в новом городе резню и погром. Городской военно-революционный комитет во главе с большевиком Е. А. Бабушкиным организовал оборону и отбил нападение басмачей.

Через два дня после первого нападения «автономисты» вновь окружили Кокандскую крепость. Начались кровопролитные бои. Рабочие Ташкента, Самарканда и других мест оказали военную поддержку кокандским Советам. Басмачи были разгромлены, и «Кокандская автономия» ликвидирована. Вся власть перешла в руки Кокандского Совета рабочих и солдатских депутатов. Иргаш с остатками своего отряда скрылся.

Кокандское «автономистское» движение оказало влияние на все районы Туркестана и на его окраины. Бухарский эмир Сеид Алим-хан, находившийся в вассальной зависимости от царской России, поддержал это антисоветское движение. Так же действовали и правители ханской Хивы. Английские представители снабдили их оружием и толкнули на войну с Советской Россией.

Опаснейшей формой проявления буржуазного национализма стало басмачество. Басмачами в Средней Азии издавна называли разбойников — «налетчиков». Помимо обычных разбойных налетов они совершали нападения на местную царскую администрацию, на русских поселенцев, выражая этим протест против колониального гнета. В советское время националистические элементы привлекли басмачей к себе на службу, чтобы превратить их в антисоветскую силу. Басмачество стало реакционным, антисоветским движением, главари которого действовали методами кровавого бандитизма.

Большую опасность в крае представляло и антисоветское движение бывших колонизаторских элементов. В нем участвовали зажиточная часть казачества, бывшие царские чиновники, жандармы, полицейские, русские владельцы промышленных предприятий, кулаки русских поселений. До революции они были оплотом царского строя в Туркестане, а теперь, после Октября, отстаивали свои привилегии, собственность, вынашивали планы восстановления колониальных порядков.

В ноябре 1917 г. реакционная верхушка «войскового совета Семиреченского казачьего войска» не подчинилась центральному Советскому правительству, разогнала местный Совет рабочих и солдатских депутатов и захватила власть в центре Семиречья — Верном (ныне Алма-Ата).

В январе 1918 г. в Туркестан прибыли оренбургские и семиреченские казаки, стоявшие раньше гарнизонами в Хиве и Персии. Эти вооруженные отряды (14 сотен) представляли угрозу для только что образовавшейся Советской власти края. Туркестанский Совнарком предложил им сдать оружие. Но их начальник, полковник И. М. Зайцев, командовавший ранее русскими войсками в Хиве, ответил отказом и, объединившись с другими антисоветскими силами, выступил против Советов. Сотни Зайцева заняли города Чарджуй, Самарканд и двинулись на Ташкент. 14 февраля 1918 г. красногвардейские отряды туркестанских рабочих встретили казаков возле станции Ростовцево (неподалеку от Самарканда). Те заколебались и, отказавшись воевать против народа, сдали оружие.

2—3 марта 1918 г. большинство жителей Семиречья, не подчинившись «войсковому совету Семиреченского казачьего войска», организовали в Верном «военревком» и приступили к созданию Советской власти и Красной гвардии. Казачья верхушка вынуждена была уступить. В феврале 1918 г. Советская власть была установлена в Пишпеке и в других городах Семиречья.

Борьба с басмачеством[1]

1. Начало басмаческого антисоветского движения.

Бежав из Коканда после разгрома движения «Кокандской автономии», вожак басмачей Иргаш обосновал-

[1] Название движения происходит от тюркского слова «басмак» — нападать, налетать.

ся неподалеку, в кишлаке Бечкир. Он превратил кишлак в крепость, перегруппировал здесь свои силы, устроил мастерские для изготовления боеприпасов, обложил окрестное население «налогами». Реакционное мусульманское духовенство, согласно старинному обычаю, с соблюдением религиозных церемоний, подняло этого разбойника на белой кошме как религиозного вождя, после чего он объявил себя «борцом за ислам», «защитником угнетенных», присвоил титул «амири муслимин» — «верховного предводителя воинства ислама» — и начал «священную войну» против Советской власти. Со всех сторон к нему стекались люди, которые становились басмачами.

Распространение басмачества объяснялось тем, что их ряды пополнялись дехканами, находившимися под влиянием духовенства. Это были люди, недовольные хозяйственными и политическими мероприятиями советских органов — запрещением торговли на базарах, монополизацией и конфискацией хлопка и т. п. Коренное население Туркестана нередко возмущалось также неправильным поведением некоторых представителей местных советских органов, в которые на первых порах проникали старые чиновники и другие лица, не изжившие еще колонизаторских привычек. Используя это недовольство, реакционное духовенство, возглавляемое панисламистской организацией «Улема», националисты из пантюркистской организации «Иттихад ва таракки» («Единение и прогресс») и другие попытались поднять дехкан на борьбу под флагом «защиты ислама», «туркестанской автономии», «независимости» и подстрекали их к вступлению в отряды «борца за ислам» — Иргаша. Басмачей пытались превратить в политическую силу, направленную против советской власти.

В 1918—1919 гг. Советское правительство из-за военных действий с дутовскими бандами было практически лишено возможности непосредственно руководить советским строительством в Туркестане. Средством связи цен-

тра с краем были только телеграф и радио. Тем не менее правительство неоднократно указывало туркестанским работникам на необходимость установления правильных отношений с местным мусульманским населением. В телеграмме, посланной в апреле 1918 г. Народным комиссариатом по делам национальностей в Туркестан, говорилось: «Не отрицание автономии, а признание ее является очередной задачей Советской власти. Необходимо только автономию эту построить на базисе Советов на местах. Только таким путем может стать власть народной и родной для масс»[1]. На основе этих указаний V краевой съезд Советов, проходивший в апреле — мае 1918 г., провозгласил автономию Туркестана в составе РСФСР.

В органы краевой и местной власти стали привлекаться в большем, чем ранее, количестве местные кадры, постепенно исправлялись и ошибки хозяйственного порядка.

Принципиальные основы политики Советской власти в отношении местных национальностей были сформулированы в радиограмме ЦК РКП(б) от 10 июля 1919 г. на имя ЦИК Туркестанской республики и краевого комитета Коммунистической партии: «Необходимо широкое пропорциональное привлечение туркестанского туземного населения к государственной деятельности, без обязательной принадлежности к партии, удовлетворяясь тем, чтобы кандидатуры выдвигались мусульманскими рабочими организациями. Прекратить реквизицию мусульманского имущества без согласия краевых мусульманских организаций, избегать всяких трений, создающих антагонизм»[2].

Между тем националистические элементы туркестанской реакции развертывали свою преступную работу все

---

[1] *Коканбаев А.* Борьба с басмачеством и упрочение Советской власти в Фергане. Ташкент, 1958. С. 29.

[2] *Зевелев А. И.* Из истории гражданской войны в Узбекистане. Ташкент, 1959. С. 405.

шире, ввергая отдельные слои населения края в кровавую борьбу с Советской властью.

Басмаческий вожак Иргаш постепенно захватил власть в сельской местности вокруг Коканда. Он совершал валеты на кишлаки, на русские селения, нападал на небольшие отряды красноармейцев, обычно легко уходя от преследования.

В 1918—1919 гг. в Фергане помимо банды Иргаша действовало еще около 40 банд (наиболее крупные из них Хал-ходжи, Махкам-ходжи, Рахманкула, Аман Палвана, Музтпина). Вскоре среди басмачей выдвинулся Мадамин-бек (его полное имя — Мухаммед-Амиибек Ахметбеков), ранее служивший начальником уездной милиции в Маргелане. Летом 1918 г. он создал из подчиненных ему милиционеров-узбеков отряд басмачей. Поначалу тесно сотрудничая с Иргашем, Мадамин-бек после нескольких ссор отделился и начал самостоятельные действия. Замыслив стать во главе басмаческого движения в Фергане, он ввел в отряде строгую дисциплину, К нему потянулись и русские белогвардейцы, которых он не только охотно принимал, но и назначал на командные посты.

В ноябре 1918 г. Мадамин-бек вместе со своим подручным, отчаянным головорезом и грабителем Хал-ходжой, повел свой отряд в 500—700 человек на русские поселки Благовещенское и Спасское, сея смерть и грабя поселенцев. Эти кровавые рейды вызвали стихийное движение крестьянской самообороны. В Благовещенском и Спасском возник отряд самообороны в 60 человек. Красноармейцы дали крестьянам несколько винтовок. Этим было положено начало организации «крестьянской армии».

Туркестанские власти, испытывая недостаток вооруженных сил, решили легализовать самооборону и предложили населению русских поселков «сорганизоваться в правильные отряды и избрать штаб».

Так, в конце 1918 г. официально была учреждена добровольная «крестьянская армия Ферганы». Ее задачей была защита от нападений басмачей,

«Крестьянская армия» строилась по территориальному принципу и включала в свой состав всех мужчин поселков в возрасте от 17 до 50 лет. Подчиняясь командующему Ферганским фронтом, получая от него вооружение и боеприпасы, «крестьянская армия» вместе с тем пользовалась значительной автономией. Ее командиры избирались; управлял армией выборный военный совет, в состав которого в качестве обязательного члена входил военком города Джалял-Абада.

Легализовав «крестьянскую армию», местные власти, несомненно, допустили ошибку. Подавляющее большинство ее участников являлись переселенцами, в свое время помещенными царским правительством на отобранных у коренного населения землях и превратившимися в кулаков. Отряды «крестьянской армии» нередко притесняли и грабили коренное население. Такие действия усиливали недовольство местного населения, которое отождествляло ее с Красной Армией.

С введением на территории Туркестана экономической политики «военного коммунизма», затронувшей непосредственные интересы крестьянства, население русских поселков, в первую очередь кулачество, стало проявлять недовольство Советской властью. «Крестьянская армия» превратилась во враждебную силу, находившуюся в распоряжении кулацких заправил.

В мае 1919 г. «военный совет крестьянской армии» избрал командующим К. И. Монстрова, в прошлом конторского служащего, подрядчика, а с 1914 г. владельца земельного надела в Джалял-Абадском районе,

Тогда-то Мадамин-бек, прежде грабивший крестьянское население русских поселков, решил сговориться с кулацкой частью русской «крестьянской армии» для совместной борьбы против Советской власти и начал актив-

но действовать в этом направлении. Несомненно, такой поворот был подсказан Мадамин-беку русскими белогвардейцами, с которыми он был связан. Монстров пошел навстречу Мадамин-беку.

25 июня 1919 г. состоялась их первая встреча, 10 июля — вторая. Они заключили тайное соглашение, по которому Мадамин-бек обязался не нападать на русские поселки, а Монстров — до 10 сентября не принимать участия в военных действиях против басмачей.

Тогда же они обсудили и планы совместного выступления против Советской власти.

Об антисоветских замыслах Монстрова уже давно догадывались. Советское военное командование решило ликвидировать и разоружить «крестьянскую армию». Но Монстрову путем хитрого лавирования, а иногда и бегства от красноармейских частей, высланных против него, до поры до времени удавалось избегать открытого конфликта и разоружения.

Летом 1919 г. в Туркестане была введена хлебная монополия и объявлена продовольственная разверстка. От так называемой «советской ориентации» кулаков ничего не осталось. Они решительно выступили против продразверстки, 22 августа «военный совет крестьянской армии» принял решение, ставшее платформой кулацкого выступления. В нем были выдвинуты следующие требования: «Отстранение и перевыборы всех Советов, исполкомов и комитетов — лиц администрации Туркестанской республики на основании всеобщего, равного, прямого и тайного голосования с предоставлением мусульманам половины мест. Предоставление всем без исключения гражданам свободы труда, свободы торговли и передвижения и всех прочих гражданских свобод... упразднение... Особого отдела, чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, политических комиссаров... Отмена хлебной монополии... Возвращение всех крестьян с поли-

тических фронтов в свои районы» и др.[1]. Эти требования кулаки грозили отстаивать «силой оружия».

На этом же заседании «военный совет крестьянской армии» поручил штабу выработать условия соединения с Мадамин-беком и просить того «представить данные о своей политической платформе». Мадамин-бек поспешил с ответом, в котором объявил, что он всецело присоединяется «к протоколу военного совета крестьянской армии от 22 августа 1919 г.». Свой ответ он подписал как «командующий Мусульманской белой гвардией».

1 сентября между Мадамином и Монстровым был заключен формальный договор о совместных действиях.

Объединенные отряды русских кулаков и басмачей выросли в значительную силу. Командовали ею русские белогвардейские офицеры (например, генерал Муханов), присоединившиеся к восстанию. Недаром эти силы пытался включить в общероссийское антисоветское движение и Колчак, присвоивший Мадамин-беку чин полковника.

Начав крупное наступление, мятежники на первых порах заняли город Джалял-Абад, превращенный ими в центр движения, захватили Ош и к 18 сентября окружили и осадили 29-тысячной армией город Андижан.

Однако союз между кулаками и басмачами оказался непрочным. Басмачи отказывались воевать вместе с русскими кулаками, которые раньше притесняли их. Русские крестьяне колебались и не хотели драться с русскими рабочими, защищавшими Советскую власть.

23 сентября, разбитые частями Красной Армии под Андижаном, первыми бежали с поля боя басмачи киргизского командира Хал-ходжи. Это бегство повлекло за собою отступление всей кулацко-басмаческой армии. 26 сентября советские войска заняли город Ош, 30 сентября — центр кулацкого восстания Джалял-Абад. Русские кре-

---

[1] *Алексеенков П.* Крестьянское восстание в Фергане. Ташкент, 1927. С. 52–53.

стьяне стали разбегаться из мятежной армии по домам. «Крестьянская армия» разваливалась.

Мадамин-бек открыто высказывал недоверие и сомнение в боеспособности русских крестьян. Он объявил Монстрову о своем намерении расторгнуть заключенный между ними договор. Хотя Мадамин-бек тут же взял обратно свои слова, все же в «союзе» между Монстровым и Мадамин-беком образовалась трещина.

В дело вмешались английские агенты, заинтересованные в сохранении «союза» и развитии антисоветского движения. Бывший царский консул в Кашгаре Успенский, действовавший по поручению англичан, предложил создать так называемое «Временное ферганское правительство» и активизировать вооруженную борьбу с Советской властью. Переговоры между Успенским, Монстровым и Мадамин-беком закончились решением создать «правительство». Главою нового «правительства» и главнокомандующим стал Мадамин-бек. Монстров теперь довольствовался положением заместителя. В состав «правительства» были введены еще генерал Муханов (военный министр), бывший крупный торговец хлопком Хаким-джан Азизханов (министр финансов) и присяжный поверенный Ненсберг (министр внутренних дел и юстиции).

Начался второй тур кулацко-басмаческого движения. Теперь движение испытывало серьезный спад. Помимо уже указанных, причиной его стали и важные политические перемены, начавшиеся в Туркестане.

Осенью 1919 г. Красная Армия, разгромив войска Дутова, воссоединила Туркестанский край с центром. Советское правительство получило наконец возможность непосредственно вмешаться в ход советского строительства в Туркестане.

8 октября 1919 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление о создании Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана (сокращенно Туркомиссия) в составе Ш.З. Элиавы (председатель), М.В. Фрунзе, В.В. Куй-

бышева, Ф.И. Голощекина, Я.Э. Рудзутака, Г.И. Бокия. Комиссия была уполномочена представлять ВЦИК и СНК в пределах Туркестана. Этой же комиссии ЦК РКП(б) поручил осуществлять «высший партийный контроль и руководство от имени ЦК».

В ноябре В. И. Ленин счел нужным лично обратиться к коммунистам Туркестана. «Установление правильных отношений с народами Туркестана, — писал он им в известном письме, — имеет теперь для Российской Социалистической Федеративной Советской Республики значение, без преувеличения можно сказать, гигантское, всемирно-историческое.

Для всей Азии и для всех колоний мира, для тысяч и миллионов людей будет иметь практическое значение отношение Советской рабоче-крестьянской республики к слабым, доныне угнетавшимся народам.

Я очень прошу вас обратить на этот вопрос сугубое внимание, — приложить все усилия к тому, чтобы на примере, делом, установить товарищеские отношения к народам Туркестана, — доказать им делами искренность нашего желания искоренить все следы империализма великорусского для борьбы беззаветной с империализмом всемирным и с британским во главе его, — с величайшим доверием отнестись к нашей Туркестанской комиссии и строго соблюсти ее директивы, преподанные ей, в свою очередь, от ВЦИК именно в этом духе»[1].

V Туркестанская краевая конференция Коммунистической партии, состоявшаяся 20—27 ноября, ответила В. И. Ленину: «Приступая к исправлению ошибок прошлого, мы торжественно обещаем Вам, дорогой товарищ, точно руководствоваться всеми указаниями ЦК РКП(б), строго соблюдая все его директивы, и выполнить великое дело освобождения Востока от гнета империализма, как бы это трудно ни было и каких бы жертв и усилий это ни

---

[1] *Ленин В. И.* ПСС. Т. 39. С. 304.

стоило. Лучшим доказательством нашего искреннего желания выполнить это великое дело является наше твердое решение провести в жизнь все резолюции, принятые на данной краевой конференции, в которых красной нитью проводятся принципы самоопределяющегося начала туземных народов, правильного разрешения вопросов нашей национальной политики и в основу которых положено стремление вызвать к деятельности угнетенное местное коренное население и дать ему полную возможность свободного развития и строительства своей жизни»[1].

Выполнение указаний Советского правительства по урегулированию отношений с коренным населением положительно сказалось на ходе борьбы с басмачеством.

Еще летом 1919 г. Туркестанский ЦИК объявил амнистию тем басмачам, которые добровольно прекратят бандитскую деятельность. Была создана Особая чрезвычайная комиссия ЦИК и СНК по борьбе с басмачеством (председателем ее был Сорокин), которая занялась проведением необходимых мер. Начался процесс распада басмачества. 31 января 1920 г. на сторону Советской власти перешли отряды Махкам-ходжи и Акбар Али в составе 600 вооруженных и 2 тысяч невооруженных басмачей, 2 февраля — отряд Парпи численностью 3 тысячи человек. Иргаш был убит своими сторонниками.

Мадамин-бек прилагал отчаянные усилия, чтобы сохранить боеспособность своей армии и укрепить басмаческое движение. Как председатель «Временного ферганского правительства» он проводил разные «реформы» на занятой территории. В декабре 1919 г. к нему прибыла афганская делегация. Она пыталась примирить Мадамин-бека с другими главарями басмачества, не желавшими ему подчиняться, создать между ними согласие, обещала

---

[1] Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Киргизии (1917—1920 гг.). Документы и материалы. Фрунзе, 1957. С. 262—263.

помощь деньгами и оружием. Но тщетно. Все более обострялись отношения между кулацкой русской частью антисоветского «воинства» и мусульманской.

Наконец Монстров понял бесперспективность антисоветской позиции и «союза» с басмачами и решил тайно вступить в переговоры с Советской властью. 13 января 1920 г. через своего представителя Петра Боцана он заявил о намерении перейти на сторону Советов. Советские военные власти потребовали от него полной капитуляции.

Узнав о намерении Монстрова, Мадамин-бек в момент переговоров напал на его отряды. Монстров бежал. 17 января он явился в Джалял-Абад и сдался Советской власти, признав свою вину. Вслед за Монстровым из стана Мадамин-бека бежали и другие главари русских кулаков (Васильев, Боцан, Плотников и даже генерал Муханов). Они понесли заслуженное наказание по приговору революционного трибунала. Сдавшиеся рядовые отрядов Монстрова были амнистированы.

Ожесточенная борьба с бандами Мадамин-бека продолжалась до февраля 1920 г., когда, потерпев решительное поражение в боях со 2-й Туркестанской советской стрелковой дивизией, Мадамин-бек объявил о признании им Советской власти и в марте начал переговоры о сдаче. Реввоенсовет Ферганского фронта обещал, что его отряд в случае сдачи будет зачислен на советскую службу в качестве самостоятельной войсковой единицы, входящей в тюркскую бригаду, 6 марта об этом было заключено соответствующее письменное соглашение.

2. Борьба с басмачами продолжается.

В 1920 г. вооруженная борьба с басмачами в Туркестанском крае продолжалась. Теперь на первое место среди вожаков банд в Фергане встал один из непримиримых басмачей Курширмат, не согласившийся с позицией известного уже нам вожака Мадамин-бека, прекратившего борьбу с Советской властью.

Курширмат объединил всех недовольных Мадамин-беком басмачей, объявил себя «командующим войсками ислама» и продолжал военную деятельность, получая поддержку оружием от бухарского эмира Сеид Алим-хана и английских агентов.

В мае 1920 г. Мадамин-бек вызвался склонить Курширмата к прекращению борьбы с Советской властью. Его командировали в расположение басмачей для переговоров с Курширматом. Курширмат притворился, что идет навстречу Мадамин-беку, и заманил его в ловушку. Когда отряд Мадамин-бека показался в Уч-Кургане, Курширмат напал на него и, захватив живым Мадамин-бека, передал последнего вожаку киргизских басмачей Хал-ходже, личному врагу Мадамин-бека, который и отрубил ему голову.

События показали, что перешедшие на сторону Советской власти басмачи все же оставались басмачами. Они использовали передышку для пополнения своих отрядов вооружением и боеприпасами за счет Красной Армии. Некоторые курбаши, став командирами советских частей, не подчинялись распоряжениям командования. Военные власти вынуждены были издать приказ о разоружении полков из бывших басмачей. Тогда большинство вожаков басмачей бежали со своими отрядами в степи и присоединились к Курширмату и Хал-ходже.

Советское правительство и РКП(б) принимали меры к налаживанию отношений с коренным мусульманским населением, от чего зависел и успех в борьбе с басмачами. 29 июня 1920 г. в решении «Об основных задачах РКП(б) в Туркестане» Центральный Комитет РКП(б), чтобы устранить национальное неравенство и искоренить феодально-патриархальные пережитки, предложил отобрать у русских переселенцев все земли, захваченные у киргизов, оставляя все же русским участки в размере трудового надела; изъятые земли обратить в фонд наде-

ления киргизских обществ, артелей и отдельных лиц; обеспечить землей безземельных дехкан; ликвидировать все кулацкие организации, обезоружить кулаков и самыми решительными мерами лишить их возможности не только руководить, но и влиять на организацию местной власти и на местное строительство; выслать из Туркестана всех бывших чинов полиции, жандармерии, охранки, спекулянтов, бывших управляющих крупными российскими предприятиями, всех примазавшихся к партии, советским органам, Красной Армии и т. д.; в порядке перераспределения партийных сил откомандировать в распоряжение ЦК тех туркестанских коммунистов, которые заражены колонизаторством и национализмом; уравнять в продовольственном отношении коренное городское население с русским и принять меры к улучшению продовольственного положения и развитию местной промышленности[1].

В сентябре 1920 г. Чрезвычайная комиссия Туркестанской республики по борьбе с контрреволюцией издала приказ о регистрации в органах ЧК всех бывших крупных чиновников, жандармов и полицейских царской администрации, владельцев крупных фабрик, заводов и торговых предприятий и других колонизаторских элементов. Во многих советских учреждениях чекисты выявили бывших жандармов, полицейских, агентов охранки. К началу 1921 г. из пределов Туркестана было выслано более 2 тысяч представителей враждебных элементов.

Активнейшее участие туркестанские чекисты приняли и в непосредственной борьбе с басмачами. Они вели политическую работу по разложению басмачества, разведку о состоянии и местонахождении басмаческих банд, их составе и вооружении. Чекисты проникали в стан басма-

---

[1] См.: *Алескеров Ю.* Интервенция и гражданская война в Средней Азии, Ташкент, 1959. С. 179.

чей и добывали сведения, необходимые для советского военного командования, вели контрразведывательную работу по поимке и обезвреживанию басмаческих агентов. Среди таких агентов были осведомители (главным образом муллы и торговцы), сообщавшие о передвижениях советских частей, скупщики оружия и боеприпасов (в их числе нередко попадались бывшие белогвардейские офицеры, служившие в советских военных учреждениях) и другие.

Басмачи приносили огромный вред не только государству, но и непосредственно населению края. Только в 1920 г., по неполным данным, они сожгли 56 хлопкоочистительных заводов, около 153 тысяч пудов хлопка-сырца, 34,5 тысячи кип волокна, 17,5 тысячи пудов семян. В Ферганской области басмачи истребили из каждой сотни 84 лошади, 93 головы крупного рогатого скота и 90 голов мелкого скота.

В обращении к мусульманскому населению Ферганской области командующий вооруженными силами, действовавшими против басмачей, М. В. Фрунзе писал: «Братья! Два с лишним года льется кровь по всей Фергане; два с лишним года измученное население области не знает отдыха и не может спокойно трудиться; два с лишним года шайки басмачей терроризируют мирных жителей, угоняя их скот, забирая жен и сыновей, лишая последнего достояния.

В результате их грабительских «подвигов» все население стонет, поля не обработаны, ибо их нечем было пахать, отцы и матери оплакивают тысячи погибших детей, все хозяйство прежде цветущего и богатого края — на краю полного уничтожения...

С этим пора кончить. Пора каленым железом выжечь язву басмачества, пора железной метлой вымести из края всех грабителей и бандитов. Отныне с басмачеством, как явным бичом народа, будет вестись беспощадная борьба. Это — твердое решение Советской власти...

Братья дехкане, поднимайтесь на борьбу с язвой местной жизни — басмачеством... Собирайтесь в дружную братскую семью под красным знаменем Советской власти»[1].

* * *

Немалое влияние на социально-политическую обстановку в Туркестане оказывали события в Бухаре и Хиве. Эти небольшие мусульманские государства, граничащие с русским Туркестаном и управляемые деспотичными правителями, до Октября 1917 г. находились под протекторатом России, содержавшей на их территории военные гарнизоны. После Октября русские войска ушли из Бухары и Хивы. И тогда правители этих государств, подстрекаемые английскими империалистами, повели антирусскую и антисоветскую политику.

В январе 1918 г. после ухода из Хивы русских казачьих войск родовой вождь одного из туркменских племен Магомет Курбан Сардар Джунаид (известный впоследствии под именем Джунаид-хана), занимавшийся грабительскими налетами, ввел своих бандитов в столицу ханства и захватил здесь фактическую власть. Хивинский хан Исфендиар был оставлен на престоле и покорился Джунаиду, ставшему диктатором Хивы. В конце сентября 1918 г. сын Джунаида убил Исфендиара; хивинским ханом теперь был провозглашен младший брат Исфендиара — Сеид Абдулла-хан, ставший послушной пешкой Джунаида. В стране воцарилась жестокая ханская деспотия, усугубленная кровавыми похождениями банды Джунаида. Басмачество здесь было возведено в ранг государственной власти.

---

[1] Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Киргизии. (1917—1920 гг.). Документы и материалы. Фрунзе, 1957. С. 308, 309, 310.

Среднеазиатские антисоветские силы направили Джунаида, создавшего довольно крупные вооруженные отряды, против победившей в Туркестане Советской власти. Джунаид связался с английской агентурой, с бухарским эмиром, антисоветчиками Закаспийской области, туркестанскими басмачами, получил от них помощь оружием и в ноябре 1918 г. вторгся на советскую территорию. Он занял ряд населенных пунктов и осадил город Турткуль Амударьинского отдела. Бандиты Джунаида убивали и грабили население, а награбленное имущество вывозили в Хиву. Авантюра Джунаида провалилась; его банды были изгнаны с советской территории. Но он продолжал разбойничать. В 1919 г. Джунаид связался с уральскими белоказаками, поднявшими 14 августа антисоветский мятеж в Амударьинском отделе Туркестана. Предводителя мятежа Фильчева Джунаид признал «законной властью» в Амударьинском отделе и оказывал ему помощь в вооруженной борьбе против Советской власти.

Между тем деспотическое «правление» Джунаида вызвало недовольство хивинцев. Под влиянием революции в России в Хиве возникло младохивинское движение, направленное против ханской власти, а потом и против диктатора Джунаида. Младохивинцы и руководители некоторых хивинских племен обратились к советским властям Туркестана с просьбой помочь страдающему населению Хивы против Джунаид-хана. Эти обстоятельства, а также угроза вторжения банд Джунаида на советскую территорию, привели к тому, что в конце декабря 1919 г. советские войска вступили в Хиву с целью уничтожения банд Джунаида.

В обращении к войскам Амударьинской группы указывалось:

«Подкупленный английским золотом, снабженный англичанами оружием, Джунаид-хан, вождь одного из туркменских племен, соединился с белогвардейцами —

казаками Чимбайского фронта. Тот же Джунаид, установив с помощью английского оружия свою кровавую диктатуру в Хиве, безжалостно грабит мирное население, насилует женщин, выгоняет и предает огню целые кишлаки. Население Хивы стонет под его кровавой рукой, и, будучи бессильно само справиться с ним, ждет нашей помощи.

Российская Советская власть... сочла необходимым отозваться на этот призыв мирного населения Хивы и уничтожить Джунаида, агента английской буржуазии и союзника русских белогвардейцев, на его собственной территории. Для этого... отнюдь не посягая на независимость Хивы и не вмешиваясь в дела ее внутреннего управления... мы вступаем в пределы Хивинского ханства... Для всей Хивы мы несем не меч, но мир»[1].

Этот поход против джунаидовцев и белоказаков был совершен под командованием уполномоченного Комиссии ВЦИК по Туркестану Г. Б. Скалова и командующего войсками Н. М. Щербакова, с участием на стороне советских войск отряда туркменских конников — противников Джунаида. В январе — феврале 1920 г. советские войска разгромили банды Джунаида и белоказаков Фильчева. Власть Джунаида в Хиве была ликвидирована. Хивинский народ сверг и ханскую власть. Сеид Абдулла-хан отрекся от престола. Образовалось временное правительство, возглавляемое младохивинскими организациями. А 26 апреля 1920 г. I Всехорезмский курултай народных представителей провозгласил Хорезмскую народную Советскую республику (так стала называться Хива).

Джунаид, однако, не сдавался. Он продолжал грабить кишлаки Хорезма. Весною банда Джунаида была разгромлена. Кровавый диктатор бежал в Персию, где находился около трех лет. В конце 1923 г. он вновь во-

---

[1] Приведено в книге Н. М. Щербакова «Таким было начало... (Воспоминания о боевом походе Амударьинской группы войск в 1919—1920 гг.)». Ташкент, 1964. С. 93.

зобновил свои нападения на Хорезмскую Советскую республику.

Подобный же процесс происходил и в Бухаре, где эмир Сеид Алим-хан, подстрекаемый Англией, создал антисоветский плацдарм. Сеид Алим-хан действовал в контакте с англичанами; находившаяся в Бухаре английская военная миссия снабжала его оружием и боеприпасами, и он вел войну с Советской Россией. В марте 1920 г. эмир принял на службу своего бывшего офицера Ибрагим-бека, бежавшего в свое время от смертного приговора за уголовные преступления и ставшего главарем басмачей района Локая (к юго-западу от Душанбе), и поручил ему командовать своими войсками. Так и в Бухаре басмачество было возведено в ранг государственной политики.

В августе 1920 г. население Бухары, доведенное до отчаяния деспотизмом эмира, подняло против него всеобщее восстание. Красная Армия помогла местным революционерам, и 2 сентября 1920 г Бухара была освобождена, а эмир вместе со своими сановниками бежал в горы. 5 октября 1920 г. I Всебухарский курултай народных представителей провозгласил создание Бухарской народной Советской республики.

Сеид Алим-хан не прекратил вооруженной борьбы, пытаясь восстановить свою власть. Теперь его главной опорой стало басмачество Восточной Бухары. С помощью англичан он организовал крупные банды, которые нападали на кишлаки и жестоко расправлялись с населением. Борьба с шайками Ибрагим-бека и бухарского эмира длилась несколько месяцев; 5 марта 1921 г. Сеид Алим-хан вместе с Ибрагим-беком и другими приближенными бежал в Афганистан. Вскоре они, однако, вновь начали войну против Советской власти.

3. Разгром басмачества.

Еще в 1921 г. басмаческое движение в Туркестане начало спадать. Во главе басмачей Ферганы в то время

стоял уже известный нам Курширмат, получивший поддержку от низложенного бухарского эмира Сеид-Алимхана и англичан. Действовали в этом районе также отряды киргизского курбаши Муэтдина, банда Исраила и другие. Они совершали внезапные налеты, непрерывно меняли стоянки, имели хорошую разведку. Поэтому борьба с ними была весьма трудной. Снова встал вопрос о создании воинских частей, знакомых с условиями быта и языком коренного населения.

В апреле 1921 г. на советскую сторону перешел один из вожаков басмачей, Джаны-бек, из отряда которого был сформирован территориальный конный полк. Учитывая прошлые урока измены перешедших на советскую сторону басмачей, советское военное командование действовало теперь осмотрительнее.

Летом 1921 г. мирные переговоры начал Курширмат. Вел он их уклончиво. 12 сентября Курширмату было предъявлено ультимативное требование сдать оружие. Он снова уклонился от прямого ответа. И тогда части Красной Армии начали наступление против его отрядов в Маргеланском районе. Курширмат скрылся в камышах Сырдарьи.

Так же вел себя и киргизский вожак Муэтдин. Он бесконечно вилял во время переговоров с советским военным командованием. Части Красной Армии выступили и против него. Муэтдин оказал упорное сопротивление, но, будучи не в силах выдержать боя, скрылся в горах. В ноябре 1921 г. Курширмат передал командование отрядами Муэтдину, а сам ушел в Восточную Бухару, откуда перебрался в Афганистан.

Зловещую роль в туркестанских событиях сыграл Энвер-паша, зять турецкого султана, бывший военный министр Турции. Этот ловкий авантюрист выдавал себя за представителя турецкого национально-освободительного движения. В 1920 г. он прибыл в Москву, оттуда выехал в Баку на съезд народов Востока, где произносил псевдо-

революционные речи. В конце 1920 г. Энвер-паша появился на туркестанской земле. Здесь он развернул свою деятельность как глашатай пантюркизма и панисламизма. Он вынашивал идею создания «Великого мусульманского государства» в составе Турции, Персии, Бухары, Хивы, Афганистана и советских территорий Средней Азии, был связан с афганскими реакционными кругами и английской разведкой.

Проинструктированные Энвером, деятели националистического движения Туркестанского края Джанузаков и Абдурашитов создали по его указаниям тайный антисоветский «Комитет национального объединения». Главными деятелями «Комитета» стали ташкентский муфтий[1] Садретдин-ходжа Шарифходжаев, Гариф Каримов, Юсупбек Курбанов, Мухамедяр Мухамед Умаров, Рустамбек Ниязбеков и Абдулладжан Зия Мухамедов. Эта строго конспиративная организация (при вступлении в нее приносилась присяга на Коране и пистолете) строилась по принципу «троек» (каждый ее член должен был завербовать троих) и быстро распространяла свое влияние по Туркестану.

«Комитет национального объединения» был раскрыт чекистами и частично ликвидирован весною 1921 г. благодаря бдительности семнадцатилетнего сотрудника аулиеатинской (г. Аулие-Ата ныне называется Джамбул) уездно-городской чрезвычайной комиссии коммуниста Хамида Расулькариева, которого пытался завербовать руководитель местной организации «Комитета национального объединения» торговец Шукур Мухамедов. Чекист сообщил о предложении Мухамедова в ЧК и по ее указанию «согласился» вступить в организацию. В течение нескольких месяцев Хамид Расулькариев «работал» в антисоветской организации, выведывая ее замыслы.

---

[1] *Муфтий* — высшее духовное лицо у мусульман.

В марте 1921 г. ташкентский муфтий Шарифходжаев, как руководитель «Комитета национального объединения», написал письма английскому и японскому консулам в Кульдже с просьбой об усилении помощи басмачам (оружием и другими средствами). Эти письма в Кульджу должны были доставить члены организации Каримов и Курбанов. Когда эти лица по пути приехали в Аулие-Ату, Шукур Мухамедов поручил Хамиду Расулькариеву, как «члену организации», помочь приехавшим беспрепятственно перебраться через границу. Молодой чекист согласился сопровождать посланцев «Комитета национального объединения», выехал с ними на лошадях, избрав путь мимо здания Чрезвычайной комиссии. У этого здания он остановился, арестовал посланцев «Комитета» и сдал их в ЧК вместе с письмами.

«Комитет национального объединения» и после этого частичного провала продолжал подрывную антисоветскую деятельность.

Осенью 1921 г. Энвер-паша прибыл в Бухару. Он предложил бухарскому советскому руководству услуги в качестве инструктора по формированию национальных частей Красной Армии. Получив такой пост и хорошо изучив обстановку, Энвер-паша бежал из Старой Бухары в Восточную, к Данияр-беку, бывшему командующему национальным отрядом армии Бухарского советского правительства, изменившему Советской власти.

В конце 1921 г. Энвер-паша стал «главнокомандующим вооруженными силами ислама и наместником эмира Бухарского» (на серебряной печати, заказанной Энвером, была выгравирована надпись: «Верховный главнокомандующий войсками ислама, зять Халифа и наместника Магомета»). При содействии «Комитета национального объединения» Энвер-паша заключил соглашение с Курширматом, с главарем хорезмских басмачей Джунаид-ханом, другими басмачами и координировал их действия

против Красной Армии. Энвер занял почти всю территорию Восточной Бухары, окружил Душанбе и после двухмесячной осады занял его.

4 августа вблизи афганской границы во время стычки с отрядом 8-й советской кавалерийской бригады Энвер-паша был убит. Командование басмачами перешло к Данияр-беку, который также вскоре был убит. Басмаческое движение пошло на спад и в Бухаре. В 1922 г. чекисты ликвидировали организации «Комитета национального объединения».

10 июня 1922 г. против Муэтдина были начаты военные действия, которые вызвали волну сдачи частям Красной Армии как отдельных басмачей, так и целых их групп. В течение 1922 г. на сторону Советской власти перешли 137 курбашей и 2420 рядовых басмачей, сдавших оружие. Муэтдин был взят в плен и предан суду.

В сентябре 1922 г. Военно-революционный трибунал Туркестанского фронта под председательством П. А. Камерона при огромном стечении населения рассмотрел дело о злодеяниях Муэтдина и семи его ближайших сообщников. Присутствующий на суде участник борьбы против басмачей Ф. П. Шацилло написал в свое время репортаж, который ярко отражает перемену отношения местного населения к преступлениям басмачей:

«Громадный двор мечети Азрет в городе Оше. Тысячная толпа. Здесь и местные жители, здесь и приехавшие за сотни верст любопытные делегаты, каждый стремится пробраться вперед и увидеть, хоть на один момент, скамью подсудимых, на которой сидит царек Ошского района Муэтдин, или, как он именовал себя, Эмирляшкар-баши Муэтдин-катта-бек Усман Алиев, что в переводе значит: верховный главнокомандующий, непобедимый Муэтдин, большой господин Усман Алиев.

Вокруг Муэтдина — ближайшие помощники его. Здесь и известный палач Камчи Темирбаев...

Несколько дней тянулись свидетельские показания. Свидетели — живые страницы жуткой летописи о кровавом разгуле. Вот толстый арбакеш (возчик). Он вез, под охраной 45 красноармейцев, транспорт.

В транспорте,— рассказывает он,— было до шестидесяти человек граждан; среди них были женщины и дети. По нашим законам беременная женщина считается святой. Но для Муэтдина нет ничего святого — он уничтожал всех. Беременным женщинам вскрывали животы, выбрасывали плод и набивали животы соломой. Детям разбивали головы о колеса арб или устраивали из них козлодранье, и они разрывались на части. Красноармейцев сжигали на костре...

Появляются новые свидетели, и все твердят одно: если власть не расстреляет бандита, они покинут свои места и уйдут в Мекку. Десятками поступают приговоры от населения...

Долгими, несмолкаемыми аплодисментами встречается речь обвинителя, требующего расстрела для Муэтдина и его приближенных. Протестующие крики и угрозы несутся по адресу защитника, просящего о снисхождении. Защитник теряется.

Приговор мог быть только один.

Муэтдин и семь его помощников приговорены к расстрелу»[1].

Туркестанскими военно-революционными трибуналами в декабре 1922 г. были рассмотрены дела главаря узбекских басмачей Рахманкула и десяти его сподвижников, орудовавших в районе Старого Коканда, а также крупной банды басмачей (54 человека) Маргеланского уезда. Главари были расстреляны, активные участники преступлений осуждены к лишению свободы на разные сроки, а дехкане, вовлеченные по несознательности в банды, освобождены от наказания.

---

[1] Боевые эпизоды. Басмачество в Фергане и Хорезме. Ташкент, 1934. С. 46—47.

Большое значение в деле ликвидации басмачества имела правильная национальная и хозяйственная политика Советской власти. В 1923 г. в Фергану было завезено большое количество хлеба, необходимого дехканам для перехода от посева пшеницы к посеву хлопка; много промышленных товаров; выданы семенные и денежные ссуды; отпущены значительные средства на ирригацию. Дехкане принялись за восстановление разоренного хозяйства. В конце 1924 г. в Туркестанском крае были образованы Киргизская и Казахская автономные, Узбекская и Туркменская союзные республики.

Но некоторые басмачи еще долго продолжали свои разбойничьи похождения. Один из курбашей Маргеланского района, Умар Али, в «наказание» за то, что дехкане посеяли хлопок, вырезал в одном кишлаке 54 человека, пригрозив в случае повторения посева хлопка «построить священный курган из голов жителей». Борьба басмачей против Советской власти превращалась в борьбу против народа. Басмачи теряли связи с населением. Они не могли уже скрываться в кишлаках и окончательно превратились в разбойников, нарушающих мирную жизнь страны.

В одном из обнаруженных в Национальном архиве Индии секретных докладов английской разведки 1923 г. сообщалось, что «общее впечатление таково, что... мало вероятны попытки свергнуть в скором времени большевиков в Туркестане». Разведчики отмечали, что «население Бухары в целом мало питает симпатий к старому эмирскому режиму»; что здесь происходили массовые антибританские демонстрации; «в небольшом городке — Керки — один из наших информаторов слышал, как школьники пели: мы никогда не покоримся англичанам и не отдадим им нашей страны».

В 1923 г. Маргеланский, Андижанский, Кокандский, Наманганский районы Ферганы были очищены от банд. Сдались и были захвачены в плен такие крупные главари

басмачей, как Баястан, Исламкуль, Аман-Палван, Казак-Бай и другие. Они были преданы суду. Военно-революционный трибунал приговорил Аман-Палвана и его помощника Хаким-бая Авибаева к расстрелу.

За девять месяцев 1923 г. басмачи Ферганы потеряли 320 курбашей и около 3200 басмачей, из них добровольно сдались 175 курбашей и 1477 басмачей.

Были ликвидированы и другие очаги басмачества в Средней Азии, в частности в районе Локайя (входившем ранее в Восточную Бухару). Здесь на смену Энвер-паше пришел снова Ибрагим-бек, назначенный бухарским эмиром «главнокомандующим войсками ислама».

В районе г. Куляб весной 1923 г. появился новый авантюрист — турецкий офицер Селим-паша, принявший под свое командование остатки энверовских банд в районе левобережья реки Вахш. Селим-паша заключил соглашение о совместных действиях с Ибрагим-беком, установил связи с ферганскими басмачами и начал военные действия. Ему удалось осадить и занять г. Куляб, но его оттуда выбили, и он вынужден был перейти на правый берег реки Вахш. В мае 1923 г. части Красной Армии принудили Селим-пашу бежать в Афганистан. После этого были разгромлены и банды Ибрагим-бека, который, однако, еще долго скрывался в малодоступных горных районах Таджикистана. В 1926 г. бандам Ибрагим-бека было нанесено решительное поражение. В июне 1926 г. он также бежал в Афганистан[1].

Грузинские «паритетчики».

25 февраля 1921 г. в Грузии в ходе массового восстания народа, поддержанного Красной Армией, было свергнуто националистическое правительство Ноя Жордания.

---

[1] Бандитская деятельность Ибрагим-бека продолжалась вплоть до июня 1931 г., когда наконец он был пойман дехканами и отрядом войск ОГПУ.

После этого среди безземельных и малоземельных крестьян было распределено свыше 250 тысяч десятин пахотной земли, инвентарь и постройки, изъятые у местных князей-помещиков и торговцев. Улучшилось и материальное положение рабочего класса.

Господствовавшая ранее в стране партия грузинских меньшевиков потеряла свое влияние. Состоявшийся в Тбилиси 25—30 августа 1923 г. съезд меньшевиков, делегаты которого представляли 11 235 членов партии, объявил о ликвидации . меньшевистской партии Грузии. В обращении съезда говорилось: «Сопоставив поведение меньшевистского правительства в Грузии с поведением сменившего его Советского правительства, мы убедились, что первое загоняло пролетариат под ярмо буржуазии, а второе выводит его на широкую дорогу к социализму. Поэтому, и только поэтому, мы решили покинуть ряды меньшевистской партии»[1].

Между тем лидеры обанкротившегося меньшевистско-националистического движения не примирились с поражением. Они эмигрировали за границу, образовали там «грузинское правительство в изгнании» (в него входили Ной Жордания, Ной Рамишвили, Ираклий Церетели и другие) и попытались из-за границы организовать борьбу с Советской властью. Они создавали нелегальные заговорщические группы и готовили антисоветский переворот. Главную надежду они возлагали на помощь «союзников» — западноевропейских государств.

В течение 1922—1924 гг. заговорщикам удалось кое-где (в Сванетии, Гурии) спровоцировать кулацкие выступления. Скрывавшиеся в лесах и горах отряды бывшего полковника Какуцо Чолокашвили (Чолокаева) и других вожаков антисоветчины, связанных с националистами,

[1] См.: *Трифонов И. Я.* Конец мелкобуржуазных партий меньшевиков и эсеров.— Ученые записки Ленинградского государственного университета. Л., 1959. Вып. 30. С. 164—165.

совершали налеты на города и поселки и мешали советскому строительству.

В августе 1922 г. остатки пяти грузинских партий — социал-демократов (меньшевиков), национал-демократов, социалистов-федералистов, независимых социал-демократов и эсеров — заключили соглашение о создании единого фронта. Соглашение состояло из пяти пунктов: 1) партии объединяются для того, чтобы общими силами бороться за «независимость Грузии»; 2) после свержении Советской власти в Грузии должно быть созвано Учредительное собрание, которому дадут отчеты в своей деятельности как правительство, находящееся за границей, так и то, которое будет образовано в переходное время; 3) заседании Учредительного собрания будет организовано новое правительство на коалиционных началах, причем ни одна партия не имеет права занять в нем более одной трети мест; 4) избирается паритетная комиссия для разбора деятельности прежнего правительства; 5) для руководства подготовкой и проведением восстания образуется на паритетных началах «Комитет независимости Грузии». Во главе «Комитета независимости» (или «Паритетного комитета») в 1922 г. был поставлен командированный в Грузию из-за границы член ЦК партии грузинских меньшевиков, бывший министр земледелия меньшевистского правительства Ной Хомерики.

Грузинская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией в течение 1922—1924 гг. вела непрестанную борьбу как с бандами, действовавшими в республике, так и с «паритетчиками»[1]. Время от времени чекисты задерживали активистов «Комитета независимости» и наносили удары по их организациям.

---

[1] Грузинская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, организованная в марте 1921 г., продолжала свою работу и в 1924 г., когда в других местностях Советского Союза чрезвычайные комиссии уже были ликвидированы и заменены ГПУ.

В 1924 г. Чрезвычайной комиссии удалось арестовать часть лидеров «Комитета независимости», в том числе его председателя Ноя Хомереки и членов ЦК меньшевиков Бения Чхшкалшвили, В. Нодия и других.

У Чхиквишвили было обнаружено письмо Ноя Жордания, который из-за границы давал «советы» «Комитету независимости». Он, между прочим, писал: «Конечно, оно (восстание.— *Д. Г.*) не может осуществиться вооруженной борьбой только грузин... Выступление же в закавказском масштабе обязательно приведет к победе, если это выступление будет производиться общими силами. Русские цари только с Дагестаном вели борьбу более 30 лет. А сколько лет понадобится большевикам, чтобы вести борьбу не с одним Дагестаном, а с целым Закавказьем, легко представить. Перенос военной базы на Кавказский хребет и укрепление там всеми нашими вооруженными силами — залог нашей победы. Только в этом случае Европа обратит на вас серьезное внимание и окажет помощь».

6 августа 1924 г. Грузинская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией задержала прибывшего из-за границы члена ЦК партии грузинских меньшевиков, бывшего командира «преторианской» антисоветской «народной гвардии» меньшевистского правительства Валике Джугели, руководившего теперь непосредственной подготовкой восстания,

Находясь под стражей, Джугели убедился, что в распоряжении Чрезвычайной комиссии имеются подробные данные о деятельности «Комитета независимости». Он понял, что готовящаяся авантюра обречена на провал. Тогда он попросил работников ЧК дать ему свидание с меньшевиками, через которых он мог бы передать письмо участникам заговора. Он обещал посоветовать им отказаться от выступления, грозящего национальной катастрофой.

Чекисты приняли предложение Джугели, и последний написал из заключения письма «Комитету независи-

мости», в которых предлагал отказаться от вооруженного выступления. Одно из писем было опубликовано в газетах.

Джугели писал своим сообщникам, что не малодушие и не трусость привели его к отказу от борьбы, а безнадежность задуманного предприятия. «Я испытал на себе,— писал Джугели, — страшное влияние воздуха Чека, и я понял, что вся сила этого воздуха состоит в том, что именно здесь ближе знакомишься с обратной стороной нашей работы, со всеми теневыми ее сторонами».

Между тем в связи с арестом Джугели, в руках которого сосредоточивались нити заговора, оставшиеся на свободе заговорщики вынуждены были отложить намеченное на 15 августа выступление. Получив письма Джугели, они не поверили им и решили начать восстание 28 августа 1924 г.

В этот день, на рассвете, небольшая группа вооруженных заговорщиков во главе с князей Георгием Церетели захватила г. Чиатуры и образовала «Временное правительство Грузии». Уже на второй день, когда советские отряды приблизились к городу, мятежники и их «правительство» бежали.

В село Приют ворвались 60 всадников из банды Какуцо Чолокашвили. Они окружили сельский Совет, открыли стрельбу, ранили несколько человек и разграбили местный цейхгауз.

В Сенакском уезде мятежники заняли на один-два дня города Сенаки, Абашу и ряд деревень. Гражданскую власть в Сенаки поделили между собой братья Каландаришвили и Шалва Иоселиани, начальником военного штаба был назначен бывший царский офицер Лахшия. Приступая к «реформам», мятежники восстанавливали дореволюционные учреждения, возвращали национализированные дома, предприятия и земли бывшим владельцам. Духовенство служило молебны о «даровании» победы мятежникам.

Антисоветские выступления незначительных групп имели место также в Саберинском уезде, где во главе мятежников стоял бывший князь Чхотуа, в Шарапанском, Зугдидском и Душетском уездах. В г. Батуми Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией удалось еще до начала выступления арестовать местный подпольный «Паритетный комитет» во главе с членом ЦК партии меньшевиков Миха Сабашвили и «командующим вооруженными силами» генералом Соломоном Каралашвили.

В целом выступление вылилось в авантюру, не имевшую поддержки в народе. Крестьянство Грузии в первый же день антисоветских выступлений убедилось в том, что главную роль в них играют бывшие помещики, дворяне, князья, генералы и офицеры, а также уголовные бандиты, скрывавшиеся в лесах. С этими элементами крестьянству было не по пути. Поэтому почти повсеместно, за редкими исключениями (например, в Гурии), крестьяне выражали недовольство нарушением мирной жизни страны и не поддерживали мятежников. В ряде мест (Талавском, Сигнахском, Сенакском и других уездах) крестьяне выступили против князей и дворян.

Наконец, против антисоветчиков поднялось население национальных автономных районов Грузии: абхазцы, осетины, аджарцы. Абхазские крестьяне помогали красноармейским отрядам в борьбе с повстанцами в Зугдидском и Горийском уездах. 1500 крестьян-аджарцев с оружием в руках охраняли советские границы с Турцией на случай возможного нападения оттуда. В Ахалцихском уезде свыше тысячи крестьян разных национальностей встали на защиту Советской власти.

31 августа 1924 г. Коллегия Чрезвычайной комиссии Грузии объявила: «...события последних дней, когда меньшевистские бандиты совместно с князьками, дворянами, генералами и купцами произвели вооруженное выступление в Чиатурах и в некоторых других пунктах Грузии, показывают, что нет границы поползновениям

контрреволюционеров и что самая суровая расправа со стороны органов пролетарской власти с преступниками, ввергающими трудовые массы в кровавую авантюру, способна предотвратить страну от повторения этих безумных попыток. Поэтому Чрезвычайная Комиссия Грузии постановляет... организаторов восстания против пролетариата и непримиримых врагов рабоче-крестьянской власти предать высшей мере наказания — расстрелу».

На основании этого и последующего постановлений были расстреляны 44 активиста заговора, в том числе 17 бывших князей и помещиков и 18 участников банды Чолокашвили, занимавшихся убийствами и грабежами[1].

4 сентября 1924 г. работники ЧК выследили и арестовали председателя «Комитета независимости» князя Коте Андроникашвили, секретаря «Комитета», члена ЦК партии национал-демократов князя Ясона Джавахишвили, скрывавшихся в Мгвимском монастыре (Мцхете), а также члена «Комитета» от партии правых эсеров Михаила Бочоришвили, члена ЦК партии меньшевиков Ж. Джинория и члена ЦК национал-демократической партии Михаила Ишхнели.

Это были руководители восстания. 5 сентября 1924 г. они выступили с таким заявлением, опубликованным в газетах: «Наша надежда не оправдалась, в результате чего мы понесли поражение. Массовое организованное выступление, которого мы ожидали, не состоялось; широкие народные массы нас не поддержали...» Признав свое выступление фактически авантюрой, «Комитет независимости» объявил, что продолжение вооруженной борьбы против Советской власти является совершенно лишенным всякой перспективы и гибелью для грузинской нации. Он предложил немедленно распустить все вооруженные силы, сдать оружие и заявил о своем самороспуске[2].

---

[1] См.: Заря Востока, 1924, 31 августа и 2 сентября.

[2] См. там же, 6 сентября.

Показания арестованных руководителей восстания ярко раскрыли его авантюристический, «бутафорский», как тогда говорили, характер. Член ЦК национал-демократической партии М. Ишхнели, рассказывая о силах, на которые рассчитывали главари движения, показывал: «Бения Чхиквишвили привез нам (из-за границы. — *Д. Г.*) следующие конкретные сведения, сообщенные нам через Ясона Джавахишвили: члены французского правительства в личной беседе с Церетели обещали нам помощь... Заграничное бюро сообщало: если Франция помогает Румынии и Польше, она поможет и нам».

Надежды на военную помощь из-за границы не оправдались, мятежники получили лишь некоторую сумму денег из Франции. Но это не могло повлиять на развитие событий.

Не оправдались также надежды грузинских мятежников на помощь других народов Кавказа.

Грузинские заговорщики решились выступить в одной Грузии, не дожидаясь «союзников» из других местностей Кавказа. И они вновь просчитались, теперь уже в подсчете своих собственных сил.

Председатель «Комитета независимости» Коте Андроникашвили рассчитывал выставить в Западной Грузии около 3 тысяч бойцов. В Восточной Грузии Какуцо Чолокашвили обещал двинуть против Советской власти 600 вооруженных людей. Фактически же в Западной Грузии выступили незначительные силы, а у Чолокашвили вместо 600 человек оказалось всего 60 бандитов.

Андроникашвили вынужден был на следствии сказать:

«Я убеждаюсь теперь, мы потерпели поражение также потому (помимо того, что не поддержала «пассивная» Восточная Грузия и Тифлис молчал), что имели преувеличенное представление о своих силах и душевном настроении народа в нашу пользу»[1].

---

[1] Заря Востока, 1924, 26 октября.

А вот как характеризовал деятельность «высшего командования» мятежников член «Комитета независимости» Михаил Бочоришвили.

«Последнее заседание «Паритетного комитета», — показывал он, — состоялось 18 августа, когда и было назначено время восстания — 2 часа ночи 28 августа... Я отправился в Мцхет, где меня встретил проводник, доставивший меня к Андроникашвили и Джавахишвили. Там же я нашел Шалву Амираджиби и Давида Ониашвили. При нас находилась стража из 5 человек...

28 августа к нам явился курьер от Лошкарашвили с сообщением, что последний готов для занятия Гори и Ахалкалаки... В тот же день явился человек из Манглийского района от Чолокашвили, сообщившего, что вместо ожидаемых 600 человек к нему явились только 60...

29 августа мы не получили никаких известий... 31-го до нас дошла весть, что восстание охватило всю Западную Грузию[1]. 1 сентября мы не получили вестей. 2 сентября — то же самое. Ночью, в 10 часов, мы уже меняли место. Несколько раз перекочевывали с места на место. В это время красноармейцы открыли по нас стрельбу. Мы бежали вместе с охраной. Я скрылся в кустах. Вдруг в темноте на меня наткнулся Ясон Джавахишвили и принялся уверять меня, что он ранен в спину. Я осмотрел его: раны не было. Потом заявил, что ранен в ногу. Я осмотрел и ногу: и там раны не оказалось. До утра мы меняли места. К вечеру Ясона Джавахишвили одолела жажда. Пристал ко мне с просьбой спуститься вместе к ручью. Я просил его потерпеть еще один день, но ему было невмоготу. Мы пошли к монастырскому ручью, где и были арестованы».

После краха авантюристического выступления «паритетчиков» Грузинское советское правительство обратилось

---

[1] Фактически к 31 августа восстание было уже в основном ликвидировано. Показания Бочоришвили свидетельствуют лишь о том, что «руководители» ничего не знали о ходе восстания.

к народу с призывом к мирной жизни. Оно обещало тем, кто порвет связь с авантюристами, их преступными замыслами и деяниями, «предать забвению их невольные прегрешения»[1]. Все рядовые участники выступления, приходившие с повинной и сдававшие добровольно оружие, не подвергались никакому наказанию.

Провал авантюристического выступления «паритетчиков» оказал большое влияние на процесс разложения меньшевистской партии Грузии. Фактически после этого провала она как политическая сила перестала существовать. Между тем обосновавшееся в Париже заграничное бюро меньшевистской партии Грузии во главе с Ноем Жордания и Ноем Рамишвили не оставляло своих бесплодных попыток «поднять грузинский народ» на новые авантюры. В июне 1927 г. чекисты-пограничники контрольно-пропускного пункта Батумского погранотряда задержали при переходе советско-турецкой границы некоего Ивана Карцивадзе. Он оказался ответственным эмиссаром заграничного парижского бюро ЦК меньшевиков, направлявшимся в Грузию для подпольной работы. У Карцивадзе изъяли сумку писем для передачи деятелям подпольных организаций меньшевиков. Это были новые директивы, написанные Ноем Жордания и Ноем Рамишвили по подготовке «восстания». В сущности, они повторяли старые указания Валико Джугели и Бения Чхиквишвили «паритетчикам» накануне авантюры 1924 г. Карцивадзе был доставлен в грузинское ГПУ. Подготовка новой авантюры была сорвана. Лица, намеревавшиеся продолжать подрывную антисоветскую работу в Грузии, понесли заслуженное наказание[2].

---

[1] Заря Востока, 1924, 7 октября

[2] Подробности задержания Карцивадзе сообщил автору заслуженный ветеран, чекист-пограничник полковник Н. В. Комольцев (в то время служивший начальником контрольно-пропускного пункта), умело организовавший задержание Карцивадзе.

Одним из ярких дел о преступлениях буржуазных националистов является дело крымского татарского деятеля Вели Ибраимова, рассматривавшееся в 1928 г. в советском суде.

Гражданская война в Крыму отличалась большим ожесточением. Здесь на протяжении ряда лет орудовали разномастные антисоветские элементы. Большую активность среди них проявляла, как было сказано выше, татарская националистическая партия Милли Фирка, безуспешно пытавшаяся захватить власть, образовать националистическое татарское государство и отделиться от Советской России.

В конце гражданской войны, когда советские войска изгнали белые армии с большей части территории страны, в том числе из Крыма, лидеры партии Милли Фирка решили «пересмотреть» свои антисоветские позиции, «примириться» с Советской властью. 25 ноября 1920 г. они обратились к Крымскому военно-революционному комитету с докладной запиской. В ней они, признав, что «Советская Россия является первым и естественным другом и союзником угнетенного мусульманства», предложили свои услуги в деле «организации экономической структуры общества в направлении перехода от капиталистического строя к коллективному на трудовых основаниях». За это они требовали: «1. Легализации Милли Фирка. 2. Передачи татарских религиозных, просветительных дел и вакуфов в ведение Милли Фирка. 3. Разрешения издания газеты «Миллет», литературных и научных журналов и книг»[1].

Крымский военно-революционный комитет не пошел на такое «сотрудничество» с националистами. Их пред-

---

[1] *Бочагов А. К.* Милли Фирка. Национальная контрреволюция в Крыму. Симферополь, 1930. С. 114, 115, 117.

ложение являлось попыткой проникнуть в советский государственный аппарат и получить возможность легально руководить идеологической работой среди татарского населения. Не добившись своих целей легальным путем, миллифирковцы ушли в подполье.

Одновременно миллифирковцы, скрыв свое участие в подпольной организации, стали работать в советских учреждениях Крыма. Особое внимание они уделяли учреждениям, связанным с идеологической работой. На службу в Крымский наркомат просвещения проникли крупные деятели Милли Фирка: профессор Чобан-заде, Озенбашлы, Асан-Сабри Айвазов и многие другие. Они заняли важные посты и оказывали влияние на ход идеологической работы советских учреждений. Так, например, взяв в свое ведение составление учебников для татарских школ, они протаскивали в этих учебниках националистические идеи. Националистическая и пантюркистская идеология пропагандировалась и в газетах, журналах, издававшихся на татарском языке («Ени-Дунья», «Иллери», «Оку-Ишляри»). В этом же духе миллифирковцы влияли и на молодежь, среди которой стали возникать националистические группы.

В 1924 г. из документов, обнаруженных при обыске у одного из арестованных татарских националистов, выяснилось, что в Крыму существует подпольный Центральный комитет партии Милли Фирка в составе Сеида Джелиля Усейн-оглу Хаттатова, Бекира Вагап-оглу Чобан-заде, Амета С. Абла Озенбашлы, Халиля Алямета Чапчакчи, Бекира Абдурашида Одобаша и других. Сохраняя свои прежние политические позиции (в том числе ориентацию на Турцию), эти лидеры партии надеялись в условиях новой экономической политики на перерождение Советской власти и тайно направляли своих людей в советские учреждения.

Помимо миллифирковцев в Крыму антисоветскую работу вели и мусульманские клерикальные, панисламист-

ские группы, мечтавшие о создании «великой Исламии», объединяющей все народности, исповедующие ислам.

Упорная и почти открытая враждебная антисоветская работа татарских националистов, целый ряд недостатков в советском строительстве, факты кулацкого засилья в сельском хозяйстве Крыма вызывали обоснованные подозрения, что антисоветские элементы имеют здесь поддержку или покровительство со стороны местных должностных лиц.

Летом 1926 г. в Главном суде Крымской АССР слушалось дело кулацких вожаков — братьев Муслюмовых, обвинявшихся в том, что, будучи в прошлом связанными с укрывавшимися в горах бандами, они в течение ряда лет терроризировали татарскую бедноту Южного берега Крыма. Преступления Муслюмовых разоблачали бедняки, и среди них — советский активист Абдураман Сейдаметов и красный партизан времен гражданской войны Ибрайм Ариф Чолак. Эти свидетели, между прочим, указывали, что Муслюмовы были связаны с известной бандой Амета Хайсерова.

Бывший штабс-капитан царской армии Хайсеров с первых дней Октября участвовал в гражданской войне на стороне антисоветчины. Сначала он действовал в составе татарских отрядов, ведущих вооруженную войну против Советов, а в 1919 г. служил во врангелевской контрразведке, где прославился жестокостью в отношении коммунистов и советских активистов. После освобождения Крыма Хайсеров образовал вооруженную банду и ушел с нею в горы, откуда совершал налеты и грабежи. В 1921 г. банда была ликвидирована, но Хайсеров и его сообщники ушли от наказания: к ним применили амнистию.

Деятельное участие в судьбе Амета Хайсерова принял видный крымский советский работник Вели Ибраимов, в 1921 г. работавший председателем чрезвычайной тройки по борьбе с бандитизмом, потом ставший наркомом Рабоче-крестьянской инспекции, а в 1924 г. избранный на вы-

сокий пост председателя Центрального исполнительного комитета Крымской АССР. Благодаря содействию Вели Ибраимова Хайсеров был амнистирован; Ибраимов даже принял Хайсерова и его друзей на службу в отряд, состоящий при чрезвычайной тройке по борьбе с бандитизмом. Когда Вели Ибраимов вступил на пост председателя ЦИК, он назначил Хайсерова своим личным секретарем, а затем помог ему устроиться на службу в «Дом крестьянина». Между тем Хайсеров втайне продолжал заниматься преступлениями: в 1922 г., подкупленный турецкими контрабандистами, он убил ялтинского таможенного работника, спекулировал и т. п.

Когда в 1926 г. возникло судебное дело Муслюмовых и над Хайсеровым нависла угроза разоблачения, снова вмешался Вели Ибраимов. Пользуясь своим высоким служебным положением, он предпринял ряд действий, направленных к срыву судебного процесса. Ему удалось добиться ослабления меры наказания в отношении подсудимых Муслюмовых, а главное — изъять из сферы судебного процесса материалы о причастности к этому делу Амета Хайсерова. Подобное поведение Вели Ибраимова вызвало недоумение, а у участников судебного процесса — свидетелей Сейдаметова и Чолака — возмущение. В свое время, в 1919 г., Хайсеров, работавший во врангелевской контрразведке, лично избивал нагайкой пойманного красного партизана Чолака, прострелил ему челюсть. Еще в 1921 г. Чолак заявлял об этих преступлениях Ибраимову, но последний заявил, что «возбуждать старое дело против Хайсерова не стоит». Чолак не смирился с этим и продолжал разоблачать Хайсерова как на собраниях, так и в частных разговорах. Так же поступал и Сейдаметов. В апреле 1927 г. партийные органы объявили выговор Ибраимову за «неправильное поведение в связи с делом Муслюмовых»[1].

---

[1] Дело Вели Ибраимова и других. Симферополь, 1928. С. 7.

29 мая 1927 г. на бывшего свидетеля по делу Муслюмовых Сейдаметова, направлявшегося из Ялты в деревню Дерекой, по дороге напали несколько злоумышленников. Один из них, в котором Сейдаметов опознал Хайсерова, произвел в него три выстрела из револьвера, но вследствие темноты не попал в цель. Сейдаметов упал, нападавшие оттащили его в сторону и камнями проломили ему голову. К месту происшествия приближались люди, и преступники убежали, оставив на месте тяжелораненого.

Расследованием было установлено, что нападение произвели Амет Хайсеров и сообщники его былых бандитских похождений. Опасаясь ответственности, нападавшие скрылись в лесу и вновь во главе с Хайсеровым образовали шайку.

13 июля 1927 г. в свалочной балке за Симферополем был обнаружен труп мужчины, присыпанный землей. Когда его извлекли и осмотрели, оказалось, что неизвестный был задушен кляпом, забитым в рот. Следы указывали, что труп был откуда-то привезен и выброшен на свалку. Это был второй свидетель по делу Муслюмовых — Ибраим Чолак.

Стало ясно, что эти кровавые преступления — убийство Чолака и ранение Сейдаметова — связаны между собой, совершены одной преступной шайкой. Но раскрыть фактические обстоятельства этих преступлений и привлечь виновных к ответственности было весьма трудно. И сейчас председатель Крымского ЦИК Вели Ибраимов, пользуясь своим высоким служебным положением, препятствовал установлению истины, принимал меры к сокрытию преступления и деятельно помогал шайке преступников, скрывавшихся от следственных органов.

Розыском по этому делу занялись органы ГПУ. Вскоре были получены сведения о том, что Ибраимов поддерживает связи с Хайсеровым, скрывающимся со своей шайкой в районе деревень Ай-Василь и Никита. Ибраимов передал бандитам револьвер, деньги; лично

выезжал из Симферополя на автомашине в район Южного берега, в условленном месте на дороге вызывал свистком Хайсерова и вел с ним переговоры. Так продолжалось до сентября.

Затем Ибраимов решил переправить скрывающихся Хайсерова и участников его шайки за границу, в Турцию. Предварительно необходимо было тайно доставить их в Симферополь. Перевозку Хайсерова осуществил сам Ибраимов, выехав на автомашине к условленному месту, где он по дороге захватил Хайсерова как «случайного прохожего», привез его в Симферополь и укрыл... у себя на квартире. В этом надежном укрытии Хайсеров прожил около полутора месяцев.

Остальные члены шайки тоже были переправлены в Симферополь и укрыты у разных лиц. Активное участие в переправке членов банды, укрытии их от следственных властей и хлопотах по их нелегальной переброске за границу принимал приятель Ибраимова — заместитель председателя ЦИК Крымской АССР Мустафа Абдулла. В поисках путей переброски Хайсерова и его шайки за границу Ибраимов и Мустафа Абдулла вели переговоры с контрабандистами, лодочниками, турками.

1 октября 1927 г. на станции Синельниково были задержаны в поезде два разыскиваемых участника шайки Хайсерова. У них нашли значительные суммы денег, золото, турецкие лиры, подложные документы. Они сознались, что едут в г. Гори (Грузия), где в гостинице «Боржоми» назначена их встреча с несколькими другими участниками шайки Хайсерова перед дальнейшим их нелегальным следованием за границу. Через несколько суток устроившие в гостинице засаду чекисты задержали еще двух приехавших членов банды. Они рассказали, что направлялись за границу, а Ибраимов и его заместитель Мустафа Абдулла помогали им в устройстве побега за границу.

В середине октября скрывавшийся в квартире Ибраимова Хайсеров, снабженный подложными документами, вышел из квартиры под руку с женой Ибраимова и направился к поджидавшей его линейке. Следом за ними вышел и Вели Ибраимов. Хайсеров сел в линейку и скрылся.

В начале ноября близ деревни Байдар чекистами были задержаны еще несколько человек из шайки Хайсерова.

Теперь следственные органы получили возможность полнее расследовать все обстоятельства дела. Выяснилось, что покушение на жизнь Сейдаметова и убийство Чолака явились террористическими актами, в которых непосредственное участие принимал Вели Ибраимов.

Убийство Чолака было совершено на квартире Ибраимова, при его непосредственном участии. 12 июля 1927 г. Чолак приехал в Симферополь ходатайствовать о назначении ему персональной пенсии как участнику подпольной борьбы против белых и потерпевшему от насилий врангелевцев (в заявлении он, между прочим, указывал и о преступлениях Хайсерова). Среди других должностных лиц Чолак посетил и председателя ЦИК Ибраимова, который во время беседы предложил ему зайти к нему на квартиру. Чолак согласился. Когда он явился, Ибраимов вместе с находившимся в квартире Афузом Факидовым задушили его. В тот же вечер Факидов с вовлеченным в это дело местным торговцем Абибуллой Исмаилом вывезли труп Чолака за город и выбросили на свалку. Факидов, как впоследствии выяснилось, систематически занимался нелегальной переправкой в Турцию антисоветчиков, при этом он в ряде случаев действовал по поручениям Ибраимова. О преступлениях Факидова стало известно ГПУ в 1927 г., и тогда, опасаясь ареста, он в течение целого месяца скрывался в «надежном убежище» — квартире председателя ЦИК Крымской АССР Ибраимова. За это он и помог Ибраимову убить Чолака.

Дело Ибраимова и 15 его сообщников было рассмотрено в апреле 1928 г. в Симферополе выездной сессией Верховного суда РСФСР под председательством А. А. Сольца, с участием прокурора В. И. Фридберга, общественного обвинителя и защитников. Обвинения, предъявленные Ибраимову и его соучастникам, были доказаны собственными признаниями подсудимых и целым рядом объективных доказательств. 28 апреля суд вынес приговор. Ибраимов и наиболее активный из его сообщников, заместитель председателя Крымского ЦИК Мустафа Абдулла были приговорены к расстрелу. Президиум ВЦИК отклонил ходатайство осужденных о помиловании, и приговор был приведен в исполнение. Остальные подсудимые были приговорены к разным срокам лишения свободы, а трое оправданы[1].

К моменту судебного процесса еще не были в достаточной степени выяснены факты прошлой антисоветской деятельности Ибраимова. Позднее эти вопросы были исследованы высшими партийными и советскими органами, и тогда преступления Ибраимова получили политическую оценку. Советская общественность прозвала эти преступления «велиибраимовщиной». Под таким названием понималось антисоветское явление, характеризующееся засорением советского аппарата националистическими антисоветскими элементами, антисоветское перерождение в этих условиях отдельных частей государственного аппарата. «Велиибраимовщина» была тесно связана с националистической антисоветчиной, в частности с движением, возглавляемым татарской партией Милли Фирка.

Как выяснилось, в прошлом Вели Ибраимов был и организационно связан с партией Милли Фирка. Кандидатура Ибраимова на выборах в сейм 1919 г., при господстве белогвардейцев в Симферополе, была выставлена по списку этой партии, наряду с такими известными дея-

[1] См.: Дело Вели Ибраимова и других. С. 43—48.

телями партии, как Чапчакчи, Хаттатов, Озенбашлы, Одобаш и другие. Ибраимов скрыл свою принадлежность к организации Милли Фирка и обманно проник в Коммунистическую партию. Занимая ответственные посты в советском аппарате, он остался скрытым националистом. Его работа в советских государственных учреждениях способствовала антисоветской деятельности миллифирковцев, его поведение вполне соответствовало их тактике проникновения в советский аппарат.

Показательно, что антисоветчики во имя достижения своих целей были готовы идти на сговор и с уголовными бандитскими элементами.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление. РАССТАНОВКА ПОЛИТИЧЕСКИХ СИЛ В РОССИИ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 5

Глава 1. ОБРАЗОВАНИЕ И МЕТОДЫ ДЕЙСТВИЙ СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В 1917—1924 гг.

Создание советских судебных и следственных учреждений 10
Рождение ВЧК 18
Методы действий советских учреждений в борьбе с врагами государства в первые месяцы после Октября 25
Начало иностранной военной интервенции и резкая активизация антисоветских политических центров 31
Усиление карательных мер Советского государства 37
Красный террор как ответ на террор антисоветчины . . 49
Методы борьбы с антисоветскими силами на заключительном этапе гражданской войны . . . 62
Особенности борьбы с антисоветчиной в условиях нэпа. Образование ГПУ 65

Глава 2. БОРЬБА С ВНЕШНИМИ ВРАГАМИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Подрывная деятельность агентов иностранных держав против советского государства 86
Против шпионов с дипломатическими паспортами . . 98

Заговор «трех послов» 107
Судебный процесс по делу Локкарта 121
Конец супермена Сиднея Рейли 126
Фабриканты антисоветских фальшивок 134

Глава 3. БОРЬБА С ВНУТРЕННИМИ ВРАГАМИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

Саботаж — орудие антисоветских сил
1. Организация саботажа 149
2. Революционный трибунал против саботажников 154
3. Ликвидация саботажа 161
Антисоветские заговоры и мятежы
1. Разгром антисоветских заговорщиков в Петрограде в 1917 году 168
2. Подавление первых очагов антисоветчины в стране 180
3. Заговоры Пуришкевича и Доррера 194
4. Деятельность антисоветского «Национального центра» 207
5. Кронштадтский мятеж 224
Антисоветская деятельность Бориса Савинкова
1. «Союз защиты родины и свободы» 230
2. «Союз» Савинкова на службе у внешних врагов советского государства 241
3. Крах савинковщины 252
Разгром антисоветских «атаманов»
1. Разгром антоновщины 264
2. Конец дутовщины 275
3. Дело Унгерна 280
4. Как «каялся» атаман Анненков 287
Экономическая антисоветчина
1. Дело «кооператоров» 299
2. Шахтинское дело 304
3. «Астраханщина» 318
Церковная антисоветчина
1. Выступления церковников против Советской власти в 1917—1921 гг. 322
2. Дело патриарха Тихона 333

Глава 4. БОРЬБА С ВРАГАМИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА УКРАИНЕ

Петлюровщина, григорьевщина, махновщина 339
Разгром основных сил петлюровщины. Крах махновщины 352
Ликвидация петлюровской «Казачьей рады» 363
Конец петлюровского охвостья 371
Позднее прозрение 385

Глава 5. БОРЬБА С АНТИСОВЕТСКИМИ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИМИ ДВИЖЕНИЯМИ В РАЗЛИЧНЫХ ОБЛАСТЯХ ГОСУДАРСТВА

Националистическая антисоветчина в Белоруссии, Молдавии, на Северном Кавказе и в других районах 390
Борьба с басмачеством
1. Начало басмаческого антисоветского движения 402
2. Борьба с басмачами продолжается 412
3. Разгром басмачества 419
Грузинские «паритетчики» 426
Дело Вели Ибраимова 436

Голинков Давид Львович

ПРАВДА О ВРАГАХ НАРОДА

Редактор *О. Селин*

ООО «Алгоритм-Книга»
Тел.: 929-93-02, 733-97-89
Оптовая торговля: Центр политической книги — 733-97-89
«Столица-Сервис» — 375-32-11, 375-24-33, 375-36-73
Мелкооптовая торговля: г. Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб.
Торговое место № 30, 1-й эт. Тел.: 8-903-519-85-41

Подписано в печать 08.06.2006.
Формат 84x108 1/32. Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 23,52.
Тираж 4 000 экз. Зак. № 3633.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО "Тульская типография".
300600, г. Тула, пр. Ленина,109 .

Давид Голинков

ПРАВДА О ВРАГАХ НАРОДА

В книге Д. Л. Голинкова на основе уникального архивного материала показана борьба органов государственной безопасности с врагами советского государства с1917г. по конец 1920-х гг. Автор убедительно доказывает, что победа органов государственной безопасности в этой тяжелейшей битве стала возможной лишь за счет массовой поддержки народа, сумевшего за всеми перегибами карательной политики Советов разглядеть созидательную сущность новой власти, ее стремление учесть интересы большинства населения и построить великую державу. Большое внимание уделяется национальному составу карателей и караемых, теме, активно обсуждаемой в различных современных источниках.

ISBN 5-9265-0275-6